Кингсли Эмис

1986 год
Букеровская премия

Старые черти

[роман]

Старые черти
Кингсли Эмис

Аннотация
Старые черти
От автора
1 — Малькольм, Чарли, Питер и другие
1
2
3
4
5
2 — Рианнон, Алун
1
2
3
4
3 — Чарли
1
2
4 — Питер
1
2
3
5 — Рианнон

1
2
6 — Малькольм, Мюриэль, Питер, Гвен, Алун, Рианнон
1
2
3
4
5
6
7
7 — Алун
1
2
3
8 — Чарли
1
9 — Питер
1
2
10 — Малькольм

Аннотация

Люди творчества. Люди искусства. Или просто — пожилые супружеские пары, осевшие в маленьком валлийском городке.

Когда-то у них было все — и успехи, и поражения, и любовные интрижки, и бурные страсти… А теперь?

Им остается либо искать утешение на дне бутылки, либо снова и снова переживать маленькие междоусобные войны далекого прошлого и пытаться — в шутку, не всерьез — продолжать их в настоящем.

Кто кого любил — или не любил? Предал — или не предал? Изменил — или сохранил верность?

День за днем. Год за годом.

А напряжение копится — и однажды прорвется в совсем уже не шуточном противостоянии…

Старые черти

Посвящается Луи и Джейкобу

От автора

В романе упоминаются населенные пункты, действительно существующие (Кармартен, Каубридж), а также вымышленные (Бирдартир, Кайраис). Административной единицы Нижний Гламорган не существует. Под выдуманными названиями не скрываются реальные: любой, кто попытался бы добраться от побережья Южного Уэльса до острова Корси, оказался бы в Бристольском заливе. Корси и другие места, упомянутые в книге, а также все действующие лица вымышлены.

К. Э.

1 — Малькольм, Чарли, Питер и другие
1

— Если хочешь знать мое мнение, — сказала Гвен Келлан-Дэвис, — старина Алун — жутко заслуженный гражданин Уэльса. Во всяком случае, по нынешним меркам.

Ее муж аккуратно обрезал корки с ломтика поджаренного хлеба.

— Ну, это общеизвестно.

— А второй такой же — Редж Берроуз, который тридцать лет перебирал бумажки сначала в муниципалитете, а потом в совете графства.

— Ты слишком сурова. Давай по-честному — как ни крути, от Алуна есть польза.

— Несомненно, для него самого: «Уэльс Бридана» и тот сборник, не помню название. Оба до сих пор хорошо продаются. Без Бридана и околобридановской возни Алун был бы никем. Его собственные стихи — сплошное подражание.

— Не так уж и плохо следовать…

— Американцы и англичане в восторге, кто бы сомневался. — Гвен чуть наклонила голову и хмуро усмехнулась, как всегда, когда излагала

свое мнение — нелестный отзыв о ком-нибудь отсутствующем. — Но, согласись, его попыткам следовать Бридану недостает воображения и мастерства.

— Согласен, до Бридана в расцвете таланта он не…

— Ты знаешь, о чем я.

В этом случае Малькольм Келлан-Дэвис и вправду знал. Он поднялся со стула и заново наполнил чайник, потом свою чашку, плеснул туда снятого молока и добавил новейший сахарозаменитель, из тех, что якобы не оставляют послевкусия. Вернувшись за стол, Малькольм положил подготовленный треугольничек тоста с диабетическим медом между левыми коренными зубами и начал жевать, с осторожностью, но настойчиво. Он ничего не откусывал передними зубами с тех пор, как шесть лет назад сломал коронку верхнего центрального резца о кусок ливерной колбасы, а правая сторона рта была запретной зоной из-за промежутка в нижнем ряду, где застревали остатки пищи, и куска десны, который слегка отошел от положенного места и теперь норовил вылезти при всяком удобном случае. Пока челюсти Малькольма работали, его взгляд скользнул на страницу «Уэстерн мейл» с

репортажем о матче «Нит» — «Лланелли».[1]

Закурив сигарету, Гвен продолжила в прежней уклончивой манере:

— Насколько я помню, ты сам не больно-то веришь в искренность Алуна Уивера как выразителя истинно валлийского духа.

— Ну, полагаю, иногда он перегибает палку со всеми этими телепередачами и прочим. Возможно.

— Возможно! Боже всемилостивый! Конечно, Алун — мошенник, и пусть его! Кому какое дело? Он веселый и не важничает. Нам бы сюда дюжину таких прохвостов, разбавить весь этот истинно валлийский дух!

— Не все будут в восторге от его приезда, — заметил Малькольм, подвергнув очередной кусочек тоста стандартной обработке.

— Потрясающее известие! Кого ты имеешь в виду?

— Например, Питера. Занятно, что эта тема вчера всплыла. Я даже удивился, как он был недоволен. Прямо-таки злобствовал.

Малькольм говорил без тени сожаления, словно понимал и даже в некотором роде разделял

---

[1] Примечания: 1

Валлийские команды по регби, национальному виду спорта в Уэльсе. — *Здесь и далее примеч. пер.*

недовольство Питера. Гвен испытующе глянула на мужа сквозь тонированные стекла прямоугольных очков, затем поерзала на стуле и издала серию негромких звуков, всем видом показывая, что спешит. Тем не менее она осталась за столом, почти лениво потянулась к письму, с которого начался разговор, и ткнула в него пальцем.

— Будет интересно вновь повидаться с Риананнон.

— Угу.

— Столько времени прошло! Лет десять, да?

— Не меньше. Вернее, пятнадцать.

— Она вроде не сопровождала Алуна в его поездках по Уэльсу?

— Пока ее мать жила в Броутоне, она здесь еще бывала, но старуха давно умерла, так что Риананнон, возможно…

— Ну, тебе, конечно, виднее. Я просто подумала: странно, что она не поддерживала отношений с подругами по колледжу, да и вообще ни с кем.

Малькольм качнулся на стуле из стороны в сторону, словно подразумевая, что жизнь таит немало подобных загадок.

— Ничего, с сегодняшнего дня у нее будет время все наверстать. Вернее, со следующего месяца. Надеюсь, после Лондона здешняя жизнь пока-

жется ей слишком скучной.

— У нее еще много знакомых в наших краях.

— В том-то и беда, — произнесла Гвен с легким смешком. Мгновение она, улыбаясь, смотрела на мужа из-под полуопущенных век, затем продолжила: — Тебя небось ошарашила мысль, что после всего случившегося Рианнон снова сюда приедет.

— Скорее удивила. Я не вспоминал о ней бог знает сколько времени.

— Зато сейчас только и думаешь, не правда ли?.. Я первая в ванную, хорошо?

— Давай, — сказал Малькольм, как говорил каждое утро.

Дождавшись, пока наверху скрипнет половица, он шумно вздохнул. Если вдуматься, Гвен не особенно-то и пилила его насчет Рианнон. Правда, наверняка это всего лишь небольшая отсрочка. Хорошо еще, что он первым спустился к завтраку и успел к приходу жены оправиться от потрясения, которое испытал, увидев на конверте знакомый почерк, совершенно не изменившийся за тридцать лет. Гвен оставила письмо на столе. Бросив взгляд на потолок, Малькольм перечитал послание, вернее, отдельные места. «Обнимаю вас обоих» — не слишком приятная лично для

него фраза, но за неимением лучшего он сосредоточился на ней. Возможно, Рианнон просто забыла. В конце концов, за это время с ней много чего произошло.

Допив чай, Малькольм закурил первую и единственную за день сигарету. Курение никогда не доставляло ему особого удовольствия, и вот уже более пяти лет назад он по совету доктора сократил число сигарет до одной-единственной после завтрака, которая не могла причинить ощутимого вреда, зато, по твердому убеждению Малькольма, усиливала перистальтику. Как обычно, он скоротал время, убирая со стола — движение тоже помогало. Убрал в стенной шкафчик свои цельно-зерновые хлопья и апельсиновый конфитюр Гвен, выбросил в мусорный пакет косточки от своего распаренного чернослива без сахара и скорлупу от двух вареных яиц, которые съела она. Он мельком подумал о яйцах, о слабом взрыве желтка под ложкой, о том, как через секунду вкус распространяется во рту. Последний раз Малькольм ел яйцо — по крайней мере вареное — тогда же, когда еще курил сколько хотел. Всем известно, что вареные яйца крепят, конечно, не сильно, самую малость, но лучше все-таки поостеречься. Наконец он составил чашки и та-

релки в посудомоечную машину и нажал кнопку. Загорелся красный, чуть дрожащий огонек, и кухню сразу же наполнило яростное гудение.

Посудомоечная машина не отличалась ни размерами, ни мощностью, да и кухня выглядела не ахти. На Вернет-авеню, в доме, где Келлан-Дэвисы жили до семьдесят восьмого года, кухня была просторная, с длинным дубовым столом, за которым легко помещались четырнадцать человек, и разноцветными кувшинами и кружками на деревянных полках. Здесь все было как в тысячах других убогих квартирок по всей стране: линолеумная плитка, пластиковые поверхности, металлическая раковина, а вместо внушительной печи «Рэйбёрн», отапливавшей первый этаж в доме на Вернет-авеню, на стене висел овальный электрокамин с двумя нагревательными элементами. Почти каждое утро Малькольм спрашивал себя, а не переусердствовал ли он с экономией, поселившись в этой дыре. Впрочем, что толку жалеть — сделанного не воротишь.

В животе возникло некое шевеление. Малькольм взял «Уэстерн мейл» и неторопливо — очень важная часть ритуала! — прошествовал в уборную со скошенным потолком, располагавшуюся под лестницей. Дальше все шло в

привычном порядке: сначала он совсем не тужился, так как это естественно для организма, затем немного потужился, так как это не особенно вредно, и наконец напрягся изо всех сил — почему? — да потому, что ничего больше не оставалось. В конечном итоге он добился успеха, правда, незначительного. Кровь почти не шла; можно было с чистой совестью сказать, что ее мало или очень мало. От радости Малькольм сел прямо и отсалютовал.

В спальне у туалетного столика Гвен мазала лицо кремом. Малькольм подошел тихо и глянул на ее отражение в зеркале. Что-то — может быть, освещение или необычный ракурс — заставило его приглядеться к жене чуть внимательнее. Пухленькая, округлая и рыхловатая Гвен никогда не была слабой, но в ее внешности и движениях прослеживалось что-то мягкое. С годами она мало изменилась: в шестьдесят один — они с Малькольмом были ровесниками — ее щеки и подбородок не обвисли, а кожа под глазами была попрежнему гладкой. Однако сейчас в глубоко посаженных глазах появилось решительное, почти жесткое выражение, которого Малькольм раньше не замечал; Гвен плотно сжала губы, поглаживая крылья носа. Может, просто сосре-

доточилась — через секунду она увидела мужа и расслабилась, спокойная моложавая женщина с подкрашенными светло-каштановыми волосами. Брючный костюм в бело-голубую клетку, наверное, естественней смотрелся бы на женщине помоложе, хотя и не выглядел на ней смешно. Он спросил, чтобы услышать ее голос:

— Опять светская жизнь? Никак не уймешься?

— Всего лишь кофе у Софи, — ответила Гвен с простодушным оживлением.

— Всего лишь? Что-то новенькое. Знаешь, мне вдруг пришло в голову, что я не видел Софи больше года. Странно, правда? Как-то так получилось. Ладно. Возьмешь машину?

— Если можно. Собираешься в «Библию»?

— Наверное, загляну. — Он ходил в этот паб каждый день. — Не волнуйся. Поеду на автобусе.

Повисло молчание. Гвен оттенила скулы — нарумянилась, сказали бы в прежние времена. Спустя мгновение она сложила руки на коленях, посидела немного, а затем стремительно атаковала:

— Ну и как сегодня, малыш?

— Превосходно, спасибо. — Малькольм ответил резче, чем хотел. Он полагал, что они вернутся к разговору о Рианнон, и обычный вопрос о телес-

ных отправлениях застал его врасплох. — Вполне нормально, — добавил он чуть мягче.

— А ты не…

— Нет. Ни за что.

Как он и ожидал, Гвен укоризненно покачала головой:

— Ну почему ты, взрослый человек, не можешь избавиться от этой проблемы раз и навсегда? Сейчас столько всего предлагают!

— Я не буду принимать слабительное. И ты это прекрасно знаешь.

— Слабительное! Господи, я же не говорю про сенну или патентованный инжирный сироп! Мягкое средство, надежное и проверенное. Никакого тебе расстройства желудка.

— Все химические препараты нарушают равновесие организма. Искажают существующую картину.

— Честно говоря, Малькольм, я думала, тебе это и надо — изменить существующую картину. А как же чернослив? Зачем ты тогда его ешь?

— Это натуральный продукт.

— И как, по-твоему, он действует? Та же химия, только в другой форме.

— Природная химия. Естественная.

— И как же твои кишки отличают химическое

соединение, содержащееся в чернослив, от точно такого в таблетке или в капсуле?

— Не знаю, милая, — беспомощно ответил Малькольм. Он подумал, что, когда человек не может победить собственную жену в споре о своих внутренностях, это уже слишком. — Но мне и ни к чему знать.

— Не веришь мне — запишись на прием к Дьюи. Да-да, врачей ты тоже не выносишь и не понимаешь, почему я к тебе прицепилась. Только потому, что ты сам никогда о себе не позаботишься! И откуда в тебе это валлийское упрямство?

— Не пойду я ни к какому Дьюи. Я прекрасно себя чувствую. Все в порядке.

— Пусть выпишет тебе лекарство, и все. Две минуты.

Малькольм покачал головой, и вновь воцарилось молчание. Через какое-то время он спросил:

— Теперь я могу идти?

Они обнялись легко и бережно; Гвен издала еще одну серию негромких звуков, давая понять, что считает поведение мужа неразумным, но пока оставит все как есть. Еще в них слышалась привязанность — может быть, чуточку снисходительная.

Малькольм в очередной раз подумал, что луч-

ше бы тема дефекации не возникала вообще. Сам бы он ни за что не стал обсуждать работу своего кишечника — ну, может, время от времени обращался бы к Гвен за сочувствием и поддержкой. Сейчас же этот вопрос стал неизменной частью повестки дня, опережая по частоте упоминания недостатки Малькольма как мужчины, супруга, добытчика, знатока женской души, а также другие некогда популярные, а теперь полузабытые темы.

В ванной на другой стороне лестничной площадки Малькольм почистил зубы, сперва примерно двадцать штук собственных, уцелевших в той или иной форме, затем семь в съемном протезе верхней челюсти, подогнанном так плотно, что надевать его было сущим мучением. Дело вроде бы шло быстрее, если сгибать колени и двигать ими туда-сюда. Пять передних коронок, поставленных в разное время разными дантистами, несколько отличались по цвету от остальных зубов, зато не выглядели как вставные. Придет и их черед, но, слава Богу, не сейчас. Малькольма вдруг испугала мысль о потере хотя бы одного из и так уже шатающихся зубов, хотя он считал, что давно перерос подобные страхи.

Лицо, которое он видел в зеркале, выглядело

не так уж плохо. Немного длинное, особенно в нижней части, зато с правильными чертами, и Малькольм нисколько не льстил себе, полагая, что благодаря росту, хорошей выправке и рыжеватой, уже тронутой сединой шевелюре смотрится вполне представительно. В то же время он замечал, что порой незнакомые люди, в основном мужчины, глядят на него как-то странно — без особой враждебности, но с видимым неудовольствием и холодно.

На него так глядели еще со школы, где ему пришлось вынести гораздо больше издевательств, чем обычному мальчику — не иностранцу и не хлипкому недомерку. Помнится, он даже спросил почему, и Толстяк Уоткинс, один из главных мучителей, не задумываясь ответил, что рожа у него такая. Непонятно, что имелось в виду, но еще дважды — один раз в переулке субботним вечером, а потом в поезде, когда Малькольм с приятелями возвращался со стадиона «Кардифф-Армз-Парк» после международного матча по регби, — какие-то подонки привязывались именно к нему, единственному из всей компании. Возможно, сам того не желая, он иногда напускал на себя вид, который ошибочно принимали за высокомерный, ну или что-то в таком роде.

Гадкое или не очень, лицо так или иначе надо было побрить. Малькольм ненавидел всю эту дребедень — чистку зубов, бритье, ванну, причесывание, одевание — и порой чувствовал, что вот-вот пошлет все к черту и будет целый день ходить в халате и пижаме. Наверное, он давно бы так и поступил, если бы не Гвен. Она уверяла, что дело пойдет веселее под переносной радиоприемник, и Малькольм изредка следовал ее совету, но болтовня ему не нравилась, современная музыка — тоже; в общем, слушать было нечего, кроме «Радио Уэльса», самого подходящего для желающих усовершенствоваться в валлийском. Жаль, что тамошние дикторы говорят слишком быстро.

Валлийский, но уже в более значительных количествах, возник снова, когда после отъезда Гвен Малькольм пошел в кабинет — убить время перед визитом в «Библию». Так называемый кабинет располагался на первом этаже — маленькая грязная комнатушка, где постоянно гудели водопроводные трубы. Главным украшением служил книжный шкаф орехового дерева, который на Вернет-авеню не выглядел чересчур большим, а здесь, чтобы занести его в дом, пришлось вынимать оконную раму. Одну полку занимала поэзия: неплохая подборка английских класси-

ков (кое-какие томики изрядно поистрепались), несколько книг на валлийском (все в превосходном состоянии) и десятка два сборников стихов на английском, написанных валлийцами двадцатого века. На одной книжке, не слишком тонкой, стояло имя Малькольма и штамп небольшой типографии в той части графства, которая теперь зовется Верхним Гламорганом. Рано уйдя на пенсию из Королевской Кембрийской академии, Малькольм собирался выпустить следующую книгу, закончить начатые много лет назад стихи и сочинить новые, существующие пока только в замыслах. Ему следовало бы знать, что одних благих намерений мало. За все это время он не написал ни строчки. Ничего, в один прекрасный день все изменится, считал он, а пока нужно работать, набивать руку. Отсюда и валлийский.

Среди других книг на столе была публикация Общества по изучению ранних валлийских текстов, ожидающая перевода на английский: поэмы и поэтические отрывки из творчества Ллевелина Баха аб ир Инада Коха (ок. 1310 г.), открытая на погребальной песне Кадваладру;[2] довольно

[2] Примечания: 2

Кадваладр, или Кадваладр Благословенный (правил с 655 по 682 г.), — правитель Гвинеда, одного из кельтских королевств средневекового Уэльса. После смерти причислен к лику святых.

внушительном произведении, строк в триста. Там же лежала слегка исправленная рукопись — Малькольмов перевод первых двух строф, а также брошюра с единственным известным переводом, который выполнил и опубликовал в двадцатых годах школьный учитель из Кармартена. Стиль перевода сильно устарел, ну да ладно — пусть его поэтические достоинства невелики, зато сгодился в качестве подстрочника.

Малькольм неторопливо открыл брошюру в самом начале. Взгляд перебегал с валлийского оригинала на обе английские версии, выхватывая слова и фразы, которые, как ему казалось, он видел впервые: гробница великого вождя… гнедые скакуны… вы, о воины Гвинеда… я бард, я певец… груды павших саксов… венец… олень… щит… мед…

Он резко выпрямился. Могучая волна скуки и ненависти накрыла его с головой. Все это, все его занятия, нельзя назвать жизнью. Так, ерунда, особенно после сегодняшних новостей. Ну уж нет, из намерений стихов не выжмешь. Может, они возникают из надежды?

Малькольм хотел было разорвать свои записи, однако при мысли о потраченных часах рука дрогнула, а еще он подумал, что когда-нибудь

вернется к переводу и создаст нечто прекрасное. И все равно он не мог больше сидеть на месте. Правда, если выйти прямо сейчас, он попадет в паб слишком рано — много раньше, чем хотелось бы. Впрочем, можно доехать на автобусе до Бофоя, а остаток пути пройти пешком. Из тех же соображений Малькольм тщательно почистил туфли — без особой на то нужды, просто чтобы скоротать время.

Когда он наконец вышел, небо уже хмурилось темными тучами, было сыро, но довольно тепло, легкий ветерок разгонял туман — обычная для Уэльса погода. Если видишь вершину Сил-Пойнт, значит, дождь будет позже, если нет — льет сейчас. Пока Малькольм спускался с холма, она маячила вдали, темно-серый выступ среди черных, блестящих от влаги шиферных крыш. Вскоре внизу показалась бухта, закругляющаяся с западной стороны (на ее берегу когда-то добывали уголь), потом — территория за прибрежной полосой (там по-прежнему выплавляли сталь и олово, перерабатывали нефть — по крайней мере пока), а за всем этим поднималась едва различимая сквозь дымку квадратная громада Минидд-Тивилл, второй по величине горной вершины Южного Уэльса.

Стояло позднее утро обычного рабочего дня, а на тротуарах толпился народ, люди заходили в магазины, выходили, прогуливались, словно туристы, — здесь, в феврале? Дети и собаки бегали туда-сюда, чуть ли не бросались под ноги. Даже перейти улицу оказалось непросто из-за сплошного потока автомобилей и мотоциклов. На остановке двадцать четвертого автобуса собралась очередь, но ждать все равно пришлось долго. Говорили, что всему виной нехватка кадров: нет желающих работать с тех пор, как введение автоматической системы оплаты покончило с днями изобилия, когда на загородном отрезке маршрута кондуктор припрятывал половину денег за билеты, а потом честно — ну или почти честно — делился с водителем. Подростки, которым надо было пройти на другую сторону улицы, не желая обходить очередь, то и дело прорывались через нее, и всякий раз перед Малькольмом. Словно сговорились!

Подъехал автобус. Взбираясь по замусоренным ступенькам, Малькольм почувствовал резкий укол в правом яичке, как будто щелкнул переключатель, и еще раз, когда сел. Ничего страшного, подумал он, обычная мимолетная боль, бывает. Одно время рак яичка был одним из главных кош-

маров Малькольма, в первую очередь из-за того, что поражает весьма деликатную область и, по слухам, плохо поддается лечению. Однажды, после суток непрекращающихся резей, Малькольм до рассвета прикидывал, какие книги возьмет в больницу: в основном сборники английской поэзии, ну и парочку описаний Уэльса (разумеется, на английском). Затем случилось одно из самых быстрых и полных выздоровлений в истории медицины — болезненные ощущения исчезли сами собой. Вроде бы пока все обошлось. А потом он прочел в «Гардиан», что благодаря новейшим достижениям выживаемость при опухолях яичка превысила девяносто процентов, и до конца дня чувствовал себя на двадцать, нет, тридцать лет моложе. Отголоски этой радости сохранились и до сих пор.

Погрузившись в воспоминания, Малькольм пропустил свою остановку и доехал почти до самого Динедора. С нарочито невинным видом он вышел у «Траттории Паоло». Сразу за углом была «Библия», полностью — «Библия и корона», единственный во всем Уэльсе паб с таким названием. Местные любители старины утверждали, что оно восходит к роялистскому тосту, хотя самое раннее упоминание паба датировалось тысяча девять-

сот двадцатым годом, когда всякий уже мог без опаски провозглашать свою преданность партии короля в любом из его владений, даже в этом.

Как всегда по дороге к пабу, Малькольм заметно повеселел от перспективы провести час, а то и больше, не думая о болезнях и о том, что с ними связано. Пришел он все-таки рановато; впрочем, внимания никто не обратил.

2

— «Но горб еще хуже, еще неуклюжей растет у меня и у всех, кто слоняется праздный». Знаешь, кто это сказал?

— Нет.

— Киплинг. Джозеф Редьярд Киплинг. Обычно он бывал прав. Имел такое обыкновение. Нужно забыть про покой, говорил он, не киснуть и не спать. Замечательное слово «киснуть», правда? Интересно, откуда оно взялось? Ладно, как бы то ни было, суть в том, чтобы выйти на свежий воздух и хорошенько размяться. Энергичная прогулка, мили так на две, лучше на три. Никакого снотворного не понадобится. Я не принимал снотворное с… Как ты думаешь, когда я в последний раз принимал снотворное?

— Понятия не имею.

— В сорок девятом. В последний раз я принимал снотворное в тысяча девятьсот сорок девятом году. Доброе утро, Малькольм. Еще одна ранняя пташка.

— Здравствуй, Гарт. Доброе утро, Чарли. Что вам взять?

Приятели отказались — стаканы у обоих были почти полными, однако правила хорошего тона требовали, чтобы новоприбывший предложил остальным выпивку. Малькольм сходил к ближайшему раздаточному окошку и принес себе полпинты пива «Троит».[3] За время его отсутствия Гарт Памфри сообщил Чарли еще больше подробностей о пользе физических упражнений и вреде снотворного. Чарли слушал вполуха, но слова Гарта действовали на него успокаивающе. От Гарта не приходилось ждать ничего неожиданного, а Чарли чувствовал — в это время дня он всегда чувствовал одно и то же, — что даже приятная неожиданность сейчас бы его не обрадовала. Он слегка вздрогнул, когда Малькольм вернулся быстрее, чем ожидалось.

— Ага, вот и мы! — сердечно воскликнул Гарт,

---

[3] Примечания: 3
Моча *(валл.)*.

указывая Малькольму на стул рядом с собой. — Я тут потчую юного Чарли весьма поучительной лекцией на тему здоровья, физического и душевного. Правило номер один — никогда не сидеть за едой, особенно во время завтрака.

Удивительно, подумал Малькольм, но он совершенно забывает про Гарта всякий раз, как предвкушает поход в «Библию» или прикидывает, стоит ли туда идти. Видимо, потеря памяти в подобных случаях — один из способов, которыми природа обеспечивает ход жизни. Вроде материнского инстинкта.

— Конечно, Ангарад бурчит, что я превращаюсь в старого зануду, озабоченного своим здоровьем. Говорит, я типичный старпер, не лучше других.

В последовавшей тишине Гарт отхлебнул из своего стакана что-то похожее на довольно крепкое розовое вино, а на самом деле — джин с ангостурой, и с серьезным видом обратился к Малькольму:

— А ведь когда-то ты был неплохим спортсменом, правда? Отлично справлялся с ракеткой! Я только что вспоминал, как ты лупил по мячу. Вот это был удар! А твоя знаменитая подача!

— Гарт, столько лет прошло!

— Не так уж и много. Старый клуб закрылся в

ноябре семьдесят первого.

Гарт говорил о Динедорском сквош-клубе, в котором все трое состояли еще со времен юности.

— Конец эпохи. Мы с тобой сыграли чуть ли не на самой последней неделе. Я, как обычно, продул. Зато ты был в тот вечер хорош. А потом мы еще выпили с беднягой Роджером Эндрюсом. Помнишь?

— Да, — сказал Малькольм, хотя давно забыл подробности, а Чарли кивнул, показывая, что следит за ходом беседы.

— Он выглядел таким живчиком! И помер недель через шесть, от силы восемь, как мы стали сюда захаживать. Прямо здесь, сидел там, где ты сейчас, Чарли.

Эту часть Малькольм прекрасно помнил — впрочем, Чарли тоже. Роджер Эндрюс был не бог весть кто — строительный подрядчик средней руки, и товарищ неважный, однако его трагическая смерть в «Библии» закрепила привычку бывших членов сквош-клуба собираться в пабе в полдень или после обеда. Со временем этот зал стал памятником клубу или его преемником: по стенам висели фотографии давно забытых чемпионов, команд, выступлений, торжественных обедов, а столы украшала парочка уродливых пепельниц,

которые не стащили и не продали, когда избавлялись от клубного имущества. Завсегдатаи даже получили что-то вроде объективного права не впускать нежелательных гостей. Хозяин паба не возражал, его вполне устраивало, что десяток относительно спокойных выпивох постоянно занимает самый неуютный уголок его заведения. Время от времени приятели жаловались друг другу на неудобства, но они уже привыкли к этой дыре, которая находилась в двух шагах от здания клуба (если уж на то пошло, именно близкое соседство и определило выбор), а зимой радушный хозяин включал для них маленький электрический камин без дополнительной оплаты.

Гарт Памфри на мгновение задумался, затем вновь обратил к Малькольму смуглое, изборожденное морщинами лицо со следами подавленной страсти — лицо актера, как сказали бы некоторые.

— Ну и каким спортом ты сейчас занимаешься? — спросил он.

— Боюсь, никаким.

— Неужели? И это говорит человек твоего сложения, прирожденный спортсмен! Кто бы мог подумать!

— Бывший прирожденный спортсмен. Вряд ли

я в моем возрасте начну бегать кроссы по пересеченной местности.

— Да уж, лучше не стоит. — Чуть слышно насвистывая, Гарт пробежал пальцами по столу. — А ты, случаем, не перестал получать удовольствие от еды? Надеюсь, ты не против моего любопытства, мы ведь все здесь старые друзья.

Чарли подумал, что нужно разграничить болтовню Гарта о собственных внутренностях и его интерес к пищеварению других людей, но промолчал. Второй большой стакан виски с тоником начал действовать, и Чарли уже мог повернуть голову без предварительной подготовки. Хорошо бы день выдался не из тех, когда жалеешь о своем появлении на свет.

— Нет, все в порядке, — отважно солгал Малькольм. — У меня другая проблема: как бы не растолстеть.

— Прекрасно, — с улыбкой кивнул Гарт. Маленький и щуплый, он съежился спиной к Чарли на растрескавшемся ледериновом стуле. — А как насчет… — подняв брови, продолжил Гарт.

Малькольм мгновенно догадался, ну или почти догадался, что еще секунда — и Гарт осведомится о работе его кишечника. Нужно было срочно выкручиваться, и Малькольм выпалил новость,

о которой вообще не хотел упоминать, особенно в этой компании, пока сам не насладится ею сполна.

— Через пару месяцев сюда переезжают Алун и Рианнон. Возвращаются в Уэльс.

Уловка сработала. Гарт поверил не сразу, затем потребовалось какое-то время, чтобы утолить его любопытство, после чего он заявил, что в молодости не был знаком с супругами, так как обретался в Кейпл-Мерерид и подобном захолустье, зато много раз встречал одного Алуна, когда тот туда заглядывал.

— И вообще, — закончил он сурово, — согласитесь, что этот человек — фигура общенационального масштаба.

— Вот ты и соглашайся, — ответил Чарли, у которого были свои причины не слишком радоваться услышанному. — Насколько я знаю, он часто выступает по телевизору, хотя в Уэльсе этих передач обычно не показывают. Когда телевизионщикам нужен колоритный валлиец, то обращаются к нему. Ну, когда надо сказать что-нибудь проникновенное на Рождество либо насчет собак или бедных. Он дорогущий медийный валлиец. Замечательно, я готов принять его в этой роли, почти. Однако что касается Алуна

Уивера — писателя или тем паче поэта… Извините, я пас.

— Ну, я не литературный критик, — заявил Гарт. — Просто все им восторгаются. Как я слышал, и в Америке о нем очень высокого мнения… Впрочем, у нас тут есть писатель.

— Нет-нет, куда мне, — смутился Малькольм. — Что я могу сказать? Конечно, многие его работы меркнут в сравнении с Бридановыми, но лично я считаю, стыдиться тут нечего. И еще кое-что. Не берусь утверждать, будто Алун ничего не позаимствовал у Бридана, однако главная причина в другом: оба черпали вдохновение из одного источника, хоть и с разным результатом. Как-то так.

— Даже если это и правда, меня ты не переубедишь. Бридан, Алун — идут они оба куда подальше. Вместе со своей писаниной.

— Да ты что, Чарли! — возразил Гарт. — Только не Бридан. И не «Под сенью кустов». Как ни крути, во всем мире эту книгу знают и любят.

— А уж книга пусть идет подальше в первую очередь. Пожалуйста, пиши о своих соотечественниках, не жалей их, высмеивай, если тебе так хочется, но не относись к ним свысока, не принижай, а главное — не выставляй их напо-

каз, словно причудливые вещицы в сувенирной лавке.

— Надо же, а я и не знал, что он тебя так возмущает, — заметил Малькольм после некоторого молчания.

— Ничего подобного, я совершенно спокоен. Просто раз уж человек решил зарабатывать на жизнь тем, что он валлиец, пусть идет на телевидение. Похоже, Алун сам это понимает. Иногда.

— Вот те на! — огорчился Малькольм. — Ты что, и вправду видишь все это в его поэзии, и в стихах Бридана тоже?

— Конечно. Возьми хоть это его «человек в маске» и «человек с железной улицы». Что сделал Бридан? Поиграл словами, и американцы заговорили о валлийском видении мира, по-детски непосредственном… Несерьезно!

Со свойственной ему добросовестностью Малькольм пустился в размышления, прикидывая, прав Чарли хотя бы отчасти или нет. Гарт переводил встревоженный взгляд с одного приятеля на другого, затем что-то промычал, как будто спрашивая разрешения заговорить. Чарли ободряюще кивнул.

— Вообще-то я собирался узнать… а что представляет собой его жена? Конечно, мы с ней

встречались, но всего лишь раз и очень давно.

— А что жена? — переспросил Чарли. — Очень приятная…

— Рианнон Рис, когда я с ней познакомился, была самой красивой девушкой на свете! — выпалил Малькольм и вскочил на ноги, словно участник телевикторины, отвечающий на вопросы аудитории. — Высокая, светловолосая, грациозная, с великолепной кожей, глаза — серые с легким голубоватым оттенком. Настоящая «английская роза»! А характер! Скромная, сдержанная… Никогда не стремилась быть в центре внимания, но все так и вились вокруг нее. Я тоже давно не видел Рианнон — может, она и выглядит теперь иначе, — но кое-что не меняется даже за тридцать лет. Я рад ее возвращению.

Малькольм верил, что его слова прозвучали непринужденно и обыденно. Гарт внимательно слушал. Чарли осушил второй стакан, с шумом втянув последние капли.

— Ну что тут скажешь, — произнес наконец Гарт. — Превосходная речь! Спасибо, Малькольм. Буду ждать случая возобновить знакомство с… с миссис Уивер.

Он еще не закончил, как Чарли стал уговаривать Малькольма выпить по-настоящему,

уверяя, что его пойло больше похоже на мочу, а потом встал. Не самое простое дело, принимая во внимание стол, стул, их ножки, а также вес и состояние самого Чарли. На выходе из комнаты он ударился пяткой о дверной косяк и сдавленно ойкнул. На мгновение замер, сосредоточился и успешно избежал опасности, подстерегавшей в коридоре, где вот уже несколько лет на полу отсутствовала большая часть плиток. Он даже не сбил со стены фотографию, на которой несколько мужчин в шляпах выстроились на фоне крытого соломой коттеджа в Ирландии или еще где-то, только слегка задел плечом.

Чарли стоял у раздаточного окошка, ждал, пока Дорис в баре выдаст сдачу с пары двадцаток, и вдруг подумал о словах Малькольма. Почти все — чистая правда, по крайней мере могло быть правдой, если бы Малькольм говорил другим тоном, или чертыхнулся разок-другой, или изложил это на бумаге. Но вот как несчастный придурок произнес свою тираду, каким довольным выглядел, радуясь, что высказался без ложного стыда, — прямо-таки напрашивался, чтобы его вышвырнули через закрытое окно или, более прозаично, перевернули на него стол! А еще этот ясный взгляд праведника…

Неторопливо подошла Дорис, и Чарли заказал большую порцию розового джина, упомянув Гарта, три больших скотча и воду. Пока Дорис пробивала чек, Чарли опрокинул в глотку одно виски и сразу же почувствовал, как в горле запершило, словно туда запихали старую метелочку из перьев. Он зашелся в надсадном кашле, громком и хриплом, согнулся, схватившись за живот; из глаз потекли слезы. Вокруг стало тихо. Чарли пытался что-нибудь разглядеть, и ему показалось, будто несколько юнцов перегнулись через стойку бара и пялятся на него. Дорис протянула стакан воды, Чарли глотнул, отдышался и выпил. Шумно выдохнув, он выпрямился и потер глаза, втайне гордясь собой, словно его прославленные стойкость и выдержка в очередной раз помогли преодолеть угрозу извне.

Не успел он взяться за поднос с напитками, как в конце темного коридора хлопнула дверь и навстречу заковылял кто-то огромный и грузный. Мгновение спустя Чарли узнал Питера Томаса, который в сороковых годах раза два побеждал в открытом турнире на первенство Динедорского сквош-клуба, но больше увлекался гольфом. Правда, и то и другое осталось в далеком прошлом.

— Привет, Питер! Рановато для тебя!

— Вовсе нет. Кстати, я буду джин с диетическим тоником.

Если Чарли Норриса порой считали большим, толстым и краснолицым (и не без оснований), то при одном взгляде на его друга становилось ясно: подобная характеристика требует пересмотра. Фалды твидовой куртки Чарли расходились над его задом, а объемистый живот сдвинул пояс брюк далеко вниз, к паху, однако Питер мог бы поделиться с приятелем дюжиной килограммов и по-прежнему выглядеть крупнее, что благодаря крою костюма не так обращало на себя внимание спереди или сзади, а вот сбоку он был точно поперек себя шире. Лоб и щеки Чарли казались чуть розоватыми по сравнению с багровой физиономией Питера. Внешне они тоже отличались: круглое курносое лицо Чарли, мальчишеское, но изрядно потрепанное жизнью, и лицо Питера, с правильными чертами, почти благородное, если бы не одутловатость и мешки под глазами. В данную минуту Чарли улыбался, Питер — нет.

— Ну, как дела? — осведомился Чарли. Дурацкий вопрос по зрелом размышлении.

— А ты как думаешь? Но из дома я все-таки выбрался. Кто еще здесь?

— Только Гарт и Малькольм.

Питер со вздохом кивнул. Услышав громкий смех и веселые выкрики, доносящиеся из бара, он резко повернул массивную голову. Голоса были явно молодые. Нахмурившись, Питер проковылял к раздаточному окну и заглянул внутрь.

— Малькольм утверждает… — начал было Чарли, но замолчал, так как приятель повернулся к нему со словами:

— Вроде бы у нас депрессия, нет? А бар на три четверти полон, в этот-то час! — Он негодовал, словно впервые. — И все юнцы лет по двадцать, если не моложе! Не иначе как безработные выпускники школ. Что бы они делали, будь у них хоть один шанс? Если бы экономика была на подъеме? Наверняка валялись бы пьяными с утра до вечера. Как в восемнадцатом веке. Помнишь Хогарта?[4]

Чарли едва не усмехнулся, когда Дорис поставила диетический тоник на поднос рядом с бокалом джина. Что там говорят о капле в море? «Как будто слон, которому, чтобы наесться, не хватило одного-единственного банана», — подумал он. Еще ему показалось, что Питер выглядит опреде-

---

[4] Примечания: 4

Хогарт, Уильям (1697–1764) — английский художник, гравер, теоретик искусства, моралист и сатирик. На знаменитой гравюре «Переулок джина» он изобразил ужасные последствия пьянства.

ленно толще, чем в их последнюю встречу. Хотя вряд ли — прошло всего дня два, не больше. И вид у него нездоровый. Вошел запыхавшийся, весь в поту, хотя на улице совсем не жарко. Наверное, высокое кровяное давление. Плохо.

Питер шагал по коридору перед Чарли, не переставая возмущаться:

— Ты бы посмотрел на всех этих старых кошелок, выходящих из супермаркетов с полными тележками, словно сейчас Рождество! — Он довольно сильно ударился боком о столик у стены, потревожив листья разросшегося там горшечного растения без цветков. — И даже не в центре города, а в занюханных дырах вроде Гринхилла или Эманьюэла! — Он открыл дверь в комнату. — А самое интересное, что никому не скажешь. Никто и слышать ничего не хочет.

Потом Питеру Томасу пришлось придержать дверь — из-за халтурной работы мастерового в далеком прошлом она захлопывалась в считанные секунды, а Чарли сосредоточил внимание на подносе, который едва не опрокинул из-за неловких попыток удержаться на ногах. Наконец все благополучно устроились за столом, и Гарт поприветствовал Питера.

Судя по виду последнего, ничего интересного

от него ждать не приходилось, по крайней мере в ближайшее время. Чарли заметил, отчасти желая спровоцировать приятеля:

— Кто-нибудь недавно был у Святого Павла? Они там вовсю развлекаются!

— Мы говорим о лондонском соборе Святого Павла? — осведомился Малькольм.

— Нет-нет, я о здешней церкви за Стрэндом. Церковь старого… как бишь его? Старого Джо Крэддока.

— Того, что носил пасторский воротничок и зеленую твидовую кепку?

— Его самого. Видел бы он свою церковь! Вам тоже бы не мешало взглянуть. Там теперь порнокинотеатр. Вы бы такого ни в жизнь не придумали, верно? Не осмелились бы. И никто бы не посмел.

— Да ладно тебе, Чарли. — Гарт взвился, словно по сигналу. — Что, прям так просто сидишь там и…

— Вот именно, дружище. Фильмы для взрослых в первом и втором залах. В нефе и алтаре соответственно, как я полагаю. «Ну-ка поиграй со мной» и прочее в том же духе.

— Смею заметить, секуляризация здания зашла слишком далеко, — сказал Питер.

«Ах ты, старый жирный валлийский лицемер!» — подумал Чарли.

— Джо бы понравилось, — произнес он вслух и специально для Гарта добавил: — Трахал все, что движется, старина Джо. Тот еще был затейник. Собрал огромную паству. И поддать мог как следует. Конечно, с тех пор лет двадцать прошло.

— Надо же, а я и не знал, — произнес Малькольм деланно спокойным голосом. — Я имею в виду: о его шалостях.

— Ну вообще-то…

Чарли снова не стал выкладывать все, о чем думал. По-прежнему ухмыляясь, он на какую-то долю секунды поймал взгляд Питера и понял, что тот вспомнил прошлое и теперь пытается сдержать восхищенный, немного испуганный смех. Двадцать лет назад он не стал бы сдерживаться, это уж точно.

— И на скачках старине Джо здорово везло. За год по пять-шесть сотен выигрывал, он сам говорил. Кругленькая сумма в те времена! Все считали это страшно несправедливым.

Снова повисло молчание, частенько сопровождавшее встречи в «Библии». Питер сидел, сложив руки на массивных коленях, фыркая и тихо вздыхая, — наверное, искал слова, чтобы подытожить

свое отношение к участи церкви Святого Павла, раз уж она столь незавидна. В конце концов раздался нетерпеливый и сипловатый голос Гарта:

— Малькольм нам тут рассказывал, что Алун и Рианнон Уивер возвращаются, насовсем. Они…

Питер резко, почти свирепо, повернулся к Чарли:

— Слышал? Ты мне ничего не сказал!

— А ты мне дал рот раскрыть?

— Значит, говорите, насовсем возвращаются?

— Видимо, да, — ответил Чарли, всем своим видом показывая Малькольму, что пора вступить в разговор.

Малькольм начал повествование о том, как Уиверы сняли домик в Педварсенте, чтобы осмотреться. Пока он рассказывал, Питер сверлил его взглядом сквозь толстые стекла очков, а Гарт внимал с таким видом, будто слышал подробности впервые.

Малькольм не стал распространяться о том, что, когда Питер в молодости преподавал в местном университете, а Рианнон училась там на втором курсе, между ними случился роман. Девушка забеременела, и Питеру пришлось дать деньги на аборт, который сделал врач из Гарристона, чуть позже исключенный за подобную операцию из

медицинского реестра, а ныне давно покойный. В сорок седьмом — сорок восьмом годах в Южном Уэльсе произошло много примечательных событий, но самое примечательное, что Питера не выперли с работы, даже официального порицания не объявили. В конце концов, в Южном Уэльсе, да и не только там, мало о чем-то знать, главное — доказательства. Впрочем, Питер вскоре оставил многообещающую научную карьеру в области химических технологий и занялся практикой, подыскав работу неподалеку — всего лишь в нескольких милях к западу, в местечке Порт-Холдер. Рианнон спешно уехала в Лондон и спустя какое-то время устроилась секретарем на Би-би-си, где годом или двумя позже встретила Алуна Уивера.

Конечно, это далеко не полный перечень событий. Примерно тогда же, когда Рианнон забеременела, Питер завел себе другую девушку, не из университетских. Через несколько месяцев выяснилось, что он обручен — предположительно с нею же. Невесту звали Мюриэль Смортуэйт, и она была дочерью одного из директоров жестепрокатного завода, на который Питер к тому времени перебрался. Ему тогда здорово повезло, что хоть

одна девушка с западной стороны вала Оффы[5] согласилась выйти за него замуж. Смортуэйты вообще-то были из Йоркшира, не местные, но даже они наверняка что-нибудь слышали от соседей. Тем не менее парочка поженилась, благоразумно провела в Порт-Холдере еще пару лет, а затем перебралась в Кумгуирт, отдаленную часть города.

Чарли учился на одном курсе с Рианнон (хотя из-за службы в армии был постарше) и общался с нею и ее друзьями. Обо всей этой истории он слышал лишь то, что и остальные, за исключением непосредственных участников, и с тех пор ничего нового не узнал, да, собственно, и не пытался. До сегодняшнего утра вообще ни о чем не вспоминал. Ему стало интересно, что же известно двум его приятелям: Малькольм, наверное, в курсе, судя по его выступлению, а Гарт, похоже, нет.

Краткий отчет Малькольма подошел к концу. Гарт выжидающе глянул на Питера, но тот явно не знал, что сказать, лишь взволнованно крутил блестящей лысой головой.

Чарли пришел на помощь.

— Ты вроде никогда не был поклонником Алу-

---

[5] Примечания: 5

Древний земляной вал в Уэльсе, предположительно построенный в VIII в. и местами совпадающий с современной границей между Англией и Уэльсом.

на? Ни как писателя, ни как человека.

Питер вновь повернулся к Чарли, на сей раз благодарно.

— Чертов валлиец! — произнес он с чувством, явно подразумевая Алуна.

— Да ладно тебе, Питер, — со смехом сказал Гарт, весьма убедительно делая вид, будто нисколько не возмущен. — Мы все здесь валлийцы. И, насколько я знаю, ты тоже.

— К сожалению, — ответил Питер и одним махом опрокинул стакан.

В ту же секунду дверь распахнулась с такой силой, что, случись это на полчаса раньше, Чарли наверняка бы убило, а сейчас ее край лишь слегка задел спинку его стула. Во внезапно повисшую тишину шагнули двое — мужчина и женщина, молодые, в высоких сапогах и одежде из синтетики, оба с мотоциклетными шлемами. Сразу стало понятно, что причиной буйного вторжения послужила беспечность, а вовсе не злой умысел. Не замечая ни молчания, ни четырех пар глаз, выражавших целую гамму чувств — от гнева (Питер) до снисходительного любопытства (Малькольм), — парочка прошествовала через комнату и начала рассматривать реликвии Динедорского сквош-клуба, украшавшие стену и

полку над заколоченным камином. Судя по выговору, незваные гости были не местные — похоже, из Ливерпуля.

— «Лестница, тридцать первое декабря тысяча девятьсот сорок девятого года», — прочитал молодой человек и сделал глоток, судя по всему, светлого пива. — Интересно, что это за лестница?

Он говорил с простодушным недоумением.

— Должно быть, хозяйское барахло, — ответила девушка. Она держала бокал с непрозрачным зеленоватым напитком, в котором плавали кусочки льда и фруктов.

— Ежегодный торжественный обед…

Девушка вгляделась в слегка заплесневелую фотографию.

— Не иначе как здесь.

— Председатель… комитет… Тут что-то типа клуба, да?

— Но ведь нас обслужили?

Пока молодые люди смущенно поворачивались к компании стариков, Гарт, привычно вспомнив, что толстяки Питер и Чарли вряд ли тронутся с места, а Малькольм страдает от газов, встал и закрыл дверь, стараясь хлопнуть как можно громче, правда, без особого успеха — дверь уже

почти закрылась сама.

— Э-э… простите… — начал юнец.

Гарт молча посмотрел на него.

— Это какой-то клуб?

— Ну, не совсем, — произнес Гарт, дергая головой и морща лицо в доверительной гримасе. — Скорее мы надеялись, что, пока идет конфиденциальное заседание комитета, нам никто не будет мешать, всего лишь несколько минут. Личные дела, понимаете…

— О… Да, конечно, извините…

Обменявшись взглядами, молодые люди незамедлительно отступили. Проходя мимо сидевшей за столом троицы, девушка — довольно высокая, с уверенной походкой — мельком посмотрела в ту сторону.

— И закройте дверь, — сказал Питер, выразительно шевеля губами.

Когда дверь почти бесшумно закрылась, Гарт шумно выдохнул, Чарли одобрительно заметил: «Браво, Гарт, ты был великолепен!» — а Питер коротко рыкнул, совсем как лев, пробующий голос.

Малькольм промолчал. Он заметил, что на какую-то долю секунды взгляд девушки остановился на нем — конечно, чисто случайно или из вежливости, — но этого оказалось достаточно,

чтобы задуматься. Сколько лет он не обращал внимания на девушек? И что особенного именно в этой? Ее даже красавицей не назовешь. Конечно, она молода — хотя возраст сразу и не определишь, — вернее, не юна, а свежа, словно только что из упаковки, и невзгоды еще не успели оставить на ней свой след. Трудно поверить, что когда-то и он жил среди таких людей, и лишь вмешательство тети, учителя или билетного контролера порой нарушало ход его жизни, да и то незначительно.

— Дело вовсе не в плохом воспитании, просто это… это поколение по своей природе наглое и грубое.

Видимо, Питер решил, что про стычку слишком быстро забыли.

— Неправда, — довольно резко возразил Малькольм. — Молодые люди оплошали по недоразумению, а стоило разъяснить ситуацию, как порядочность взяла верх и они повели себя вполне прилично.

— Хочешь, я схожу и попрошу их вернуться? — спросил Чарли.

— Сейчас моя очередь платить за выпивку, — заметил Гарт.

— Нет, моя, — вмешался Питер.

Не успел он подняться на ноги, как дверь снова распахнулась — теперь уже аккуратно и беззвучно. Воцарилось ледяное молчание, которое посторонний человек счел бы угнетающим. Мгновение спустя в комнату вошел человек и торжественно закрыл за собой дверь. Он был примерно одного возраста с присутствующими, высокий и крупный, но не полный, в необычайно толстой, связанной из некрашеной шерсти кофте с потертыми кожаными пуговицами. Таркин Джонс, известный как Тарк, бессменный содержатель «Библии». Впервые увидев его за стойкой году эдак в пятидесятом, Малькольм подумал, что не далее как сегодня утром Таркин перенес тяжелую утрату и он, Малькольм, к этому причастен. Однако Малькольм проявил твердость и вскоре выяснил, что Тарк всегда сохраняет мрачное выражение лица, по крайней мере на людях. Ухватившись за спинки стульев, на которых сидели Чарли и Питер, он наклонился над столом и поочередно заглянул в глаза каждому из присутствующих.

— Значит, сумели избавиться от непрошеных наглецов? — угрюмо спросил он, и в комнате сразу же распространилась аура двусмысленности, сопровождавшая почти все его высказывания.

— Ушли, словно ягнята, — сообщил Чарли. — Никаких проблем!

Тарк нетерпеливо кивнул, уже закрыв тему.

— Вчера ночью, — начал он, понижая голос, — они крутились здесь еще целый час после того, как я закрыл паб, трещали своими мотоциклами, орали, да еще этот рок из приемников! Они…

— Надо же, — удивился Малькольм. — Как сказал Чарли, минуту назад они были на редкость сговорчивыми. Ни намека на…

Он смолк под взглядом владельца паба, которым тот вновь обвел компанию — теперь в его глазах читалось стоическое терпение.

— Вообще-то я о совсем других молодых людях, — сказал Тарк с неожиданно радостно-снисходительным видом. — Не о тех двух, которые только что вошли и вышли, нет. Я о других. Тех, чье поведение я попытался описать.

Он замолчал секунд на десять, прежде чем вернуться к своей обычной манере, затем продолжил:

— Знаете, они не здешние, по крайней мере большинство. Мотаются по трассе М-4 из Кардиффа или Бристоля, как черти из преисподней, в любое время дня и ночи, все с девчонками сзади. В то воскресенье я возвращался из Пенарта — ез-

дил проведать дочь, так они догнали меня целой компанией, начали подрезать, или как там это называется, а потом то обгоняли и ехали перед машиной, то катили рядом по трое или по четверо в ряд и пялились на меня бог знает сколько, и все на скорости семьдесят миль. Семьдесят! А еще говорили разные гадости, перекрикивались друг с другом и показывали на меня. Честно говоря, — Тарк понизил голос, — я здорово испугался.

Он сделал паузу, но, судя по виду слушателей, никто не собирался комментировать его рассказ.

— И дело не в веселом настроении или юношеском избытке чувств — к этому мы привыкли. Нет, перед нами не что иное, как организованный выпад против нашей культуры и образа жизни. Вы просто обязаны обратить на это внимание и принять необходимые меры. Если люди вашего круга не покажут остальным пример, даже не знаю, что с нами будет.

— Лично я думаю, — вмешался Малькольм, — что в данном случае речь идет о покушении на устои общества.

Своим замечанием он, похоже, обезоружил хозяина «Библии», и тот произнес с легкой дрожью в голосе:

— Рад, что вы так считаете, мистер Келлан-Дэ-

вис. Я собирался сказать то же самое.

Собирая стаканы, Тарк немного оживился и спросил почти дружелюбно:

— Как вы тут, не замерзли? Погода на улице премерзкая. Только скажите, и я принесу электрокамин.

Никто не ответил, и он ушел, на миг задержавшись у двери, чтобы выдать последнюю реплику:

— И, пожалуйста, отнеситесь к моим словам со всей серьезностью.

— Бог мой, ну и тип! — воскликнул Гарт, повторив свои же слова, которые говорил после каждого визита хозяина.

— Да уж, но я, похоже, его успокоил, — скромно сказал Малькольм.

— Точно, — согласился Питер.

— Старина Тарк порой бывает чересчур категоричен, — произнес Чарли. — Мы все знаем, что приходится кое с чем мириться, он тоже это знает, и не стоило говорить об организованных выпадах и каких-то обязанностях. Обязанностях!.. Нет, он явно перегнул палку!

— Прости, не понимаю, что ты имеешь в виду, — заявил Малькольм.

— Он нас дразнит. Хочет, чтобы мы стали ему

возражать.

— Ты имеешь в виду, что он нас разыгрывает? Да, он, безусловно, преувеличивает, но все-таки…

— Тарк уже и сам не знает, когда прикидывается, а когда нет, — ответил Питер, — или насколько искренни его слова. И здесь он не один такой.

— Тем не менее вы с ним сходитесь во взглядах на современную жизнь, нынешнюю молодежь и все остальное, — заметил Гарт.

К счастью, прежде чем Питер успел ответить, к ним подсел старина Оуэн Томас (не родственник Питеру) вместе со своим гостем, отставным бухгалтером из Брекона. Немного погодя пришел старина Арнольд Сперлинг, затем — старина Тюдор Уиттинхем, который в пятьдесят третьем году на «Уэмбли» обставил чемпиона Британской империи среди любителей со счетом 9:3,14:12 и 9:7. Арнольд только что выиграл несколько фунтов в газетное лото и угостил всех выпивкой. Чарли почувствовал себя гораздо лучше, а Питер, похоже, смирился с присутствием Арнольда и других.

Оуэн Томас отправился к бару за ветчинными рулетиками и принес все, что осталось там из еды — тарталетки с сыром и яйцом, приготовленные

Таркиновой внучкой, которая училась на кулинарных курсах при университете. По разным причинам Питер, Чарли и Малькольм есть не стали. Приятели решили выпить и откланяться, вернее, решил Питер, чья машина стояла у паба, а остальные двое его поддержали. Выпили, затем еще по одной (Малькольм отказался) и ушли. До дома Гарта было рукой подать, и он, разумеется, намеревался идти пешком — вероятно, как только объяснит гостю Оуэна Томаса, почему нужно гнать от себя плохие мысли.

3

Питер ездил на автомобиле «моррис-марина» старомодного желтовато-оранжевого цвета, который оживляли разбросанные кое-где островки ржавчины. Чарли молча занял место рядом с водителем, Малькольм сел сзади, что при его длинных ногах оказалось непросто — Питер отодвинул свое кресло далеко назад, иначе живот не помещался за рулем. Половину заднего сиденья занимали деревянные ящики с картошкой, пореем, петрушкой и брюквой, которую выкопали на огороде только сегодня (или неделю назад и с тех пор не трогали). Из ящиков сыпалась земля и мел-

кие камешки. Повсюду лежали пустые упаковки из-под бумажных салфеток, засаленные тряпки для протирки окон, потрепанные технические инструкции, чертежи, толстые пачки каких-то бланков, на вид давным-давно устаревших, издательские проспекты, а еще — баночка от конфет, обертка от печенья и несколько брошюр о похудении. Питер завел машину, и из-под его кресла выкатилась бутылочка без крышки — надо думать, когда-то в ней был диетический тоник.

Малькольм поднял с пола брошюрку и начал читать. Ему в некотором роде хотелось спрятаться — на случай если разговор вновь пойдет о Рианнон. Еще Малькольм интересовался вопросами питания. Его собственный рацион представлял собой компиляцию из нескольких диет, зачастую не сочетающихся друг с другом. Например, две кружки пива в день, которые, как он считал, необходимы для работы кишечника, требовали уменьшения количества калорий, что, в свою очередь, привело бы к дефициту клетчатки. Никогда не знаешь, что они там напридумывают в этих новомодных диетах. Да и вообще читать сейчас особенно нечего.

Вскоре Малькольм понял — с выбором чтения он промахнулся, хорошо хоть минут пять скоро-

тал. Автор брошюры начал с того, что исключил все спиртное, кроме небольшого бокала сухого белого вина примерно раз в год, затем, проявив недюжинное воображение, составил необыкновенно подробный список всего вкусного и все запретил. Непонятно, кто может выдержать такую диету. Достаточно одного взгляда на старину Питера, обсуждающего с Чарли цены на недвижимость в Бофое, и сразу поймешь, что он за всю жизнь ограничивал себя в еде и выпивке разве что пару часов. Интересно, зачем он вообще читает или как минимум покупает книжонки о диетах? Наверняка чтобы чувствовать себя добродетельным, не вкладывая ничего, кроме денег. Или чтобы строить планы — как человек, который рассматривает рекламные проспекты экзотических путешествий. Нет, скорее как любитель почитать о полярных исследователях, питающихся снегом, мхом и кожаными ботинками. О пытках в плену у краснокожих.

Малькольм замечтался. В детстве он специально думал о школе и уроках, чтобы отогнать мысли о развлечениях или праздниках, и только потом погружался в сладостное предвкушение с головой; вот и теперь проблемы Питера уступили место воспоминаниям о Рианнон. Увы, они

сохранились в памяти гораздо хуже, чем «Lettres de mon Moulin»[6] или игра южноафриканцев в Глостере, на которую его водил дядя-священник.

— До чего же он бесхарактерный! — заметил Питер, высадив Малькольма у ворот дома. — Хороший парень, согласен, но слабак!

— Это уж точно, — согласился Чарли.

— Бьюсь об заклад, что он указывает месяц и год на корешке каждого чека.

— Ага, и сумму пенсов всегда пишет прописью.

— И отправляет купоны с упаковок, чтобы получить в подарок графин и сэкономить три пятьдесят.

— Нет, думаю, это уже перебор. Но готов поспорить, что он смотрит по телевизору документальные фильмы.

— На валлийском. — Питер говорил с неподдельной злобой.

— Еще я уверен, что при ходьбе он размахивает руками.

— На новом телеканале теперь показывают борьбу на валлийском, слышал? Как ни странно, почти то же самое, что и на английском, только рефери ведет отсчет по-валлийски: ун-дау-три…

---

[6] Примечания: 6

«Письма с моей мельницы», сборник лирических новелл Альфонса Доде о природе и людях Прованса.

А потом эти придурки кричат на всех углах, что аудитория валлийских передач значительно выросла. До четырех тысяч двенадцати человек.

— Комментировать тоже должны на валлийском.

— Несомненно. Кстати, тебе не показалось, что у Малькольма когда-то были, скажем так, отношения с Рианнон?

— Похоже на то, — снова согласился Чарли. — Но он особо не распространялся.

— Судя по его словам, она ему нравилась. Вот только интересно, когда это было?

— Прямо перед твоим приходом он выдал восторженную тираду, восхваляя достоинства Рианнон. Впрочем, как я уже сказал, ничего определенного. Подозрительно, да?

— Хм. Неопределенность можно расценивать по-разному. Либо он Рианнон и пальцем не трогал, но хочет, чтобы мы подумали обратное, либо между ними что-то было, но он по какой-то причине это скрывает и ведет себя так, словно ничего не было. Не забывай, он ведь тоже валлиец.

— Господи, Питер, после этого анализа тебя бы уж точно не приняли за валлийца. И вообще я уверен, что Малькольм не из той породы.

— А есть другая порода валлийцев? Вообще-то

у меня…

Внезапно Питер замолчал, как будто ничего и не говорил. Он сидел в напряженной позе, сгорбив плечи и вытянув во всю длину руки и ноги, но лишь едва доставал до руля и педалей. Спустя мгновение Питер бросил косой взгляд на Чарли, хотя обычно смотрел в упор; впрочем, возможно, он просто отвлекся, пока тормозил у Солт-Хауса. Заворчав от напряжения, он еще больше подался вперед, прижав свой огромный живот, и включил «дворники» — моросил мелкий дождь.

— Конечно, теперь точно не скажешь, было ли у нее что-нибудь с тем или иным парнем, — задумчиво произнес Чарли. — Пусть даже и с юным Малькольмом. С него станется…

— Видишь ли, Чарли, я сам встречался с Рианнон. Да ты наверняка знаешь.

— Знаю.

— Не удивлюсь, если тебе известно еще кое-что. После той истории я выглядел не в лучшем свете, да и, честно говоря, действительно вел себя не лучшим образом.

Немного помолчав, Чарли заметил:

— Ну, мы все не…

— Может, и не настолько плохо, как вообразили некоторые, но и не слишком хорошо. Весьма

нехорошо. В общем, новость о том, что Рианнон возвращается, для меня как гром с ясного неба. Само собой, я буду держаться от нее подальше.

— Вовсе не обязательно, после стольких-то лет!

— Нет-нет, тогда много чего произошло… Потом расскажу. Сейчас я всего лишь прошу тебя о поддержке. И дело не только в ней. Я говорю об Алуне.

— Да, еще и Алун.

— Не хочу пока вдаваться в подробности, но, думаю, ты представляешь, каково мне сейчас. По крайней мере отчасти.

— Представляю. А ты, наверное, понимаешь, что чувствую я, — сказал Чарли. Его тон и взгляд не оставляли сомнений — речь идет о том, что все знали, но предпочитали при нем не обсуждать.

— Безусловно, — подтвердил Питер с едва уловимой теплотой в голосе. — А Софи… э-э-э… Софи что-нибудь говорила? Там ведь не было ничего серьезного?

— Насколько я знаю — нет, и Алун был не единственный. Хотя, честно говоря, хватает одного Алуна. Предполагалось, что все прошло еще до меня, по крайней мере то немногое, что между ними было, но опять же… В общем, лет пять-шесть назад, когда он приезжал сюда по делам,

мне позвонили из магазина — нигде не могли найти Софи. А потом я случайно узнал, что его в это время тоже никто не видел. Возможно, просто пустяк, совпадение. К тому же ничего больше и не было. Но не это главное, проблема в чертовых побочных эффектах. Алун по ним мастер. Самый безобидный пример — донельзя провокационные стихи.

— Согласен. Ей-богу, согласен! Помнишь, какой спектакль он устроил на службе по Бридану? В церкви Святого Иллтуда, если не ошибаюсь.

— Да, а что он говорил! «Гуай ох,[7] я недостоин восхвалять его», — и все в том же духе.

— Вот тут он прав!

— Думаешь? А по-моему, Алун — самая подходящая кандидатура.

— Ладно-ладно, согласен. Так когда, ты говоришь, они приезжают?

— Еще не сейчас, месяца через два. Ты не мог бы высадить меня у «Глендоуэра»?

— Конечно. Что сказать Софи?

Питер ехал к Норрисам — забрать жену после приема с кофе, который устраивала хозяйка дома.

---

[7] Примечания: 7
О горе *(валл.)*.

— Скажи, что оставил меня у «Глендоуэра». Вряд ли она удивится.

Они добрались до места, и Чарли пригласил Питера пропустить по стаканчику, но Питер сказал, что спешит, и Чарли пришлось одному идти в «Глендоуэр», полностью — «Таверна Оуэна Глендоуэра» (и никаких, Боже упаси, Овайнов Глиндуров[8]).

Будучи совладельцем заведения, Чарли недолго оставался в одиночестве, к тому же в баре, где предусмотрительно подавали семнадцать сортов шотландского виски, он встретил парочку знакомых по Совету графства и уже через несколько минут дошел до кондиции.

4

На стеклянном столе возвышались две полуторалитровые бутылки из-под итальянского сухого вина «Соаве супериоре», рядом стоял поднос с чашками — в некоторых еще оставался недопи-

[8] Примечания: 8

Оуэн Глендоуэр (в традиционной русской передаче — Глендаур), (1359–1416) — последний валлийский правитель Уэльса, организатор неудавшегося восстания против английского владычества. Если бы владельцы заведения следовали моде на возвращение к истокам, имя на вывеске стояло бы в валлийском варианте — «Овайн Глиндур».

тый кофе. В просторной гостиной Софи Норрис висел густой сигаретный дым, гостьи оживленно беседовали, разбившись на группки. С истинно валлийской пунктуальностью многие дамы заявились ровно в одиннадцать или чуть раньше и ничего не пропустили. С кофе и печеньем, придающими этим встречам определенную законность, покончили быстро — кто-то проглотил угощение, словно обязательный бутерброд перед тортом, а кто-то едва попробовал или вообще отказался, — и уже через двадцать минут приступили к основному действу: откупорили вино и наполнили бокалы. Само собой, все пили с разной скоростью, хотя некоторые явно успели приложиться к «Соаве» или, может, «Фраскати», где-нибудь в другом месте. В конце концов, это всего лишь вино.

Сама Софи была не из их числа. Она стояла у застекленных дверей, сквозь которые виднелся сад, поле для гольфа и далеко за ними — море, довольная и уверенная в себе. Типичная жена состоятельного коммерсанта, недавно почти отошедшего от дел. Никто не угадал бы в ней ту девушку, которая в свое время слыла одной из самых доступных от Бридженда до Кармартена. Фигура Софи, одетой в твидовую юбку и свитер

из ангорской шерсти, все еще впечатляла, хотя знаменитая грудь уже не выпирала вперед наподобие уменьшенной копии ягодиц. Софи и Гвен Келлан-Дэвис обсуждали главную тему дня.

— Все-таки согласись, что он довольно хорош собой, — беспристрастно сказала Гвен. — Ну по крайней мере был.

— О да, недурен, если тебе нравятся такие смазливые типы. — Голос Софи сохранил резкие интонации родного Гарристона и отлично подходил для ничего не выражающих фраз. — А она, конечно, очень мила.

— Имей в виду, Алун — старый жулик.

— Прости?

— Школьный друг Бридана, как же! Да, они действительно учились в одной школе, но между ними три года разницы. Алун его тогда и знать не знал. Потому как если они общались, то, значит, Бридана интересовали мальчики на три года младше, а хотя я много чего о нем слышала, о таком никогда не говорили. Спроси Мюриэль. Она тебе скажет, что Питер и Алун — ровесники, учились в одном классе, а Питер вообще не помнит Бридана по школе.

— Понятно.

— Питер утверждает, что эта история с «Алу-

ном» — сплошная выдумка. В школе его всегда звали «Аланом», на английский манер. Это было еще до того, как он стал профессиональным валлийцем.

Среди немногих тем, интересующих Софи, не значились ни Уэльс, ни пресловутая «валлийскость».

— Да? — произнесла она равнодушным тоном, который остановил бы любого человека, не обладающего прилипчивостью Гвен.

— Он вернулся после войны, повидав большой мир, и обнаружил, что у валлийцев есть преимущества.

— Ради Бога, Гвен, скажи какие, я передам моему благоверному, — прогремел веселый голос Мюриэль Томас. Она подошла к приятельницам с новой открытой бутылкой «Соаве», на сей раз литровой, и наполнила стакан Гвен. — Для него быть валлийцем — все равно что носить каинову печать.

— Если честно, Мюриэль, я имела в виду, что Бридан из кожи лез, чтобы понравиться англичанам. Но вообще-то мы говорили об Алуне.

— О Господи, неужели? Боюсь, среди присутствующих есть человек саксонского происхождения, который устоял перед обаянием и Бридана,

и Алуна. Все-все, молчу, я ведь только гостья в вашей стране.

— Дорогая, ты одна из нас, — возразила Софи.

Чистая правда — в том смысле, что, несмотря на всю свою часто провозглашаемую «английскость», худощавая, темноволосая и темноглазая Мюриэль вполне соответствовала самому распространенному среди валлийцев типу внешности, о чем часто упоминали, особенно в Уэльсе. Мюриэль сделала вид, будто не заметила колкости. Сдержав язвительный ответ, который так и рвался с языка, она сказала:

— На самом деле я вовсе не собиралась обсуждать великого Алуна; моя цель — собрать добровольцев, чтобы спасти бедняжку Ангарад. Великолепная Дороти взяла ее в плен.

Через пару минут троица осторожно направилась в другой конец комнаты. Чувствовалось, что уровень загрязнения воздуха в гостиной стал еще выше. Выпивали в компании по-разному, но курили практически все, и теперь дым от зажженных сигарет смешивался с дымом трех-четырех непотушенных окурков в пепельницах. На полу валялись пустые или забытые кем-то сигаретные пачки и обрывки упаковочной пленки.

На ковре перед включенным газовым ками-

ном — большим и элегантным устройством с углями, похожими на настоящие, — сидела Дороти Морган, которая заявилась к Софи без десяти одиннадцать. Рядом с ней стояла полупустая литровая бутыль калифорнийского «Пино шардонне», в переполненной стеклянной пепельнице тлели два окурка. Действительно, Дороти что-то вполголоса рассказывала Ангарад Памфри. Та сидела в кожаном кресле, и ей приходилось наклоняться, чтобы расслышать собеседницу.

Ангарад не страдала глухотой, по крайней мере не больше других, и почти не пила. Внешне она сильно отличалась от остальных женщин — выглядела старухой, хотя среди собравшихся были и постарше. Отчасти ее старила одежда — Ангарад не носила ярких брючных костюмов, отчасти — некрашеные волосы, но хуже всего смотрелось лицо с поджатым ртом, выступающими острыми скулами и дряблой, изборожденной морщинами кожей вокруг глаз. Болтали, что ее обезобразила болезнь — давным-давно, еще до переезда из Кейпл-Мерерида, однако уже точно после замужества, — но правды никто не знал или не говорил.

Дороти Морган вещала:

— И дело не только в этом, у них совершенно

другое мировоззрение, другой взгляд на жизнь.

Аккуратная короткая стрижка и очки в простой черной оправе придавали ей обманчиво умный вид.

— И это заметно по структуре их языка. Вы немного знаете русский? В нем очень много спряжений и окончаний. Например…

Меж тем участники спасательной экспедиции деловито занимали места: Мюриэль села на ручку кресла, Гвен — на стеганый пуфик, а Софи устроилась на ковре. Попутно все поздоровались с Ангарад, спросили, как у нее дела, сказали, что рады ее видеть, и она ответила каждой.

Дороти поднялась на колени и сказала чуть громче, чем раньше:

— Я тут рассказывала Ангарад о русском языке, какой он необычайно сложный по сравнению с валлийским и, конечно, английским. — Она говорила с застывшей полуулыбкой, глядя куда-то вдаль. — Само собой, это вовсе не значит, что они умнее нас, по крайней мере не все…

Дороти всегда бодрствовала — никто не видел ее спящей, и когда бы те, кто ночевал с нею в одном доме, ни спускались к завтраку, она уже сидела за столом, держа в руке сигарету, а зачастую и стакан вина.

— ...очень примитивный, потому что они опускают глагол-связку «быть» везде, где только можно. Совсем как индейцы.

Ходили сплетни, будто кто-то слышал, как Дороти рассказывает укладчику ковров об эогиппусах.[9]

Сложный порядок действий при общении с Дороти требовал значительного времени и особого подхода, поэтому когда она, упомянув индейцев, сделала короткую паузу, ни одна из приятельниц не нашлась что сказать. Только Софи успела в последнюю секунду: спросила Дороти о поездке в Ленинград. Та удивилась, но Софи настаивала, и вскоре Дороти с прежним энтузиазмом рассказывала ей о перелете Аэрофлотом.

Под огневым прикрытием Мюриэль Гвен и Ангарад отступили без потерь. Существовало неписаное правило: когда Дороти входила в раж и требовалось, чтобы кто-нибудь пожертвовал собой ради других, этим кем-то всегда была хозяйка дома. Всем доставалось примерно поровну, хотя на нейтральной территории, например, в гостях у самой Дороти, тяжкий жребий чаще всего выпадал на долю Софи. Прочие согласились между

---

[9] Примечания: 9
Род ископаемых примитивных лошадиных.

собой, правда, не без некоторого смущения, что она вроде бы не очень-то и возражает.

Литровая бутылка «Соаве», которую Мюриэль оставила на столе несколькими минутами раньше, практически опустела. Зато рядом стояла непочатая двухлитровая бутыль с «Орвието», и Мюриэль, зажав сигарету в зубах и сощурив глаза, принялась ее открывать.

— Давненько мы тебя не видали, — обратилась Гвен к Ангарад.

— Правда, я бы и сегодня не пришла, если бы не понесла часы в починку в мастерскую на Хэтчери-роуд. — Голос Ангарад был совсем не старый; более того, услышав его по телефону, служащие коммунального хозяйства и другие незнакомцы порой с нею заигрывали. — Я случайно встретила Шан Смит, она как раз шла сюда.

— Да, тебе, конечно, далеко добираться.

— Вот именно; к тому же, насколько я могу судить, здесь не особенно-то и весело.

— Прости за старушку Дороти. Мы к ней уже привыкли, но увидели, что ты попала.

— Надеюсь, что мне не придется к ней привыкать. С чего она взяла, будто меня интересуют ее разглагольствования о России, русском языке или русских?

Ангарад не поняла, что ее спасли, и не выказывала ни малейшей благодарности. Наоборот, ее недовольство поведением Дороти, не найдя поддержки, заметно усилилось. Ангарад с явным интересом смотрела, как Мюриэль снимает защитную пленку с пробки и откупоривает «Орвието», затем с недоверчивым видом стала следить за разливом вина, скромно поставив сбоку свой почти пустой стакан. Люди имели обыкновение забывать об Ангарад, точно так же как забывали про ее мужа, которого, кстати, никогда не видели в ее обществе. Более того, никто ни разу не был у них дома. Быт и семейная жизнь супругов Памфри служили предметом всеобщего любопытства и в «Библии», и на встречах за кофе.

— Так уж она устроена, — сказала Гвен, запоздало и без особого пыла вступаясь за Дороти. — И всегда была такой; правда, в последнее время стала хуже. Впрочем, как и все.

— Я имею в виду, что мы с ней даже не подруги. — В голосе Ангарад зазвучали обвиняющие нотки. — Я ее почти не знаю и раньше с нею не общалась.

— Ты оказалась рядом, этого вполне достаточно, — ответила Мюриэль.

— Интересно, какой муж может ее выдержать?

Мюриэль закурила очередную сигарету.

— Старина Перси Морган очень славный. Дороти с ним совсем другая, по крайней мере при нас. Они отлично ладят друг с другом.

— Он застройщик, — добавила Гвен.

— Застройщик?

— Да, строит всякие общественные здания вроде ратуш, — пояснила Мюриэль, затягиваясь сигаретой.

Секунду-другую Ангарад рассматривала струйку дыма, затем вернулась к теме разговора:

— Она мне и слова не дала вставить! Даже сказать, какая она нудная!

— На таких сборищах всегда есть хотя бы одна зануда, — заметила Гвен.

Ангарад подняла густые брови:

— Ах, так вот оно что! Положа руку на сердце, я бы не возражала, если бы их не было. — Она бросила снисходительный взгляд куда-то через плечо Гвен. — И говорю вам прямо: ноги моей здесь больше не будет. Такие, как ты говоришь, сборища наводят на меня тоску. Я, пожалуй, откланяюсь. Где… где Софи?

Ангарад коротко и сдержанно попрощалась с Софи и, ни на кого не глядя, тяжело похромала к выходу. Обе приятельницы смотрели ей вслед.

— А еще считают, что с возрастом человек становится мягче, — сказала Мюриэль, поправляя очки. — Я просто в восторге от ее откровенности!

— Надо же, я думала, что только красивые люди могут так себя вести. Впрочем, мне ее жаль. Возможно, она страдает.

— Надеюсь. Зря мы вступились за Дороти.

Гвен поморщилась:

— Ну, не особо мы ее и защищали.

— Да, ты права. Трудно оправдать грабителя, говоря, что он всегда был грабителем.

— Наверное, нужно было согласиться, что Дороти ужасна.

— Тогда бы нас обвинили в том, что мы с ней общаемся. Некоторым людям, как тебе известно, не угодишь.

В гостиной царила всеобщая суматоха. Бокалы осушались, и их снова наполняли: судя по всему, присутствующие считали, что нельзя оставлять откупоренное вино, — вероятно, из какого-нибудь старого валлийского суеверия. Дело приняло бы другой оборот или, скорее, усугубилось бы, вытащи Софи трехлитровую упаковку отборного балканского рислинга, надежно укрытую от гостей в шкафчике с напитками вместе с джином, виски и прочим крепким алкоголем. Две или три

женщины подошли к Софи попрощаться, но она, обрадовавшись, что снова может говорить, не отпускала их, пока не позвонили в дверь. Шан Смит споткнулась и упала, однако тут же встала и побрела в прихожую. Софи вернулась в гостиную с Питером Томасом. Едва увидев его на крыльце своего дома, Софи сразу поняла, что Чарли вышел у «Глендоуэра». Ничего не спрашивая и не предложив Питеру вина, она направилась к шкафчику с напитками.

Вид у Питера был ошеломленный. Немного помедлив, он через силу шагнул в глубь комнаты, без особого успеха пытаясь выдать искреннее нежелание за притворно-шутливое. Они с Мюриэль помахали друг другу, затем он махнул Гвен, Дороти и еще паре знакомых. Разгоняя рукой прокуренный воздух, Питер добродушно сказал:

— Так вот чем занимаются трудолюбивые домохозяйки, пока их мужья бездельничают и надираются в пабе!

Не очень удачная фраза; впрочем, лучше чем ничего. Питер постарался произнести ее дружелюбным голосом, и она прозвучала вполне дружелюбно (по крайней мере для него), но никто не подошел поближе, даже Дороти, только Софи принесла ему джин с тоником и предложила

сходить за льдом. Питер ответил, что не сто́ит. Они болтали о том о сем довольно долго, пока не подошла Мюриэль и не увела Питера. К тому времени его лицо вновь приняло растерянный вид.

Из всех гостей осталась только Дороти. Все знали, что она не сдвинется с места, пока согласно другому неписаному правилу из Педварсента не приедет Перси и не заберет ее домой, возможно (но не обязательно), при помощи уговоров. На сей счет правил не существовало.

5

— Надеюсь, вы хорошо посидели в старой доброй «Библии». Кто там был?

Питер рассказал.

— Вначале думаешь, какого черта ты вообще пришел, особенно когда видишь, что там все как всегда, а потом понимаешь, что именно это тебя и привлекает, — заметила Мюриэль. — А когда-то нам нравилось разнообразие. Малькольм, наверное, только об Уиверах и говорил.

— Да уж, точно.

— А ты что думаешь по этому поводу?

— Я не удивлен. Если ты не забыла, Алун всегда угрожал вернуться к своим валлийским корням.

— Может, и не забыла, но это не значит, что я хочу помнить.

— И я не хочу. Как все прошло у Софи?

— Как обычно, я же говорила. Вполне сносно, и слава Богу. — Безо всякой паузы и почти не меняя тона, Мюриэль продолжила: — И уж конечно, это не сборище дурех, зануд и сумасшедших, как ты считаешь. Благодаря тебе гостиная опустела ровно за минуту. Поздравляю. Превосходно. Твой личный рекорд.

Они ехали в Кумгуирт, и Питер, сидя за рулем, в очередной раз вспомнил фильм, который видел полвека назад. О том, как в военной тюрьме сержант-садист сломил дух солдата, систематически избивая его через разные — от одного дня до четверти часа — промежутки времени. Из-за того, что несчастный не знал, когда начнется следующая экзекуция, он никогда не чувствовал себя в безопасности. Питеру казалось, что последние семь-восемь лет жизнь с Мюриэль все больше и больше напоминает этот сюжет. Правда, бывали минуты — как, например, сейчас, — когда можно было угадать приближение очередной грозы, причем его выдавали не поступки и не слова Мюриэль, а едва уловимые признаки, которые появлялись, если ей не нравилось услышанное.

Как ни странно, от заблаговременного предупреждения удар не становился менее болезненным. У Питера на лбу выступил пот.

— Ты не могла бы помолчать, пока мы не доедем до дома? Иначе я во что-нибудь врежусь. Я не угрожаю, всего лишь предупреждаю.

— Конечно, врежешься. Достаточно взглянуть на твой живот: из-за него ты сидишь слишком далеко от руля, к тому же в нелепой позе. — Мюриэль говорила так, словно несколько недель только об этом и думала. — Думаю, ты даже представить себе не можешь, насколько ты отвратителен. И я имею в виду не только внешность, хотя ее стоит упомянуть в первую очередь. От тебя просто исходят скука и безнадежность, недовольство и смерть. Неудивительно, что ты всех распугал.

Питер привычно почувствовал в словах жены неприятный подтекст. Он знал, что она оставит его в покое, пусть относительном, если промолчать или попросить пощады, но вместо этого принял вызов.

— Я пришел в самом конце. Все уже начали расходиться.

— Они ушли невеселыми. Ты навел на них тоску, и на меня, кстати, тоже. Не знаю, сколько еще

я с тобой выдержу.

— Прошлого не воротишь. Жалеть о нем — только время терять.

— А кто говорит о прошлом?

— Ты, кто же еще. Твоя любимая тема, не так ли?

Не сработало. Чуть повысив голос, Мюриэль поведала о том, что ей рассказывали его так называемые друзья, и прочих безобидных мелочах. Он сосредоточился на дороге. Знай Питер наверняка, что они вдвоем погибнут сразу, возможно, свернул бы навстречу автобусу или грузовику со стройматериалами. В действительности же он благополучно миновал памятник жертвам войны, оставил позади Айриш-таун и реку Юэрн и въехал в Кумгуирт, бывшую шахтерскую деревушку, а ныне дальний пригород, не из самых престижных. Питер часто пытался убедить себя в том, что на самом деле было правдой: через несколько минут Мюриэль успокоится и вновь станет вести себя с механической вежливостью. К сожалению, поверить в это он так и не смог.

Добравшись домой, они вышли из автомобиля в гараже своего довольно приличного особняка, построенного в тридцатые годы на более дорогой, обращенной к морю, стороне. Когда Питер закры-

вал машину, Мюриэль бросила на него нарочито безразличный взгляд, давая понять, что ветер переменился. Питер порадовался, что, следуя инстинкту, оставил в машине овощи, выкопанные утром на огороде старого Вона Мобри. Если бы Мюриэль их заметила, то наверняка спросила бы, что он имеет против еды, которой его обычно кормят, и пошло-поехало.

На крыльце Мюриэль сказала:

— Знаешь, вряд ли новость о переезде Уиверов можно назвать хорошей.

После долгих лет совместной жизни они прекрасно понимали друг друга. Обыденный тон означал, что боевые действия приостановлены; более того — тема больше не считается запретной, и в дальнейшем ее можно касаться, не боясь наказания. Еще Мюриэль как бы извинялась перед мужем, хотя никто, кроме него, этого бы не понял.

Питер размышлял над последней фразой жены, пока доставал из холодильника рыбные палочки, но так и не решил, согласен ли с ее словами. А Мюриэль натянула резиновые сапоги и отправилась в сад. Она никогда не обедала.

2 — Рианнон, Алун
1

Через несколько недель после того, как Питер Томас решил оставить картошку и порей в машине, самый обычный поезд, тот, что отходит с вокзала Паддингтон в три пятнадцать, вынырнул из Севернского туннеля и оказался в Уэльсе. Когда-то этот район носил имя Монмутшир, затем в Лондоне постановили переименовать его в Гвент, по названию древнего валлийского королевства, которое, возможно, существовало здесь или неподалеку. Так или иначе, Рианнон Уивер нисколько не сомневалась, что они уже в Уэльсе, — достаточно было выглянуть из окна вагона. Никаких очевидных признаков вроде дорожных знаков на двух языках или закрытых фабрик, и все же что-то присутствовало: чуть зеленее трава, чуть мягче свет, — нечто весьма похожее на Англию, но совсем не Англия, скорее ощущение, чем реальность, однако не просто ощущение. Что-то заброшенное и печальное и в то же время проще и свободнее, чем Англия. Оставалось десять минут до Ньюпорта, еще час

в поезде, а потом десять — пятнадцать минут по шоссе.

Эта поездка завершала великое переселение, и сегодня Уиверам предстояла первая ночь на валлийской земле в качестве постоянных жителей, хотя было решено, что они переночуют у Гвен и Малькольма Келлан-Дэвис. Вначале Рианнон хотела ехать на машине, дабы избежать лишней возни со сборами, однако поезда имеют неоспоримое преимущество для того, кто хочет, чтобы его приезд не остался незамеченным, — они приходят в установленное время и в установленное место. Можно было бы лететь самолетом, но только до Руза, кардиффского аэропорта, что Уиверов не устраивало.

Рианнон отвернулась от окна и увидела, что Алун в соседнем кресле улыбается ей особенной улыбкой, полузакрыв глаза и приподняв уголки губ. Его улыбка означала примерно следующее: что бы там ни было — а было много чего, — он ее любит, и второго такого, как он, опять же несмотря ни на что, на свете нет. Гвен говорила, что он довольно хорош собой, и Рианнон наверняка бы с ней согласилась, но слово «довольно» тут не подходило — скорее «удивительно», учитывая образ жизни Алуна. Кожа у него не одрябла, лишь

порозовела, словно он провел целый день на крикетном поле; знаменитая шевелюра, долгие годы сохранявшая темно-рыжий цвет, стала белоснежной. Большинство друзей не сомневались: здесь он чуточку подправил природу; впрочем, не только здесь, — однако не многим бы пришло в голову, что Рианнон сама осветлила волосы мужа под смех и выпивку.

Внезапно Алун выпрямился и энергично замахал показавшемуся в конце вагона официанту. Тот улыбнулся, кивнул и со всех ног поспешил к супругам, но Алун продолжал махать. Сзади тащился официант помоложе — очевидно, помощник первого.

— Простите за задержку, мистер Уивер, — с видимым огорчением произнес старший официант, сгружая с подноса маленькую бутылочку виски «Уайт-энд-Маккей», жестянку имбирной шипучки и легкую закуску. — Перед Ньюпортом всегда много народу.

Мгновение спустя к нему вернулась профессиональная обходительность.

— Вы просили безо льда, мистер Уивер, не так ли? Все в порядке? А вы, миссис Уивер, чего-нибудь желаете? Может, перекусить? — Официант бросил взгляд в сторону, снова посмотрел на

Уиверов и тихо, словно подчеркивая, что его слова не предназначены для посторонних ушей, прошептал: — Горячий сандвич с беконом или датским голубым сыром и острым соусом? Точно не хотите?

Алун ответил, что не хочет, и, рассыпаясь в благодарностях, заплатил, добавив скромные чаевые.

Заверив, что он счастлив угодить, официант по имени Эмрис сказал:

— Вот этот молодой человек чуть ли не на коленях умолял меня представить его вам. Познакомьтесь, Даррен Дэвис. А это мистер Алун Уивер, кавалер ордена Британской империи.

Молодой официант шагнул вперед. Он заметно смущался и вовсе не походил на человека, мечтавшего о знакомстве с престарелым валлийцем, который что-то такое непонятное написал. Тем не менее он выдавил улыбку.

Алун вскочил и протянул руку.

— Вообще-то командор ордена Британской империи. Здравствуйте, Даррен. Откуда вы родом?

— Из Ллангевни. Англси.

— Да, Даррен у нас с севера Уэльса, — подтвердил Эмрис бесстрастно, как если бы сообщил, что парнишка — футболист или католик.

— Прекрасный остров, Англси. Я был там года два назад, в Аберфрау. А теперь, Эмрис, я больше не смею отвлекать вас от ваших обязанностей, это было бы несправедливо по отношению к другим пассажирам.

— Хорошо, мистер Уивер. Но мне бы хотелось кое-что сказать вам. Все так рады, что вы с миссис Уивер решили жить здесь, в Южном Уэльсе. Мы очень гордимся. Это большая честь для нас всех.

Алун ответил, что весьма тронут, спровадил Эмриса и Даррена, обменялся взглядами с попутчиками (отнюдь не все взирали на него благоговейно) и наконец посмотрел на Рианнон, страдальчески приподняв брови.

— Ничего не поделаешь, я должен заниматься этой ерундой, — сказал он далеко не впервые.

— Конечно, — согласилась она в очередной раз.

— Небось вечером в пабе будет рассказывать, как встретил в поезде старого пердуна Алуна Уивера.

Что-то в этом роде Алун говорил и раньше, но не так часто.

— Глупости, он был в восторге.

— Наверняка восторга бы поуменьшилось, если б я и впрямь отправил его за сандвичем.

На станции «Кембридж-стрит» почти целую минуту казалось, что «всей этой ерунды» не будет, но тут к ним подскочил приземистый человечек в белом плаще и с очень маленьким, на взгляд Рианнон, звукозаписывающим устройством.

— Алун Уивер?

— Он самый. Би-би-си?

— Джек Матиас. Нет, «Глэмрад», — хрипло ответил репортер, назвав местную коммерческую радиостанцию.

— Да? Ну ладно. — Секунду-другую Алун тщетно глядел по сторонам, затем вновь включился в разговор: — Рад вас видеть, мистер Матиас, и большое спасибо, что пришли. Надеюсь, вы ждали не слишком долго. Чем могу быть полезен?

Матиас, решив, по-видимому, взять у Алуна интервью прямо на платформе, подвел его к скамейке. Они встали под навес, куда то и дело задувало мелкую изморось. Вокруг шумели поезда и люди.

— Может, найдем место потеплее? — спросил Алун. — И потише?

Он наклонил голову под неестественным углом, чтобы ветер не растрепал волосы.

— Извините, но нужен шум, для достоверности. — Матиас аккуратно поставил магнитофон

на скамью рядом с собой. — Неформальная обстановка. Раз, два, три, проверка…

— Присутствие моей жены необходимо?

— Нет, — ответил Матиас, явно озадаченный вопросом.

— Хорошо.

На лице Алуна мелькнуло недовольство происходящим, но пришлось смириться. Он повернулся к Рианнон:

— Милая, иди выпей чашку чаю. Тебе незачем здесь стоять.

Она тоже так считала, но подумала, что лучше остаться и посмотреть, вернее, послушать, начало интервью. Матиас торопливо, словно демонстрируя легкое пренебрежение, закончил проверку. За все время он ни разу не посмотрел им в глаза.

— Алун Уивер, станция «Кембридж-стрит», начинаем, — произнес репортер, ни к кому не обращаясь. — Скажите, что вы испытываете, возвращаясь в Уэльс после стольких лет на чужбине?

— Чувств много: печальных и радостных, красочных и не очень, но главное сейчас то, что я возвращаюсь на родину. Для того, кто, как я, рожден и вскормлен в стране рек и холмов, это

звучное слово означает лишь одно место — удивительное, чудесное место Уэльс. Пятьдесят лет изгнания не смогли разорвать крепкую связь. Твое сердце там, где твой дом, а сердце валлийца…

Теплый, живой голос вскоре затих — Рианнон пошла к турникету, держа небольшой чемоданчик (чуть раньше Эмрис бился как лев, чтобы Даррену разрешили вынести его на платформу). Рианнон держалась очень прямо и почти полностью соответствовала описанию Малькольма, хотя в ее серых глазах никогда не было голубого оттенка, о котором он говорил.

Рианнон приезжала в Южный Уэльс не так давно, но оба раза на автомобиле, и потому не видела станцию лет десять. С тех пор здесь мало что поменялось, если не считать указателей. Вид, конечно, остался прежним: вытянувшиеся вдоль и поперек холма ряды крошечных домишек, между ними — клочки зеленых лужаек вперемежку со скалистыми уступами и каменными глыбами, несколько деревьев и ничего яркого. Рианнон всегда считала этот пейзаж типичным для Южного Уэльса, хотя и не из тех, что изображают на почтовых открытках. Сейчас, глядя на него под моросящим дождем, она думала, что воспомина-

ния ее не обманывали.

Центральный зал станции изменился чуть больше: тут появились кафе, туристическое агентство, кабина для фотографирования и даже электронное табло. Прямо под ним Рианнон заметила мемориальную доску: ее открыли в прошлом году, не пригласив Алуна, из-за чего тот страшно расстроился. Осмотрев вокзал, она зашла в кафе, где все было ярко-красное, синее, желтое или черное. Выбор еды и напитков не отличался разнообразием, а посетителей обслуживала одна-единственная буфетчица, которая, судя по ее виду, ждала кого-то или чего-то, но только не Рианнон, и прятала глаза, совсем как тот репортер. Потеряв надежду дождаться чего бы там ни было, она молча налила чай и подала чашку Рианнон.

Одноногие столы и стулья намертво крепились к полу — наверное, из боязни, что кому-нибудь придет в голову ими швыряться. На памяти Рианнон подобное поведение было валлийцам несвойственно, хотя, может, они тоже изменились. Чай оказался таким же отвратительным, как в старом буфете, но по-другому, зато хотя бы горячим. Рианнон прихлебывала чай и думала об Алуне. Интересно, на что он надеялся, если

репортер с местного радио так его разочаровал? Что будет мэр, члены парламента, председатель Совета по искусству Уэльса, толпа поклонников с книжками для автографов? Съемочная группа с телевидения? Алун часто выступал по телевидению и разбирался в нем гораздо лучше Рианнон, и все же…

Рианнон не знала, насколько Алун уверен в собственной известности и насколько он популярен на самом деле, но порой ей казалось, что он сильно преувеличивает собственную значимость. Должно быть, из-за писательства. Удивительно, Алун всегда утверждает, что для него важно лишь читательское признание, и при этом никогда не упустит возможность покрасоваться на ТВ или дать интервью.

Она увидела Алуна. Он пошел было к стеклянной двери, но сразу же остановился, когда его кто-то узнал, и началось привычное действо — рукопожатие, улыбка, благожелательные кивки, автограф, пусть и не в специальном блокноте. Повезло. Тем не менее, когда Алун подошел поближе, лицо у него было недовольным, он хмурился и морщил нос.

— Ну и придурок! — сердито бросил он, глядя на Рианнон. — Полный придурок! Знаешь, о чем

он меня спросил? По-прежнему ли мои книги хорошо продаются! Представляешь? Я ответил «да» как можно грубее, а что оставалось делать? А он тогда сказал, что имеет в виду и Англию тоже. Господи, можно подумать, ему кто-то сообщил.

Какое-то мгновение Алун смотрел на нее, затем опустил плечи и гнусаво рассмеялся. Рианнон подхватила его смех.

— Давай пойдем отсюда, — предложил он. — Ой, прости, допивай. Точно больше не хочешь?

Супруги вышли из вокзала и остановились у таблички, на которой раньше было написано «Taxi». Теперь снизу появилась надпись «Tacsi» — для валлийцев, не читающих по-английски. Уже темнело, и вокруг зажигались огни, отражаясь в мокром асфальте. Кое-какие здания почти не изменились; другие, которые Рианнон хорошо помнила, вроде старого отеля «Герб Маунтожоя» с зелено-коричневым фризом, украшенным фигурами в классическом стиле, или псевдодеревенского магазинчика, где продавались вкуснейшие пышки, исчезли без следа. И все же именно в этом городе прошли некоторые особенные периоды ее жизни.

После полуминутного ожидания Алун нетерпеливо поцокал языком.

— Малькольм мог бы нас и встретить, — заметил он. — Вот лентяй!

— Я сама слышала, как ты сказал ему не приезжать, вдруг поезд опоздает. Кстати, так оно и было.

— Правда слышала? Я на самом деле так сказал? Возможно, поэтому он и не приехал. Ну или отчасти.

Через минуту, которая из-за Алуна тянулась бесконечно долго, подъехало такси, очень похожее на лондонские кебы, в здешних местах довольно редкие. Машина Алуну не понравилась. Едва такси тронулось, он решительно плюхнулся на откидное сиденье за таксистом и завел с ним беседу через прозрачную перегородку, для чего пришлось повышать голос и время от времени просить водителя повторить ответ. Нетрудно было догадаться, что Алун ждал обычную машину с пассажирским креслом впереди. В конце концов он сдался и сел рядом с Рианнон.

— В таких условиях невозможно разговаривать.

— Конечно. А зачем тебе это?

— Ну, видишь ли, я люблю болтать с разными людьми, когда бываю в здешних местах. Очень по-валлийски. Совершенно другое отношение,

чем в Англии. Словами не объяснишь.

— И не нужно. Между прочим, я тоже валлийка, если помнишь.

— Отвали, — сказал он, сжимая ее руку.

2

После того как Малькольм с Алуном пошли в «Библию» — пропустить кружку-другую пива перед ужином, — Рианнон и Гвен устроились на кухне. В университете они близко дружили, входили в трио, третьей участницей которого была Дороти Морган. Поначалу Гвен вообще не хотела приглашать Дороти, но Рианнон настояла, в основном упирая на то, что это, так сказать, ее инаугурация. Точного времени приезда Уиверов никто не знал, и Дороти ждали не раньше чем через час.

По мнению Рианнон, совпадавшему с мнением Малькольма, кухня была неуютной: длинная и узкая, она вмещала человек шесть, не больше. На захламленном столе и шкафчиках негде было бы заварить чай, в раковине громоздились кастрюли и сковородки — их не поставили отмокать, просто свалили кучей, — на крючке для чашек висели две-три рубашки Малькольма. Рианнон сразу

же вспомнила комнату Гвен в «Брук-Холле», женском студенческом общежитии: безупречно чистая утром по понедельникам, она уже к вечеру выглядела настоящим свинарником: всюду валялись босоножки, сладости и конспекты, а во время летнего семестра под ногами вечно хрустел песок. Обычно Гвен говорила, что у нее есть дела поважнее уборки. Можно было предположить, что с годами она стала аккуратнее, но нет, ничего подобного.

Рианнон слегка удивилась, заметив на столе другую бутылку вместо той, с которой они начали чуть раньше. Этикетка на новой, уже наполовину пустой бутылке была не бело-голубой, а зеленой. Рианнон почувствовала, как ее захлестывает возбуждение от переезда и смутное, непонятно отчего возникшее ощущение, что ее еще ждут интересные события и неведомые возможности. Неужели она выпила два стакана? Или три? В любом случае больше, чем допустимо в это время суток. Негоже идти по стопам Дороти, если все и впрямь так, как Гвен только что рассказала и теперь повторяет во второй раз.

— Ужасно! Софи пришлось сказать, что вино закончилось, а Чарли сделал вид, будто хочет налить ей виски. Конечно, если бы она согла-

силась…

Рианнон подумала, что если кто и следует примеру Дороти, то это сама Гвен. С тех пор как они сели за стол, Гвен умудрилась выпить почти целую бутылку вина, и еще неизвестно сколько до этого. Кстати, сегодня вечером она уже рассказывала о Дороти и виски. Да, разительное отличие от Гвен из «Брук-Холла», которая не пила ничего крепче пива с лимонадом. В остальном она почти не изменилась: чуточку любопытная, немного язвительная, но здравомыслящая, умная и практичная, если не обращать внимания на притворство и склонность к самообману. С хорошо знакомой Рианнон смесью неуверенности и нахальства она поинтересовалась:

— Все не было случая спросить: как ты относишься к тому, что вы вернулись в Уэльс?

Рианнон захотелось услышать ответ Алуна.

— Я думала, что рано или поздно это случится, — холодно произнесла она. — Почти все валлийцы, с которыми я общалась в Лондоне, говорят то же самое.

«И, черт подери, я уже здесь», — чуть не сорвалось у нее с языка.

— Но большинство из них так и не возвращаются, правда? Им хорошо там, где они живут. Если

честно, я всегда считала, что вы с Алуном прочно обосновались в Хайгейте. Особенно ты, Ри. Совсем нас забыла в последнее время. Не то что Алун. Вот он поддерживает связь со многими.

— Так получилось. Знаешь, как оно бывает: тянешь-тянешь, а потом оказывается, что уже поздно звонить без объяснений.

— Да, конечно, а потом твоя мать умерла и приезжать стало не к кому. Ничего, скоро все наверстаешь.

Гвен замолчала, явно готовясь к очередной атаке. Молчание не тяготило Рианнон — она думала, почему не сопровождала Алуна в поездках по Уэльсу. Главным образом чтобы не мешать ему поддерживать связь кое с кем из местных обитателей, например, с женой доктора из Бофоя или той женщиной с экстравагантной прической, заместителем главного врача в психиатрической лечебнице. Всякий раз после возвращения домой Алун несколько недель вел себя как образцовый муж. Конечно, Рианнон не собиралась рассказывать об этом подруге, как, впрочем, и о том, что будет только рада, если Алун, обосновавшись в здешних местах, станет поддерживать отношения с людьми в Кейпл-Мерерид или еще дальше.

Гвен бросила на нее участливый взгляд:

— А ты сама-то хотела вернуться? Я имею виду без его уговоров?

— Конечно, — ответила Рианнон, стараясь говорить бодро и без излишней категоричности.

— Неужели нисколечко не сомневалась? Наверняка у тебя остались тяжелые воспоминания. — Гвен приняла печальный вид, словно ее они тоже касались. — Не боишься ворошить прошлое?

Рианнон подумала, что, сколько бы ни было выпито, к этой теме переходить еще рано, а никуда не денешься — Гвен ее все равно затронет.

— Немного. Но все случилось много лет назад, если ты об истории с Питером. Вообще-то я о ней даже не вспоминаю.

— Правда? Такое не просто забыть.

— Можно перестать сожалеть о содеянном. Я вот перестала. Не вижу смысла.

— Согласна, но женщинам свойственно испытывать чувства, в которых нет смысла.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Видимо, мне просто повезло.

Рианнон так и подмывало добавить, что бывает время, когда один человек может простить другому что угодно, и это остается, даже если все позади, да только такого она не говорила никому.

Ей вдруг захотелось узнать про Питера, и не обязательно от Гвен.

— Как Питер? Вы часто с ним видитесь?

— Да нет, не часто. Они с Малькольмом иногда встречаются в пабе. Как я понимаю, у него все нормально — по крайней мере насколько может быть в таком возрасте, — правда, его сильно разнесло. И у меня такое впечатление, что он не слишком доволен женой.

— Наверное, он уже на пенсии.

— Малькольм говорит, что от него доброго слова не дождешься, вечно всем недоволен.

— Не он один. С Мюриэль вы, полагаю, тоже видитесь?

При имени Мюриэль женщины, словно по команде, обменялись взглядами, состроили на удивление похожие недовольные гримасы и машинально придвинулись друг к дружке.

— О да, — сказала Гвен. — Видимся. Странно, правда?

— Ну, я ее мало знаю. Вернее, почти совсем не знаю.

— Я никак не пойму, что у нее на уме. Такая вся из себя милая, и совершенно непонятно, что она думает.

— Да, как уставится на тебя, словно оценивает.

Вообще-то я ее бог знает сколько не видела.

— Может, конечно, она нас всех любит, но, честно говоря, я сильно сомневаюсь.

— И не сказать, что она высокомерная, нет, ведет себя вполне дружелюбно, и это не вяжется с ее голосом.

— Интересно, как эти двое ладят между собой? Они занятно смотрятся вместе. Как будто не хотят терять лицо перед слугами. Или словно коллеги, которые вынуждены терпеть друг друга на работе, но никогда не пересекаются в свободное время.

— Что? — Рианнон показалось, что она засыпает. — А Малькольм что-нибудь слышал? Я имею в виду от друзей Питера?

— Не знаю. Порой, когда он уверен, что никто не смотрит, на его лице появляется странное выражение. Страдальческое. Загнанное.

— О да, помню! Обычно я говорила Питеру, что он просто…

Не дождавшись от Рианнон продолжения, Гвен заметила:

— Выпить она тоже не дура, наша Мюриэль. Не каждый день, конечно, время от времени, зато уж если начала… ого! Она очень хорошо держится, но как ни взглянешь — ее стакан или полон,

или пуст. И таких, как она, здесь хватает. Взять, например, Дороти…

Гвен замолчала, видимо, пытаясь вспомнить, рассказывала ли историю про виски. Видимо, попытка увенчалась успехом, так как она перешла к другой теме:

— Ну и конечно, Чарли…

— Я не видела его лет…

— После шести вечера Чарли и двух слов не свяжет. У него ресторан на Броуд-стрит. Совладелец — его брат. Не знаю, помнишь ли ты Виктора. Мне он не нравится. Совсем. Он из этих… ну, ты понимаешь.

— Что? Ты хочешь сказать…

— Вот именно, — кивнула Гвен. — В последнее время считают, что нужно относиться к ним терпимо, но я ничего не могу с собой поделать. Наверное, слишком поздно с ними столкнулась. Даже не подозревала, что такое бывает, по крайней мере здесь, в Уэльсе. Когда я впервые о них услышала, они водились где-нибудь в Париже или Лондоне. Тот же Оскар Уайльд. Что бы там ни говорили о Церкви, она по крайней мере их както сдерживала. Может, еще потому, что все были бедными. Не могли наряжаться, ну и все такое.

Рианнон вспомнила, что у себя в общежитской

комнате Гвен высказывалась в подобной манере о чем угодно, включая парней. Возможно, она выражала собственные мысли, однако говорила в шутливом тоне, словно боялась, что ее в чем-либо обвинят. Дороти, которая всегда увлекалась психологией, считала, что это признак неуверенности в себе. О чем бы ни свидетельствовали разглагольствования Гвен, они были довольно забавными, но замедляли разговор, что и произошло сейчас. Гвен выдохлась и замолчала, хотя никаких признаков неуверенности Рианнон не заметила.

— Брат Чарли, голубой, — сказала она.

— Да, Виктор. Он управляет рестораном вместе со своим… э-э-э… другом. Чарли ничего не делает, только болтает с посетителями, попивает виски да убеждает себя, что трудится в поте лица. Не слишком полезно для здоровья. Время от времени он засыпает прямо за столом или в баре, и Виктор отправляет его домой на такси.

— У Софи не слишком веселая жизнь.

— Не скажу, что она особо огорчается. У нее свой магазин — маленький магазинчик модной одежды, — пояснила Гвен в ответ на вопросительный взгляд Рианнон. — Суть в том, что Чарли бездельничает, и может себе это позволить. Нас-

колько я знаю, многие пенсионеры сталкиваются с этой проблемой. Сразу после завтрака начинается вечер. Бесконечные часы, и никаких причин оставаться трезвым. Никакого занятия, во время которого не тянет выпить, ну, ты знаешь, о чем я… Когда-то мы посмеивались над отцом Малькольма — он имел обыкновение отмечать разными цветами радиопередачи в программе. Мы ни разу не видели, чтобы он их слушал, зато целый час был занят. Пить он совершенно не мог, бедный старикан. Все-таки некоторым из нас есть за что благодарить Бога.

Гвен добавила себе еще вина, пролив немного мимо стакана. «Интересно, она хотя бы понимает, что делает? Или нет?» — подумала Рианнон. Жене Алуна вид пьяного был так же привычен, как вид человека, который поднимает бокал. А еще она знала, что можно надраться и сильнее. Не очень-то приятно через пару часов после переезда обнаружить, что все вокруг либо упиваются до этого состояния с завидной регулярностью, либо просто не в себе. Или то и другое сразу, как Мюриэль.

Гвен вновь посерьезнела.

— Скажи честно, как ты восприняла мысль о переезде? — спросила она с видимым интересом.

Не похоже на очередной приступ болтливости — скорее Гвен решила прибегнуть к любимой уловке: возвращаться к интересующему вопросу до тех пор, пока не удовлетворит свое любопытство или не получит отпор. По мнению Рианнон, эта привычка была не многим лучше пустого трепа.

— С восторгом, — ответила она довольно резко.

— Ты не сердишься, что я спрашиваю? Наверное, вы с Алуном долго все обсуждали, прежде чем принять окончательное решение.

— Вовсе нет. Сразу решили.

— Неужели? А кто первый предложил переехать?

— Мы оба давно об этом думали.

— И все-таки, кто первый начал? Ты? Мне просто интересно.

— Нет, Алун. В одно прекрасное утро за завтраком.

— А ты его сразу поддержала.

— Ну да. Я уже вроде как сама решила. Честно говоря, не помню.

— У тебя, наверное, было много друзей в Хайгейте.

Рианнон сдержанно кивнула:

— Да, я там обжилась. Короче, подруга, если хо-

чешь услышать, что мысль о переезде пришла в голову Алуну, а он уговорил меня, то зря теряешь время. Поначалу она нравилась ему больше, чем мне, но я тоже была не против. Впрочем, какая разница, если мы все равно решили перебраться в Уэльс?

— Ты всегда делаешь, что он хочет?

— Конечно, когда речь идет о подобных вещах. Он в семье добытчик.

— Ты позволяешь вытирать об себя ноги, Ри. А я говорила, что так оно и будет.

— Неужели? Вот и неправда.

Гвен вроде бы отступилась. Она смяла обертку от сигаретной пачки, сунула ее в переполненную пепельницу и аккуратно смахнула со стола пепел.

— Как Алун? — спросила она с кривой улыбкой.

Почти полсекунды вопрос казался вполне безобидным, как легкий билет на экзамене — подойдет все, что бы ты ни ответил, лишь бы по теме. Рианнон едва не начала рассказывать о результатах медицинского осмотра месячной давности — доктор тогда еще сообщил довольно холодным тоном, что печень, сердце и легкие Алуна в прекрасном состоянии, — но решила,

что будет тактичнее об этом не упоминать. Она заметила, что Гвен подняла брови, прежде чем улыбнуться. Экая у нее богатая мимика!

— Как обычно, — сказала Рианнон. — Веселый и шумный, кроме тех случаев, когда мне это не нравится. И меня это вполне устраивает.

Гвен ответ не понравился. Она торопливо встала и нетвердой походкой направилась к помойному ведру позади Рианнон. С громким шорохом запихала в него пустую бутылку, втоптала ее поглубже и стала стучать пепельницей о край ведра, вытряхивая мусор. Все это время она молчала — наверное, перегруппировывалась. Когда Гвен заговорила, по звучанию голоса было понятно, что она стоит, повернувшись спиной. Рианнон беспокойно поерзала на стуле.

— Знаешь, твое письмо ошарашило Малькольма. До нас уже доходили слухи, но ничего определенного. Он буквально ошалел.

— Надеюсь, не от ужаса.

— Конечно, нет. От восторга. От радости. — Гвен не было видно, но громкий хлопок недвусмысленно дал понять, что она делает. — И еще кое-чего — ты же сама понимаешь, Ри.

Гвен подошла к столу, держа новую бутылку вина и пустую, но грязную пепельницу, и с раз-

маху плюхнулась на свое место.

— Ты была его первой любовью, — безапелляционно заявила она.

— Приятно слышать. Он ужасно милый.

Рианнон не покривила душой и не могла понять, почему ей так неловко говорить об этом вслух.

— Он ничего не рассказывает, — продолжила Гвен, взглянув на часы. — О том, что у вас было.

— Гвен, ему нечего рассказывать. Ничего не было.

Рианнон почувствовала, что почти восхищается подругой и одновременно хочет стукнуть ее чем-нибудь тяжелым — за то, как та приняла объяснение, даже не пытаясь сделать вид, будто поверила или, наоборот, не поверила. Просто кивнула, а затем принялась вертеть в руках заново наполненный бокал, и лишь по сдвинутым бровям можно было понять, что она вот-вот начнет атаку. Едва Гвен набрала в легкие воздуха, как в дверь позвонили, резко и настойчиво. Мгновение спустя Рианнон услышала голос Дороти и усмехнулась про себя.

Дороти ворвалась в комнату, долго обнимала Рианнон, извинилась за то, что пришла раньше назначенного времени, потребовала, чтобы ей

рассказали все новости, и выслушала их — по крайней мере молчала и смотрела на подругу, пока та говорила. Такое поведение заинтриговало Рианнон и явно огорошило Гвен, которая заметно сдерживалась, чтобы не воскликнуть, что все подстроено с единственной целью — выставить ее в неприглядном свете, а Дороти ведет себя непорядочно и долго не продержится. Так или иначе, с последним она бы попала в точку: Дороти осушила первый бокал уже через десять минут, второй — еще быстрее. Задолго до конца вечера (но уже после того как Алун, Малькольм и Перси вернулись из паба), она принялась рассказывать всем, а потом только Гвен, об одном племени из Новой Гвинеи, которое строит на деревьях хижины, однако в них не живет; возможно, в далеком прошлом эти дома предназначались для душ предков, а может, и нет. Когда пришло время идти домой, она послушно пошла к двери и минут пятнадцать пыталась выйти, несколько раз повторив, что утром ждет Гвен и Рианнон у себя дома, на чашечку кофе.

— Думаешь, она теперь всегда в таком состоянии? — спросил Алун, когда они с Рианнон раздевались в маленькой спальне для гостей. — Малькольм кое-что рассказывал.

— Наверное, хотя мне кажется, что сегодня она перебрала на радостях, что нас видит.

— Скорее тебя. На меня у нее времени не нашлось. — Он стоял на одной ноге и энергично тряс другой, пытаясь вытащить ее из штанины. — Интересно почему?

Рианнон села на кровать и начала тщательно взбивать подушку, придавая ей форму поудобнее.

— Она была трезвой, когда пришла.

— Просто если выпивать каждый день, образуется что-то вроде критической массы. Достаточно принять совсем немного — и все, с ног долой.

— Вот бедняжка!

— К чертям собачьим таких бедняжек, — произнес нараспев Алун, укладываясь в постель. Он выключил свет, лег и обнял Рианнон, как обнимал всегда, вернее, каждую ночь, когда был с ней. — Это мы бедняжки, нам приходится это терпеть. А больше всех не повезло старине Перси.

— Думаю, он с ней справляется. Я вообще-то хотела сказать, что она, видимо, все понимает. Не пила целый день, хотела быть в нормальном состоянии, когда встретит меня, старую подругу. Наверняка она знает, что обычно напивается. Или нет?

— Какая разница, знает или не знает. Ей все равно, иначе бы не надиралась.

— Скорее всего она ничего не может с собой поделать, слишком поздно.

— Если смогла сдержаться и не пить один раз, значит, может.

Алун довольно долго шмыгал носом, откашливался и кряхтел. Закончив, он сказал:

— Похоже, старушка Гвен тоже не прочь пропустить стаканчик-другой, правда?

— Правда, а раньше вообще не пила. Она сильно изменилась.

— Я, конечно, сужу со своей колокольни, но годы возлияний не могут не сказаться на характере человека. Господи, куда мы с тобой попали? Ладно, зато не соскучимся. В некотором смысле. Вот с тобой, милая, таких проблем никогда не будет. Впрочем, и других тоже. Как отрадно это осознавать!

Через одну-две минуты Алун убрал руки с тела Рианнон и повернулся к ней спиной. Обычно он так не делал.

3

Спустя несколько дней телеканал «Кембрия ТВ» организовал интервью с Алуном в доме, который Уиверы сняли в Педварсенте, бывшей рыбацкой деревушке, а теперь — пригороде, где они рассчитывали обосноваться навсегда. Когда-то от ныне исчезнувшей пристани многочисленные суденышки уходили за устрицами, в изобилии водившимися с восточной стороны до острова Корси, а улов продавался повсюду от Бристоля до Барнстейпла, пока перед Второй мировой войной чрезмерный промысел и загрязнение моря промышленными отходами не уничтожили устричные банки. В прошлом году тут выстроили пристань для яхт, и в Педварсент потянулись хозяева небольших казино и владельцы прачечных-автоматов из Бирмингема и населенных пунктов дальше к северу. Отдыхающие приезжали на выходные по автострадам М-5 и М-4 либо все чаще летали авиатакси, для чего в Суонсете на Корси построили грунтовую взлетно-посадочную полосу. Там, где раньше торговали жареной рыбой с картошкой, маринованными моллюсками, пирогами со свининой и пивом «Троит»,

теперь предлагали каннелони, паэлью, стифадо, баночное пиво «Фостер», красное испанское вино риоха и, само собой, «Курвуазье» с «панателами», длинными тонкими сигарами.

Все это, за исключением, пожалуй, печальной истории исчезновения устриц, нисколько не трогало Алуна, а уж сегодня — в особенности. Его возбуждало присутствие съемочной группы; перспектива выступить перед камерой радовала куда больше, чем отвоеванное в тяжелых боях право опубликовать в газете статью «Неделя в Уэльсе». Впрочем, пресса тоже необходима, считал он. При зрелом размышлении, без нее не обойтись. Он уже проработал Англию, вытянул из нее все, что мог, хотя никогда и не надеялся стать там вездесущим. А вот в Уэльсе у него такая возможность есть, и, черт возьми, он ею воспользуется!

Дом принадлежал на удивление зажиточному чиновнику из местной жилищной конторы, который со своей женой отдыхал сейчас на Карибских островах, человеку, чья дружба могла бы пригодиться. Алун решил, что съемки в роскошной гостиной тоже неплохой ход, особенно для простых людей. Левацки настроенным педантам наверняка покажется, что вокруг слишком много

серебра, стекла и тикового дерева, но они сразу утихомирятся, когда на вопрос о будущих планах он поведает о скором переезде в собственное непритязательное жилище и окинет комнату чуть изумленным взглядом. Алун пока не обдумал маленькие хитрости вроде этой как следует, но он всегда был сторонником тщательной подготовки.

Для начала он решил подольститься к съемочной группе. Конечно, тут требовалось действовать чуть тоньше, чем с Эмрисом в поезде, но Алун чувствовал, что этим ребятам довольно будет и небольшой дозы того, что — пусть и несправедливо — называют валлийской лестью. Пообщавшись с ними, Алун переключился на интервьюера, светловолосого, одетого в бордовую куртку юношу, совершенно непохожего на валлийца и с ходу давшего понять, что сегодняшнее задание для него — повседневная рутина, которой он вынужден заниматься, пока ищет приличную работу подальше отсюда. При других обстоятельствах Алун бы в два счета разобрался с молокососом, однако на сей раз он изо всех сил делал вид, будто ничего не замечает, и даже не пытался понравиться — симпатия либо есть, либо нет.

Интервью прошло довольно гладко. Алун вскоре понял: у репортера нет никакого особого подхода к работе и для него, как и для всякой подобной шушеры, главное — продемонстрировать собственное превосходство. Следовательно, ему, Алуну, перед камерой нужно выглядеть знающим, много повидавшим, внимательным и в то же время непредсказуемым. Конечно, это был не тот случай, чтобы выложиться на все сто, но перед самым концом интервью, великодушно оставив без внимания невежество репортера в вопросах промышленной политики правительства Эттли[10] в Южном Уэльсе, Алун взял быка за рога.

— Самое простое решение для человека, который вернулся на родину после долгих скитаний, — осесть где-нибудь в тихом уголке, возделывать сад и ничего не видеть дальше своего забора. Вести растительный образ жизни. Боюсь, это не для меня. Я собираюсь ездить, странствовать в поисках Уэльса, наблюдать за жизнью, за людьми. Мое личное путешествие за открытиями. Уверен, многое здесь изменилось:

---

[10] Примечания: 10

Эттли, Климент Ричард (1883–1967) — британский политик, лидер лейбористской партии и 62-й премьер-министр Великобритании (1945–1951).

что-то к лучшему, что-то к худшему, — но есть места, которые неподвластны переменам…

Дальше он, не сильно задумываясь, перечислил несколько таких мест. Обычно Алун забывал все, что наговорил в интервью, и слава Богу: слишком хорошая память — враг непосредственности. Однако сегодняшние слова прочно засели у него в мозгу. Впрочем, мысль о возделывании сада он отбросил сразу, поскольку в гробу видел подобные развлечения. Зато «в поисках Уэльса» звучало многообещающе и со временем вполне могло бы стать заголовком книги; жаль, что старина Бринфорд снял недавно цикл передач под таким названием. Тем не менее стоило заняться этим туманным проектом, который послужил бы прекрасным поводом для отказа от несвоевременных приглашений и хорошим прикрытием для неожиданных отлучек, захоти Алун на время исчезнуть.

После ухода съемочной группы Рианнон вернулась в гостиную и обнаружила, что Алун полон энтузиазма и планов: поездка на остров Корси, в Кармартен, Мертир-Давит и Брикон; посещение сталелитейных заводов в Порт-Холдере и Кайрхаусе; обход пабов в Гарристоне, Кумгуирте и Барджменз-Рау; паломничество с обязательной

попойкой в Бирдартир, городок, где поселился Бридан после возвращения из Америки. Пока Алун говорил, Рианнон ходила туда-сюда по комнате, мешая ему сосредоточиться.

— Что ты делаешь? — не выдержал он.

— Ничего. Я слушаю. Просто проверяла, что все в порядке.

— В каком смысле?

— Хотела удостовериться, что ничего не разбили и не испортили.

— Не суетись, — сказал он уже мягче. — Ты ходишь по дому на цыпочках, словно боишься разбить какое-нибудь дурацкое блюдце. Эти ребята — профессионалы; в жизни не догадаешься, что они здесь были.

— Хорошо-хорошо, но я на самом деле боюсь разбить дурацкое блюдце, и тебе советую быть поаккуратнее. Людям свойственно привязываться к вещам. Кстати, как прошло интервью?

— А, что? Ах интервью…

Он тряхнул головой, что предположительно означало: какие пустяки, ничего особенного, все уже забыто, но тем не менее прошло благополучно.

— Я вот тут подумал: может, мне зайти пообедать в «Глендоуэр»? Сделать, так сказать,

пробный шаг? Посмотрю, что это за место. Почему бы тебе…

— Я жду уборщицу, а в два тридцать приезжает Розмари, — ответила Рианнон. Розмари, их младшая незамужняя дочь, изучала право в оксфордском Сент-Джонс-колледже и собиралась к ним на выходные, чтобы помочь матери подыскать дом.

— О Господи! Опять четверо на одного! Впрочем, пару дней я выдержу.

— Может, скажешь, о чем это ты?

— Я уже говорил, и не притворяйся, будто не знаешь. Любой мужчина в компании двух женщин оказывается в меньшинстве один к четырем, даже если они сама доброта. По определению.

— Значит, когда ты только со мной, получается двое на одного?

— Совершенно верно. И заметь, если вас двое, не всегда выходит четыре. Я хочу сказать, что если бы здесь присутствовала Франсис, счет был бы девять к одному. Закон квадратичной зависимости.

— Хочешь пошутить, да? Ладно, я не против, тем более мы все знаем, что это шутка. Надо же, ты — и в меньшинстве! Хотела бы я на это посмотреть.

— Ну-ну, полегче, кариад,[11] — произнес Алун, как ему показалось, игриво. — Не ершись.

Он обнял Рианнон.

— Расслабься, — сказала она.

Машина у них была японская, а почему бы и нет? Под предлогом особого валлийского патриотизма Алун не считал себя обязанным ездить на «английском» автомобиле. Неделю назад машину пригнал из Лондона какой-то мелкий издательский сотрудник. На кого-нибудь поважнее (или на женщину) пришлось бы потратить больше времени и сил, а его Алун просто угостил глотком виски и спровадил на станцию.

Алун поехал в город и припарковался рядом со складом стройматериалов, как раз за Броуд-стрит. Из сторожки вышел длинноносый человек в желтой каске — видно, хотел сказать, что парковка запрещена, — но лицо и своеобразная челка Алуна показались охраннику смутно знакомыми, а хлопок по плечу и громкое, хоть и неразборчивое приветствие довершили впечатление.

Обстановка в «Глендоуэре», который, несмотря на довольно раннее время буднего дня, был заполнен более чем наполовину, наводила на

---

[11] Примечания: 11
Любимая *(валл.)*.

мысль, что предприятие процветает. Алун любил делать вид, будто может писательским глазом определить социальное положение людей за соседними столиками, но со здешней публикой этот номер бы не прошел. Люди перестали одеваться должным образом, вот в чем дело. А еще теперь не только молодежь стала вся одинаковая. Алун обвел помещение взглядом. «Лавочники, — твердо сказал он себе. — Домохозяйки». Алун подождал пару минут и, видя, что никто к нему не подходит и даже не смотрит в его сторону, направился к двери. По дороге он отметил, что владельцы ресторана предприняли трогательную в своей неумелости, но от того не менее оскорбительную попытку стилизовать заведение под девяностые годы прошлого века: поставили плюшевые диваны, развесили по стенам зеркала в бронзовых рамах, вырядили официантов в длинные белые передники. Между окнами висела старинная карта Южного Уэльса (изготовленная примерно в 1980 году).

Наверху, в так называемом коктейль-баре, интерьер был выдержан примерно в том же стиле: черно-белые фотоснимки давно забытых знаменитостей на розово-лиловых стенах и бармен в полосатой жилетке с медными пуговицами,

похожий на девушку, которая могла бы сыграть дядюшку Тоби в постановке «Двенадцатой ночи» силами женского колледжа. Бармен разговаривал с мужчиной по другую сторону стойки, худощавым, с аккуратно причесанными седыми волосами и очень белыми белками глаз, который целиком подходил под правило Алуна, что нельзя доверять мужчинам после пятидесяти, если они чересчур заботятся о своей внешности. Алун без труда узнал Виктора Норриса; тот сразу же подошел, быстро представился, еще быстрее заказал Алуну выпивку и польстил ему куда более умело, чем можно было ожидать в ресторане провинциального городка, пусть даже и валлийского.

— Чарли сегодня будет? — спросил Алун, после того как вступление закончилось.

Виктор почесал шею, неестественно сильно отведя локоть назад, и бросил взгляд на большие напольные часы.

— Если надумает, то должен вот-вот появиться.

— Он сказал, что обычно приходит в полдень.

— Да, здесь он как дома, и это хорошо для всех.

— А я было подумал, что он как дома в большинстве заведений, где продают спиртное.

— М-м-м… — Виктор улыбнулся, не разомкнув

губ. — Конечно, Чарли — очень компанейский человек, но, поверьте, в глубине души он совсем другой. Вы просто не видели.

— Чего это я не видел? — спросил Алун, чувствуя, что дурман лести постепенно выветривается. — Мы с Чарли знакомы много лет.

— Не сомневаюсь, он часто вас вспоминает. Но мой бедный брат совершенно беззащитен перед обстоятельствами и, как никто другой, нуждается в размеренном и спокойном существовании. Вы наверняка считаете, что я преувеличиваю, и тем не менее это так.

— Надо же.

— Да. — Тут Виктор заметил, что какой-то человек в дверях — видимо, тот самый друг, про которого сплетничали, — подает сигналы, и легкая враждебность в его манере в мгновение ока сменилась прежним радушием. — Как говорят, безделье — мать всех пороков. Рад был познакомиться, Алун. Или вы останетесь на обед? Любите гребешки?

Услышав утвердительный ответ, Виктор поднял ладонь, прекращая дальнейшие разговоры, и поспешил прочь вполне мужественной походкой. Алун заказал еще выпивки и, после того как с него не взяли денег, почувствовал новое

уважение к Виктору. Меж тем время поджимало. Алун огляделся, как несколько минут назад внизу: снова лавочники и домохозяйки, совсем не впечатляющая публика. Он уже вяло подумывал о том, что придется обедать одному или в компании Виктора, если тот улучит минуту, когда вошел Чарли. За ним следовал некто, смахивающий на чрезвычайно обидную и одновременно весьма похожую карикатуру на Питера Томаса лет так в восемьдесят пять и не меньше полутонны весом. Приглядевшись, Алун понял, что это Питер Томас собственной персоной.

На долю секунды все трое замерли, потом разом зашевелились. Алун поднял бокал, Чарли махнул рукой, Питер кивнул. Приятели подошли ближе, Алун улыбнулся (сдержанно) и пожал Питеру руку (не слишком крепко). Затруднение состояло в том, что он привык излучать дружелюбие и благожелательность в немыслимых количествах и сейчас никак не мог взять холодный тон, которого требовали обстоятельства: Алун сурово осуждал чужую непорядочность.

— Давно не виделись, — обратился он к Питеру. — Выпьем?

Пока несли выпивку, Алун кивнул на живот Питера и продолжил:

— И как это у тебя получается? Небось ешь и пьешь все, что захочешь?

— Это из-за диетического тоника. На самом деле мне удалось снизить скорость прироста скорости прироста.

— Хорошее место, — сказал Алун Чарли, переводя взгляд из стороны в сторону. — Мне даже заплатить не дали.

— А, так ты уже встретился с Виктором.

— Да, — с воодушевлением сообщил Алун. — Отличный малый! И свое дело знает. Настоящий профессионал.

Чарли, видимо, был не совсем согласен с последним утверждением. Он немного помедлил, затем поднял стакан:

— За нас! Добро пожаловать в Уэльс, ах ты, шельма!

Все трое переглянулись и торжественно выпили. Алун почувствовал себя немного спокойнее. Еще лучше стало, когда они заказали по второй, перешли к политике и отлично провели время, соревнуясь в том, кто сильнее приложит лейбористов, местное отделение лейбористской партии, пролейбористский Совет графства, профсоюзы, систему образования, пенитенциарную систему, здравоохранение, Би-би-си, темнокожих и моло-

дежь. (О сексуальных меньшинствах сегодня не упоминали.) Неодобрительные высказывания перемежались похвалами в адрес президента Рейгана, Еноха Пауэлла,[12] южноафриканского правительства, израильских ястребов и правителя Сингапура, как там его по имени. Разговор продолжался в том же ключе, когда они спустились вниз пообедать, вернее, когда Чарли, сообщив, что обычно ест вечером, один раз в сутки, сел рядом с ними и приготовился пить, пока приятели едят. Он даже захватил с собой из бара еще одну порцию выпивки — чтобы не прерываться.

Едва они уселись, как к столу поспешил официант в длинном фартуке — разложить на коленях у гостей салфетки, неожиданно большие, отутюженные и из чистого льна, но почему-то нежно-розового цвета. Алун демонстративно поднял руки вверх и держал так, пока официант не закончил. Тогда Алун сделал серьезное лицо и поучительно произнес:

— Это называется салфетка. Она предназначена для того, чтобы защитить одежду от кусков пищи, которые благодаря своим застольным манерам

[12] Примечания: 12

Пауэлл, Енох (1912–1998) — консервативный британский политик, член парламента, известный своими расистскими выступлениями.

вы обязательно выроните изо рта или до него не донесете. Кроме того, ею пользуются, когда не хотят вытирать рот ладонью или рукавом. Потребуется много времени, чтобы вам это растолковать, и, возможно, вы ничего не поймете, так что просто сядьте тихо и заткнитесь.

— О Господи! — воскликнул Питер, посмотрев на меню. Еще в баре им всем дали по экземпляру, но до сих пор никто не удосужился туда заглянуть. — Валлийский обед или ужин! Надо же!

Он оглянулся в поисках виновника, и его взгляд упал на Чарли.

— Какого черта? — с искренним недоумением спросил Питер.

— Никуда не денешься, приходится ставить в меню, — ответил Чарли. — Посетители ждут чего-нибудь местного. Готовим только по пятницам и в День святого Давида.[13] И даже тогда можно эти блюда не заказывать. Весьма порядочно с нашей стороны, так как на вкус они омерзительны, если только ты не любитель курицы с медом.

— Хочешь сказать, кто-то действительно это ест? — спросил Алун.

— Редко. Тут дело в другом. Людям нравится

---

[13] Примечания: 13

Святой Давид Валлийский — покровитель Уэльса. День его памяти — 1 марта — отмечается как национальный праздник.

видеть в меню названия валлийских блюд. Та же история, что и с дорожными знаками.

— Да, но у вас нет английского перевода, — заметил Питер.

— Понимаешь, это бы испортило удовольствие. Посетителям нравится думать, что они понимают валлийский, ну или могли бы, если бы присмотрелись повнимательнее. Может, им и удается кое-что разобрать — самые простые слова вроде «горох» или «картошка», — благо пишутся почти так же, как на английском.

— О Господи! — повторил Питер с усталой брезгливостью.

— Надеюсь, мы не будем воевать из-за такой мелочи? По-моему, ничего страшного.

— А здесь ты ошибаешься. Это часть, пусть и совсем крошечная, но все же часть огромной Китайской стены всякого вздора, вернее, я имею в виду, часть вала Оффы, который…

— Вот-вот нас поглотит, — продолжил Чарли. — Знаю. Только я уверен, что десяток-другой валлийских слов в меню вряд ли ухудшит положение дел. Назови мне бастион, который действительно стоит удерживать, и я встану с тобой рядом.

— Мы всегда так рассуждаем, в том-то и про-

блема.

— Нужно еще выпить, — вмешался Алун. — И я бы посоветовал тебе, Питер, переключиться на что-нибудь другое. Диетический тоник на тебя плохо действует.

— Могу я порекомендовать суп? — спросил Чарли. — Надеюсь, вы заметили, что он называется «суп», а не «cawl»? Пожалуй, я себе тоже возьму. Суп картофельный с пореем, наш повар отлично его готовит, так что не пожалеете. Если, конечно, Питер не решит, что порей положили из националистических соображений.[14]

— Хорошо, Чарли, убедил, — сказал Питер.

Едва они сделали заказ, как к столу подошел Виктор — уже не тем подчеркнуто мужественным шагом, которым выходил из бара.

— Извините. Алун, одна из ваших поклонниц просит, чтобы вы уделили ей минутку.

— Что еще за поклонница?

— Понятия не имею, но сказал бы, что она еще совсем молода. Вон, выходит из-за угла.

Судя по тому немногому, что Алун смог рассмотреть без очков, поклонница была молодой и симпатичной.

---

[14] Примечания: 14
Порей — один из древних символов Уэльса.

— Хорошо, но вы должны сказать ей, что я обедаю с друзьями.

— Конечно, Алун, предоставьте это мне.

— Время от времени приходится с ними общаться, — произнес Алун пару секунд спустя. Он выглядел несколько смущенным.

— Не беспокойся, все нормально, — сказал Чарли.

— Я имею в виду, что в принципе от них всегда можно отвязаться, если не боишься выглядеть законченным мудаком, но, к сожалению, у меня не хватает решимости. Только когда очень нужно.

— Понимаем.

При ближайшем рассмотрении поклонница оказалась очень хорошенькой и не старше тридцати лет. Алун тотчас же махнул Виктору, и тот с несколько издевательской готовностью послал официанта за четвертым стулом. Поклонница мило пожала всем руки и согласилась выпить бокал вина.

— Чем могу быть полезен? — Алун решил, что нет смысла скрывать радость от неожиданного поворота событий.

— Не могли бы вы выступить перед моей группой?

— Какой группой?

Выяснилось, что это литературный кружок, в лучшем случае — человек тридцать, но послушать знаменитость вроде Алуна Уивера придут больше, — в двадцати минутах езды отсюда, а о гонораре даже не стоит спрашивать. Да, пусть будет авторское чтение, если его это устраивает.

— Я подумаю, — сказал Алун. — Вы не против, если мы сделаем эту встречу официальной? Я свяжусь с местным отделением Би-би-си. Спасибо, что пригласили меня, очень любезно с вашей стороны.

— Приятно было познакомиться.

Голос девушки тоже был хорош. Она пошла к выходу, и Чарли долго смотрел ей вслед.

— И это все? — требовательно спросил он.

— Что именно? Я выступлю перед ее группой, если сочту нужным. Куда ты клонишь?

— Куда, говоришь, клоню? Слабовато, честно тебе скажу.

— Не понимаю, о чем ты.

— Неужели это все, на что ты способен? Даже не спросил номер ее телефона!

Чарли покачал головой.

— А, теперь ясно. По-твоему, я должен был схватить ее за грудь.

— Ну, это вполне в твоем духе, разве не так?

— Чарли, ты мне льстишь. Возраст никого не щадит.

Заказали еще выпить, на сей раз виски и джин, чтобы поднять градус после сравнительно слабого вина. Вскоре принесли гребешки. Они оказались неплохими, во всяком случае, вполне съедобными, так что, когда подошел Виктор, Алун рассыпался в похвалах, не слишком кривя душой. Затем Алун настоял, чтобы ему позволили заплатить, иначе он будет чувствовать себя неловко, и Виктор вежливо не стал возражать, а потом согласился выпить с ними бокал вина из второй бутылки «Шабли фан крю». По вполне объяснимым причинам Алун утверждал, что не разбирается в вине, но это было явно хорошим. Улучив минуту, он поведал, что утром его снимали для телепередачи — мол, именно поэтому ему захотелось поскорее сбежать и пропустить стакан-другой в компании приятелей. Алун добавил, что испытывает подобное желание после всех телесъемок, даже для местных каналов.

— В Лондоне ты, наверное, часто выступал на телевидении, — заметил Чарли.

— Да, а что? Некоторые, ну, знаешь, эти чертовы интеллектуалы, презирают тех, кого показывают по ящику чаще, чем раз в сто лет. Считают их

дешевками. Только не я. Не думаю, что выступления на телевидении роняют мое достоинство. На что еще я гожусь? В конце концов, я старый фигляр, так почему бы и не выступить там, где меня увидят?

— Ну что ты, Алун, перестань, — перебил его Чарли, а Питер тут же добавил:

— Ты к себе слишком строг.

— Вы оба очень добры, однако после стольких лет у меня нет никаких иллюзий. Пусть и успешный, но все же фигляр. Старый мошенник. — Он замолчал, словно прикидывая, действительно ли он слишком строг к себе, а потом весело продолжил: — Ладно, забудьте. К чертям собачьим. Кто хочет сыру? А к нему — стаканчик портвейна, сыр без него, как день без ночи.

Чарли согласился сразу, а Питер раздумывал секунду-две. Алун попросил принести сырную тарелку, два больших бокала марочного портвейна и стакан домашнего красного вина, объяснив, что с недавних пор плохо переносит портвейн, а затем удалился в туалет, посетовав на свой возраст и признавшись, что завидует им, молодым.

— Мы вовремя ему возразили, правда? — спросил Чарли. — Насчет его излишней самокритичности.

— Сделали все, что в наших силах. Неужели он думает, мы поверили, будто он и вправду считает себя фигляром и мошенником? Видит себя в этом свете?

— Не знаю. Честно говоря, сомневаюсь. Я не удивлюсь, если он считает, что заслужил наше доверие. Вроде как обманщику, который признался в обмане, верят больше.

— Возможно. Как бы то ни было, он угостил нас прекрасным обедом. Во всяком случае, меня.

— Да, это уж точно. И вынужден признать, что он умеет поднять настроение.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, и, пожалуй, соглашусь.

Алун торопливо подошел к столу, когда сомелье — похоже, из одного теста с барменом, одетый в изящную тужурку с изображениями виноградных гроздей на лацканах, — разливал вино. Сыр уже принесли. Чарли взял кусочек чеддера.

— Что за марочный портвейн? — поинтересовался Алун.

— Портвейн — это крепленое вино из Португалии, — ответил сомелье, который, видимо, не расслышал вопрос. — А марочным называют портвейн…

— Я не просил вас читать лекцию о виноделии,

чучело вы этакое! — со смехом произнес Алун. — Назовите экспортера и год, а потом убирайтесь к себе и больше не высовывайтесь.

Его слова нисколько не смутили молодого человека.

— Грэхем, тысяча девятьсот семьдесят пятый, сэр, — сказал он с руританским[15] акцентом и удалился.

— Чтобы тебя хорошо обслуживали, не стоит полагаться только на уважение, — с ухмылкой объяснил Алун. — Немного страха не помешает.

— Может, ты забыл, но я совладелец этого ресторана, — сказал Чарли.

— Ни в коем случае, потому и выступил. Понял, что тебе неудобно возмущаться.

— Извините, я на минутку. — Чарли решительно встал и пошел за юношей.

Какое-то время Алун глядел, как он пересекает зал почти ровной походкой, затем повернулся к Питеру и посмотрел ему в глаза.

— Думаю, это удобный случай поговорить. Что бы там у вас ни было много лет назад, все давно закончилось и забыто, насколько я знаю. И я не

---

[15] Примечания: 15

Руритания — вымышленная страна, в которой происходит действие романа «Узник Зенды» Энтони Хоупа; в англоязычном мире превратилась в имя нарицательное для типичной центральноевропейской страны.

испытываю к тебе враждебных чувств. А что касается Рианнон, она наверняка скажет тебе то же самое. Извини, если вмешиваюсь. И давай больше не будем об этом.

— Очень великодушно с твоей стороны, Алун. — Питер опустил взгляд. — Спасибо.

— Слушай, утром, когда записывали эту дурацкую передачу, у меня возникла одна довольно интересная мыслишка. Пока я распинался, мне вдруг пришло в голову, что было бы неплохо поколесить по округе.

Чарли вернулся и сел на место, и снова вполне достойно.

— Сейчас чертовски трудно подыскать персонал, — примирительно сказал он.

— Не спорю, — весело отозвался Алун и, не переведя дух, продолжил: — Я тут говорил Питеру, что в ближайшие несколько недель надо бы сделать пару вылазок — ничего особенного, просто пройтись по окрестным пабам. А после, может, что-нибудь и напишется. Одно-два стихотворения, если старая хрычовка Муза еще на ходу.

Чарли и Питер переглянулись.

— Неплохая мысль, — признал Чарли.

— Да, но скучно мотаться туда-сюда одному. Не хотели бы вы двое составить мне компанию, ес-

ли, конечно, ничем не заняты? Может, и старину Малькольма вытащим. Повеселимся вместе.

Пока он говорил, оба приятеля смотрели на него с недоверием, только Чарли — с веселым, а Питер — с мрачным. Недоверие их было вполне естественным, но в данном случае совершенно необоснованным. Алун любил компании, любил выступать перед людьми и обожал путешествовать. По крайней мере сейчас, когда уговаривал своих слушателей. Вскоре они начали сдаваться, и не столько из-за того, что поверили Алуну. В конце концов, обед был очень хорош. Да и свободного времени у них хватало.

Первым сдался Чарли. Питер продержался немного дольше. Он заявил, что ему нужно подумать и вообще он любит тишину и покой, однако и его уломали в считанные секунды — сказали, что небольшое развлечение пойдет ему на пользу. К ним вновь вернулся дух товарищества, который несколько было угас из-за сомелье. Они наперебой предлагали разные места, куда стоит заехать, обсуждали их, вспоминали прошлое. Алун заказал еще два больших бокала портвейна и стакан домашнего красного, но только пригубил вино и как будто потерял к нему интерес. Через несколько минут он попросил принести

счет, заплатил, оставил щедрые чаевые и отправился по делам — как он сказал, отогнать машину в ремонт и починить стартер.

4

Однако стоило Алуну сесть в машину и включить зажигание, как мотор завелся в считанные секунды. Более того, Алун не стал заезжать в гараж или ремонтную мастерскую, а въехал в фешенебельный жилой район и припарковался у обочины. Затем прошел ярдов сто до короткой подъездной дорожки и остановился. Он стоял почти неподвижно, уставившись перед собой задумчивым взглядом, и случайный прохожий, особенно прохожий-валлиец, легко бы принял его вид за духовное или интеллектуальное озарение, после которого человек немедленно отказывается от всех своих планов, какими бы они ни были. Спустя мгновение из нижней части его туловища вырвался звук, похожий на отрывистый лай, который перешел в тонкое прерывистое завывание, а затем в громкий хлопок, который не могло бы издать живое существо, а уж человек — тем более. Наступила тишина, прерываемая еле слышным щебетом птиц. А потом, словно кинопленку пере-

мотали назад, Алун энергичным шагом вернулся к машине и вскоре уже стоял на внушительном крыльце и звонил в дверь.

Ему открыла Софи Норрис в светло-коричневом шерстяном платье. Она выглядела великолепно. При виде Алуна с ее лица исчезла дежурная улыбка.

— Ну, ты и наглец, Алун Уивер! — сказала она знакомым пронзительным голосом. — Так и подмывает захлопнуть дверь прямо перед твоей нахальной рожей!

— Да, но ты же не сделаешь этого, милая? Да и зачем? Вот, заглянул к тебе на чашку чаю; что в этом плохого?

Тяжело вздыхая и цокая языком, она посторонилась.

— Десять минут, не больше, понял? Мне нужно в магазин. Тебе повезло, что я еще не ушла.

— Конечно. А Чарли нет дома?

Тут Алун слегка перегнул палку.

— За кого ты меня принимаешь, Уивер, чертов придурок? — с негодованием произнесла Софи, широко распахнув глаза. — Да ты и носа сюда не сунешь, пока не удостоверишься, что его нет дома! Думаешь, я не знаю? Идиот!

— Ладно-ладно, шучу. Вообще-то я только что

из «Глендоуэра». Питер там тоже был. Мы втроем обедали. Кстати, весьма неплохо. Можно сесть?

Она неохотно кивнула.

— Почему ты ничего не сказал тогда у Морганов? Мог хотя бы позвонить…

— Случая не представилось. Нет, не так. Наверное, нужно было. Просто не сообразил.

— Позволь поинтересоваться, когда же тебе это пришло в голову?

— Ну… сегодня утром. Не помню точно. Не думал, не думал, а потом — раз, и захотелось приехать.

— И ты решил, что можешь ни с того ни с сего свалиться как снег на голову?

— Так выгони меня. Я уйду, и ты прекрасно это знаешь.

— Все тот же старина Алун?

— В основном да. — Он немного помолчал. — Ну что, поедем покатаемся?

В невинном на первый взгляд предложении скрывался намек из прошлого тридцатилетней давности, когда они с Софи находили удобное местечко за психиатрической лечебницей или, если позволяла погода, в рощице на дальнем конце поля для гольфа, а иногда уезжали за Кейпл-Мерерид и вели себя так, что воспоминания о тех

поездках до сих пор волновали Алуна.

— Незачем, — ответила Софи. В ее манере все еще чувствовалось недовольство. — Никто нам не помешает.

— Откуда такая уверенность?

— Я знаю.

— Да, но что именно?

— Скажу чуть позже.

— Нет, говори сейчас.

— Хорошо, — уступила она. — Виктор всегда звонит мне после того, как посадит Чарли в такси, предупреждает. После того как однажды Чарли пробыл в «Глендоуэре» допоздна, а потом отключился в кабине для фотографирования на железнодорожной станции. Хорошо, что старина Тюдор Уиттинхем увидел его, когда возвращался из Лондона, и привез домой на такси, уже другом. Чарли даже не помнил, как его сажали в первую машину.

Алун на мгновение задумался.

— А разве звонок Виктора помешает ему отключиться на станции или еще где-нибудь?

— Не помешает, но Виктор как бы снимает с себя ответственность. Я его понимаю.

— Да, я тоже, а о чем он думает? Неужели не ясно, что у тебя могут быть какие-то свои планы?

— Не знаю. Понятия не имею, о чем они все думают.

— А кто имеет? Раньше ты этим пользовалась?

— Если я и скажу, то, черт возьми, позже.

— Так ты раньше пользовалась договоренностью с Виктором? — спросил Алун некоторое время спустя.

— Считаешь, у тебя есть право спрашивать?

— Абсолютно никакого. Исключительно по старой дружбе.

— Ах ты, мерзавец! Ну, в общем, да, изредка. И не смейся!..

— Конечно, нет. Что он знает?

— Как обычно, все и ничего.

— М-да, я бы сказал, хорошенькая же у вас совместная жизнь!

— Не знаю, как насчет совместной, но в целом неплохая. Он обычно целыми днями в городе, а я — в магазине.

— Да, я помню. А что ты там делаешь?

— Иногда просматриваю каталоги, общаюсь с подружками, когда они забегают, и пью много кофе. Короче, занимаюсь примерно тем, чем Чарли в ресторане. Ничего серьезного. Он все про меня знал, когда женился. Ну, почти все.

— Вы вроде не так уж и долго женаты?

— Не то чтобы очень долго, всего лишь двадцать два года.

— Господи, неужели? — рассеянно спросил Алун. — А детей ведь у тебя нет? Полагаю, что…

— Нет, и, пожалуй, к лучшему. А ты, вижу, забыл, что у меня их никогда не было. Вообще-то некоторым мужчинам не мешало бы выучить домашнее задание, ну или хотя бы повторить кое-что, прежде чем заскочить наскоро перепихнуться. — Она вновь помрачнела, но ненадолго. — А как у тебя дела?

— Нормально. Ничего не изменилось.

— Неужели? Значит, снова будешь навещать старых подруг, живущих по соседству? Сколько их у тебя? Пара десятков? Ты, как всегда, в своем репертуаре.

— Синдром донжуана. Я считаю, чересчур высокопарное название. Знаешь, что говорят? Будто бы он возникает из желания унижать и оскорблять женщин. Ну, может, что-то в этом есть, но если бы все было правдой, то меня бы возбуждали женщины, которые так и просятся, чтобы их унизили или оскорбили, вроде Мюриэль или придурковатой Эйрвен Сперлинг. А, скажу тебе честно, у меня на них не стоит.

Софи почти не слышала.

— Ума не приложу, почему человек, у которого такая замечательная жена, должен путаться со всеми подряд.

— Ты упомянула о домашнем задании, так вот, я помню, что больше двадцати двух лет назад ты говорила мне то же самое, и сейчас повторю свои же слова: это страшно достает. Ты права, я именно должен. Никакого выбора, только необходимость. Проще, мудрее, добрее… принять это. Ладно, к черту все эти годы. Забудь про них. Тебя они совершенно не коснулись. Верь не верь, но я никак не могу вспомнить, как ты выглядела раньше. Сколько бы я ни пытался, всегда вижу тебя такой, как сейчас. Ты совсем не изменилась. Разве это не удивительно, разве не… замечательно… просто… великолепно…

Телефон на лестничной площадке зазвонил тогда, когда уже ничему помешать не мог.

— Должно быть, Виктор, — сказала Софи.

Предоставленный самому себе, Алун окинул безразличным взглядом просторную спальню. Все в ней, начиная с отсыревших обоев, которые, по всей видимости, были инкрустированы драгоценными камнями, и до последней мелочи, выглядело так, словно хозяева ставили себе одну цель — потратить как можно больше денег. В го-

лове Алуна крутились банальные и неизбежные мысли о скоротечности времени. Действительно, много воды утекло, однако, как ни удивительно, почти ничего не изменилось. Все, что он пару минут назад говорил Софи о ее внешности, было, конечно, неправдой; впрочем, по отношению ко многим старым знакомым такие слова оказались бы еще большей ложью. Но, в общем и целом, по ощущениям все осталось прежним. То, что произошло между ними сейчас, казалось таким же, как раньше, ну или не настолько другим, чтобы расстраиваться. Наверное, когда-нибудь это кончится, однако чем меньше оно меняется, тем сильнее походит на прошлое, а главное свойство прошлого — это что теперь его намного больше, чем прежде. Во всяком случае, так представлялось Алуну. Он пошел в туалет.

Вернувшись в спальню, Алун увидел там Софи. Она одевалась.

— Сколько у нас времени?

— Как минимум пятнадцать минут, — ответила она, не глядя в его сторону.

— В свое время я собирался за две с половиной минуты и даже успевал застегнуть запонки и зашнуровать туфли.

— Охотно верю.

Завязывая галстук, Алун посмотрел в зеркало и увидел кое-что, чего не разглядел раньше: наискосок от двуспальной кровати, где они с Софи развлекались, стояла заправленная койка.

— Кто там спит? — спросил он.

— Он. Это его постель.

— Его место? То есть он иногда приходит и…

— Нет-нет, он туда сбегает. Видишь ли, под утро я сильно пинаюсь, вот он и перебирается туда, когда надоедает терпеть.

— Мудрое решение.

Что-то в словах Софи озадачило Алуна, однако он не страдал праздным любопытством и уже забыл об этом разговоре, когда прощался с Софи в прихожей за восемь минут до конца отпущенной им четверти часа. (Шесть минут, да? Не очень-то и быстро.)

— Славно было увидеться! — крикнула Софи ему вслед, словно он и вправду заходил на чашку чаю, а затем добавила другим тоном, уже без недовольства: — И все-таки ты мерзавец!

Отогнав первую пришедшую в голову мысль, Алун ответил:

— Это ты славная! Я скоро снова заеду. Только сперва позвоню.

По злой иронии судьбы мотор не пожелал за-

вестись сразу, потом все-таки заработал. Алун развернул машину, решив, что в будущем будет делать это сразу по прибытии, и съехал вниз по холму. Все чисто. Шесть минут, а? Совсем как в старые добрые времена. Вскоре он забыл о Софи, но, как всегда после встречи, чувствовал себя абсолютно свободным — не победителем, нет, просто свободнее, чем когда бы то ни было. Алун запел негромким приятным тенорком, старательно выводя мелодию:

— А не мамзель ли Камилла всех мужчин заразила, тех, кто пришел к ней в дом?

Нет-нет, то была не Камилла, то миссис была Розенбом…

Алун свернул на дорогу над Бофоем, и вдалеке показалось море, а еще дальше, за выходом из бухты, — темно-коричневая с зеленью полоса острова Корси; на заднем плане виднелись силуэты промышленных сооружений, едва различимые сквозь туман. На мгновение выглянуло солнце, и серо-коричневый цвет воды переменился, стал не таким скучным. Одинаковые, с плоскими фасадами, дома рядовой застройки, к которым вели крутые ступени, сменились сдвоенными виллами из кирпича, построенными между войнами, затем — двухэтажными блочными зданиями периода

пятидесятых годов, и, наконец, разбросанными вдоль побережья каменными, появившимися во времена процветания, резиденциями владельцев угольных шахт и сталепромышленников.

Подъехав ближе, Алун сбавил скорость и придал лицу скучающее и недовольное, даже разочарованное, выражение — подготовился к встрече с дочерью Розмари. Все-таки есть нечто пугающее в том, как эта девица делает далекоидущие выводы из не самых значимых поступков своего отца. Стоит встретить ее с чуть более радостным чувством, чем суровая обреченность, и она решит, будто он что-то замыслил. В этом отношении она еще хуже своей старшей сестры, которая, слава Богу, замужем, вернее, слава Богу, нечасто видится с родителями. При всем желании Алун не смог бы объяснить, почему от требовательного дочернего внимания ему делается неуютно.

В гостиной мать и дочь очертили пространство маленького женского анклава на коврике перед камином и низеньком журнальном столике, обозначив границы кофейными чашками, жестянкой печенья, коробкой шоколадных конфет, упаковкой салфеток, сумочками, маникюрным набором, корзиной для бумаг, картой окрест-

ностей и десятком брошюр местных агентств недвижимости. Алун подумал, что если продержаться первую минуту, то, возможно, все будет хорошо. Благополучно преодолев двадцать футов минного поля от двери до камина, он обнял дочь. Объятие, как всегда, было по-отечески теплым.

— Хорошо пообедали? — спросила Рианнон, когда Алун ее поцеловал.

— Не очень. Впрочем, вполне сносно. Мыс тобой как-нибудь туда сходим.

— Ты видел Чарли? Хочешь кофе?

— Нет, спасибо. Да, он там был. И Питер тоже.

— Неужели? — заинтересованно спросила Рианнон. — Как он выглядит?

— Честно говоря, так себе. Сильно растолстел. Узнать, правда, можно.

— Надо же! Впрочем, тощим он никогда не был.

Розмари, копия матери, только посмуглее и покрепче, ждала, пока родители закончат разговор. Много лет назад ей сообщили, что в далеком прошлом, еще до встречи с отцом, у ее матери был роман с университетским преподавателем по имени Питер Томас. Никто не знал, слышала ли Розмари о каких-либо подробностях или догадывалась, но сейчас она стояла с невозму-

тимым видом. Показав на один из буклетов, она сообщила:

— В пять часов мы с мамой едем в Кинвер-Хилл — смотреть дом с застекленной верандой шведского типа и необычным садом, обнесенным изгородью. Ты как раз вовремя, подбросишь нас.

— В самом деле? Интересно, как бы вы обошлись, если бы я не приехал?

— Взяли бы такси, что мама и делала всю неделю, пока ты раскатывал по пабам и везде, где заблагорассудится. Ну давай, скажи, сколько домов ты посмотрел?

— О Господи, даже не знаю. Немного. Чем меньше, тем лучше. Может, три? Я в этом ничего не понимаю. Что бы ты ни говорила, поиски дома — женское занятие.

Алун старательно прятал радость от того, что его не попросили отчитаться о проведенном времени, хотя слова дочери его несколько задели.

— Значит, ты хочешь сказать, что мы должны подыскивать жилье и еще получать удовольствие? Так вот, дорогой, от этого дома ты не отвертишься. Вернее, от двух домов. Есть еще один, на Мэри-Твидлейн, туда мы поедем к шести, да, мама? — Розмари пролистала брошюрки. — Просторный зал с резным викторианским

камином. Мама говорит, что ты планируешь посетить здешние исторические и живописные места. — Последнее предложение она произнесла с резким валлийским акцентом, довольно убедительным, учитывая, что она никогда не жила в Уэльсе. — Мы-то поедем поглазеть на достопримечательности в другой раз, но дело в том, что ты не сможешь осматривать дома в Педварсенте и Холланде, пока изучаешь нравы Барджменз-Рау и напиваешься с его обитателями. Так что, папа, приготовься к тому, что следующие два дня будешь искать дом вместе с нами. Тебе не удастся сбросить все на маму, пока я здесь. Понятно? Ты меня слышишь?

Алун молча кивнул. Как же им не нравится, когда ты делаешь что-нибудь для себя, без их участия, даже если просто просматриваешь газету! Зря он рассчитывал, что уклонение от домашних дел станет дополнительным бонусом к путешествию в поисках Уэльса. Кстати, при нынешнем раскладе вышло не четверо против одного, а скорее четыре с половиной: Рианнон, которая украдкой ему подмигивает, сошла бы за половинку, а Розмари — за четверых.

Вообще-то в ее выпаде против отца не было никакой злобы, наоборот, чувствовалась своего

рода привязанность, только вот смысл сказанного от этого не менялся. Перед тем как выйти из гостиной, Розмари подошла к Алуну, обняла его и поцеловала в щеку, улыбаясь ласково и в то же время неодобрительно. На большее он и не рассчитывал.

3 — Чарли
1

Когда Чарли Норрис заметил, что у самого маленького человечка в подводном железнодорожном вагоне лицо сделано из ковра, он решил, что пора сматываться. Он дернулся в темноте, несколько раз с шумом втянул воздух, поднялся и снова рухнул на кровать. Страшно хотелось пить. Рядом с постелью на низеньком столике стояло несколько стаканов с водой, но не успел Чарли взять хотя бы один, как ему в руку вцепилось какое-то странное создание с длинными и узкими челюстями. Оно крякало скрипучим голосом. Чарли закричал (или так ему показалось), рванул вверх, словно пловец, выныривающий на поверхность, и проснулся по-настоящему.

Чарли услышал, как в другом конце комнаты тихо дышит Софи, и начал сбрасывать одеяло с намерением добраться до ее кровати, залезть туда и примоститься рядом с женой. Вдруг он вспомнил, что проделывал это дважды за последние десять дней, и третий раз будет уже слишком. Софи всегда просыпалась, как бы Чарли ни осто-

рожничал, и хотя она утверждала, что через пару минут снова засыпает, он ей не верил. Ладно, сегодня ему не пришлось ни бродить по краю огромного, ярко освещенного поля с разрушенными колоннами и рекой, которая течет в гору и все время меняет направление, ни воевать с маленькими диковинными зверьками или машинами, которые ведут себя как животные. Чарли остался в своей постели.

На самом деле было не очень темно. В свете прикроватной лампы он видел контуры Софи. Слабые отблески падали сквозь приоткрытую дверь, которая отражалась в высоком зеркале у окна. Ранняя машина проехала в сторону города. Чарли знал, что он в безопасности, но пить в реальном мире хотелось не меньше, чем в воображаемом, к тому же пришлось встать, чтобы отлить. Он взглянул на часы только после того, как удовлетворил свои нужды и вернулся в постель: десять минут шестого. Не так уж и плохо. Судя по ощущениям, ему снесло две трети головы, а сердце переместилось куда-то в желудок; в остальном Чарли чувствовал себя вполне нормально и успешно следил за своим дыханием около часа, пока не провалился в дремоту, впрочем, довольно тяжелую.

Он очнулся, когда уже рассвело, и понял, что ему нехорошо, вернее — совсем плохо. Как обычно в это время суток, его утреннее «я» проклинало себя вечернего за преднамеренно оставленное внизу виски, без которого нечего было и думать о том, чтобы подняться. На ночном столике стояла кружка с чаем, рядом — пластиковая фляжка с ним же. Всего глоточек-другой, подумал он; вряд ли после них придется вылезать из постели. Чарли приподнялся на локте, сделал несколько глотков — вернее, выпил всю кружку, чай уже успел остыть — и вновь свалился пластом. Жидкость вскоре проложила новый, более прямой путь к его мочевому пузырю. Чарли перевернулся, досчитал до ста, не сводя глаз с массивного деревянного изголовья кровати, затем резким, как при игре в боулинг, движением схватился за него, еще раз досчитал до ста, подтянулся изо всех сил и придал телу полувертикальное положение.

Он посидел в этой позе, по-прежнему цепляясь за изголовье, и пробормотал: «Камень огромный руками обеими кверху катил он. С страшным усильем, руками, ногами в него упираясь, в гору он

камень толкал»,[16] — и опустил ступню на пол. Ясно было, что если он все-таки доползет до уборной и вернется, то сразу же рухнет на кровать. Тем не менее, вернувшись, Чарли доковылял до туалетного столика, оперся ладонями с обеих сторон от жениного зеркальца в серебряной оправе и выглянул в окно: смотрел, но ничего не видел. Он чувствовал себя так, будто потерял все, что у него было, в том числе близких, и даже опыт многочисленных предыдущих похмелий не мог поколебать эту уверенность. Однако делать было нечего, и он стоял, собираясь с силами, чтобы заставить себя натянуть одежду — совсем как лыжник, который пытается не сойти с трудной дистанции. Готов? Хорошо… Давай! Вверх. Кругом. Вниз.

— Я только забегу к Рианнон! — крикнула Софи из кухни. — Они вроде бы дом нашли, но она хочет, чтобы мы с Гвен поехали вместе с ней, посмотреть. Это неподалеку от Холландского леса, знаешь, там, где когда-то жили Обри. Да, Дилис придет в одиннадцать, а мистер Бриджман уже здесь, он сейчас перед домом, так что ты будешь не один. — Софи говорила о приходящей уборщи-

---

[16] Примечания: 16
Гомер, «Одиссея».

це и бывшем докере, который ухаживал за садом, иногда мыл окна и выполнял другую поденную работу. — Вернусь примерно к половине четвертого. Не скучай. Увидимся, когда увидимся, милый, — закончила она шаблонной фразой, чмокнула Чарли в макушку и ушла.

Спустя десять минут Чарли с трудом добрался из столовой, где они обычно завтракали, до холодильника на кухне. Постоял, выпил много яблочного сока и сжевал полусгоревший дырявый кусок поджаренного хлеба, который оставила Софи; о том, чтобы приготовить тосты самому, он и не думал: хлебница, тостер, вся эта возня — невыносимо! Еще он проглотил пару ложек апельсинового джема, зачерпывая прямо из банки. Сам по себе вид пакетика с кофе подле чистой кружки еще не мог бы подвигнуть его на действие, но наполовину полный электрический чайник решил исход дела. Чарли благополучно заварил кофе и даже добавил сахар, размешав испачканной в джеме ложкой. Поперхнувшись слюной, он успел поставить кружку на стол, прежде чем зайтись в отчаянном приступе кашля, отбросившем его на другой конец комнаты. Там он оказался лицом к лицу с мистером Бриджманом, который уже обогнул дом и стоял по

другую сторону окна в восемнадцати дюймах от Чарли. Затем, как всегда в это время дня, раздался телефонный звонок.

— Чарли, это Виктор. Как ты себя чувствуешь?

— Более или менее как обычно.

— Да? Жаль. — Иногда Виктор говорил, что хорошо хоть не хуже. — Послушай, Чарли, мне надоели «Гриффитс и Гриффитс». Надоели по самое не балуй. — Он использовал местный вульгаризм для пущей убедительности. — Половину того, что они прислали вчера, пришлось выкинуть. Помнишь, мы как-то хотели поработать с компанией «Продукты Нижнего Гламоргана»? Может, я этим займусь?

— Валяй.

Чарли давно перестал мучиться вопросом о том, с какой стати брат по-прежнему делает вид, будто за состояние дел в «Глендоуэре» отвечают они оба. Впрочем, от этой скукотищи была некоторая терапевтическая польза.

— Отлично, спасибо. Еще мне не нравится наше домашнее белое. Омерзительное безвкусное пойло, а не вино. У меня есть парочка предложений на замену, но нужно, чтобы ты попробовал. Приедешь позже?

— Даже не знаю. Сегодня будет торжественная

церемония в церкви Святого Догмайла, а потом — пьянка в «Принце Уэльском».

— Не напоминай; я бы ни за что не пропустил это мероприятие — как же, замечательная возможность полюбоваться Выпендрежным Выскочкой во всей красе! Только у нас беда с юным Крисом. Бедняга подцепил какую-то заразу, и я отправил его в постель, а заменить некем. Слушай, Чарли, найди на этом сборище трех-четырех знаменитостей и приведи их сюда на обед. Конечно, если получится. Позвони заранее. Курица в вине должна быть просто изумительной. Хорошо?

— Надо будет осмотреться, но я попытаюсь.

— Вот и умница. И голос у тебя повеселел. Ладно, Чарлз, береги себя.

Кофе в кружке почти остыл, но Чарли выпил все до капли — хотел восстановить водный баланс. Чуть позже добавил некрепкого виски с водой, протянув время как можно дольше, — он дал себе зарок не пить с утра пораньше, если хватит сил. В одиннадцать приехало такси, чтобы отвезти его в город. Садясь в автомобиль и зевая во весь рот, Чарли привычно подумал, что надо бы продать старенький «рено», который много лет пылится в гараже, если только Софи не берет его взамен своей машины. «Займусь этим завтра», — решил он.

По дороге такси проезжало мимо разных интересных мест, но самым занятным из них было здание Совета Нижнего Гламоргана, которое в шесть раз превосходило размерами старое здание Совета Гламоргана в Кардиффе, настоящий новый город в миниатюре. Поговаривали, что там к услугам чиновников имеются многочисленные коктейль-бары, изысканно освещенные столовые, дискотеки, джакузи, парикмахерские, массажные салоны и кабинеты интенсивной терапии, которыми служащие пользуются, когда не заняты обманом населения. Вся эта роскошь располагалась неподалеку от местной тюрьмы. Другим примечательным сооружением были доки, где в свое время мистер Бриджман получал весьма приличную зарплату и обогащался другими способами. Там, куда приходили десятки кораблей, груженных древесиной, рудой, чугуном, углем, коксом, цинком, теперь виднелся ржавеющий земснаряд и обшарпанное грузовое суденышко под бело-красно-голубым флагом Югославии.

Перед глазами Чарли стоял образ Софи, какой он видел ее час назад: бодрая и аккуратная, в светло-голубом плаще, туго перетянутом ремнем. С первого взгляда ясно — в жизни жены

нет места человечкам с лицами из ковра; куда больше времени требовалось, чтобы понять, насколько терпима она к тем, кому они докучают. За двадцать два года супружества Чарли так и не изучил Софи как следует, но испытывал к ней огромное уважение, почти благоговение, и это чувство преобладало над всеми остальными, даже над завистью. Будь дело только в Софи, не было бы никаких переживаний, даже из-за Алуна. Еще за обедом в «Глендоуэре» Чарли понял, куда собирается Алун; и даже если бы он ни о чем не догадался, чистое постельное белье на кровати Софи в середине недели выдало бы истинное положение дел. Ну и ладно. Как обычно, они с женой ни словом не обмолвились о происшедшем. Где-то на половине совместного двадцатидвухлетнего пути Чарли потерял право высказываться по поводу этой сферы жизни Софи.

Со стороны дороги, обращенной к суше, показалась церковь Святого Догмайла, еще один из секуляризованных городских храмов. Эту церковь не стали переоборудовать в порнографический кинотеатр, а устроили там нечто на первый взгляд более безобидное — Центр искусств. Здание почти целиком перестроили в

тысяча восемьсот девяносто пятом году, однако внутри сохранились фрагменты галереи четырнадцатого века, воздвигнутой по приказу Генри де Корси на месте более древнего сооружения. Всю эту информацию, а также другие подробности можно было найти в брошюре, которая продавалась в большом книжном киоске и справочном бюро у западного входа. С незапамятных времен на низком каменном столбе сбоку от паперти возвышалась статуя. За долгие века под открытым небом она утратила всякое человекоподобие, тем не менее легенда гласила, что это изображение самого святого Догмайла. Сегодня столб закрывала красная ткань, а вокруг толпились шесть-семь десятков человек, в том числе увешанных гражданскими и прочими регалиями. Нестройный шум голосов разнообразили веселые женские возгласы.

Чарли успел в последнюю минуту. Он остановил машину в нескольких метрах от сборища, расплатился с таксистом-китайцем, обладателем заметного суонсийского выговора, и подошел к краю толпы. Довольно полный мужчина лет пятидесяти, с короткими седыми волосами, вытянутым одутловатым лицом и большими глазами, повернулся к нему.

— Доброе утро, сэр, — произнес он с сильным североамериканским акцентом.

— Доброе утро, — ответил Чарли, чувствуя, что хочет убежать. За последние полчаса головная боль немного отпустила, но незнакомец, судя по виду, мог обеспечить ее в избытке.

— Разрешите представиться. Меня зовут Ллевелин Касваллон Пью.

Услышав это отвратительное, словно сошедшее со страниц «Мабиногиона»,[17] имя, толпа умолкла. Во всяком случае, так показалось ошеломленному Чарли. Только мгновение спустя он понял, что к тишине, должно быть, призвал кто-то из центральной группки именитых гостей, среди которых был и Алун. Эту компанию сопровождали фотографы, рядом крутился человек с какой-то непонятной штуковиной — по-видимому, портативной телекамерой.

Начались малоразборчивые выступления перед микрофоном, транслируемые с помощью одного-двух динамиков. Во время речей Пью, явно чокнутый, посылал Чарли многозначительные взгляды, словно обещая нечто большее, чем сулило его имя. Неподалеку от них, рядом с

---

[17] Примечания: 17

Сборник кельтских средневековых сказаний, составленный бардами и включающий древнейшие мифологические предания Уэльса.

накрытой тканью скульптурой, стоял элегантно одетый молодой человек, надо полагать, мэр; он представил какого-то типа из Министерства по делам Уэльса, не то министра, не то заместителя. Этот тип (на вид — не старше предыдущего) произнес несколько общих фраз и дернул за декоративную веревку, которую Чарли раньше не заметил. Красное полотнище с удивительной легкостью разошлось и упало, явив взглядам кусок блестящего желтого металла на постаменте из оливково-зеленого мрамора. Фигура была в человеческий рост, но в остальном походила на человека не больше изъеденной временем каменной глыбы, которая возвышалась здесь раньше.

Воцарилась тишина, вызванная, вероятно, не столько ужасом, сколько обыкновенным разочарованием, затем толпа взорвалась аплодисментами. Вышел и на несколько секунд стал центром внимания невысокий человечек, заросший волосами, как художник с карикатуры, — по всей видимости, скульптор. Еще один юнец, сказавший, что представляет Валлийский совет по искусствам, заговорил о деньгах. Начался дождь, впрочем, не такой сильный, чтобы разогнать толпу валлийцев. Со второго взгляда в

фигуре на постаменте можно было найти человеческие черты, но манера исполнения исключала всякое портретное сходство, и Чарли подумал, что, наверное, он не единственный тут задается вопросом: а не воплощает ли представленная скульптура нечто абстрактное — скажем, дух Уэльса? Впрочем, те, кто стоял поближе, могли разглядеть на табличке имя Бридана и даты жизни: 1913–1960.

Подошла очередь Алуна. Он говорил сдержанно, без излишних чувств, неуместных столько лет спустя, и строго держался фактов: например того факта, что Бридан был величайшим из валлийских поэтов и величайшим англоязычным поэтом двадцатого столетия. Попутно он сообщил не столь известные, но не менее точные сведения о преданности Бридана своему делу, не упомянув, впрочем, о других его привязанностях: к виски «Джек Дэниелс Теннесси» и журналу «Удивительная научная фантастика». Ллевелин Касваллон Пью явно заскучал. Он все чаще поглядывал на Чарли и придвигался ближе, пугая всех вокруг (по крайней мере Чарли становилось все страшнее). Когда Пью заговорил, его голос звучал тише, чем раньше.

— Прошу прощения, сэр, но этот джентльмен,

случайно, не мистер Алун Уивер, командор ордена Британской империи?

— Случайно да, — ответил Чарли, слегка задыхаясь. — Он самый.

— А не могло ли так случиться, что вы с ним знакомы лично?

— Могло. То есть да, мы с ним знакомы.

— Не будете ли вы так любезны представить меня после церемонии?

«Должно быть, он нарочно ко мне привязался», — подумал Чарли, понимая, что добром это не кончится. Пора было убегать, ну или уходить — как можно быстрее и дальше, — однако путь к свободе преграждал неширокий, но плотный кордон из человеческих тел. Чарли пробормотал что-то, соглашаясь, и попытался отстранится от Пью и всех остальных, мечтательно вспоминая те далекие дни, когда по утрам в его жизни присутствовали только головная боль и тошнота.

В голосе Алуна зазвучали патетические нотки. Он говорил, медленно переводя взгляд от одной группы слушателей к другой, чтобы никто не почувствовал себя обделенным.

— Порой слишком много внимания уделяется тому неоспоримому факту, что Бридан совершенно не знал валлийского языка. На самом деле то

была чистейшей воды случайность, дань моде. Перед Первой мировой войной в Южном Уэльсе считалось, что детям вполне достаточно английского. Однако всякий, кто знаком с работами Бридана и знает Уэльс и валлийский, и на минуту не усомнится, что эта земля и этот язык живут в его стихах. Может, Бридан и не понимал все дословно, однако его понимание было другого толка: более глубокое, инстинктивное, почти на подсознательном уровне. Он чувствовал и ощущал нечто большее, чем просто слова…

Алун закончил, и еще один тип произнес несколько фраз благодарности или благодарения — в общем, завершил церемонию. Присутствующие вздохнули свободнее и огляделись, однако никто не тронулся с места. Чарли оказался в ловушке и в буквальном, и в переносном смысле: его удерживало данное обещание и собственное любопытство. Либо он будет присутствовать при встрече Алуна с этим заморским валлийцем, либо… Нет, не умрет, но сильно пожалеет. Впрочем, решимость Чарли несколько ослабла, когда Пью вновь повернулся к нему и набрал в легкие воздуха, собираясь что-то сказать. Чарли пожалел, что не заглянул в «Глендоуэр» перед подобным кошмаром. Неужели он так ничему и не научится?

— Могу ли я узнать ваше имя, сэр?

Чарли представился и с ужасом понял, что назвал и свой род занятий.

— А я официальный представитель Валлийского сообщества США, — сообщил Пью.

Тут с мозгом Чарли произошло нечто странное. Пью продолжал говорить с той же скоростью и интонацией, но Чарли вдруг перестал различать слова и слышал только какую-то тарабарщину. Взор Чарли затуманился, он шагнул назад и наступил кому-то на ногу, затем уловил знакомое слово и чуть не свалился от радости. Ну разве честно ждать от старого выпивохи, чей запас валлийских выражений сводится к двум-трем местоимениям и артиклям, что он узнает эту муть, когда ее внезапно вывалят на него, да еще с американским прононсом?

— М-м-м… — промычал Чарли с чувством.

Глаза Пью распахнулись еще шире, и Чарли спросил себя, на что же он согласился, однако тут его собеседник вновь перешел на английский.

— Основная задача нашей организации — устанавливать и развивать связи с родиной.

Ветер швырнул пригоршню освежающего дождя Чарли в лицо, над головой пронеслась чайка, заставив пригнуться.

— Прекрасная мысль.

— Да-да, во исполнение которой я прибыл сюда с целью пригласить мистера Уивера посетить местное отделение Сообщества в Бетгелерте, штат Пенсильвания. Отсюда и мое желание познакомиться.

Чарли оценил учтивое объяснение. Он даже почувствовал, что понял его смысл, и жить сразу стало легче. Он огляделся в поисках Алуна и вдруг представил себе с необычайной легкостью, как тот — вроде бы Чарли когда-то это слышал! — говорит, что хочет получить приглашение за океан, хоть в самую захудалую дыру, лишь бы зацепиться, и тогда уедет туда навсегда. Вот старый валлийский пройдоха и дождался своего шанса. Черт, у этих заокеанских таффи,[18] должно быть, сложилось слишком высокое мнение об упомянутом пройдохе. Из-за чего, спрашивается?

Алун в сопровождении трех или четырех чиновников направился к шеренге официального вида машин, и в ту же минуту Чарли, подхватив Пью, преградил ему путь.

— Мистер Пью имеет отношение к…

— Валлийскому сообществу США. Встреча с

---

[18] Примечания: 18
Презрительное прозвище валлийца.

вами — большая честь, сэр. Я писал, что вы…

— Приятно познакомиться, мистер Пью. Так откуда вы точно?

— Из Бетгелерта, штат Пенсильвания, который находится…

— Надо же, везде есть валлийцы, не правда ли? О, англичане, оставьте надежду найти под солнцем пирог, от которого наш простодушный народ не ухитрился отщипнуть кусочек! Передайте мой братский привет кельтам Бетгелерта, мистер Пью! А теперь…

— Мистер Пью хочет пригласить тебя в Америку, — торопливо произнес Чарли.

Стремительность, с которой бездумный взор Алуна, обращенный к автомобилю, превратился в мольбу о помощи, призыв угомонить мистера Пью, поразила Чарли до глубины души. Неплох был и взгляд Алуна, исполненный сдержанного интереса ко всему, что мог сказать этот заморский тип. Прямо перед ними какой-то человек, недовольный организацией мероприятия, преграждал путь к отступлению.

— Бетгелерт находится в той части штата, где живет много валлийцев. На самом деле Уильям Пени желал, чтобы колонию назвали Новым Уэльсом, но английское правительство отклони-

ло его предложение.

Пью особо выделил последние несколько слов, однако если ему и удалось подстегнуть дух сепаратизма в своих слушателях, они не подали виду, хотя интерес Алуна несколько поубавился. Впрочем, Алун повеселел, когда Пью продолжил рассказ:

— Жителям Бетгелерта посчастливилось принимать у себя многих выдающихся валлийцев. Бридан оказал нам такую честь в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году. Память об этом событии увековечили мемориальной доской с надписями на английском и валлийском, установленной на стене «Нейадд Талиесин»,[19] нашего культурного центра. Там же висит портрет Бридана кисти миссис Бронвен Ричардс Вайнтрауб, члена местного совета.

— И когда же вы хотите… — начал Алун, но Пью поднял руку, всего на дюйм или два, и продолжил:

— Миссис Вайнтрауб опиралась в основном на фотографии, но все посетители, которые знали Бридана при жизни, отметили исключительное

---

[19] Примечания: 19

«Чертог Талиесина». Талиесин (ок. 534 — ок. 599) — древнейший из поэтов, писавший на валлийском языке, чьи произведения дошли до наших дней.

сходство.

Было нечто окончательное и бесповоротное в том, как прозвучала эта реплика и как ее восприняли Алун с Чарли. В очереди перед ними опоздавший человек или автомобиль то ли нашелся, то ли безнадежно потерялся, и движение возобновилось.

— Скажите, мистер Пью, а где я остановлюсь в Бетгелерте? — задумчиво спросил Алун.

— Конечно, у меня, мистер Уивер! Скромное холостяцкое жилище, но, смею заверить, вполне приличное. Я с удовольствием покажу вам наши края.

— Жду с нетерпением. — Алун уже стоял у задней двери предназначенной для него машины. — Думаю, я смогу приехать весной девяносто пятого.

— Вы, должно быть…

— Нет, лучше осенью. Да, точно. Сейчас я очень занят. Приятно было познакомиться. До свидания. Чарли, садись с другой стороны.

Прежде чем сунуть голову в салон автомобиля, Чарли бросил последний взгляд на Пью, который выглядел так, словно из него выпустили воздух. Возможно, Чарли бы ему даже посочувствовал, если бы его не переполняло восхищение Алуном.

— Чертовски вовремя, — сказал Чарли, когда они устроились на заднем сиденье.

— Да, дополнительный бонус, но я бы мог уделывать этого педика до бесконечности. Кстати, он и вправду педик, да? Я сразу почуял, еще до того как разговор зашел о его холостяцком жилище.

— Возможно. Честно говоря, меня поразили другие его качества, на это я просто не обратил внимания.

Автомобиль по-прежнему стоял. Алун искоса посмотрел в окно.

— Вон он идет, котик. Нужно было порекомендовать ему мужской туалет у пожарной станции. Впрочем, его, наверное, уже закрыли, как все остальное.

Из чистого озорства Чарли заметил:

— Надеюсь, он правильно тебя понял. Как ты думаешь?

— Что?! Ты о чем?

— Ну, ты вел себя очень вежливо, как будто принял его предложение всерьез.

— Наверное, не без этого.

— Я хочу сказать, что ты же не хочешь, чтобы он тебе названивал?

— Нет, конечно. О Господи!

Машина тронулась с места и поползла вдоль

тротуара. Алун вновь посмотрел в окно, затем бросил быстрый взгляд на движение впереди. Левой рукой он начал опускать окно, а из пальцев правой соорудил неприличный знак — большой, указательный и средний вытянуты, два других прижаты к ладони.

— Это по-английски, — поспешно произнес Чарли. — Для американцев — средний палец.

— Черт, точно! Спасибо. Ага… вот так. — Алун высунул голову и руку в окно и громко крикнул: — Пусть будет двухтысячный! Двухтысячный год! Отстань!

Автомобиль ускорил ход. По счастливой случайности Чарли успел в последний миг увидеть через заднее окно Пью, который выглядел далеко не таким умиротворенным, как минуту назад. Интересно, что он расскажет в своем Бетгелерте?

— В Америке ведь говорят «отстань»? — озабоченно спросил Алун.

— Думаю, там понимают это выражение.

— И оно не означает: «Как дела у вашего отца?» — или что-нибудь подобное?

— Насколько я знаю, нет.

— Видишь ли, я подумал, что надо действовать наверняка.

— Да уж, вряд ли он потревожит тебя еще раз.

Алун тихо рассмеялся и покачал головой, словно снисходительно упрекал себя за резкость. Вдруг в разговор вмешался водитель, у которого воротник клетчатой спортивной рубашки был выправлен на воротник синего саржевого костюма.

— Этот тип на дороге — он что, просил, чтобы его подвезли?

— Вроде того.

— Забавный малый. Напомнил мне…

— Да, а теперь забудьте о нем и быстрее поезжайте к «Принцу Уэльскому».

Алун явно не собирался следовать валлийскому обычаю завязывать дружеские отношения с таксистами, о котором говорил Рианнон. Он понизил голос и продолжил:

— Здесь главное — правильно рассчитать время. Чтобы потом поскорее смыться. Однажды в Килбурне я попал в неприятную ситуацию с одним болгарским писателем — вот он на самом деле просил его подвезти. Короче, я целых две или три минуты посылал его на хер, пока водитель моего кабриолета разворачивался в тупике, который я не заметил. Просто удивительно, как быстро блекнет смысл этого выражения! Повтори его пару раз подряд, и все, ничего больше не

выжмешь.

— Да, и после него трудно подобрать что-нибудь в том же духе, — согласился Чарли.

— Именно.

— И все-таки, что тебе больше всего не понравилось в Пью, почему ты его послал? Что в нем такого отвратного? То есть кроме интереса к мужчинам? Конечно, как я заметил, он еще и американец до мозга костей.

— Что поделаешь, такой уж он уродился. Нет, это бы я стерпел. И стерпел бы, будь он валлийцем погрубее. Но я слышал об этих уродах из Пенсильвании. Ты же знаешь, кто они? Квакеры! Считай, повезло, если курить разрешат. А тебе известно, чем они занимаются? Говорят на валлийском. Представляешь, болтают по-валлийски!

— Да, он со мной тоже пытался поговорить.

— Вот видишь! — Алун с негодованием посмотрел на Чарли. — И что прикажешь делать с такими козлами?

— Я удивился, что ты не отшил его, как только услышал, откуда он приехал.

— Нет, ну что ты! Это было бы невежливо, тем более я еще не знал, к чему он клонит. А сейчас я хочу выпить.

Вестибюль «Принца Уэльского» в угоду чье-

му-то консервативному вкусу устелили коврами и украсили живописными изображениям общеизвестных сцен. Алун и Чарли поднялись на увешанном фотографиями лифте и оказались в роскошном убожестве с тонкими, слабо мерцающими колоннами, которое — кто бы сомневался! — именовалось банкетным залом. Зато там был бар, а еще стойка, где подавали только вино, благодаря чему немногие малопьющие гости не путались под ногами. Некоторым преимуществом профессиональных обязанностей Чарли, ныне почти номинальных, а когда-то весьма обширных, было знакомство с официантками. У одной из них он без очереди добыл виски с водой в количестве, которого кое-кому хватило бы на целый день, и сам удивился, обнаружив, как сильно нуждается в выпивке. Сжимая стакан со второй порцией, Чарли направился к Алуну — оказать моральную поддержку приятелю, очутившемуся на чужой территории. Рядом уже стояли Келлан-Дэвисы, и Малькольм расспрашивал Алуна.

— Как, говоришь, его звали? Ллевелин что-то там Пью?

— Я не помню, Чарли наверняка знает.

— Вроде бы Касваллон.

— А, Касвахлон, — прохрипел Малькольм с утрированным валлийским придыханием. — Более известный как Кассивехлаун.

— Вот это другой разговор! — Гвен деловито кивнула.

— Вождь бриттов, который сражался с римлянами в…

— Послушай, детка, остынь, а? — сказал Алун. — По-моему, на сегодня хватит истории. Уильям Пенн, Кассивеллаун, а ведь еще, друзья мои, есть патагонцы, многие из которых говорят на двух языках, валлийском и испанском.

— Жаль, что ты сбежал от мистера Пью, — заметила Гвен. — Судя по всему, они с Малькольмом созданы друг для друга. Нельзя ли его вернуть?

Чарли уловил в словах Гвен скрытый смысл, но когда он бросил взгляд в ее сторону, то увидел, что к их компании присоединился какой-то важный тип. Никто не спросил, кто он, зато ему было известно, кто они. От стрижки до костюма незнакомец выглядел типичным муниципальным советником, правда, скорее йоркширским, а не из Южного Уэльса, — таким, как бы его показали в черно-белом фильме двадцатипятилетней давности. Чиновника сопровождали еще двое, рангом пониже.

— Ну, что выдумаете о нашем новом памятнике? — спросил он глуховатым альтом с изрядной долей хрипотцы, которую часто приписывают любителям джина.

— О Господи, — произнес Алун, словно пытаясь сдержаться. — Э-э-э… вообще-то мы его не обсуждали, правда? Честно говоря, я в этом мало что понимаю. Гвен, давай, ты разбираешься в искусстве.

— Спасибо тебе, Алун, большое. Ну, по крайней мере в статуе нет дырок.

После короткой игры в «угадайку» должностное лицо поведало, что памятник обошелся в девяносто восемь тысяч фунтов.

— Есть о чем подумать, — заметил Алун. — На эти деньги можно приобрести парочку торпед.

— Что ты, они намного дороже, — вмешался Малькольм. — Я читал…

— И черт с ним! Тогда половину торпеды, четверть — какая разница!

— Тут дело в принципе, — пояснила Гвен.

— Может, если не возражаете, оставим торпеды в покое и вернемся к памятнику? — просипел чиновник. — Вот вы, мистер… — Он повернулся к Чарли. — Вы еще ничего не сказали.

— Да? Ну ладно… Я подумал, что он не слишком

выразительный.

— И это все? Неужели никто не может сказать что-нибудь более конструктивное?

Все промолчали.

— Значит, никто не согласен со мной, что памятник Бридану — выдающееся достижение для всего города?

Как и остальные, Чарли сразу понял, что иронией здесь не пахнет. Компания стояла молча, опустив глаза, пока Гвен не произнесла сдержанным голосом:

— Если это, по-вашему, выдающееся достижение, то как бы вы назвали фильмы ужасов, которые показывают поздно ночью? Чуть лучше посредственных?

Она бросила на чиновника хмурый взгляд и деланно улыбнулась.

Алун многозначительно кивнул.

— Очень точно подмечено! — сказал он.

— Вообще-то мы с коллегами рассчитывали на поддержку. Старались изо всех сил, чтобы донести простому народу лучшее, что есть в современном искусстве, ведь в конечном итоге оно принадлежит ему, а не какой-нибудь элите, а такие, как вы — образованные люди! — не хотят ничего слышать. Вам нравится затхлый

мещанский стиль Викторианской эпохи, и вы шарахаетесь от всего смелого и актуального. Тем не менее позвольте усомниться, что многие разделяют подобную точку зрения. До свидания.

Важный тип кивком подал знак сопровождающим следовать за ним, словно босс из фильма несколько иного рода, но вернулся, не пройдя и нескольких шагов.

— Вы, конечно, имеете полное право придерживаться своего мнения, однако оно, судя по всему, основывается на неосведомленности, в то время как скульптора, о котором идет речь, выбрала и проинструктировала группа экспертов. Прошу принять это к сведению.

Дождавшись, когда он скроется из виду, Алун произнес дрогнувшим от возмущения голосом:

— Все хорошо, пока разные говнюки, а особенно говнюшки, распространяются о выдающихся достижениях в рекламных проспектах или искусствоведческих журналах, ну, может, не совсем в порядке, но мы к этому привыкли и даже выработали иммунитет. И все было хорошо, пока придурки вроде этого типа требовали запретить «Любовь под вязами» в Королевском национальном театре или убрать из общественных библиотек книги Джойса, Лоуренса и Т. С. Элиота.

Вы все слишком молоды и не помните старого болвана и вдобавок отъявленного мерзавца по имени Биван Хопкин, который вызвал полицию на выставку Ренуара в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. Заметьте, не в тысяча девятьсот третьем! Вот и этот тип должен был вести себя так же. А он, подумать только, защищает нечто актуальное! Да он и слов таких знать не должен! Когда чиновники-лейбористы Южного Уэльса начинают вещать о том, как они несут современное искусство в массы, быть беде. Вернись, Биван Хопкин, все прощено и забыто.

Гвен попыталась что-то сказать, но Алун ее перебил:

— К черту, я сдаюсь. Надоело. О Господи, вон еще кто-то из этих! — Он повернулся к Чарли: — Нам лучше уйти, да поскорее.

— Я уйду прямо сейчас, но еще вернусь.

Чарли обошел группку сотрудников мэрии и, взяв по дороге чистый стакан, нырнул в туалет. Там он подождал, когда уйдут двое, которые зашли раньше, налил в стакан воды из-под крана, заперся в кабинке и разразился давно сдерживаемым кашлем. В туалет вошел какой-то человек и воспользовался писсуаром, тяжело вздыхая, словно в знак сочувствия. Чарли выпил еще воды

и сделал несколько глубоких вдохов. Теперь он чувствовал себя, как персонаж Джона Бакана[20] после приступа лихорадки — во всем теле слабость, но голова ясная. Выходя из туалета, Чарли заметил, что там воняет, словно в александрийском борделе, — по крайней мере именно так он позже объявил приятелям.

Он шагал по коридору, застеленному ковром (на вид роскошным, но идти по нему было неприятно), пока не дошел до ряда телефонов-автоматов, защищенных от непогоды лишь небольшими навесами, похожими на романские арки.

Виктор ответил на звонок и обрадовался, услышав Чарли.

— Как ты, Чарлз? Что там в сводке последних новостей?

— Все замечательно. Слушай, боюсь, у меня не получится с обедом. Я совсем забыл, что мы договорились обойти пабы Гарристона. Извини.

— Чарли, я не понимаю, о чем ты говоришь. Какой обед?

— Ты же сам просил отыскать парочку важных шишек и привести…

---

[20] Примечания: 20

Бакан, Джон (1875–1940) — шотландский писатель и британский государственный деятель, автор приключенческих и шпионских романов.

— А, вот ты о чем. Ничего страшного, в другой раз. Как там Выпендрежный Выскочка?

— Знаешь, совсем неплохо. Ну, он вел себя ужасно на самом открытии памятника, а потом стал вполне ничего. Там был один чудаковатый тип — валлийско-американский гей, которого он красиво отшил.

— Отшил? А что, тот…

— Нет-нет. Он звал Алуна погостить в его холостяцком жилище в Пенсильвании, или Филадельфии, или еще где.

— Жалко, что он не поедет. Вот был бы номер, если бы он согласился! — От смеха голос Виктора перешел в фальцет. — ВВ в Пенсильвании с одним из этих! — В разговорах между братьями «эти» всегда упоминались в третьем лице. — Эх, мечты, мечты… Ладно, хорошо тебе погулять. Заглянешь позже?

— Возможно, только не знаю, когда точно.

— В любое время, Чарлз.

Вернувшись в зал, Чарли увидел, что толпа заметно поредела или просто разбрелась по углам. Так или иначе, люди мэра собирались уходить; того малого, которому понравился памятник, нигде не было видно. Какой-то старикан с бело-розовым лицом — розовым вокруг носа и глаз,

белым во всех остальных местах — застыл у проема в стене и быстро открывал и закрывал рот. На столах стояли большие овальные подносы с малопривлекательными на вид порционными закусками ярко-зеленого или оранжевого цвета, которые почти никто не ел. И неудивительно, подумалось Чарли, особенно сейчас, когда половина страны страдает от избыточного веса, а вторая половина питается исключительно отрубями и сывороткой.

Зато выпивка пользовалась популярностью, причем до такой степени, что виски закончилось и никто не спешил его нести. Чарли пристроился в уголке бара, чтобы перехватить официантку, когда та будет возвращаться. Там уже стояли двое с пустыми стаканами: один лет шестидесяти с маленьким лицом, которое казалось еще меньше из-за очков в массивной оправе, и другой, помоложе, темноволосый, с грустной задумчивой физиономией, который чем-то напоминал Гарта. Они оба посмотрели на Чарли и сдержанно, но приветливо кивнули, словно знакомому. Впрочем, вполне возможно, они действительно встречались в клубе или баре. Здесь и впрямь все всех знают, что удобно и в то же время ни к чему не обязывает.

Парочка продолжила беседу, не стараясь исключить из нее Чарли.

— И такое случается повсюду, — говорил мужчина постарше, — не только в нашей сфере. Читали статью о том дипломате, который привез домой слишком много вина?

— Нет, должно быть, пропустил, — ответил темноволосый, бросив взгляд на Чарли, и тот кивнул, подтверждая, что тоже не видел статьи.

— Превосходная иллюстрация к нашему разговору. Дело в том, что когда дипломат уходил в отставку со своего последнего места службы, ему разрешалось беспошлинно ввезти в Англию какое-то количество вина в качестве поощрения. Точное число бутылок нигде не указывалось — рассчитывали на благоразумие, и все были счастливы и довольны. До тех пор пока сэр Такой-то не вернулся с запасом спиртного в десять или двадцать раз больше приемлемого. И все. Чуть ли не на следующий день лавочку прикрыли. Больше никаких льгот и поощрений.

— В общем, остальные тоже пострадали. Какой отвратительный эгоизм!

— Вот именно. Думаю, вы сами сделаете вывод. С годами во многих сферах сложилась традиция, когда люди на определенных должностях

получают право на небольшие привилегии. Подчеркиваю — на небольшие. И все довольны, пока…

— Пока кто-то не превысит разумные пределы.

— Совершенно верно. А все человеческая жадность, — сказал пожилой, глядя сквозь очки в пустоту, затем добавил с шутливым нетерпением: — Ну и где же обещанное виски?

— Какой смысл торчать в аптеке, если там нет даже лекарства от простуды?

— Я бы сказал, что это уже слишком, — вставил Чарли.

— О, погодите! Спасение близко. Давно пора! Хвала Богу за маленькие радости! Освобождение Мейфкинга![21] Я знал, милая, что ты меня любишь! — Это и много чего еще было сказано, пока официантка наливала всем троим виски и предлагала каждому воду, содовую и лед. Обстановка стала более непринужденной.

— К счастью, — продолжил пожилой, — все не так мрачно. Возьмите хотя бы один конкретный случай. Анейрин Пигнателли.

Темноволосый энергично закивал, прикрыв

---

[21] Примечания: 21

Город в Южной Африке, который во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. в течение 217 дней выдерживал осаду буров и был освобожден 18 мая 1900 года.

глаза.

— Вы же знаете, о ком я говорю?

— Само собой, — сказал Чарли, тоже кивая. Он был почти уверен, что где-то слышал это имя.

— Я полагаю, многие осведомлены о том, что с ним случилось.

Чарли снова кивнул.

— Он оказался исключительно порядочным человеком. Когда он вышел… — пожилой джентльмен сделал паузу, по мнению Чарли, совсем не нужную, — он не смог попасть к себе домой из-за цветов.

На какую-то долю секунды Чарли выдал свое замешательство, невольно и почти незаметно. Его собеседник тут же отвернул лицо в сторону.

— От всех тех, кого он не утащил за собой, — с легкой досадой пояснил младший.

Чарли торопливо произнес: «Да-да, конечно» — и махнул рукой, словно говоря: совсем из головы выпало, но было уже поздно. Очарование некоего подобия близости рассеялось. Подгоняемый холодными взглядами, чужак поспешно удалился, не забыв, однако, долить в свой стакан виски.

Мельком оглянувшись по сторонам, Чарли увидел в конце зала Алуна и Гвен. Он подошел поближе и услышал из-за спины Гвен, как Алун

вещает своей обычной скороговоркой:

— В последнее время я редко соглашаюсь выступать с лекциями. Просто чтения не подойдут?

— О, думаю, да, — ответила Гвен, оборачиваясь назад. — Я тебе сообщу.

— Не беспокойся, я обязательно приду. Чарли, старина, уходим.

— А почему ты не идешь на обед к мэру? — спросил Чарли. — Наверняка он устраивает прием.

— Конечно, но я ведь договорился о встрече со старыми друзьями, так? Куда же делся Малькольм? Впрочем, даже если бы не встреча, вряд ли бы я выдержал еще одно такое мероприятие. На сегодня мне хватило официальщины.

— Алун — творческая личность, не забывай, — заметила Софи.

— Тем не менее многие скажут, что причина другая: церемонию будут освещать в прессе, а обед — нет. Увидимся в пабе «Пиктон»,[22] Чарли, мне еще нужно кое-куда заглянуть, совсем ненадолго.

---

[22] Примечания: 22

Пиктон, Томас (1758–1815) — уроженец Уэльса, английский генерал, губернатор Тринидада, участник Наполеоновских войн. Смертельно ранен в битве при Ватерлоо.

2

Пока Чарли ждал у входа, ему казалось, что Малькольму, чтобы вывести машину с многоэтажной парковки напротив универсального магазина «Теско», нужно не меньше времени, чем стране — чтобы выйти из Общего рынка. Наконец подкатил Малькольм, и они поехали через пригороды под старым добрым дождем, обычным для Уэльса во второй половине дня. Миновали развалины замка, затем — руины медеплавильного завода. То тут, то там виднелись конусообразные бугры, покрытые травой, а кое-где — кустарником и молодыми деревцами: заросшие отвалы давно исчезнувших угольных шахт. Дорога ползла вверх, мимо Айверна, по склону долины, который становился все круче, с едва различимыми вдали очертаниями высоких холмов. По всем признакам должен был показаться сельский пейзаж, но по сторонам дороги вновь возникли дома, магазины, учреждения, пабы — все грязное, как в те времена, когда в воздухе висела угольная пыль.

— Вот мы и на месте, — сказал Малькольм, заворачивая за угол. — Или нет? Я не вижу…

— Что случилось? — спросил Чарли, наклоняя голову и выглядывая в окно.

— Здесь раньше была табличка «Пиктон», а теперь написано: «Улицы». Какие улицы?

— Ну-ка посмотрим.

Малькольм припарковался у выкрашенного в лиловый цвет бутика. Чарли почти не сомневался, что это бывший магазинчик марксистской литературы, хоть и не смел верить в такое счастье. Повсюду торговали электронной аппаратурой или модным фаст-фудом, так что крики газетчика: «"Ивнинг пост"!» — доносились словно из другой эпохи.

До заветной цели оставалось несколько ярдов под мелким дождем, когда Малькольм заговорил с Чарли, и тот второй раз за последние два часа пережил то же странное ощущение: речь собеседника, ясная и четкая секунду назад, превратилась в набор бессмысленных звуков.

— Прости, Малькольм, я, должно быть, схожу с ума — ни слова не понял. Ты не мог бы повторить?

— Виноват, — вспыхнув, произнес Малькольм. — Хотел показать, как бы твой друг Кассивеллаун спрашивал о генерале Пиктоне. То есть я его не слышал, но наверняка он говорит

с американским акцентом. Боюсь, у меня плохо получилось.

— По-моему, Пиктон родом из Пембрукшира, да? — добродушно поинтересовался Чарли.

— Да, теперь это часть Диведа.[23]

— В задницу их всех! — решительно произнес Чарли.

— Кого в задницу?

— Лондонских ублюдков, которые перекроили все валлийские графства. Даже меня, никудышного валлийца, это страшно возмущает. Да еще их дурацкие старинные названия!

— Это сделали для более эффективного управления. — Малькольм хотел быть справедливым.

— Вот тут ты ошибаешься. Это сделали мне назло!

Спасаясь от дождя, они нырнули в гулкий темный туннель, который вел к боковому входу и когда-то служил туалетом для местных выпивох; теперь там было безукоризненно чисто, а старые булыжники сменил бетон. Темноту внутри паба рассеивали лампы в виде старомодных уличных фонарей; впрочем, вблизи стало понятно, что это

---

[23] Примечания: 23

Графство на юго-западе Уэльса, созданное в 1974 г. и включившее в себя Пембрукшир; название получило от королевства Дивед, существовавшего здесь с 410 по 920 г.

и есть фонари. Со стеклянного потолка или сквозь него лился приглушенный свет, имитирующий дневной. Стены были расписаны под фасады магазинов, между которыми расположились ворота с кирпичными столбами, решетка парка, кусты и белая дощатая беседка. В дальнем конце помещения приятели разглядели внушительную фигуру Питера Томаса, который сидел на складном парусиновом стуле в бело-зеленую полоску возле фальшивого колодца, отделанного камнем и кованым железом. Новоприбывшие направились к нему, по дороге заметив, что кафель под ногами сменился гравием.

— Общество всеобщего благоденствия, — проворчал Питер. — В старые тяжелые времена только богатеи могли наслаждаться подобным окружением. Теперь оно доступно всем.

Чарли подошел к многоугольному бару посредине зала и позвал бармена.

— Минутку, — отозвался голос откуда-то вне поля зрения, и сразу стало понятно: кое-что осталось прежним.

После того как принесли выпивку, Малькольм огляделся вокруг и сказал:

— Да, здесь все переделали.

— И не разберешь, где что находилось, — доба-

вил Чарли. — Помните бар в задней комнате? Где была дверь, которая туда вела?

— Полагаю, сейчас везде так, ну, может, кроме какой-нибудь дыры вроде «Библии», — заметил Малькольм. Его лицо стало серьезным и сосредоточенным. — Напоминает мне одно местечко, куда я заходил совсем недавно. Черт, как же оно называлось?

Питер тяжело задышал.

— Далеко не везде. На днях я ехал на автобусе, времени было много, ну я и вышел у «Пендл-инн», помните этот паб? Там теперь все из металла, представляете? Стены, пол, столы, стулья, бар — абсолютно все! Сплошной матовый металл, не хромированный. Даже стойка с едой. Все металлическое, кроме дюжины телевизоров, по которым показывают рок-музыкантов. Но ты, конечно, имеешь полное право считать различия между этим пабом и тем незначительными.

Питер редко говорил столь пространно, однако Малькольм уже приготовил ответ:

— Видимо, подобный дизайн привлекает молодежь. Вот как здесь.

Верно подметил: судя по тому, что можно было различить в полумраке, большинству посетителей едва исполнилось тридцать. Некоторым

не было и десяти, они носились вокруг, налетая на мебель.

На лице Питера промелькнула гримаса невыразимого отвращения, но он промолчал.

— Да не должен он никого привлекать, — сказал Чарли, — смысл вовсе не в этом. Просто хозяин понимает, что пора подновить пабы. Конечно, он не жаждет раскошеливаться на пару миллионов фунтов, но делать нечего, и потому он скрепя сердце достает деньги и нанимает известного дизайнера. А известный дизайнер становится знаменитым, после того как фотографии его работ опубликуют в шведских журналах, и остается знаменитым, пока получает призы от международных комитетов, заседающих где-нибудь в Бразилии. Вот и все. Бедный старый…

Чарли умолк — Питер, который все быстрее и быстрее переводил взгляд с него на Малькольма и обратно, явно хотел что-то сказать.

— Где Алун? — требовательно спросил он. — Я думал, он тоже приедет.

— Собирался, — ответил Чарли. — Вернее, собирается. Будет чуть позже.

Пока он говорил, раздался телефонный звонок. Из-за стойки вышел сутулый юнец и направился к старомодной телефонной будке, которая стояла

на бетонном постаменте посреди зала.

Питер недовольно продолжил:

— Однако он присутствовал и даже проявлял активность на церемонии в честь Бридана, которая, по словам Малькольма, прошла, увы, без особых неприятностей.

— Ну, ему куда-то понадобилось.

— Да? Куда же именно?

— Не знаю.

Питер пристально поглядел на Чарли, затем покосился на Малькольма, однако те ничего не сказали. Так они и сидели молча под оранжево-белым пляжным зонтиком, беспомощно глядя на идущего к ним сутулого юнца.

— Кто из вас мистер Келлан-Дэвис? — спросил он, выговорив первую часть фамилии явно не по-валлийски.

Чарли испугался, что Малькольм начнет поправлять бармена, но все обошлось: Малькольм ответил, помедлив не дольше обычного — он вообще соображал не быстро.

— Ваш друг сказал, что уже едет. — Юноша кивнул на телефонную будку, словно желая снять любые сомнения относительно источника информации.

Почему-то это известие никого не обрадова-

ло — наоборот, за столом воцарилось мрачное молчание. Оно грозило затянуться, но тут на выручку пришел старина Малькольм: он рассказал Питеру о церемонии перед церковью Святого Догмайла, не забыв о Пью. Чарли тем временем мирно клевал носом в своем пляжном кресле.

Алун действительно не заставил себя долго ждать. Энергичным шагом он прошел через кафель и гравий к приятелям, состроил извиняющуюся гримасу, окинул интерьер неодобрительным взглядом и сходил за выпивкой. Как обычно, Алун весело болтал о самых разных вещах, но и словом не обмолвился о том, где провел предыдущий час своей жизни. Чарли, который уже немного прочухался, почувствовал, что вот теперь-то, когда он размяк и стал пить неторопливо, его разобрало по-настоящему. Он подождал, пока Алун закончит распространяться о том, что сегодня они впервые за бог знает сколько лет пьют вчетвером, и обратился к нему:

— По-моему, ты хорошо выступил на сегодняшней церемонии.

— Ну, мне нужно было…

— Вот только зря ты сказал, что хотя Бридан не знал валлийского, он его понимал.

— Господи, я всего лишь…

— Я хочу кое-что тебе объяснить, пока еще помню и не перебрал с выпивкой. Когда кто-то говорит тебе по-валлийски, что на дворе трава, а на траве дрова, ты ничего не поймешь, если только не знаешь, как по-валлийски «двор», «трава» и «дрова». Еще он может нарисовать картинку. Иначе это просто тарабарщина.

— Конечно, конечно…

— Суть в том, что в этом нет необходимости. Люди будут рады услышать, что Бридан творил на английском с жаром и страстью, присущими только истинному, или настоящему, или какому тебе угодно валлийцу, и что в своих стихах он передавал дух чего-то там. Даже если такое утверждение спорно, оно по крайней мере всего лишь треп, а не чушь. Трепись сколько хочешь, но не пори чушь.

— Интересно, сколько человек чувствуют разницу?

— Не знаю, но я чувствую, и ты, думаю, тоже.

Алун вздохнул:

— Ты прав, Чарли. Я не подумал. Очень неосмотрительно.

— Вот и умница. И не забывай в будущем.

— Эй, Алун! — Малькольм с улыбкой перегнулся через стол и заговорил с малоправдоподобным,

но на сей раз понятным американским акцентом:
— Скажите, мистер Уивер, можно ли этот паб назвать типично валлийским?

Тут раздался могучий треск, как будто кто-то громко испортил воздух. Оказалось, что под мощным задом Питера порвалось сиденье парусинового стула. По счастью, Питер не провалился насквозь, а застрял в металлической раме, сжимая стакан с нетронутым виски. Никто не успел шевельнуться, как грянула рок-музыка с обязательным ударом барабана на каждой доле третьего такта, удачно замаскировав оплошность Питера.

— Уходим! — рявкнул Алун. — Пейте быстрей, и уходим!

Он махом опорожнил свой стакан, взялся за прохудившийся стул и держал, пока Питер рывками выбирался на свободу и вставал на ноги. Затем приятели поспешили к выходу вслед за Малькольмом и Чарли. Никто не смотрел в их сторону.

— Уф, чуть не попались! — выдохнул Чарли, когда вся четверка остановилась у выхода из туннеля. Дождь, конечно, полил еще сильнее.

— Отлично, — сказал Алун, переводя взгляд с одного на другого. — Пора бы и перекусить. Кста-

ти, здесь есть то, что нам нужно, — индийское бистро «Бенгальский тигр». Ну, почти то, что нужно. Подождите здесь, ребята, пойду узнаю.

Алун рванул через дорогу, как настоящий спортсмен; даже газета, которой он прикрывал голову от дождя, не портила впечатление. Три приятеля в туннеле мрачно переглянулись.

— Да уж, любит работать на публику.

— Интересно, что он еще задумал?

— Не совсем уверен, но разговор шел о поездке на Корси.

— Уже поздновато, не находишь? Больше времени потеряем на дорогу туда и обратно.

— Еще нет и половины второго.

— Я хорошо выгляжу? — вдруг спросил Малькольм.

— Замечательно, — в один голос ответили друзья. — А в чем дело? Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, все в порядке. Просто хотел узнать, как я выгляжу.

— Господи, вот и Алун.

Отчаянно жестикулируя, Алун ускорил шаг, нырнул в туннель и присоединился к приятелям.

— Отвратительно. Нет даже… Ладно, потом скажу, а сейчас надо ехать. Сдается, здесь нет ничего

приличного; поедем сразу на Корси. Малькольм, где твоя машина?

— Ты что, без машины? Как ты сюда добрался?

— На такси. Будет веселее, если поедем все вместе.

Когда они забрались в теплый сырой полумрак машины, там сразу стало тесновато, зато вполне уютно. Чарли удобно устроился на заднем сиденье рядом с Питером, который втиснул туда свою тушу с некоторым трудом, хотя автомобиль Малькольма был не из самых маленьких. Алун на правах главного занял переднее пассажирское кресло и почти всю дорогу оборачивался назад, чтобы поддерживать разговор.

— Жуткое заведение, скажу я вам. Похоже на приморский пансионат, только повсюду китайские фонарики и играет музыка-кантри. Конечно, пустое, и, судя по всему, туда вообще никто не ходит. Довольно милая девушка сообщила, что можно заказать разогретый готовый обед из говядины или баранины — на выбор, а на закуску — сыр или салат с цыпленком, а к нему по желанию индийский соус чатни и маринованный лук. После снова сыр.

— Прямо как в бангладешском Читтагонге, — вставил Чарли.

— Я спросил, можно ли заказать карри, а она мне: «Извините, но у нас до шести только английская кухня. Повар-индиец приходит после шести». Бедняжка, ей так не хотелось отвечать на мои расспросы! Я довольно резко заметил, что на вывеске написано: «Индийско-европейская кухня». Она со мной согласилась. А потом… потом я поинтересовался, кто владелец бистро, и она здорово смутилась. И что вы думаете? Хозяева — арабы!

Слушатели дружно выразили негодование возмущенными возгласами, а дополнительный накал страстям придал ощутимый толчок, когда машину тряхнуло на ухабе.

— Я что хочу сказать, — продолжил Алун, сердито сверкнув глазами. — Арабы владеют авиалиниями, арабы владеют половиной Лондона… ладно, к этому мы уже привыкли. Но когда арабы хозяйничают в бистро «Бенгальский тигр» в захудалом промышленном поселке на полуразрушенной окраине бывшего индустриального центра и угольного порта в Богом забытой провинции — от одной этой мысли мороз по коже. Или еще хуже.

— Не только провинция виновата, — заметил Малькольм. — Возможно, и не в первую очередь.

— Никто и не говорит, что виновата, дружище.

Воцарилось молчание. Малькольм вел машину чуть быстрее обычного, но вполне безопасно, а движение было не слишком оживленным. Чарли задремал на несколько минут и проснулся от того, что Алун на переднем сиденье тихонько запел:

— А не крошка ли Салли так ужасно воняла, что ее выносили с трудом?

Нет-нет, то не Салли…

Если бы кто-нибудь сравнил манеру, в которой Алун промурлыкал эти строки, с тем, как он напевал после свидания с Софи, то, вероятно, заметил бы некоторый спад; песенка звучала совсем не убедительно. Чарли ничего не почувствовал. Он думал, что сегодняшний день становится одним из удачных. Дождь перестал, или они из него выехали, когда добрались до моря, и солнце светило блекло и водянисто. На дорожном указателе промелькнуло название «Корси». Все вокруг было тихим и мирным.

Пока никто не забивал голову такими вопросами, считалось, что остров Корси назвали в честь норманнского семейства, которое владело близлежащим Лохарном. Различные крупные ученые предлагали другие варианты: от искаженного валлийского слова *cors,* означающего «болото»,

«топь», и староанглийского *ey*, означающего «остров», или от эпонима *Kori* с *ey*, или от английского *causeway*, то есть «дамба», или от валлийского *cawsai*, заимствованного из английского и означающего то же самое. Как водится у крупных ученых, они не пришли к единому мнению, но дамба, которую последний раз ремонтировали в восьмидесятых годах прошлого века, действительно существовала: она связывала островок с остальным Уэльсом, и по ней проходила прекрасная широкая дорога примерно в сто метров длиной. До того как в шестьдесят пятом году на Корси закрыли все три товаро-пассажирские станции и убрали железнодорожную колею, дорога была вдвое у́же.

Когда-то Чарли кое-что об этом слышал, и, вне всякого сомнения, гораздо больше информации хранилось в памяти Малькольма. С какой радостью он бы поделился ею с кем-нибудь вроде Пью, и какое счастье для остальных, что этого не случилось! Трудно представить, что было бы с Питером, который сейчас крепко спал, издавая иногда странные звуки, похожие на сдавленные крики ужаса.

Заехав на остров и миновав Холмвуд, знаменитую, сохранившуюся с древних времен дубовую

рощу, которая, как некогда ошибочно полагали, имела отношение к друидам, Малькольм повернул налево. Восточная часть Корси всегда считалась валлийской половиной острова, что было заметно по названиям. Впрочем, среди них встречалась парочка англизированных, вроде Тревиля, куда друзья и направлялись. Западная сторона была в основном английской с тех пор, как в шестидесятых годах двенадцатого века Генрих II отправил сюда поселенцев. Там находился бывший порт Бирдартир, а также почти все пляжи острова, летом переполненные людьми. Вдоль восточного берега тянулись темные скалы, которые спускались к узким галечным отмелям или прямо в море. Кое-где они достигали двухсот футов, лишь немногим уступая самой высокой точке Корси. По общему согласию Малькольм остановил машину, и все выбрались наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, а заодно и отлить.

С первым вдохом Чарли почувствовал легкий запах то ли соли, то ли вереска, а может, сосновой хвои, но не успел он разобрать, чем именно пахнет, как аромат исчез. Чарли сосредоточенно помочился в заросшую травой канаву у обочины. Вокруг было очень тихо — по крайней мере так он думал до тех пор, пока маленький красный с жел-

тым самолет не вылетел с глухим гулом из-за его плеча, направляясь к суонсетской взлетно-посадочной полосе. Чарли с трудом поднялся по сырой кочковатой тропе на небольшой холм, отмеченный довольно старым фальшивым кельтским крестом в пятнах лишайника и вполне новой мемориальной доской из лиловатого материала.

Место было знакомое. Чарли сразу нашел дорогу на холм, но совершенно не помнил, когда стоял здесь раньше. Он начисто забыл, как отлого спускаются склоны, и с одной стороны за сосновой рощей виден Уэльс, а с противоположной, в направлении Девона и Корнуолла, зыбкая дымка окутывает бóльшую часть острова. Лишь посмотрев вниз, в небольшую извилистую долину, можно было разглядеть редкую поросль кустарников и невысокие деревца, полоску серого камня и залитый солнцем клочок дерна, плотный и зеленый, как сукно на бильярдном столе. Чарли нашел зрелище чрезвычайно приятным. В свое время он думал, что в пейзажах вроде этого есть нечто большее, чем открывается взору; может, оно даже не в самих пейзажах или вне их пределов, а как-то связано с ними, и многие стихотворения уверяли его в том же. Чарли долго надеялся, что сумеет уловить отблеск этого

невидимого, но ничего хотя бы отдаленно отвечающего догадкам и намекам так и не усмотрел. Тем не менее он до сих пор испытывал некоторый душевный трепет, когда выбирался на природу или встречал подходящее стихотворение. Вот и сегодня тоже.

Чарли побрел вниз по склону.

— Ради Бога, быстрее! — крикнул Алун недовольным голосом. — Мы не можем торчать здесь всю ночь.

— Не можем, — согласился Чарли. Он вернулся к машине последним, хоть и ненамного позже остальных. Как он и предполагал, от чистого воздуха в голове прояснилось. — Послушайте, я, видно, был не в себе, когда позволил завезти нас сюда. В Тревиле искать нечего, все битком забито.

— Там есть пабы.

— Хорошо еще, если они будут как тот, откуда мы только что ушли.

— Да ладно, поедем посмотрим. Вряд ли здешние пабы особо гонятся за модой, не то место.

— О чем ты? — спросил Чарли, когда машина тронулась с места. — Сейчас все переделали на современный манер, ну, может, кроме самых захудалых забегаловок.

— Я знаю, о чем он, — сказал Питер. — Алун имеет в виду, что они более аутентичные. Более валлийские, прости Господи.

— Подходящие для его телепередач. Черт, думаю, ты прав.

— Так куда мне ехать? — поинтересовался Малькольм.

— Примерно через полмили будет поворот и последний шанс попасть в западную часть острова. Самый подходящий вариант.

— И что, там открыто в это время года? — страдальчески спросил Алун, словно обидевшись на неблагодарность.

— Не знаю, ты же у нас исследователь, — ответил Чарли.

— Эй, я знаю, что мы сделаем! — отозвался Алун повеселевшим голосом, который заново пробудил бы подозрения Чарли, если бы те успели уснуть. — Давайте заедем к старине Билли Моугеру, тут недалеко. Он-то все знает.

— Я его сто лет не видел. Как переехал, так совсем пропал из виду. Думаешь, он по-прежнему здесь живет?

— Точно жил на прошлой неделе, когда я звонил.

— Неужели? — Чарли вдруг вспомнил какую-

то женщину, имеющую отношение к Моугеру, не жену, а если жену, то вторую, а скорее всего давнюю сожительницу, которая много лет назад тоже была любовницей Алуна. — Рад слышать.

— Я просматривал свою старую адресную книжку.

— Понятно.

Кажется, ее звали Лаура.

— Поворачивать направо или нет? — спросил Малькольм.

Чарли думал, что придется ехать до окраины Тревиля, но через несколько сотен ярдов автомобиль притормозил перед одноэтажным домом, расположившимся почти у обочины дороги. Вряд ли Билли Моугер поселился бы в коттедже, словно сошедшем со страниц детской книги сказок; впрочем, неизвестно, он или прежний жилец убрал старинные кривые окошки и гоблинскую переднюю дверь, заполнив проемы сталью и сосновыми досками, и, движимый тем же порывом, установил нормальные трубы вместо нелепых, похожих на карнавальные шляпы сооружений, которые наверняка украшали крышу в прежние времена.

— Ну и страшное место! — произнес Чарли, когда Алун пошел звонить в дверь.

— Кто такой этот Моугер? — поинтересовался Питер.

— У него был магазин спорттоваров на Кембридж-стрит рядом с винной лавкой. Очень удобно, да. Такой славный невысокий малый, он еще перед войной играл в крикет за Гламорган. Да ты должен его помнить!

— После тоже играл, — вмешался Малькольм. — Левша, подавал с правой стороны. И удар у него был отличный!

— Все, нас зовут, — сказал Чарли. — Быстро же Алун управился.

Искоса взглянув на садик рядом с домом, Чарли заметил нечто вроде небольшого вольера в богатом зоопарке. За оградой виднелось высохшее русло искусственного ручья, однако животных внутри не наблюдалось, даже растительности почти не было. В дверях он почувствовал сильный, хоть и не навязчивый аромат духов, не сладковатый, а скорее древесный и пряный. Чарли сразу узнал Лауру, маленькую худую блондинку с собранными в пучок волосами. На ней был черный облегающий бархатный костюм и явно чрезмерное количество колец, браслетов и бус. Она встретила гостей на удивление тепло, и Алун наконец-то всех познакомил.

Подобно многим обитателям Уэльса, да и не только Уэльса, Чарли видел отвратительные комнаты и дома гораздо чаще, чем привлекательные или хотя бы с претензией на уют. После двора он был готов к худшему, но его наметанный глаз не заметил в обстановке ничего отталкивающего. Чарли не смог бы описать ее в деталях; впрочем, другие наверняка не увидели ничего, кроме хорошо укомплектованного бара в углу гостиной. Повсюду было много цветов, самых разных, свежих, чертовски красивых и, как подсказывал Чарли опыт, довольно дорогих. Все остальное тоже выглядело недешевым. Чарли вспомнил, что одно время Билли очень хорошо зарабатывал, даже слишком хорошо, по мнению чересчур разборчивых: он поставлял спортивное снаряжение в местные школы и другие образовательные учреждения, включая тюрьму. Ну да, так он и начал.

Где же сам Билли? Лаура вернулась и сообщила, что он будет через минуту. Чарли не заметил, что она уходила, так как сосредоточил внимание на баре, где по ее просьбе Алун начал разливать напитки. Питер отошел в сторону и осматривал комнату, как показалось Чарли, с ожидаемо придирчивым видом, выискивал безвкусицу,

показуху и претенциозность; он замер у подозрительной акварели, но разочарованно двинулся дальше. Малькольм явно одобрял обстановку или то, что успел заметить, и наслаждался компанией. Он по-прежнему хорошо выглядел, хотя его обычно сдержанная манера поведения стала более свободной, совсем как полураспущенный узел его галстука.

Алун начал было объяснять, почему они заехали в гости, но стоило ему упомянуть про обед в Тревиле, как Лаура перестала слушать. Ее глаза загорелись, и она моментально положила конец этим рискованным и дурацким планам.

— И речи быть не может! — заявила она глубоким хрипловатым голосом. — В жизни не слышала подобного вздора. Слава Богу, вы мне об этом сказали.

— Мы собирались перекусить, только и всего, — заметил Малькольм.

— Перекусить! — произнесла Лаура, закрывая тему. — Давайте будем реалистами. В общем, учитывая время и хлопоты, ответ очевиден. Мне ничего не стоит приготовить сандвичи на четверых, так?

Конечно, подумал Чарли, и в его мозгу промелькнуло еще одно воспоминание: Лаура

Макинз, стойка с холодными закусками в пабе «Три пера» в Кинвер-Хилл.

— Решено, джентльмены. Алун, налей-ка еще по одной, а я займусь бутербродами.

— Вы не должны… — начал Малькольм, оглядываясь в поисках поддержки.

— Только не говорите, что я должна, а что нет, молодой человек! — Шутливый тон впервые смягчил ее резковатую манеру общения. — Мне не часто выпадает случай продемонстрировать свои таланты. В искусстве приготовления сандвичей, — пояснила она, шаловливо махнув окольцованным указательным пальцем. — А, вот и ты, милый. Иди сюда.

Невысокий седой старичок медленно, но уверенно подошел к приятелям. Он улыбался и переводил взгляд с одного лица на другое. На нем был бордовый в белую крапинку шелковый халат; шарф такой же расцветки, высоко поднятый с одной стороны, почти полностью скрывал багровую опухоль. Алун и Лаура представили Малькольма, Питера и Чарли. Билли пожал всем руки и поздоровался слабым голосом. Лаура вручила ему стакан со слабо разведенным виски, который приготовила сразу, как только увидела мужа. Он поднял стакан и окинул компанию

взглядом.

— Как видите, я еще выпиваю, — сказал он.

— Ну да, Лаура поддерживает тебя в хорошей форме, Билли, — сказал Алун. — Держу пари, она тебе все время подливает.

— Нет.

— Какие у Англии перспективы в боулинге в этом сезоне? — спросил Малькольм. — Не очень хорошие, как ты считаешь?

Билли довольно хихикнул и кивнул:

— Я все-таки на ней женился, да.

— Давно пора было, — сказала Лаура.

— Подумал, что уже пора.

Лаура устроила его в низком кожаном кресле с деревянными подлокотниками и чехлом из тайского шелка в красную, зеленую и желтую клетку. Рядом на маленьком круглом столике лежала упаковка салфеток, коробочка мятных пастилок, серебряный карандаш и стояла ваза нарциссов с коротко подрезанными стеблями. Все остальные подошли поближе и расположились вокруг.

Лаура произнесла отчетливо, но негромко:

— Алун недавно перебрался сюда насовсем. Говорит, что здесь многое изменилось.

Алун поведал о некоторых переменах, ему помогали Чарли и Малькольм. Иногда они замолка-

ли, чтобы дать Билли возможность высказаться, но тот лишь изредка вставлял словечко-другое, придерживаясь начатой им самим темы. Через несколько минут Лаура отвела всех на кухню, где усадила Билли в дальнем конце длинного, чисто выскобленного стола, а Алуна и Малькольма — по бокам. Алуну поручили открывать и наливать вино. Лаура быстро и ловко приготовила бутерброды с сыром, луком, языком и маринованными огурчиками на всю компанию, кроме Билли, который весело жевал консервированные бобы с диетическим печеньем и пил второй стакан разбавленного виски. Сандвичи оказались довольно вкусными, что вызвало у Чарли профессиональное уважение. Он даже съел парочку. Вскоре от бутербродов ничего не осталось. Лаура предложила было кофе, но тут же передумала.

— Не успеете, если еще хотите выпить в Тревиле.

— Ну и черт с ним, — сказал Алун. — Кофе бы нам не помешал, правда, ребята?

— Нет-нет, милый. Кое-кто немного устал.

— Ах да, ты права.

Они попрощались с Билли прямо на кухне. Когда подошла очередь Чарли, его вдруг ошеломила мысль, что в старичке не осталось ничего от того

Билли Моугера, которого он когда-то знал. Лаура вышла к машине вместе с ними.

— Какое счастье, что вы заехали! — призналась она. — Надеюсь, вы не слишком шокированы.

— Да ладно тебе, перестань, — отмахнулся Алун.

— Нет, правда, спасибо вам огромное. Он теперь долго будет радоваться. Сто раз еще вспомнит. Ну, мне пора к нему. А вы могли бы… э-э… если встретите кого-нибудь из его старых приятелей, скажите, что это не так уж и страшно. Некоторые к нам не заходят — наверное, боятся, что он совсем плох. Удачи в Тревиле, хотя, нужно признаться, я не уверена, что вам повезет.

Словно сговорившись, приятели молчали, пока не отъехали от дома на приличное расстояние, откуда ни острый слух, ни самая изощренная технология не смогли бы донести их слова до Лауры.

Начал Чарли:

— Значит, будем считать, что ты ни о чем не подозревал.

— Надеюсь. — Алун снова повернулся назад, но уже не так весело, как раньше. — Наверняка вы бы заметили. Даже я не смог бы притворяться, будто ничего не знаю. Нет, она просто пригласила

заглянуть к ним по дороге. Сказала, что они будут рады меня видеть.

— А ты что ответил?

— Сказал, что, может, сегодня мы поедем на Корси, и если все-таки соберемся, заглянем в гости — пропустить стаканчик-другой. Я не думал, что она будет нас ждать.

— Я тоже удивился, — заметил Малькольм. — А потом подумал, что все продукты — язык, сыр, лук — из ее запасов. Хотя было вкусно. И очень любезно с ее стороны.

— Все, кроме хлеба, — сказал Чарли. — Две большие буханки. Она купила хлеб на всякий случай. Весьма предусмотрительно, согласен. Хотя вполне возможно, она каждый день так себя балует.

— Вот бедняга, — покачал головой Питер.

— Да, его можно только пожалеть.

— Согласен, но я вообще-то думал о его жене. Сколько раз она, должно быть, говорила себе, что все равно никто не придет. И огорчалась, никого так и не дождавшись. Каждые тридцать минут из двадцати четырех часов бог знает скольких дней. Конечно, она прибрала в доме перед нашим приездом. Вернее, в тайной надежде, что мы заедем. И не осмелилась сказать мужу, почему затеяла

уборку. Но то, что мы видели, на скорую руку не сделаешь. Тут нужны годы ежедневной работы.

— Питер, что с тобой? — поинтересовался Чарли.

— Заткнись, Чарли, — оборвал его Алун.

— Извините. Сдается, о ней много чего можно сказать. В отличие от старины Билли.

Никто не стал спорить.

— Одно хорошо, — продолжил Чарли, — что с нами нет Гарта. Уж у него бы нашлись соображения.

Все рассмеялись. Чарли не стал делиться другими мыслями — например, что Лаура хорошо знает Алуна, раз не предупредила его о состоянии мужа. Или о том, что если Алун подстроил все заранее, то более выигрышного положения ему не найти: теперь он просто обязан заезжать сюда почаще. Карт-бланш практически даром. «Милая, Билли будет только рад, если ты отдохнешь от него вечер-другой». Вот так-то.

Только у самых окраин деревни им навстречу попалось несколько машин. Автомобиль катил вниз по холму, последнему перед въездом, когда в глаза приятелям бросился лозунг «За свободный Уэльс!», намалеванный на кирпичной стене грязной известкой. Его встретили ироничным

смешком.

— Это, случайно, не… — начал было Малькольм, пуская в ход свой ужасающий американский акцент, но Алун не дал ему договорить:

— Уймись, придурок! Что с тобой? В глаза не видел этого клоуна, а он у тебя с языка не сходит. Прекрати.

— Вспомни, что было в последний раз, когда ты его копировал, — сказал Чарли.

— Выбрось этого Кадвалладера Тулл-Тин[24] Пью из головы!

— Эй, я просто подумал, что можно сказать ему об этом лозунге! Плюнь в валлийского националиста — попадешь в дерьмо.

— Вряд ли он тебя поблагодарит, если окажется в говне, — резонно заметил Алун.

— Так и я об этом, тупица.

— Черт, это все выпивка. Замедляет мои умственные процессы.

— Мои-то точно замедляет, — сказал Малькольм, выкручивая руль. — Извините.

— Слава Богу, и мои тоже, — добавил Питер.

Вопреки всему сказанному чем ближе компания подъезжала к цели, тем сильнее чувствова-

---

[24] Примечания: 24
Дырожопый *(валл.)*.

лось предвкушение. Они миновали разрушенную железнодорожную станцию и несколько выработанных карьеров. Теперь дорога шла вдоль берега, где до недавнего времени собирали моллюсков и съедобные водоросли. Начался поселок. В глаза бросались ржавые крыши из оцинкованного железа и фасады магазинов, которые не мешало бы покрасить. В первом встретившемся на пути пабе обнаружился бильярдный стол половинного размера, телевизор, беззвучно транслирующий передачу для детей, и всего два человека: официантка болтала со своим приятелем, который тем временем не забывал угощаться из автомата для продажи арахиса. Первым желанием было уйти сразу, но Чарли заметил, что, возможно, в другом месте выпивки им не дадут. Кто знает, когда в этой дыре перестают торговать спиртным.

Однажды двадцать лет назад Чарли за целый день, от подъема до отхода ко сну, не выпил ни грамма. Собственно, подъема как такового и не было: Чарли был абсолютно уверен, что он при смерти, и сообщал об этом всем интересующимся. Тем не менее днем он выстоял в толпе на матче Уэльса против Франции, который проходил в Кардиффе. Вечером они с Софи, тогда еще молодожены, устраивали вечеринку — отменять ее было

уже поздно. Со стаканом апельсинового сока в руке Чарли зачарованно наблюдал, как его ровесники с необычайной скоростью пьянели один за другим, их голоса и лица менялись прямо на глазах, между двумя глотками. Теперь он не без страха заметил, что с Малькольмом происходит то же самое: едва они выпили рядом с блестящим игровым автоматом, как глаза приятеля затуманились и он неожиданно качнулся вперед.

Чарли поддерживал Малькольма под правую руку на протяжении всей двухминутной прогулки до следующего прибрежного паба, который Алун заметил раньше. Вода спала, и обнажившаяся после отлива полоса берега издавала резкий, неприятный запах. Впрочем, с этим ничего нельзя было поделать, как и с дождем, который заморосил вновь. Поблизости виднелись лишь три-четыре припаркованные машины, в остальном поселок словно вымер. Кроме мужчины средних лет, который вошел в дом и исчез, единственным признаком жизни служил свежий мусор под ногами. И это в то время, когда на улицах должно быть полно народу! Тишина вокруг стояла, как на холме, откуда друзья недавно спустились.

— Чем они тут занимаются? — довольно внятно

спросил Малькольм, когда они перешли боковую дорогу, на которой не было никакого движения, даже ветер не гонял бумажки. — Я имею в виду в наши дни.

— Кто его знает. Полагаю, производят лимонад или дезодоранты.

— Некоторые, должно быть, ездят на работу в город.

— Понятия не имею.

— Заметь, уровень безработицы в здешних местах выше, чем во всей Великобритании, включая Ливерпуль и северо-восток Англии.

— Хм.

— Знаешь, Чарли, это ужасно. По-настоящему… чудовищно. То есть представь, что ты сам застрял в дыре, где нет ни перспектив, ни будущего, где вообще ничего не происходит. И никаких… возможностей.

— Угу.

— Чисто из любопытства, Чарли, как ты думаешь, Мэгги Тэтчер бывала в этих местах?

— Вряд ли, если у нее есть хоть капля здравого смысла. И уж точно она не совалась сюда после того, как здесь закрыли первую угольную шахту. По-моему, в девятьсот десятом году.

Продолжая беседу в том же духе, они вскоре

добрались до двери, вернее, дверей, «Шип-инн», которые вполне могли бы служить входом в лекционный зал или здание местных органов власти. Однако на этом сходство заканчивалось: внутри оказался типичный деревенский паб с электроорганом, выщербленными медными столами, трехэтажными сандвичами и местными объявлениями, на редкость плохо оформленными и безграмотно написанными. Еще там толпились люди. Вот где были все жители!

С появлением четырех новых посетителей гвалт немного стих и многие уставились на вошедших. Ничего удивительного, учитывая, что на чужаках была необычная одежда вроде пиджаков и галстуков, а Питер и, в меньшей мере, Чарли поражали своими размерами. К тому времени как друзья устроились в самом дальнем и малолюдном углу, гул уже звучал с прежней силой.

Чарли поковылял к стойке.

— Ничего, — ответил Малькольм на вопрос, что ему взять.

— Выпей что-нибудь безалкогольное.

— Нет. Я лучше пойду посижу. В общем, вы меня понимаете.

Он опустился на кресло в ярко-оранжевом

чехле, которое явно попало сюда прямиком из гостиной чьей-нибудь тетушки. Оттуда же, видимо, доставили большую часть мебели, и в первую очередь — пергаментные абажуры. Через минуту Малькольм уже спал. Остальные трое молча переглянулись и кивнули, поняв друг друга без слов.

— Отлично, — сказал Алун. — Теперь ему не отвертеться, повезет нас обратно.

— Да он бы и не сопротивлялся, — заметил Чарли.

— Конечно, но лучше решить все цивилизованным путем.

Терпеливо прождав намного дольше положенного времени, Чарли сделал заказ одному из барменов, малому с длинными, до плеч, волосами, обрамлявшими лысину. Тот неторопливо приготовил требуемые напитки и подал, не выказывая особого почтения к клиенту.

— Прекрасно, пока у нас все есть, — сказал Чарли. — Еще воды? Кстати, как тебе Гвен?

— О Господи! — воскликнул Алун и повторил почти другим тоном: — О Господи. — Он бросил злобный взгляд на Чарли: — Ну ты и сволочь!

— Успокойся, старик, это дело семейное, никто ничего не узнает. По крайней мере от меня или от Питера. Собственно, я потому и заговорил

об этом, пока еще трезвый как стеклышко, что хочу тебя предупредить: не дай Бог, Малькольм что-нибудь заподозрит. Он…

Может, Чарли и не рассердился бы, заметив промелькнувшую на лице Алуна ухмылку, если бы ему самому не захотелось усмехнуться.

— Вот только не надо делать вид, будто тебе все равно. Никаких намеков или шуточек, тычков под ребра или игривых замечаний, которые он может ненароком понять. Что, если он и вправду догадается, а? Малькольм не такой терпимый, как, скажем, некоторые из нас.

Если Алун и смутился, то ничем не выдал своего замешательства.

— Само собой, не волнуйся. Вообще-то это ей первой пришло в голову, не мне. Вцепилась в меня в «Принце Уэльском». Я знал, что вы заметите, хотя и надеялся на обратное.

— Ты был не против, я видел. И все-таки как она?

Чарли глянул на Питера в надежде, что тот проявит любопытство, сделав разговор общим, но приятель, как обычно, глазел по сторонам рассеянно и толку от него не было.

— О Господи, — сказал Алун. — Она… Ну, я достиг цели с большим трудом, если понимаешь, о

чем я. В свое время она была очень даже ничего, но сейчас сильно сдала. Хватит с тебя?

— Вполне, спасибо. Какое у нее было настроение, когда ты уходил?

— Несколько подавленное.

— Хм. Думаю, она повеселеет, когда увидит беднягу Малькольма, старый он хрыч. Слушай, Алун, не забывай, что мы знаем тебя как облупленного. Видим насквозь.

— Если ты сейчас о Лауре…

— Нет, не о ней. Там ты, считай, получил полное отпущение грехов, хоть и незаслуженно. Я имею в виду — в общем. Ты не мог бы определиться со своими пассиями? Несколько сузить их круг?

— Это все чертов соблазн. Диапазон с каждым годом все шире. Процент женщин в возрасте от моего до пубертатного включительно вряд ли уже значительно вырастет.

— Нижняя возрастная группа, как я заметил, не вызывает у тебя недолжного интереса. Ты спровадил ту поклонницу в «Глендоуэре», даже не попристава л к ней. А она была вполне себе… то есть когда-то я бы сам за ней приударил.

— Нижняя возрастная группа существует по большей части в теории. Вроде того незримого конуса, который гипотетически простирается от

вершины видимого. Только наоборот. А с практической точки зрения — молодые женщины, в отличие от дам в возрасте, редко выказывают благодарность, которая так необходима для прочных чувств. Короче, этому соблазну противостоять легко.

Чарли ошеломленно уставился на пустой стакан.

— Господи, а зачем ему противостоять? Хм, судя по твоему рассказу, Гвен особой благодарности не испытывает. Полагаю, ты трепаться не будешь, но ведь есть и она.

— Да, понимаю.

Где бы ни витали мысли Питера, он никогда не пропускал свою очередь брать на всех выпивку. Заняв место Чарли у стойки, он вытащил пластиковый пятиугольник, в который были вставлены пять монет по фунту: детская игрушка, по его собственным словам, для детских денег. Внимание Питера привлекла какая-то штуковина между грязными стаканами и коробкой для сбора средств в пользу страдающих от мышечной дистрофии, и он, шаря по карманам в поисках очков, наклонился, чтобы взглянуть поближе. В следующее мгновение раздался злобный рык, достаточно громкий, чтобы люди неподалеку

подняли голову.

— Нет, ну надо же! — рявкнул Питер ненамного тише. — Минздрав, твою мать, ин Наймру! Диолш ам… Что за дурдом…

— Пустяки, все равно никто не понимает, — успокаивающе произнес Чарли.

— Мало того что они пытаются запретить мне курить, так у них еще хватает наглости сделать это на валлийском! Да от одного этого…

Питер взмахнул рукой, возможно, желая продемонстрировать всю глубину своего презрения, но кончиками пальцев задел согнутую картонку и смахнул ее на пол. Пока он собирался с духом, чтобы за ней нагнуться, вмешался бармен:

— Поднимите это, пожалуйста.

В его речи не было ничего валлийского, зато отчетливо слышался североанглийский акцент.

Капельки пота выступили на верхней губе Питера. Он покраснел, но по-прежнему стоял как столб, и табличку на стойку вернул Алун, уже привычный к тому, что из всей компании он один может наклоняться.

— Если хотите курить, вам придется пройти в другой конец зала.

— Да не хочу я курить, черт подери! — возмутился Питер. — Дело не в этом. Я просто…

— И будьте добры, прекратите выражаться.

Бармен по очереди смерил их оценивающим взглядом.

— Валлийцы! — презрительно фыркнул он и отвернулся.

Как стало ясно позже, Малькольм всколыхнулся не от того, что его разбудила стычка и он захотел выяснить, в чем дело, но тогда это выглядело именно так. Его возвращение к активным действиям привлекло куда больше внимания, чем отход ко сну. Нельзя сказать, что Малькольм выглядел очень хорошо; впрочем, нельзя сказать, что и очень плохо, да и с речью у него все было в порядке — по крайней мере говорил он разборчиво. Однако десятиминутный сон трудно назвать восстановительным, и Чарли по своему опыту определил состояние Малькольма как «мнимый рассвет».

Тем не менее начал Малькольм вполне успешно — он был явно взволнован, но пока сдерживался.

— Наконец-то я вспомнил, меня вдруг осенило! То ужасное место в Гарристоне с оградой и уличными фонарями, оно что-то мне напомнило, только я никак не мог понять, что именно. Так вот, это паб в Честере, куда мы ходили, когда в прошлом году гостили у сына. Очень похож. Та

же самая концепция.

Это открытие не слишком потрясло остальных.

— Да как же вы не понимаете: я говорю, что паб в Гарристоне был в точности как английский! Вот что они везде делают! Все новое здесь точно такое же, как в Англии, будь то университет, или рестораны, или супермаркеты, или то, что там покупают. Ну хоть здешний паб: разве хоть что-нибудь тут указывает на то, что мы в Уэльсе? Они наконец нашли способ уничтожить нашу страну: не нищетой, а процветанием. Меня не сильно пугают упадок и разложение, такое бывало и раньше, и мы всегда выживали. Нет, я страшусь тошнотворных плодов богатства. Не руины я оплакиваю, а дурные всходы, которые проросли сквозь них. Грядет конец…

Он замолчал, не столько для того, чтобы перевести дух, сколько для того, чтобы собраться с силами и не упасть.

— Сядь и выпей общеукрепляющего тоника, — сказал ему Чарли.

— Может, я и пьян, но говорю очень важные вещи.

— Не вижу смысла нервничать по этому поводу, — вмешался Питер.

— Да неужели? Значит, ты будешь счастлив, когда все исчезнет и у нас не останется ничего, кроме языка, на котором никто не говорит, Бридана, парочки-другой хоров да Уэльса как места на карте? Вот хорошо-то будет, да?

— Нет, — покачал головой Питер.

— Так вот…

— А если бы я высказался в подобном духе, ты бы упрекнул меня в том, что я треплюсь, — довольно кисло сказал Алун.

— Но ты бы ведь не стал, так? — заметил Питер. — Ты же не Малькольм.

— И слава Богу.

Как признал Малькольм позже, ему показалось, что какие-то люди над ним смеются. И он продолжил под влиянием временных метаморфоз, которые произошли с его характером.

— Можете смеяться, если хотите, — начал он довольно безапелляционным тоном, ни на кого не глядя. — Куда как весело: валлиец страдает из-за Уэльса! Старый дурак бесится из-за того, что Уэльс оказался за бортом. Конечно, особенно смешно англичанам. Старый валлийский дурак, чего там. Только вот вскоре им самим будет не до смеха: наступит и их черед. На самом деле он уже…

Больше ничего Малькольм сказать не успел, но и этого выступления, не очень длинного, не слишком обидного и совсем не дерзкого, вполне хватило, чтобы взоры завсегдатаев обратились в его сторону. Все произошло так быстро, что Чарли почти ничего не разглядел. Двое, трое или четверо обступили Малькольма, и Чарли на миг потерял его из виду. Раздались громкие голоса, что-то мелькнуло. Малькольм качнулся вбок, задев деревянный стол и смахнув на пол один-два стакана. Бармен, который отчитал Питера, с грохотом выскочил из-за стойки и, угрожающе двигая плечами, направился к драчунам.

— Вон отсюда! — рявкнул он. — И вы, четверо, тоже! Быстрее, пока я не вызвал полицию!

Поспешивший на помощь приятелю Чарли увидел, что у того разбит нос, а лицо, руки и пиджак испачканы кровью — не сильно, но заметно.

— Можно хотя бы привести его в порядок?

— Ладно, а потом сразу же убирайтесь. Остальные двое пусть выметываются прямо сейчас. Это и тебя касается, жирный.

В мужском туалете не оказалось полотенец, только сушилка для рук. При помощи носовых платков Чарли, как мог, вытер кровь, которая уже почти не шла.

— Я ведь не сказал ничего ужасного? — спросил Малькольм.

— Нет, насколько я слышал.

— Так из-за чего все началось?

— Ну, крутые парни решили, что мы плохо себя ведем на их территории.

Чарли подумал, что не стоит разражаться обличительной речью о деморализующем влиянии безработицы и отсутствия культурного досуга.

— Понятно, что ты не хотел никого обидеть, но они-то не поняли. Или сделали вид, будто не поняли.

— Вообще-то несправедливо, что нас выгоняют. Начали местные.

— Может, это и к лучшему.

— Теперь я, конечно, вижу, что лучше было не спорить. Слушай, Чарли, наверное, надо мне сдерживаться. Может, если бы я говорил поспокойнее, они бы не так обиделись. Нет, спасибо, я сам.

— Вот тебе и прошлись по пабам, да?

— Прости.

— Ты не виноват. Надеюсь, Алун с пользой провел время — по крайней мере частично.

По пути к выходу приятелям пришлось пройти через бар.

— Едва они вошли, я сразу понял, чего от них

ждать.

— В их возрасте пора бы уже научиться вести себя прилично.

4 — Питер
1

Утренний ритуал Питера не был таким испытанием духа, как у Чарли или Малькольма, что не делало его более легким. Обычные утренние процедуры, которые совершаются бездумно и торопливо, перед тем как перейти к по-настоящему интересным занятиям, давно стали главным событием дня, и Питер приступал к ним в одиночестве, вполне по-стариковски. Самым утомительным он считал одевание, хотя за долгие годы процесс был отработан до мелочей. Хуже всего дело обстояло с носками, которые Питер натягивал в первую очередь. Когда-то он надевал их после кальсон, но заметил, что постоянно рвет белье ногтями на ногах.

Эти самые ногти заняли в его жизни несоразмерное положение. Острые, с зазубренными краями, они цеплялись за одежду и рвали ее, а не стриг их Питер потому, что это тоже стало делом непростым. Он не мог стричь их дома — трудно было собрать все обрезки, а значит, рано или поздно Мюриэль наступила бы на них босой но-

гой, чего Питеру по очевидным причинам совсем не хотелось. Поэкспериментировав в гараже со складным стулом и свалившись с него несколько раз, он остановил свой выбор на садовой скамейке под довольно красивой цветущей вишней. Правда, пришлось ограничиться теплыми месяцами — пальто не давало согнуться и достать до пальцев ног. Зато теперь Питер не боялся, что обрезки разлетятся во все стороны. И, черт возьми, как они летели! Особенно те, что с больших пальцев. Куски были такие крупные и отскакивали с такой скоростью, что могли бы сбить воробья в полете. Правда, пока до этого не доходило.

Питер надел носки в ванной комнате при помощи низенького столика: высота имела решающее значение. Пятку на стол, натянуть носок до пятки, пальцы ног на стол, надеть носок на пятку и дернуть вверх. Совсем недавно Питер наконец нашел носки, которые ему подходили: короткие, без эластичной резинки сверху. Ноги все равно опухали, но по крайней мере носки их не передавливали и вечером, раздеваясь, Питер мог смотреть на свои щиколотки без прежнего страха. Кальсоны он надел в спальне: опять ногу на пятку, затем на мысок, только на полу, немного талька вокруг мошонки, потом натянуть

брюки. Примерно раз в три-четыре дня Питер замечал, что испачкал штаны шоколадом, кремом, джемом или всем сразу, когда перекусывал на сон грядущий. Тогда приходилось брать чистые брюки, возвращаться в ванную, вернее, к зеркалу, и застегивать подтяжки спереди, на той части фигуры, которую он уже много лет иначе как в зеркале увидеть не мог.

Дальше Питер оделся, как все обычные люди, разве что использовал длинный рожок для обуви — редкое и крайне необходимое приспособление, которое он однажды потерял и целую неделю вынужден был обходиться георгианской серебряной ложкой Мюриэль, возвращая прибор на место после каждого применения. С давних пор Питер носил одну и ту же пару неприметных туфель без шнурков и надеялся, что умрет или окажется прикованным к постели раньше, чем они развалятся окончательно и надо будет идти в обувной магазин самообслуживания — других магазинов, насколько он слышал, теперь не осталось.

Та часть утреннего туалета, которая проходила перед раковиной, была почти такая же утомительная. Двумя мазками он нанес на лицо пену, побрился быстрыми уверенными движениями, зубной щеткой размазал пасту по деснам. Каки-

ми бы легкими ни казались эти действия, они требовали наклонов, потягиваний, подъема рук, так что к концу процедуры Питер тяжело дышал и пот струился по его телу, особенно с головы. Одно время он, экономя силы, перестал целиком вытираться после утренней ванны, но через несколько недель непрекращающихся симптомов простуды понял, что это было ошибкой. Питер сошел вниз, держа вязаную безрукавку: он собирался аккуратно надеть ее через голову, когда немного остынет.

«Где Мюриэль?» Как обычно по утрам, этот вопрос требовал ответа первым. В спальне ее не было: дверь распахнута, к тому же Мюриэль — ранняя пташка. Вряд ли она в машине: он бы тогда услышал. Может, в саду? Очень вероятно, раз нет дождя: Мюриэль частенько говорила, что на участке в треть акра всегда есть чем заняться, тем более что помощников у нее — один только мистер Мэйхью, который раньше работал на заводе, а теперь приходил по вторникам и четвергам подсобить с кое-какой черной работой. Питер иногда вспоминал то недолгое время, когда сам великодушно предлагал жене помощь, и всякий раз она заставляла его таскать цветочные горшки

галлонов[25] по пятьсот, не меньше, с одного конца сада на другой. Складывалось впечатление, Мюриэль возможность жаловаться на отсутствие помощников нужнее самой помощи. Ну что тут скажешь — некоторых людей не понять.

Мюриэль и вправду была в саду — стоя на коленях у дальней изгороди, готовила почву для посадки чего-то или уже сажала. Из окна столовой Питер не видел, что именно она делает; впрочем, его это нисколько не интересовало: он возненавидел сады с тех пор, как ему впервые объяснили: «Это садик. Ты можешь здесь играть, только цветочки не рви». Питеру тогда исполнилось года четыре, а родительский сад был куда меньше этого, но урок усвоился накрепко, тем более что его часто повторяли. Питер давно понял, что сады созданы для демонстрации силы: чтобы поражать своим великолепием тех, кому не по средствам завести такой же, или упрекать тебя за лень, злокозненность, варварство и прочее. Дома ничуть не лучше, но тут есть хотя бы оправдание — многим людям они нужны просто для жизни.

Дом Питера не входил в указанную категорию, для этого в нем было слишком много лишнего.

---

[25] Примечания: 25

Единица объема в системе английских мер, равная примерно 4,55 литра.

Сейчас там жили двое, не более шести одновременно останавливались погостить, около двадцати заглядывали иногда на вечеринку, но почти всех удалось бы оставить на ночлег, а рассадить — сотни две, не меньше. В столовой, например, могли бы одновременно завтракать упомянутые два десятка гостей, пока еще столько же ожидали бы своей очереди на расставленных вдоль стен стульях. На самих стенах висело множество картин, по мнению Питера — совершенно ужасных. Ни одна не изображала что-либо существующее на самом деле, и ни одно изображение даже отдаленно не напоминало то, что должно было изображать. С годами Питер привык к ним насколько возможно, учитывая, что постоянно добавлялись новые. Мюриэль возвращалась из Лондона, и на следующий день двух типов из пурпурного пластилина сменяла комбинация волнистых линий и клякс. Иногда вместе с картиной появлялся новый ковер или журнальный столик. Изменить что-либо Питер не мог, ибо, как многие догадывались и почти стольким же рассказали, у Мюриэль водились деньги, и дом со всей обстановкой принадлежал ей. Питер до сих пор изредка спрашивал себя: сложилось бы у них по-другому, будь все иначе?

На обеденном столе уже стоял поднос с завтраком, приготовленным миссис Ховард, которая приходила по утрам в будни. Как обычно, она оставила Питеру половинку грейпфрута, хлопья, тосты и кофе в термосе. Вооружившись зубчатым ножом, Питер принялся за грейпфрут, отделяя маленькие кусочки и ругаясь всякий раз, как попадались особо зловредные перемычки. Есть было трудно. Дольки не желали отцепляться от кожуры или отходили только наполовину, соединенные сердцевиной. Когда это случалось, Питер поднимал фрукт и тряс, пока не отрывал искомый фрагмент, уронив остаток грейпфрута на тарелку или рядом с ней. Разительное отличие от услужливых воспоминаний, в которых мякоть отделялась ровными сегментами с первой попытки. «Сопротивляется, сволочь, — подумал про себя Питер. — Нынче со всем так».

Тем не менее борьба с грейпфрутом, пусть и утомительная, не была по-настоящему жестокой. Закончив ее, Питер почувствовал, что достаточно остыл и может надеть безрукавку, которая висела на спинке соседнего стула. Он потянулся и неловким движением смахнул ее на пол. Мельком взглянув в окно, Питер увидел, что Мюриэль направляется к дому. Он торопливо наклонился,

не достал, вскочил со стула, согнулся, схватил безрукавку, снова сел на стул и сделал три глубоких вдоха. Левую сторону груди пронзила боль.

Засекайте, сколько она длится, велел как-то Дьюи тоном, который словно намекал, что ему все равно больше нечем заняться. Питер открыл часы и уставился на циферблат, надеясь, что в дверях не появится Мюриэль. Как правило, в это время она не входила в столовую; собственно, завтрак накрывали там, чтобы Питер не путался у нее под ногами, но иногда Мюриэль заглядывала, и вовсе не с целью приободрить мужа. Разговаривая с Дьюи, Питер упомянул сдавливающий или сжимающий характер боли и обрадовался, когда врач сообщил, что такие симптомы встречаются довольно часто. Еще Дьюи сказал, что в случае ухудшения, может быть, подумает, не выписать ли таблетки, добавив, что они снимут боль, однако никоим образом не улучшат физическое состояние пациента.

Приступы боли начались у Питера пару лет назад, и тогда Дьюи спросил о возможных источниках стресса в его жизни. Стресса? Ну, знаете — напряженность, тревога, раздражительность. Он сказал, что Мюриэль не самая покладистая супруга, и Дьюи едва сдержал усмешку: по всем

отзывам тяжелым характером отличался именно Питер. Ну, может, с ним и нелегко, признал Питер, но до уровня Мюриэль он, слава Богу, не дотягивает. Что до тревоги, тут врач не ошибся, хотя правильнее было бы назвать это страхом. Он действительно боялся бесконечных упреков жены, против которых не помогали никакие объяснения, и еще — что в один прекрасный день она выполнит свою угрозу продать дом, который записан на ее имя, и уехать, выбросив его на улицу. Питер понимал, что эти страхи унизительны, да только поделать ничего не мог.

Спустя четыре минуты двенадцать секунд боль прекратилась. Даже не заглядывая в дневник, Питер знал, что с Рождества приступы становятся сильнее. Надо бы позвонить Дьюи, подумал он, отгоняя другие мысли, и решил, что завтра обязательно позвонит.

Он нехотя жевал хлопья, которые сам выбрал — совершенно безвкусные и с пониженным содержанием клетчатки, когда в прихожей зазвонил телефон. Звонок почти сразу умолк, и раздался голос Мюриэль. Секунды две она что-то неразборчиво говорила, затем умолкла, и Питер услышал, как ее тяжелые шаги приближаются к столовой и вдруг останавливаются, не дойдя до

двери. Он сделал еще несколько глубоких вдохов. Питер никогда не говорил с Мюриэль о боли в груди или о разговоре с врачом, прежде всего потому, что был уверен — ее это совершенно не тронет. Еще одна тема, которую не хотелось затрагивать.

Тем не менее, когда Мюриэль все же вошла в комнату, он едва сдержал улыбку. При взгляде на эту невысокую подвижную женщину с короткой полукруглой стрижкой и (сейчас) в зеленых пластиковых наколенниках для работы в саду трудно было представить, что она способна внушать страх — разве что легкую скуку. Супруги не виделись со вчерашнего дня, но Мюриэль даже не подошла к нему, не говоря уже о том, чтобы поцеловать. Они не прикасались друг к другу уже почти десять лет.

— Уильям, — объявила Мюриэль, подразумевая их единственного и незапланированного ребенка, который волею случая родился в пятьдесят пятом году.

— Э-э… хорошо. — Питер вцепился в подлокотники.

— Нет-нет, сиди, — сказала Мюриэль, махнув рукой. — Связь прервалась. Просто хочу предупредить, что он заедет на обед и, может,

покопается в саду, если не польет дождь.

— Замечательно. Только ведь сегодня не суббота. И не воскресенье. Как…

— У него выходной. Агентства по продаже недвижимости открыты всю неделю, но у сотрудников бывают выходные. На случай если ты запамятовал, упомянутый Уильям Томас служит именно в таком агентстве.

Питер молча кивнул. На какую-то долю секунды он забыл, где работает сын, но Мюриэль этого оказалось достаточно.

— Наверное, людям, которые ничего не делают, свойственно забывать, что другим нужен отдых, — произнесла она, словно ее внезапно озарило. — Полагаю, ты позже отправишься в «Библию»?

— Скорее всего да, но буду…

— Я так и думала. Он — я имею в виду юного Уильяма — сообщил о своем намерении приехать к часу, так что если ты заявишься пьяный в три, то не успеешь с ним толком повидаться.

— Ладно, вернусь пораньше.

— И еще, может, заедешь в садовый центр на Хэтчери-роуд забрать саженцы, которые я заказала? Ты не против?

— Нет, конечно.

— Если тебе трудно, то так и скажи. — Она бросила на Питера хмурый взгляд.

— Нет-нет, совсем не трудно. Заеду.

Мюриэль пристально посмотрела на него, сверкнула улыбкой (в том смысле, что улыбка появилась на ее лице и тут же исчезла) и тяжело вышла из комнаты.

Питер медленно выдохнул. Уф, пронесло! Улыбка — добрый знак. Все зависит от того, как Мюриэль чувствует себя в тот или иной момент, сказал он себе и даже почти поверил. Нет, правда, не такой уж она и тяжелый человек.

Он доел завтрак и перебрался в гостиную, в которой к тому времени побывала миссис Ховард. Как всегда, она, выказывая усердие, передвинула все, что могла, от спичечных коробок до диванов. Привычно расставив вещи по местам, Питер взял научный журнал и, пока не пришло время идти в «Библию», старательно делал вид, будто интересуется новинками в области химических технологий.

2

У большинства супружеских пар, чья семейная жизнь, скажем так, не вполне задалась, есть

определенные соображения о том, почему это произошло, но мало кто задумывается, когда именно это случилось. Питер считал себя исключением. Если бы его спросили, он бы без запинки назвал если не число, то хотя бы месяц и год, когда они занимались любовью, и ровно на середине процесса (по крайней мере тогда Питер думал, что это середина) Мюриэль осведомилась, долго ли еще он будет возиться. Питер вскочил с постели, схватил одежду, оделся в ванной и укатил к Норрисам. Там они с Чарли почти всю ночь просидели за бутылкой виски, и Чарли твердил ему, что он не последний эгоист и не виноват, что Мюриэль равнодушна к этому делу. Только Питеру так и не удалось принять слова друга полностью ни тогда, ни позже.

Как бы то ни было, с тех пор семейная жизнь Томасов навсегда изменилась. Любовью (если это так можно назвать) они занимались все реже. А через несколько лет до Питера дошло: Мюриэль хоть и не получает удовольствия от близости, ждет, что он будет и дальше исполнять супружеские обязанности в знак того, что все еще хочет секса, вернее — саму Мюриэль. Их отношения ухудшились, затем время от времени стали возникать словесные стычки, а раздельные

спальни довершили дело — никаких объятий или проявлений нежности. Питер часто повторял себе, что даже идеальная любовь исчезает, если в отношениях появляется страх. Утешало одно: даже во время самых бурных ссор Мюриэль не пыталась уесть его намеками на любовников или (что было бы совсем смешно) что он не отец Уильяма. Огромное и, несомненно, показательное упущение.

Питер прокручивал в памяти отрывки из своей семейной жизни, когда проезжал через небольшую рощицу по дороге домой из «Библии»; у него даже появилась новая мысль по этому поводу. Он думал о том, что мужчины в среднем умирают раньше женщин — наверняка потому, что жены в одиночку доводят мужей до инфаркта, провоцируя у них постоянную тревогу и злость. Надо бы сказать об этом Дьюи. Впрочем, Бог с ним, с Дьюи. Питер сосредоточился на прошедшей встрече: были старина Тюдор Уиттинхем, старина Оуэн Томас, старина Вон Мобри и старина Арнольд Сперлинг, не говоря уже о старине Гарте Памфри, который фактически встал во главе импровизированной группы экспертов по искусственным зубам, предоставив полный отчет о событиях, предшествовавших установке

собственных протезов, хотя никто его не просил. При одном воспоминании у Питера свело челюсти, и он прикрыл рот рукой. Ни Чарли, ни Алун, ни Малькольм не пришли. Не к добру.

Уильям предусмотрительно припарковал свой щегольской «ауди» так, чтобы не закрывать въезд в гараж. На часах было двадцать три минуты второго — опоздание на грани допустимого. Питер специально задержался, чтобы дать матери и сыну время побыть наедине. Войдя в гостиную, он увидел, что они стоят у окна, смотрят на сад и разговаривают о какой-то мульче или мульчировании. Вернее, говорила Мюриэль и продолжала говорить еще некоторое время после того, как к ним присоединился Питер. Еще она крепко держала Уильяма под руку, исключив, таким образом, любую попытку отца и сына обняться. Уильям сделал все, что смог, помахав отцу рукой и состроив веселую гримасу. В конце концов Питер похлопал сына по плечу:

— Привет, малыш Вилли, как дела?

— Дорогой, тебе нужно что-нибудь выпить, — произнесла Мюриэль, обращаясь к Уильяму. — Чего бы ты хотел?

— Привет, па. Спасибо, хорошо. У вас есть пиво?

— Конечно. А что ты будешь?

— Э-э… все равно.

— Но у тебя наверняка имеются какие-то предпочтения. Джин с тоником? Водка?

— А сухой херес есть?

— Боюсь, что нет.

Питер никогда не пил херес и не помнил, когда в последний раз его пила Мюриэль.

— Ну и ладно.

— О чем разговор? Всегда рад услужить, — нарочито шутливым тоном сказал Питер. — Как насчет капельки…

— Есть открытое вино?

— Нет, но я могу…

— Не стоит беспокоится.

— Да ладно тебе, мама, выпей стаканчик вина, — предложил Уильям.

— Ну, если ты будешь продолжать в том же духе, — ответила родительница, — мне ничего не остается, кроме как уступить соблазну.

И, конечно, когда Питер вернулся с напитками в гостиную, жены и сына там уже не было: они вышли в сад. Можно было выйти и войти раз шесть, пока Питер нашел чем открыть новый ящик с «Мюскаде», спустился в подвал и принес вино. Питер догнал жену и сына, когда они

прогуливались под руку вдоль левой кромки газона; Уильям шел с внутренней стороны, так что, захоти Питер пойти рядом, ему пришлось бы сдвинуть обоих на добрый ярд вправо или шагать прямо по клумбе. Он счел, что при сложившихся обстоятельствах ни то ни другое неприемлемо, и пристроился с другого бока от Мюриэль. В конце сада они не стали меняться местами, просто повернулись кругом, сохраняя прежнее взаимоположение до тех пор, пока не зашли в дом. Во время обеда было то же самое: Мюриэль села во главе стола, рядом с ней — Уильям, Питеру досталось место напротив него по диагонали. Они как раз усаживались, когда в прихожей зазвонил телефон. Питер взял трубку.

На его неприветливое ворчание раздался женский голос:

— Питер, это ты?

Он чуть не выронил трубку. Дыхание перехватило.

— Мистер Питер Томас?

— Слушаю.

— Это я, Рианнон. Слушай, ты придешь вечером на нашу вечеринку в «Гольф-клуб»? Твое любимое место. Я посылала тебе приглашение.

— Вообще-то не собирался. Извини.

— Обязательно приходи! Мы празднуем новоселье, только дом еще не готов, поэтому отмечаем в «Гольф-клубе». Начало в половине седьмого. Мы ждем вас с Мюриэль.

— Боюсь, не получится. Прости.

— Вы на самом деле не можете прийти?

Питер хотел было солгать, но не сумел и вдруг понял: у него не хватит духа сказать, что он чувствует.

— Думаю, не стоит.

— Питер, послушай, ты не можешь прятаться от меня всю жизнь. Удивительно, что мы до сих пор где-нибудь не столкнулись. Только подумай: лучше мы встретимся на людях и не внезапно. По-моему, ты еще не знаком с нашей дочерью Розмари. Она приехала из Оксфорда. Пожалуйста, приходите.

— Хорошо. То есть спасибо, я приду. Не знаю насчет Мюриэль.

— Ну, сам заглядывай. Увидимся позже.

Питер повесил трубку и еще какое-то время сидел на поддельном чиппендейловском стуле, куда плюхнулся, едва услышав голос Рианнон. Бросил взгляд на кухонный шкаф, где стояла бутылка виски «Феймос Граус», немного помешкал. Затем с трудом встал, поспешил в столовую и

торопливо, пока не успел передумать, объявил, попутно прервав Мюриэль:

— Звонила Рианнон Уивер, приглашает нас на прием в «Гольф-клубе». Сегодня в половине седьмого.

— Прекрасно, — ответила Мюриэль. — Только этого мне не хватало. Две сотни валлийцев орут во весь голос. Просто мечта. Иди сам, если хочешь.

— Да, думаю, схожу.

— Не смею мешать воссоединению двух любящих сердец.

— Говоришь, в половине седьмого в «Гольф-клубе», па? Мне нужно будет уезжать в это время, а клуб как раз по дороге. Наверное, там и женщины будут? Я имею в виду моложе ста пятидесяти.

— Конечно. Например, дочь Уиверов, — сказал Питер.

— Здорово! Мам, я могу поехать вместо тебя. Отвезу туда отца, а домой он вернется на такси. И не попадет в суд за вождение в нетрезвом виде.

— Видно, у тебя совсем плохо с девушками, если ты считаешь здешний «Гольф-клуб» подходящим местом для знакомств, — заметила Мюриэль.

— В Кейпл-Мерерид со многим плохо, — кивнул Уильям. — Правда, со скукой там все в порядке.

Этого добра там хоть залейся.

Почти сразу после половины седьмого Питер устроился на пассажирском сиденье «ауди». Он чувствовал себя как перед экзаменом — давно забытое ощущение. Уильям, серьезный, с темными, уже редеющими на висках волосами и в довольно уродливом галстуке, которым его снабдил отец, сел за руль. Питер любил сына, по крайней мере был привязан к нему больше, чем к кому-либо, но всегда робел, оставаясь с Уильямом наедине: не знал, о чем с ним говорить, чтобы не наскучить. Впрочем, проблема была бы куда серьезнее, будь у него возможность видеться с Уильямом чаще или дольше. Ладно, сегодня не стоит тревожиться по этому поводу.

Уильям завел мотор.

— Ремень безопасности, па.

— Прости, забыл.

— Похоже, ты бы вообще не пристегивался, если бы можно было. Пап, ты в курсе, что сильно растолстел? Что ты сейчас толще, чем когда-либо? По-настоящему толстый? Конечно, в курсе, это трудно не заметить. И в чем причина, в выпивке? Кстати, я тебя не виню.

— В спиртном, а еще — в еде. И не обманывайся на мой счет, не суди по тому, что я съел за обедом.

Я прекрасно держусь весь день, просто великолепно: листок салата здесь, половинка сардины там, а кончается тем, что сижу на заднице перед телевизором, передачи закончились, и я сметаю все подряд. В основном пирожные. Профитроли. Трубочки. Что угодно, лишь бы с кремом, джемом или шоколадом. А еще кексы: генуэзский кекс, фруктовый кекс с миндалем. Тминный кекс со стаканчиком мальвазии. Будто какая-нибудь викторианская дамочка, только в час ночи.

— Вряд ли ты голоден в это время.

— Ну, отчасти это из-за того, что я бросил курить. Прошло уже четыре года, а у меня до сих пор возникает чувство: как, неужели на сегодня все? И тогда начинаешь есть. Но это только отчасти. Существует и другая причина, не знаю, как лучше объяснить. Наверное, я просто боюсь. Надеюсь, ты не решишь, что я изображаю из себя мученика.

Сын ничего не сказал в ответ, и Питер продолжил:

— В моем возрасте уже понимаешь, что существует много вещей, которых стоит бояться.

— И не только в твоем, — сказал Уильям. — Да, я тут недавно прочитал у одного типа, кстати, тоже валлийца, что углеводы оказывают успо-

каивающее действие. Так что все понятно. И еще, папа, у тебя все в порядке? Не сердись, что спрашиваю, просто ты неважно выглядишь, я сразу заметил. Что-нибудь случилось? Если да, то глупо скрывать.

Питер рассказал; правда, только о физическом самочувствии, избегая любых, даже самых туманных, намеков на Мюриэль. Закончив, он почувствовал себя лучше, но ненамного: ему пришлось выслушать собственные слова как будто со стороны, и они звучали довольно пугающе. Минуты две отец с сыном ехали молча, а потом Уильям спросил:

— Мама по-прежнему ездит в Лондон по своим делам?

— О да, как ненормальная. Примерно раз в два месяца. Собственно, сейчас опять собирается.

— Отлично, тогда позвони мне, когда она уедет, мы с тобой пообедаем вместе или еще что-нибудь, на твое усмотрение. Обязательно позвони, когда мама будет в Лондоне.

— Договорились.

— Или можешь приехать ко мне. Ты же никогда у меня не был? Правда, смотреть там особо нечего. Берлога, которую я снимаю на пару с одним коллегой. Бывший шахтерский коттедж,

на самом деле довольно милый, с небольшим садиком сзади. И знаешь, что я тебе скажу? Мы живем в этом доме без малого два года и ни разу там даже лопатой не махнули. Забавно, да?

Питер вошел в «Гольф-клуб» через боковой вход с парковки и очутился в большом старомодном зале, где устраивали приемы для не состоящих в клубе. Рианнон стояла в противоположном углу и увидела Питера еще до того, как он ее заметил. Она улыбнулась ему с неожиданной искренней радостью и поспешила навстречу. Питер вдруг понял, что боялся не узнать Рианнон после стольких лет, но едва она оказалась в пределах видимости его очков (Питер по инерции их почти не снимал, хотя они предназначались только для чтения), как он увидел, что ее лицо совсем не изменилось — ну, может, появилось несколько морщинок, и, конечно, она слегка подкрасила волосы. Глаза были все те же. На поцелуй Питер даже не надеялся, и все же Рианнон его поцеловала.

— Познакомься, это Уильям, — произнес он машинально. — Мой сын.

Еще он понял, что Уильям не спрашивал ни о ней, ни об Алуне, хотя возможность была. Должно быть, сын все знает, по крайней мере что-то слышал.

— Привет, Уильям. Розмари где-то в зале.

Голос у нее тоже не изменился, это Питер заметил еще по телефону. Он что-то ответил, она спросила про Мюриэль. Несколько минут они разговаривали втроем, выпили, потом к ним присоединилась Розмари. Питер почти не участвовал в беседе: он исподтишка разглядывал Рианнон и слушал ее голос, не следя за тем, что она говорит. Порой он спрашивал себя, чего хочет достичь (или, возможно, избежать) сегодня вечером, и не находил ответа. Вопрос стал еще острее, когда Уильям увел Розмари, однако тут подошел Алун и поприветствовал Питера в своей обычной преувеличенно дружелюбной манере. Он выглядел до противного здоровым и бодрым: волосы еще белее прежнего, новый перламутрово-серый костюм из какой-то новомодной ткани, розовая гвоздика в петлице. Алун чем-то напоминал актера средней руки, и Питер невольно задумался, случайно это сходство или нет. Впрочем, надо признать, комичность придавала Алуну некое обаяние, которого сам Питер был начисто лишен.

— Тебе крупно повезло, — весело объявил Алун, — или, как не преминули бы сказать некоторые, крупно не повезло: ты видишь меня в

состоянии эйфории. И, заметь, никаких искусственных стимуляторов, только факты. Два факта. Сегодня я получил заказ на семь получасовых телепередач — название еще согласовывается, но что-то об Уэльсе. А второе, Питер, и это намного важнее, я написал стихотворение, вернее, набросал черновик. Впервые за долгое время. Пока не знаю, удачное или нет, главное, что я его написал, что еще могу сочинять. Потрясающее чувство! Как будто вдруг понимаешь, что еще можешь…

Алун замолчал внезапно и, казалось, бесповоротно. Несколько секунд он смотрел в пол, затем победно вскинул голову:

— Петь в хоре, да, петь в хоре! Тебе кажется, что ты уже… э-э…

Последовала еще одна пауза, правда, теперь гораздо короче.

— Забыл мелодию, забыл свою партию, но, оказывается, что все еще помнишь, ничего не исчезло. Очень… Ага, вот и вы, старые греховодники!

В очередном приступе энтузиазма Алун повернулся к Чарли и Софи, Гарту, Шан Смит и Дороти Морган, не делая исключения даже для Дороти — вот уж и впрямь эйфория! После приветственных возгласов и объятий Дороти увела Рианнон к

угрюмой старухе, похожей на отставного вышибалу в женском платье и коротком седом парике. Чья-то мамаша, догадался Питер; ему всегда приходилось напоминать себе, что у многих людей матери еще живы.

Гарт, как всегда в твиде, восхвалял костюм Алуна:

— О, какой шикарный наряд, юноша! Просто замечательный! Должно быть, и обошелся в целое состояние! — Он отогнул лацкан пиджака. — Хотя небось он у тебя в налоговой декларации записан как «средства производства», ты же в нем по телевизору выступаешь.

— Вполне может быть. Этим занимается мой бухгалтер. Как бы то ни было…

— А знаете, сколько времени я ношу костюм, который на мне? — мрачно и вызывающе спросил Гарт у всех. — Тридцать семь лет. Видите, у меня хватает мозгов заботиться о фигуре. Не то что у некоторых. Конечно, Алун, ты не запустил себя, как эти двое, согласен, но все-таки чуток обрюзг. Вот здесь… — Он похлопал себя под подбородком. — И здесь, и…

— Ничего не могу поделать с твоим жутким складом ума, Гарт, — перебил Алун, улыбаясь еще шире, чем раньше. — И с твоей неспособ-

ностью замечать кого-либо, кроме себя… — Его начал разбирать смех. — Но когда ты, паршивый лекаришка из коровника, начинаешь похвалять-ся своим моральным превосходством, — тут он затрясся от хохота, — я по крайней мере могу попросить тебя заткнуть свою болтливую пасть, пока я не запихал твои безупречные вставные зубы тебе в глотку.

Он закончил, когда они с Гартом уже обхвати-ли друг друга руками, согнувшись пополам, и хохотали так, что того гляди лопнут; два старых приятеля, которых столько связывает, что им плевать, как посмотрят на их выходку окружа-ющие. Чарли наблюдал за ними с неуверенной улыбкой, а Питер — безо всякого выражения.

Алун сдался первым.

— Ладно, — сказал он, шумно отдуваясь. — Пусть это будет уроком… Что? Ага, иду!

И он поспешил через зал, чтобы поздороваться с Оуэном Томасом и его женой; они только что во-шли через главный вход. Там же стоял фотограф.

— Да уж, — сказал Гарт. — Вот это было пред-ставление! Язык у парня хорошо подвешен, правда? Одно удовольствие послушать. Боже правый, даже не вспомню, когда я в последний раз так смеялся!

— Как Ангарад? — спросил Чарли.

— Хорошо, спасибо, Чарли. Вполне хорошо.

— Я не понял, что он говорил про коровник, — сказал Питер, когда Гарт отошел.

— Так он же работает ветеринаром, или работал. В Кейпл-Мерериде. Больше по овцам, чем по коровам; впрочем, один хрен. Я думал, все об этом знают. Гарт не даст забыть.

— Да, я слышал. Просто иногда сразу не сообразишь, что к чему.

— Не очень-то красиво получилось, да? — заметил Чарли. — Вернее, совсем некрасиво. Странно: вроде сам хочешь все ему высказать, надеешься, что кто-нибудь это сделает, а потом, когда у кого-то хватает смелости, понимаешь, что ожидал чего-то другого. Паршивый… паршивый лекаришка из коровника, так вроде? Хм. Слишком резко, не находишь?

— Думаешь, Гарт понял?

— Вряд ли. Если бы он рассказал Ангарад, она бы поняла, да только он, наверное, с ней лет двадцать не разговаривал. Нет, если бы Гарт понял, это бы означало, что про удовольствие послушать Алуна он говорил с тонкой иронией. Ладно, никогда не угадаешь, иронизирует валлиец или нет, но чтобы Гарт Памфри так притворялся? Да

ни в жизнь. Меня только задевает уверенность Алуна, что ему все сойдет с рук. Как будто…

— А может, ему просто наплевать.

— Точно. Раньше он так далеко не заходил. Впрочем, кому какое дело? Давай лучше еще выпьем.

— Почему бы и нет? Может, это в последний раз.

— Твое здоровье.

3

Вспомнив разудалую молодость, Питер весь вечер ходил за Рианнон хвостиком в надежде побыть с нею тет-а-тет. Правда, в молодости это выглядело иначе: тогда ему довольно было шепнуть: «Идем», — или просто легонько потянуть за руку. Дороти Морган подходила, стояла рядом, снова уходила и возвращалась, а в ее присутствии об идеальном варианте развития событий (например, они с Рианнон одновременно дают деру ото всех) нечего было и думать — она бы обязательно рванула за ними. А если не Дороти, так Дороти и Перси, затем Софи и Шан, опять Алун, потом старина Тюдор Уиттинхем со своей женой и старина Вон Мобри с приятельницей. Ну

она же хозяйка, повторял себе Питер, но сдался, когда увидел, что к ним приближается Гвен. Она бы раскусила его в считанные секунды и дала бы это понять одним долгим взглядом.

Со стаканом в руке, почти не пьяный, Питер стоял или прохаживался, не отходя, впрочем, далеко. Тяжелая мебель, выцветший турецкий ковер, темные дубовые панели, которые раньше были повсюду, а теперь почти исчезли, словно убеждали: ничто не изменилось. Огромный газовый обогреватель в конце зала вроде бы закрывал собой настоящий камин, но закрывал так давно, что настоящего Питер уже не помнил. Он думал о тех временах, пока ходил в туалет. Там кое-что подновили, хотя в основном все осталось по-прежнему, даже звуки из одной кабинки, где, похоже, кого-то тошнило. Им тогда было за двадцать, подумал Питер, ну, может, за тридцать. Теперь, когда ему семьдесят с небольшим, все годы зрелости — или расцвет жизни, или как там еще — выглядят промежутком между двумя приступами рвоты. Примерно. Впрочем, это не его жанр, скорее Чарли.

Он пошел обратно в зал, попутно вспоминая, как приходил сюда, когда ему было около тридцати. Скорее всего — практически навер-

няка! — хотя бы в одно из посещений, выпивая с приятелем в углу или поджидая отца в баре, он думал о Рианнон, восхищался ею, мечтал о встрече. Так оно и было, но исчезло из памяти навсегда, как и детство. Зато он прекрасно помнил о своем двойном игле[26] на шестнадцатой лунке в сорок восьмом году и шампанском, которым проставлялся в баре после игры. Ужасно.

Питер дошел до небольшого обеденного зала с отдельным входом, тоже открытого для посторонних. Основное достоинство зала заключалось в том, что после захода солнца туда могли улизнуть члены клуба. Зал стоял пустой и темный. Питер потянулся было к выключателю, но передумал и протиснулся мимо голого стола к окну. Снаружи все цвета уже поблекли, тем не менее еще можно было разглядеть часть поля для гольфа, включая сосновую рощицу с одной стороны и, совсем вдалеке, почти прямую линию скал, на вершинах которых в солнечную погоду играли отраженные от моря блики. Сейчас пейзаж выглядел унылым и пустынным; едва глянув на него, Питер вернулся к двери и включил свет. Его рассеян-

[26] Примечания: 26

Количество ударов на одной лунке на два удара ниже, чем пар этой лунки. Пар — количество ударов, которое гольфист должен совершить на одной лунке или на всем поле при удачной игре.

ный взгляд скользил по списку членов клуба, погибших в двух войнах: трое Томасов во второй, один — его кузен из Марлоу-Нит, двух других он не знал. Питер вдруг поймал себя на мысли, что ждет Рианнон. Вдруг она пошла за ним? Что ж, если чудеса и случались в его жизни раньше, то сегодня ничего подобного не будет. Пора домой.

Толпа в зале поредела, но ненамного. Питер налетел на одного-двух гостей, отчасти потому, что он или они были пьяны, а главным образом из-за того, что так и не научился управлять своим телом после того, как в восемьдесят четвертом полностью перестал следить за весом, оставив лишь несколько причудливых ограничений вроде диетического тоника. Тем не менее ему удалось добраться до противоположного конца зала, не сбив никого с ног, и подойти к телефону. Да, такси приедет через пять — десять минут, захлебываясь от счастья, сообщил ему девичий голос.

Разговаривая по телефону, Питер краем уха услышал звуки перебранки из-за массивной двери, которая отделяла его от других гостей. Он вернулся в зал, но скандал, или что там было, уже стих. Питер заметил Рианнон, рядом с ней — настороженную Розмари, Алуна, который что-то объяснял, энергично кивая и разводя руками.

Уильям тоже присутствовал. Малькольм и Дороти Морган обнимали плачущую Гвен и слегка подталкивали ее к боковому выходу. Все остальные бесцеремонно таращились и взволнованно переговаривались.

Чарли повернулся к Питеру и сказал:

— Вот это представление! Гвен, конечно, напилась вдрызг.

— Я выходил позвонить.

— Много потерял. Все почти сразу закончилось, но высказалась она от души. Поносила на чем свет стоит этого эгоистичного выродка, болтуна, лицемера, недоделанного донжуана и фальшивого валлийца. Впрочем, ничего компрометирующего.

— При сложившихся обстоятельствах «недоделанный донжуан» звучит довольно опасно.

— Вряд ли, на фоне других эпитетов. А вот в целом… Я имею в виду: по ее тону и настрою можно было догадаться, что там дело нечисто. Собственно, так оно и есть.

— Хочешь сказать, Малькольм догадался?

— Не знаю. Он сам виноват, правда? А я ведь его предупреждал, когда мы ездили в Тревиль. Я имею в виду Алуна. Мог бы и поостеречься.

— Должно быть, забыл, — заметил Питер. — Со-

рвавшееся свидание, как ты думаешь?

Чарли пропустил вопрос мимо ушей.

— Этот проклятый старый болван еще натворит дел, пока не скопытится. Так и ищет неприятностей.

— Хорошо, что Гвен не сказала ничего конкретного.

— Да уж, поразительная выдержка! Она все разыграла так, что в любой момент может заявить, будто ничего не говорила. Оставила себе свободу выбора, вот как это называется! И не смотри на меня так. Питер, ты же не думаешь, что, когда женщина закатывает истерику, она и впрямь срывается?

— Нет, не думаю.

— Это просто их трюк. А он тоже хорош. Эх, жалко, я пропустил самое интересное: как Алун оправдывался в том, в чем его никто не обвинял. Ну да уж он наверняка вывернулся. Слушай, я, по-моему, немного перебрал. Ты уже уходишь?

— Да, но сперва хочу поговорить кое с кем.

Чарли посмотрел на Уиверов, затем перевел взгляд на Питера.

— Удачи.

Питер присоединился к компании, как раз когда Алун, по-прежнему недоуменно качая

головой, от нее отошел. Оказавшись лицом к лицу с сыном, Питер вдруг осознал, что́ именно тот говорил ему в машине и как это надо понимать. Ошеломленный, он не нашелся что сказать сейчас. Розмари пристально глянула на Питера, словно решая, стоит ли его терпеть. Рианнон сдержанно кивнула, как на похоронах. Питер ждал. Ему больше ничего не оставалось.

— Я как раз говорил, па, — обратился к нему Уильям, — что ворчливая младость должна быть снисходительна к безудержным порывам старости.

Золотые слова, подумал Питер, чувствуя, что их вполне можно отнести к нему самому.

— Ты хочешь сказать — глупая старая корова, — искренне возмутилась Розмари. — И черт бы с ней, если бы она не думала, будто это кому-нибудь интересно.

Она неодобрительно оглянулась через плечо, но Алун уже куда-то исчез.

— Похоже, она сильно выпивает в последнее время, — произнесла Рианнон обыденным тоном, затем немного оживилась. — Питер, милый, мы с тобой даже не поговорили! Давай-ка сбежим отсюда и поболтаем. Скорее, пока Дороти не вернулась.

— Пап, я через пару минут уезжаю, — сказал Уильям. — Будь на связи, ладно? В смысле со мной.

— Конечно. Спасибо, Вилли.

Рианнон одними губами что-то сказала дочери и торопливо повела Питера к выходу, ловко ускользнув от пожилой особы — чьей-то мамаши, как раньше определил Питер. Старухе явно до смерти хотелось схватить Рианнон и помешать той заняться своими делами, но она опоздала. Питер сообщил, что вызвал такси, а Рианнон убедила его подождать машину на улице. Никто не надел ни пальто, ни шляпу. Когда они спустились со ступенек, Рианнон взяла его под руку. Ночь была замечательная: пасмурная, но сухая и довольно теплая. С тех пор как Питер смотрел в окно обеденного зала, прошло всего несколько минут, однако за это время на улице совсем стемнело. Сзади ярко светились окна, впереди машины мчались по новому шоссе с двумя полосами по обеим сторонам и разделительным барьером посередине, на которое городские власти угрохали кучу денег.

— Быстро мы смылись, — заметил Питер. — Куда пойдем?

— Надеюсь, это не слишком невежливо. Я со всеми пообщалась. А тут такой удобный случай

сбежать. Я подумала, что мы с тобой можем выпить по стаканчику. Вернее, мне хватит и половины — я уже выпила три бокала вина. Ты знаешь какое-нибудь приятное местечко, где можно спокойно посидеть?

— Увы, нет. Сейчас везде так шумно.

— Как насчет того итальянского ресторанчика на Хэтчери-роуд? «У Марио» или что-то вроде того.

— О, значит, мы поужинаем вместе?

— Нет, милый, Алун уже заказал столик в «Глендоуэре». Я должна туда пойти, но у нас еще есть время поболтать. Знаешь, в «Марио», или как там это называется, есть сзади небольшой бар, где не обязательно заказывать еду. Э… Гвен мне его показала. Ладно, о ней в другой раз. Вообще-то место не фонтан, — внезапно засомневалась Рианнон. — Скорее там дешево и сердито, ну ты понимаешь.

Питер понял, едва переступив порог заведения — явно бывшего магазина, переделанного в ресторан без особых вложений средств или фантазии. В передней части располагались хлипкие столики на четверых, застеленные очень чистыми красно-белыми клетчатыми скатертями; в центре каждого выстроились бутылочки

с соусами и горчицей. На тарелках для хлеба лежали длинные хлебные палочки или крекеры в прозрачных пластиковых обертках с красными полосками. Пухленький усатый официант в клетчатой тужурке подавал четверке молодых людей вполне британские на вид мясо и овощи. Официант говорил громко и ставил тарелки нарочито широким движением. Парочки сидели молча и робко, словно на первом свидании, и Питер сразу почувствовал себя стопятидесятилетним стариком. Заметив, что Рианнон за ним наблюдает, он улыбнулся и весело кивнул.

Они торопливо прошли мимо еще одного толстяка с усами и в примечательной тужурке, смахивающей на укороченный халат. Энергично жестикулируя, толстяк объявил, что он владелец заведения в целом и итальянского ресторана в частности и весьма галантно поприветствовал Рианнон, разве только руку не поцеловал. Если он был не итальянцем по крови (хотя в данной части Южного Уэльса и в данной области ресторанного дела это бы никого не удивило), значит — валлийцем, усиленно строящим из себя итальянца. К Питеру он обратился в несколько другой, более торжественной манере, вполне подходящей для встречи сенатора или всемирно известного

оперного тенора. «Марио» (или Марио без кавычек, что еще вероятнее) провел их через штору из блестящих разноцветных висюлек в заднее помещение ресторана. Там, в комнате, похожей на столовую в старомодном пансионе, несколько скромно одетых людей среднего возраста пили что-то красноватое и желтоватое из бокалов с сахарным ободком по краю или стаканов с соломинками и бумажными зонтиками. Рианнон и Питер сели за ореховый столик на витых ножках, на котором как раз поместились напитки: белое вино для нее и диетический тоник для него — последние два-три бокала, которые он выпил в клубе, были явно лишние.

— Не слишком ужасно, как ты думаешь? — прошептала Рианнон.

— Говори громче, если хочешь, чтобы я тебя понял: со слухом все хуже и хуже. Да нет, ничего. Я могу пить и в сарае, лишь бы музыки не было.

На самом деле он впервые подумал, что музыка сейчас бы не помешала — заглушила бы молчание. Оно не мешало им в такси, но там был водитель, а при нем говорить не хотелось. Питер уже чувствовал, что не заговорит никогда, но тут мудро вспомнил, что все матери, за исключением Мюриэль, любят говорить о детях и одобряют

отцов, готовых поддержать эту тему. Поэтому он начал рассказывать об Уильяме, попутно углубляясь в детали о домах, жилых районах и тому подобном. Рианнон в ответ что-то рассказала о Розмари. Стали обсуждать сегодняшний прием, и она заметила особым, слегка небрежным, тоном:

— Вроде бы Уильяму понравилась Розмари, как по-твоему? Он не отходил от нее весь вечер.

— Она и мне понравилась, — сказал Питер, ничуть не кривя душой. От едва уловимого сходства Розмари с молодой Рианнон у него перехватило дыхание, чего он, признаться, не ожидал. — Она такая, такая…

— Я говорила, что она собирается стать адвокатом? Хочет выступать в суде. За словом она никогда в карман не лезла. Вся в Алуна. — Рианнон исподтишка бросила оценивающий взгляд на Питера, видимо, надеясь, что тот не заметит. — У твоего Уильяма есть девушка?

— Честно говоря, даже не знаю. Думаю, сейчас нет. Хотя раньше были.

— А у Розмари были парни. Я говорю «были» — мне так кажется.

— Я сам могу только предполагать насчет Уильяма. Он совершенно нормальный, здоровый, интересуется девушками. Еще ему тридцать. Вот,

собственно, и все.

— Да, а еще он по-хорошему уверен в себе. Думаю, этого вполне достаточно. Ну, для жизни. С твоей точки зрения.

— Наверное. — Питер продолжил, прочти не раздумывая: — Я почему-то уверен, что мой старик знал обо мне гораздо больше, чем я о своем сыне.

— Вряд ли. Даже если и так, думаю, проку было столько же. Конечно, волей-неволей сравниваешь, я тоже ловлю себя на этом. Хотя сейчас все намного лучше. Гораздо лучше, чем раньше.

— Вы с Розмари, наверное, очень близки? — спросил Питер. Дурацкий вопрос, подумал он и добавил, чтобы исправить положение: — Говорят, что матери и дочери легче находят общий язык.

— Ну, она о себе много не говорит — так, иногда скажет пару слов.

— И потому ты считаешь, что сейчас все стало лучше?

— М-м… Да.

Оба замолчали. Питер не совсем понимал, куда ведет их разговор, но то, что Рианнон завела его неспроста, было ясно по ее слегка поджатым губам — Питер и раньше видел у нее это выражение. Вдруг он заметил, что она взглядом

показывает на сидящую по соседству компанию, у которой, по мнению Питера, не было ни желания, ни возможности подслушать их разговор. «О Господи, это все Уэльс!» — понял вдруг Питер: тридцать лет живешь в Лондоне, а как только дело доходит до определенных вещей, по-прежнему смущаешься в присутствии посторонних. Он улыбнулся; Рианнон посмотрела на него в легком замешательстве и улыбнулась в ответ.

Тут к компании торопливо подбежал жизнерадостный толстяк и торжественно возвестил:

— Стол готов, можете занять, когда захотите!

Короткая фраза прозвучала так, будто бы в ней было слогов тридцать, не меньше. Компания покорно встала и направилась в обеденный зал.

За несколько секунд заминки Рианнон, видимо, решилась продолжить начатый разговор. Она подождала, пока соседи уйдут, и сказала:

— Кстати, о сравнениях. Я имею в виду, что у них, молодых, судя по всему, нет тех ужасных правил, которым приходилось следовать нам. Не стану утверждать, что они занимаются, ну ты понимаешь, этим больше или меньше, или лучше или хуже, когда у них доходит до этого, но они обходятся без той рутины, которую мы должны были исполнять каждый раз. Порой вспоминаю

и сама себе не верю. Словно следовали инструкции. Боже правый, но это и была инструкция! Стадия первая — позволяешь себя обнять, вторая — поцелуи, третья — больше поцелуев, четвертая — разрешаешь положить руку на грудь, пятая — то же самое, только рука под кофточкой, и, наконец, шестая, по-настоящему серьезная, еще не все полностью, но почти. И заметь, одно свидание — одна стадия, не больше. Как те пляски, которыми африканские племена надеются вызвать дождь. Только это длилось гораздо дольше — по нескольку месяцев. И до серьезного обычно не доходило. Одни и те же правила для всех, и никаких исключений. Или я преувеличиваю, как ты думаешь?

— Нисколько, — ответил Питер, который вдруг почувствовал, что, оказывается, ничего не забыл. — И еще существовала целая куча советов, как обойти эти правила.

— Да, а у нас были свои способы, чтобы не позволить их обойти. Фу! Может, это классовый предрассудок?

— Не знаю.

— Ну, про аристократок не скажу, а у нас в «Брук-Холле» были девушки из деревни — помнишь? — точно такие же. Или хуже, во всяком

случае, некоторые. Более циничные. Конечно, я преувеличиваю, потому что все было не так просто. Но в целом — примерно так. Помню, я сперва думала, что это типично для валлийцев, из-за религиозности, а потом поняла, что англичане такие же. Тогда я решила, что это британская черта. Французы наверняка другие. Про ирландцев не знаю. Ну и наконец я прочла того американского писателя, помнишь? Что-то на «о»? Чарли им зачитывался. Там еще где-то была Сахара.

— О'Хара. А книга, которую ты имеешь в виду, называется «Свидание в Самарре». Я когда-то все у него перечитал. Джон О'Хара. Боже ж ты мой!

— Да, точно он, но не уверена, что та книга. Как бы то ни было, я начала ее читать и чуть из кожи не выпрыгнула: все как у нас! То есть эта сторона жизни. И они — обычные люди, не миллионеры или актрисы, но и не деревенщина. Там было про парня и девушку, которая ему нравилась, и на первом свидании он, по-моему, лишь поцеловал ее на прощание, не помню точно. Во второй раз казалось, что между ними что-то произойдет, ан нет, она позволила ему чуть больше, и на этом все. Конечно, все случилось быстрее, чем обычно, но ведь это книга, не так ли? А в остальном точно так же… В Америке.

Питер по-прежнему не понимал, чего она от него ждет.

— Можно сказать, последние деньки викторианской морали, да? — предположил он, отгоняя ощущение, что вот-вот завалит экзамен. — И как только мы с ней мирились?

Рианнон рассеянно кивнула и положила свою пачку сигарет, а потом спичечный коробок вдоль декоративного желобка на столешнице.

— Не выставить себя дешевкой, вот в чем была цель. Во всяком случае, так это называлось.

— На самом деле глупый фарс.

— В известном смысле, но не совсем. В том-то и загвоздка. Дешевка. Ты произносишь это с усмешкой, а минуту спустя понимаешь, что говоришь серьезно. У парней тоже было для этого свое название, да?

— Возможно. Думаю, мы воспринимали это как неизбежную часть существования, ну, вроде как подъем чуть свет, чтобы успеть на университетский автобус. Утешало то, что другим не легче. Ну по крайней мере так казалось.

— О да, у нас тоже так было. А вот скажи, Питер, если бы девушка согласилась сразу, парень счел бы ее дешевкой?

— Нет, если он не полное дерьмо. Он бы при-

шел в восторг. После того как справился бы с удивлением. Конечно, если бы она начала гулять со всеми…

— Вот именно. Девушка не станет дешевкой, если у нее только один мужчина. Ладно, не стоит воспринимать это всерьез. Все было не так уж и плохо, случались и смешные истории. — Рианнон явно не сумела вспомнить ничего смешного, поэтому закурила и продолжила, уже чуть медленнее: — В общем, я рада, что Розмари не надо думать, как бы не прослыть дешевкой. Очень уж много та система отнимала сил. Люди думали не о том, о чем нужно, и делали глупости. И это еще я вижу только одну сторону. Парням было небось хуже.

— Мы и вели себя хуже, — ответил Питер. — В среднем.

— Зачастую не по своей вине, ну по крайней мере иногда. Знаю, ты считаешь, будто поступил со мной очень дурно, но на самом деле это не так.

Он впервые посмотрел в ее серые глаза и затаил дыхание.

— Скорее все выглядит ужасным, если не разбираться, что произошло на самом деле, а именно: мы встречались, правда, не очень долго, хотя могли бы дольше, веди я себя иначе. Тебе по-

нравилась другая девушка, и мы расстались. И только потом я поняла, что залетела. Ты все устроил… Ты любил другую; как я могла ждать, что ты ко мне вернешься?

— Лучше бы вернулся.

— Это уже другая тема. Извини, мы, наверное, слишком быстро к этому перешли, но кто знает, когда я вновь смогу поговорить с тобой наедине после четырех бокалов вина. А в нашем возрасте уже неизвестно, сколько времени тебе осталось. Я хотела сказать, пока мы еще живы: знаешь, все было чудесно.

Питер положил руку на стол, и Рианнон взяла ее.

— Да, ты права.

— Тогда попытайся понять, что и остальное было не таким плохим, как тебе кажется.

Немного позже они стояли у входа в «Глендоуэр», он обнимал ее за талию, она положила голову ему на плечо. В такси, по дороге сюда, они держались за руки и молчали. Сейчас машина ждала чуть поодаль, чтобы отвезти Питера домой.

Через минуту-другую Рианнон спросила:

— Может, зайдешь выпить?

— Нет, поеду домой. Или лучше зайти?

— Не волнуйся, все нормально. Слушай, надеюсь, ты не думаешь, будто наш разговор как-то связан с тем, что случилось в клубе. Или с чем-нибудь еще.

— Конечно, нет, милая. Я плохо понимал тебя, пока мы встречались, вернее, не так хорошо, как надо было, но сегодня даже я все понял.

— Вот и замечательно. Значит, мы можем как-нибудь поужинать вместе?

— Я позвоню.

— Розмари уезжает в четверг. После ее отъезда.

Она быстро поцеловала его в губы и ушла. Питер немного задержался, расхаживал туда-сюда по тротуару, опустив голову и ничего не замечая вокруг. Потом выпрямился, подошел к такси и сел на заднее сиденье.

— Теперь Кумгуирт? — спросил водитель, старикан, одетый, похоже, в обноски с плеча своего внука. — Вам в какой район?

— Скажу, когда подъедем поближе.

— Мне нужно определиться, какой дорогой ехать, там закрыли старый мост через…

— Езжайте как хотите, только довезите меня до места.

Несносный старикашка повернул седую нестриженую голову.

— Сэр, вам плохо?

— Жить буду. А теперь, пожалуйста, делайте что велено.

— *Деу, Деу!*[27] Простите мою болтовню. Сами-то вы не здешний?

— Нет, я из… из…

— Лично я считаю, что нормальные валлийцы покидают Уэльс.

— Неужели? Замечательные новости, черт возьми! И хватит об этом.

Когда машина подъехала к темному дому, Питер вспомнил: Мюриэль сегодня ночует в Каубридже у друзей, для которых, по ее словам, у него нет времени, так что впереди целых двенадцать часов свободы.

---

[27] Примечания: 27
Боже, Боже! *(валл.)*

5 — Рианнон
1

На следующее утро Рианнон и Розмари завтракали в новом доме. Алун торопился — с минуты на минуту его должны были отвезти в Западный Уэльс, чтобы он подыскал там место для съемок или что-то в таком роде. По всему первому этажу, среди открытых банок с краской и прочих материалов и инструментов, стояли стремянки, молча дожидаясь возвращения нанятых маляров оттуда, где те пребывали последние несколько недель. В гостиной уже было где посидеть, особенно если перед этим хорошенько устанешь. На кухне висели хлопчатые белые занавески с маками, но еще не вся посуда переместилась из ящиков на полки. Нелли, недавно приобретенный щенок Лабрадора, лежала, вытянувшись, в корзинке и лениво грызла то ее край, то фиолетовую пластиковую косточку.

— Это я подарила тебе эту кружку? — поинтересовалась Рианнон.

— Когда была совсем маленькой. Кстати, очень симпатичная кружечка.

Упомянутый сосуд представлял собой многогранную, расширяющуюся кверху чашу с позолотой на ободке и ручке, цветами по бокам и витиеватой надписью «Мама». Сейчас в кружке был налит растворимый лимонный чай и плавал ломтик настоящего лимона. Еще перед Рианнон лежали на тарелке апельсин и банан, а рядом стояла мисочка с кусочками консервированного ананаса.

Розмари бросила на еду скептический взгляд:

— И это весь твой завтрак? Хочешь, сделаю тебе омлет?

— Не отказалась бы, но яйца страшно вредны для здоровья. В них полно этой дряни, ну, знаешь, от которой случаются сердечные приступы. Что-то связанное с жиром.

— А то, что ты собираешься съесть, чрезвычайно полезно, да?

— Да. В апельсинах и бананах полно калия, который необходим для печени.

— Кто сказал?

— Дороти. А она эксперт в этих делах. Кучу книг прочитала, хочет быть в теме.

— Ты так говоришь, будто это ядерная физика. Впрочем, Дороти ничто не остановит. — Розмари кивнула на миску с ананасами. — Вряд ли здесь

осталось много калия.

— Чуточку, наверное, осталось. Фрукты есть фрукты.

— Ну да, понимаю, ты решила, что после вчерашнего кутежа надо позаботиться о печени.

— Я вела себя не слишком ужасно?

— Ты не бываешь ужасной. Надеюсь, все хорошо провели время.

— Мы с Питером очень хорошо поболтали. По-моему, я тебе говорила: он сильно переживает из-за того, что случилось сто лет назад.

— И правильно делает, — заметила Розмари, правда, довольно мягко.

— Давай не будем об этом. Как бы то ни было, мы с ним кое-что прояснили.

— Отлично. Не забудь пообедать. Съешь что-нибудь приличное, никаких перекусов.

— Не волнуйся, обед будет приличным. На старину Малькольма всегда можно положиться, он такой заботливый. Даже слишком.

— Что ты имеешь в виду?

— Да так, ничего особенного. Кстати, о кутежах. Вчера выпивала с одним бывшим поклонником, сегодня еду обедать с другим. Вот это называется прожигать жизнь!

Розмари незаметно улыбнулась, скорее печаль-

но, чем весело, а вслух сказала только:

— Пока ты еще здесь, объясни, что мне нужно сделать.

— Главное — вот это создание. Выводи ее каждые два часа. Еще должны позвонить часов в одиннадцать насчет ремонта крыши.

— Я скажу, чтобы перезвонили позже. Когда ты вернешься?

— Не знаю. Может, скажешь им…

— Пусть позвонят утром.

— Дело в том, что мы уже договорились с другой компанией, они берут меньше. А этим нужно передать, что мы отказываемся от их услуг. Сможешь? Ты просто передашь мои слова.

— А если ты будешь объясняться с ними сама, тебе придется выслушать много неприятного? Все понятно. Ладно, передам. Еще что-нибудь?

— Вроде все. Похоже, большую половину дня тебе нечего будет делать.

— Не волнуйся, я себе занятие найду. Кое-что нужно привести в порядок.

«Ага, произвести впечатление на щенка, чтобы не забыл до следующего приезда. Очень разумно», — подумала Рианнон, но, увидев, с какой прытью Розмари бросилась к зазвонившему телефону, засомневалась.

На столе лежала газета, открытая на странице с гороскопами, — забавное чтиво, хотя сама астрология, конечно, чушь, чтобы там ни говорила Дороти. Благодаря телепрограмме, объявлениям о свадьбах и колонке старины Джимми Гетина, появлявшейся раз в две недели, газета много лет назад одержала победу над конкурентами, по крайней мере в том, что касалось Рианнон, которая покупала ее до сих пор — даже после того, как печень бедняги Джимми отказала раз и навсегда, из-за нехватки калия или по какой-то иной причине, неизвестно. Вообще-то с Джимми больше дружил Алун, и Рианнон никогда не читала его колонку, разве что первый абзац привлекал ее внимание многообещающей атакой на какого-нибудь крайне левого деятеля, о котором она краем уха слыхала. Дальше интерес Рианнон к политике не распространялся, но и литература ее занимала, только когда дело касалось Алуна, да и тогда не особо сильно.

В университете, под чутким руководством Гвен и Дороти, она пробовала исправить положение, читая или пытаясь читать книги по этим двум предметам, а еще по искусству — в них картинки были красивые, хотя далеко не все. Ничего из этого не вышло, и к концу учебы Рианнон забросила

все попытки с чувством стыда и облегчения. Стыд так и остался: она отчетливо помнила свидание с невысоким студентиком, изучавшим немецкую культуру, и его изумленные слова в конце вечера: «Да ты же ничем не интересуешься!» Тогда Рианнон ничего не ответила и не нашла ответа до сих пор: то, что ее действительно интересовало, было слишком незначительным, слишком расплывчатым и не могло бы составить учебный курс. Так уж сложилось, но она по-прежнему чувствовала себя неловко.

В коридоре послышались шаги Розмари. Рианнон виновато запихала в пачку сигарету, которую только что вытащила, и сделала вид, будто увлечена гороскопом. Прочитала предсказание для Львов (ее знак), которое обещало хороший день для завершения коммерческих сделок, если только Львы не разразятся своим знаменитым рыком.

— Уильям звонил. Ну, ты знаешь, Уильям Томас.

— Да? — переспросила Рианнон, стараясь выказать должные интерес и удивление.

— У него сегодня выходной, и я пригласила его заехать к нам. Ты не против?

— Конечно, нет! Прекрасная мысль. Это… — Ри-

аннон едва не сказала: «…внесет хоть какое-то разнообразие в твою жизнь», — но сдержалась и закончила невнятным голосом: — просто замечательно!

— Еще чаю?

— Нет, спасибо, милая. Мне пора собираться.

— Позовешь меня, когда будет нужно.

В ванной Рианнон повесила на крючок просторный, явно с мужского плеча, махровый халат — его подарили на день рождения Алуну, но тот через пару недель снова стал носить парижский, из светло-зеленого муарового шелка. Тапочки, которые связала Дороти из красной шерсти и украсила зелеными буквами Р — под цвет валлийского флага, немного жали, особенно в подъеме левой ноги, и Рианнон обычно снимала их с облегчением. Ночная рубашка выглядела довольно скромно: белая хлопчатобумажная ткань и отделка шитьем.

На стеклянной полке возле ванны стоял новый флакон с шампунем из натуральных трав; на горлышке болталась карточка. «Пришли шесть штук, — прочитала Рианнон, надев очки, — получишь бесплатное подвесное кашпо для цветов или другой зелени». Она аккуратно сняла карточку и спрятала в шкафчик. Последнее время

она охотно включалась в такие акции — словно играешь на скачках; правда, можно и прогадать, как с тем набором поварских ножей (восемь этикеток от пирогов со свининой и чек на восемь фунтов пятьдесят пять пенсов, почтовые расходы включены), которые затупились примерно через двадцать минут.

Она шагнула в душ — застекленную кабину с диском управления, как на пульте ядерного ракетного крейсера. Кабину вместе с центральным отоплением и кое-каким кухонным оборудованием установил прежний хозяин дома, владелец многоэтажной автостоянки, который так и не успел насладиться удобствами, перед тем как въехать на своем «вольво» в стену. Как утешительно сообщали, он скончался от инфаркта еще до столкновения. Рианнон до сих пор не привыкла к душевой кабине и действовала методом проб и ошибок, хотя уже не боялась обдать себя ледяной водой или струей пара. Она намылила голову шампунем («Благодаря своей мягкости годится для ежедневного использования» — гласила этикетка), прополоскала волосы, нанесла шампунь во второй раз и оставила на две минуты, как требовала инструкция. За это время она успела намылиться сама и тщательно смыть

пену теплой водой, прежде чем переключиться на холодную — для тонуса.

Стоя на быстросохнущем коврике, Рианнон вытиралась полотенцем и одновременно смотрела на матовое окно, силясь понять, какая на улице погода. Приняв решение, она аккуратно вытерла ноги и равномерно размазала тональный крем из тюбика по еще влажной коже, маскируя выступившие вены. Затем побрызгалась дезодорантом, припудрила под грудью и между ног присыпкой, снова надела халат и тапочки и, окликнув по пути Розмари, пошла через лестничную площадку в спальню.

Если не считать объемистых черных мешков под окном и брошенной на кровать одежды — платья, костюма и чего-то еще, — в спальне царил идеальный порядок. Главное место в ней занимал изумительной красоты викторианский туалетный столик с мраморной столешницей и тяжелым овальным зеркалом. На столе стояла ваза с розами из сада; сама ваза тоже была разрисована бутонами роз. Рианнон причесалась, радуясь, как всегда, что ей повезло с волосами: они были все такие же густые, послушные и почти без седины — только немного подкрасить. Она все еще орудовала расческой, когда вошла

Розмари.

— Мама, что это у тебя на ногах?

— Невесомая тональная основа. То есть это так называется, я специально смотрела. От «Макс Фактор». Я брала для лица, но она оказалась слишком темной. Там еще была надпись: «Светлый мед». Думаю, название цвета, да?

— Хорошо, а зачем ты намазала ноги?

— Ну, иначе пришлось бы надевать чулки, и я подумала, что в такую хорошую погоду можно обойтись без них.

— Ты в курсе, что теперь у тебя ноги и руки разного цвета?

— Конечно, но мужчины об этом не думают. Как правило.

Розмари сдалась. Во время разговора она достала фен, включила и начала укладывать матери волосы, без особого навыка или почтения, но аккуратно и размеренно. Работая феном и щеткой, Розмари огляделась, заметила брошенную одежду, однако не успела ничего сказать: дверь распахнулась и в комнату неуклюже вбежала Нелли, щенок Лабрадора. Она несколько обиделась, увидев, что ее появление не вызвало должного восторга. Обежав для порядка комнату, собака забралась под кровать и зарычала оттуда

сердитым альтом.

— Надо было закрыть ее внизу, — сказала Розмари.

— Ничего страшного. Ей нужно ознакомиться со всем домом.

— Может, лучше после того, как она научится делать свои дела на улице?

— Обучение в том и состоит, чтобы она сдерживалась в доме.

Розмари нагнулась посмотреть, чем занят щенок, который к тому времени уже вылез из-под кровати.

— Знаешь, что она грызет твою тапочку?

— Пусть грызет, ту можно, — ответила Рианнон, предварительно убедившись, что тапочки Дороти по-прежнему на ней и им ничто не угрожает.

— Нельзя разрешать собаке грызть все подряд. Так ее ничему не научишь.

— Не волнуйся, все само собой утрясется. — Рианнон чуть не сказала дочери, что та станет смотреть на такое проще, когда обзаведется собственными детьми, но передумала. — Невозможно следить за ней целый день напролет. Спасибо, дорогая, вот так хорошо. Я люблю, когда волосы немного влажные.

— Э-э… а в чем ты собираешься пойти на сви-

дание?

— Думаю, в голубом джинсовом костюме. Вон в том.

— Хм. — Розмари кивнула, но довольно сдержанно. — Что еще?

— Надену белую спортивную рубашку, выпущу манжеты из-под обшлагов куртки. А если станет жарко, сниму куртку и закатаю рукава рубашки. Только если ему не будет видно ног.

— Эй! — закричала Розмари на Нелли, которая на виду у всех присела над ковром. — Фу! Фу!

Она подхватила щенка и выбежала из комнаты.

— Не забудь сказать ей…

— Знаю, мам, знаю!

Оставшись одна, Рианнон посмотрелась в зеркало, поправила волосы, жалея, что предстоящая поездка не вызывает у нее особого энтузиазма. То, как Малькольм говорил с ней сначала по телефону, а затем в клубе, озадачило Рианнон. И дело было не в обычной его неловкости — вот уж что никогда ее не смущало. Что-то в приглашении Малькольма, — возможно, многозначительные паузы между фразами — наводило на мысль: предстоит нечто большее, чем обычная прогулка. Не вставая, Рианнон скрестила пальцы на обеих

руках.

Донесшийся снизу победный возглас дочери, в котором звучало неприкрытое восхищение, заставил Рианнон продолжить сборы. К тому времени как Розмари вернулась, она стояла в трусах и бюстгальтере перед зеркалом и наносила на лицо тональный крем.

— Повезло, что она не навалила прямо в спальне, скажу я тебе.

— Да уж. Спасибо, милая.

— Хорошо, давай теперь взглянем на твой хваленый костюм, ладно? Признайся, он тебе самой нравится?

— Ну, я себя в нем хорошо чувствую.

— Хм. — Розмари кивнула, принимая ее точку зрения. — А как насчет обуви?

— Думаю, вот эти.

Рианнон показала на джинсовые, почти того же оттенка, что и костюм, туфли на шнурках.

Мать и дочь немного поспорили насчет рубашки, выбрали взамен терракотовую шелковую блузку с оборками, но после примерки оставили первоначальный вариант, и Рианнон, в качестве последнего штриха брызнув на себя подаренным на Рождество одеколоном, спустилась вниз, перекинув через плечо холщовую сумку песочного

цвета. Никаких украшений, кроме обручального кольца, Рианнон не надела.

На кухне Розмари еще раз приготовила кофе, и содержимое сумочки подверглось сравнительно нестрогому досмотру. Компактная пудра, запасной носовой платок, кошелек с пластиковым окошечком и вставленной туда карточкой с телефонными номерами, зубная щетка — все было одобрено со снисходительным молчанием. И вдруг:

— Господи, что это?! — Голос Розмари звучал так, словно ее терпению наступил предел.

— Полиэтиленовый дождевик. Свернутый.

— Вообще-то я не слепая. Нет, ну правда, мама! Почему ты не взяла зонтик?

— Я их все время теряю. Забываю в разных местах.

— Есть складные зонтики, которые можно убрать в сумку. Кстати, не очень дорогие.

— У меня такого нет.

— Хм. Полагаю, к этому плащу и шляпа имеется?

— Нет, там к воротнику приделан капюшон, глаза почти закрывает. Надену его за обедом, когда ты не будешь смотреть.

Розмари заглянула в сумку.

— Странно, что здесь нет резиновых сапог.

— Погоди, я сейчас принесу отцовские галоши.

— Лучше я дам тебе свой зонтик.

— Не надо, я его потеряю. И не обращайся со мной так, как будто мне четырнадцать лет.

— Так тебе столько и есть. Когда мне исполнилось четырнадцать, ты была намного старше, а сейчас вернулась в детство. Тебе четырнадцать, разве нет?

Рианнон хмыкнула и недовольно переступила с ноги на ногу.

Зазвонил телефон. Розмари успела к нему первой, спросила, кто говорит, и с каменным лицом передала трубку матери.

— Гвен.

— Здравствуй, Гвен.

— Рианнон, милая, это я, Гвен! — Слова и тон свидетельствовали, что ни искренних извинений, ни раскаяния ждать не стоит. — Спасибо за отличный прием! Я прекрасно провела время; похоже, даже слишком: немного увлеклась под конец вечера. Хватила через край, как сейчас говорят. Надеюсь, я не доставила много хлопот?

— Ничего страшного.

— Боюсь, я немного сердита на беднягу Алуна из-за как там его… Да, вынуждена признать, что

из-за Уэльса. Дело в том, что, на мой взгляд, он смахивает на стереотипного валлийца и, нужно отдать ему должное, сам это признает, хотя все-таки слегка перегибает палку. А меня он считает занудой училкой. Ну и вот, все было так хорошо, что я немного увлеклась выпивкой, и тут Алун что-то сказал, не помню уже что, и вдруг я…

— Ничего страшного, дорогая. Все уже забыто.

— Ну… Боюсь, очень некрасиво вышло. Что-то я разошлась спьяну. Алун дома?

— Нет, его целый день не будет.

— Я хочу с ним поговорить. Прием действительно удался. Перезвоню позже.

— До свидания.

— Вам повезло с погодой для поездки. Юный Малькольм весь как на иголках.

Розмари, которая после недолгих раздумий осталась в пределах слышимости, вопросительно посмотрела на мать. В ответном взгляде Рианнон была шутливая обреченность.

— Отец что-то сказал об Уэльсе, вот она и рассердилась.

— О, понятно. Надо же, как кстати. Наверное, ей нелегко было признаться.

— И вправду кстати. Кто-то должен был приложить усилия, чтобы мы остались друзьями.

— Должен был? Не слишком-то она хорошая подруга.

— Нет, она не плохая. После стольких лет дружбы на некоторые вещи смотришь сквозь пальцы.

— Ты обошлась с ней слишком мягко.

— Уже поздно обходиться жестко с такими людьми, как Гвен. Пойдем на улицу. Малькольм едет.

Рианнон взяла сумку и пошла к двери. Розмари обняла мать за талию.

— Неужели ты не против всего этого?

— О чем ты говоришь! Конечно, против! Но я не вижу смысла об этом думать или что-либо предпринимать. По крайней мере до тех пор, пока не узнаю наверняка.

— Мам, если бы ты только позволила…

— Давай сменим тему.

Сад перед домом не отличался большими размерами, но там была ярко-зеленая трава, типичная для этих широт, цветы на разросшихся клумбах и, как неожиданный бонус, огромный куст колокольчиков. Нелли с разбегу врезалась в него, затем побежала назад по дорожке, легко преодолевая ступени в три дюйма высотой. К югу открывался великолепный вид на рощи, затененные лужайки под невидимой отсюда скалой,

широкую полосу влажно поблескивающего песка и, наконец, на далекое море с полудюжиной крошечных лодочек. На горизонте виднелось несколько облаков, но ни одного грозового. Вокруг было светло и радостно.

— Тебе ведь очень хочется поехать, да?

— Конечно. Э-э… да.

— И в чем ложка дегтя?

— Понимаешь, он… Он очень милый и добрый человек, но слишком погружен в себя. Может что-нибудь ляпнуть, не подумав, как к его словам отнесутся другие, просто потому, что ему захотелось высказаться.

— Например, что всю жизнь любил только тебя?

— Да, вроде того.

— Ну, если это худшее, тебе не о чем беспокоиться. Справишься, наверняка у тебя достаточно опыта.

— Перестань, милая.

Розмари посмотрела на мать долгим взглядом, потом произнесла:

— Конечно, он может смутить тебя разговорами о Гвен.

— Нет, он понимает, что иногда лучше промолчать. Вдобавок он будет думать, что ничего не

произошло.

— Что ты имеешь в виду?

— Гвен его убедит.

— Убедит?

— Пара пустяков, если будет настаивать на своей версии, а она будет.

— Тебе лучше знать.

Повернувшись к собаке, которая испуганно следила за каждым ее движением, Рианнон произнесла:

— Сегодня ты со мной не пойдешь. Извини, но я тебя не возьму.

— О Господи! — воскликнула Розмари. — Надеюсь, ты не думаешь, будто она тебя понимает!

— Ну, не скажи. Может, пока нет, а когда вырастет — все будет понимать. Зависит от дрессировки.

— Ладно, это твоя собака… Это он приехал?

— Похоже… Да.

— Мам, ты так хорошо выглядишь, что, боюсь, тебе придется стиснуть зубы и слушать его признания в любви. А теперь…

Мать с дочерью приготовились к встрече. Не дожидаясь просьбы, Розмари вытащила щенка из-под куста сирени и взяла на руки. Рианнон повернулась, поправила волосы, глядя на свое

отражение в окне гостиной, и аккуратно сорвала полураспустившуюся желтую розу, которую давно приметила, но до сих пор не трогала. Женщины отошли друг от дружки, дабы не создавать впечатление чрезмерной сплоченности.

Малькольм вылез из сияющей ярко-голубой машины и со второй попытки закрыл водительскую дверь. На нем был спортивный пиджак в крупную темно-красную, зеленую и коричневую клетку, диагоналевые брюки, которыми он, видимо, чрезвычайно гордился, светло-зеленый шейный платок типа «я сегодня встречаюсь со своей старой подружкой» и, слава Богу, скромная рубашка и простые коричневые ботинки. Подойдя поближе, он явил свежий порез от бритвы на щеке, заметный, словно чирей на носу, для него самого и почти невидимый для всех остальных. Малькольм держал завернутый в целлофан букет из розовых гвоздик и красных роз ценой в сорок фунтов, не меньше, который и вручил Рианнон с расстояния вытянутой руки.

— Рад тебя видеть, — пробормотал Малькольм, видимо, отказавшись от заготовленной дома речи. Он неумышленно резко поздоровался с Розмари, которую не раз видел раньше, правда, мельком, но никак не ожидал встретить сегодня,

и только заметив щенка, немного расслабился. — Какой замечательный парень!

— Здравствуйте, Малькольм, — сказала Розмари. — Вообще-то это девочка.

Она пустилась в обычную болтовню о том, что Малькольм не назвал бы Нелли замечательной, если бы пришел чуть раньше, об ужасной привычке грызть все подряд и так далее. Рианнон продела розу в петлицу его пиджака и, дождавшись, пока Розмари опустит щенка на землю, отдала ей букет.

— Поставь цветы в веджвудскую вазу — прекрасно будут смотреться! — и найди для них место попрохладнее. — Сама она так смутилась, что даже не поблагодарила Малькольма. — Переставим, когда я вернусь. Думаю, не раньше пяти — нужно кое-куда заехать в городе.

Последнюю фразу она произнесла, глядя куда-то за плечо Розмари.

2

Едва усевшись в машину рядом с Малькольмом, Рианнон заметила на передней панели сложенную кепку примерно той же расцветки, что и его пиджак. Оставалось только надеяться,

что Малькольм забраковал головной убор после примерки и не собирается надеть его позже, дабы поразить ее воображение. Рианнон довольно вздохнула, вернее, попыталась. В воздухе витал едва уловимый аромат, все внутреннее пространство автомобиля свидетельствовало о долгих часах чистки и уборки. Рианнон вдруг вспомнила, как много лет назад похвалила Малькольма за четкий аккуратный почерк, а он поблагодарил ее и сказал, что, какими бы скучными и унылыми ни были его творения, тому, кто решится их прочитать, не придется тратить силы на расшифровку. Он добавил, что это вроде правила, которое предписывает лектору говорить внятно.

Первые несколько минут пролетели незаметно: поговорили о Розмари, коротко об Алуне, затем (уже не коротко) о Гвен: Рианнон старалась показать, что в этой теме нет ничего необычного. Дальше, на подступах к Корси, и потом, когда машина катила по острову, время пошло еще быстрее. Рианнон была здесь совсем недавно — заезжала с друзьями в бар «Король Артур» неподалеку от дороги, чтобы выпить после воскресного обеда. Посидели недолго: в огромный зал набились толстые юнцы-активисты левого крыла, которые заказывали коктейли с ликером

«Голубой Кюрасао» и соком маракуйи. Вскоре машина миновала знакомые места и направилась туда, где Рианнон не была лет десять, если не больше.

Рианнон показалось, что зелень вроде бы зеленее и гуще, а холмы — пониже, чем раньше, но разглядеть поподробнее не удалось: людей точно стало гораздо больше. Подъезжая к Чосер-Бей по западной дороге, они с Малькольмом попали в пробку, возможную разве что субботним утром в городе: автомобили, автобусы из Кардиффа и — Рианнон была почти уверена! — Гамбурга и, конечно, фуры. Сотни их стояли ровными, словно в военном лагере, рядами на заросшем дроком склоне, обращенном к бухте.

— Извини, что так вышло, — заметил Малькольм, когда они остановились в очередной раз. Судя по виду, он нисколько не жалел, наоборот, радовался, что решительный момент откладывается.

— У нас полно времени. — Она содрогнулась, представив, сколько именно.

— Я рад, что мы выехали так рано. И все равно удивительно: такое движение в половине двенадцатого буднего дня и не на школьных каникулах.

Рианнон напомнила о прекрасной погоде, а про себя подумала, что в этом весь старина Малькольм. Ему бы и в голову не пришло распространяться о том, откуда взялись деньги, или вот что, оказывается, значит упадок, или о теневой экономике, закрытых предприятиях и кто должен заботиться о пенсионерах. Все, кого она знала, за исключением Розмари, уже бы давно высказались по этому поводу. И Алун тоже, если бы вокруг никого не было.

Они проехали еще несколько ярдов. Здесь дорога поворачивала. Малькольм суетливо прижимался к машине впереди, но Рианнон все равно видела замусоренную галечную тропу, ведущую на пляж через пролом в скале, и полуодетых людей, которые спешили туда, нагруженные едой, напитками, палатками, лодками, спортивным инвентарем, детскими надувными кругами. Каникулы, может, и не начались, но детей вокруг было предостаточно. Спустя минуту Рианнон заметила краем глаза что-то вроде городка из киосков, явно рассчитанных на то, чтобы тянуть из покупателей деньги за товары любой категории: косметические, сувенирно-декоративные, образовательные… Кое-что выглядело поприличнее дешевой пластмассы, хотя кто его знает? Бутик

на пляже? В Южном Уэльсе? Сейчас?

Включился зеленый свет, и машина поползла вверх по холму мимо голых по пояс молодых людей, которые спускались с автомобильной стоянки, довольные жизнью и ничуть не озабоченные тем, как они выглядят. С вершины холма открывался вид на полосу песчаного пляжа, усеянного людьми, неподвижными или движущимися. Рианнон никогда не видела ничего подобного. Кое-кто из отдыхающих добрел аж до Рандл-Бей, и Рианнон подумала, что, когда начнется прилив, им нужно будет вернуться на пляж либо взобраться по крутому склону наверх, к дороге. Она вспомнила, что при свете дня подъем вполне сносный, но не доставляет удовольствия после наступления темноты, особенно если какой-нибудь назойливый парень пытается помочь.

— Давно это было, правда?

Удивительная проницательность для Малькольма! Прежде чем ответить, Рианнон окинула его оценивающим взглядом.

— Да, слава Богу.

— Что? Я хотел сказать, что все ходили на пляж, купались и все такое.

— Я поняла. Значит, все? Поедешь купаться? —

Она торопливо продолжила, пока Малькольм не решил, будто она зовет его поплавать: — Ну, тогда все говорили: «Поедешь с нами на Корси?» — и ты ехала не раздумывая. Если честно, я не любила плавать.

— А я помню, ты отлично плавала.

— Неплохо. Конечно, в воде было приятно, когда привыкнешь, но вот выходить! Хотелось выглядеть прилично даже с мокрыми волосами, а они на ветру становились похожими на солому.

— Разве девушки не надевали тогда шапочки? Купальные, я имею в виду.

— Только если не боялись, что лицо будет казаться размером с орех. Как забавно это все вспоминать, просто поверить не могу! Например, сидишь, подогнув ноги, улыбаешься, а сама переживаешь: вдруг из купальника вылезла половина задницы? И беспокоилась не только я — Гвен была такая же, Шан, Дороти, все! Мы обычно…

— Но вы все выглядели абсолютно…

— Уверенными в себе? Видел бы ты нас! А все эти разговоры насчет загара! Помню, как-то в общежитии устроили серьезную дискуссию: можно ли допустить, чтобы лицо покраснело, и если да, то насколько. И чего только не делали, чтобы

избавиться от волос на руках и ногах! Множество способов, и все дурацкие.

— Но вам же нравились поездки, — с тревогой сказал Малькольм. — Иногда.

— Само собой! Хотя мы и думали о волосах или о том, что песок ужасен, но не принимали это близко к сердцу. Интереснее было другое — как все проходит, что будет дальше и сумеешь ли ты с этим справиться. На самом деле мы не были уверены в себе, просто старались не показывать. Конечно, я не считаю, что у парней все шло как по маслу, — произнесла она задумчиво.

— Нет. — Малькольм настороженно посмотрел на опустевшую дорогу впереди. — Конечно, нет, — добавил он.

Немного подождав, Рианнон сделала новый заход.

— Конечно, было еще кое-что, кроме вылазок на пляж. Например, танцы. — Увидев, что Малькольм улыбается и неуверенно моргает, она продолжила: — Ну, ты помнишь. С музыкантами, партнерами, квикстепом и прочим. Для нас главным было держаться вместе. Дороти обычно собирала нас в общежитии, посылала всех в туалет — чтобы никто потом не улизнул. А потом мы стояли кучкой, ждали, когда кто-нибудь

пригласит, и хотелось грызть ногти от волнения, а еще было страшно, что из-под платья вылезет бретелька лифчика. Во всяком случае, мне было страшно. Неужели ты никогда не нервничал?

— Нервничал, наверное.

Рианнон подумала, что сделает еще одну попытку позже. Пока ей никак не удавалось вытянуть из Малькольма признание о пережитых душевных терзаниях. Возможно, это помогло бы ему взглянуть на прошлое с другой стороны и осознать наконец, что она тоже смущалась и чувствовала себя неуверенно. Рианнон хотелось внушить Малькольму, что она вовсе не диковинное создание, нечто среднее между Белоснежкой и лесным зверьком, а просто его друг, к тому же давний. Ладно, время еще есть, решила она.

— Знаешь, о прошлом. Полагаю, тогда были и определенные, скажем так, положительные моменты, — произнес он с долей здравого смысла.

— О да! Малькольм, не понимай меня превратно. Ужасно, я только…

— Потому что сегодня мы все-таки гуляем по тропинке воспоминаний. — Он говорил с таким видом, будто сам придумал это выражение или уверен, что Рианнон давно его не слышала.

— Этого здесь раньше не было, — торопливо

сказала Рианнон, и Малькольму потребовалась целая секунда, чтобы понять: она говорит о чем-то существующем в реальности.

Посреди поля, мимо которого они проезжали, стоял павильон, обклеенный яркими объявлениями, на которых исполинскими буквами предлагалось съесть здесь или унести с собой. Вокруг виднелось множество следов от шин, но людей не было. Под яркими солнечными лучами строение выглядело так, будто им положено восхищаться, не испытывая желания посетить, — вроде нового жилого района в Мехико.

— Тьфу, пакость! — произнес Малькольм с чувством. — Я тоже его раньше не видел. Стоит отвернуться, и они вырастают как грибы. Сейчас везде так.

Рианнон не раз слышала последнюю фразу, зачастую — вместе с другой, о бесполезном сотрясении воздуха. Похоже, рано или поздно это всех задевает, даже прямодушного старину Малькольма, которого никогда не интересовало, где люди берут деньги. Рианнон подумала, что, если он начнет распространяться на эту тему, разговор еще некоторое время не перейдет за опасную грань. Но Малькольм немного помолчал, а когда вновь заговорил, его голос звучал мечтательно.

Не слишком хороший признак.

— Считается, что годы меняют людей, — начал он, снова замолк, потом торопливо продолжил: — И правда, так часто бывает. Помнишь такого Майлза Гэррода? Он еще играл в театре и, кстати, неплохо. Сыграл Марлоу в «Ночи ошибок»[28] в Театре искусств.

— Конечно, — солгала Рианнон. Она всегда соглашалась, если не было особой разницы, скажет она правду или нет, и делала исключение только для Алуна. Излишняя правдивость казалась ей чересчур дерзкой, к тому же обычно все становилось понятным из дальнейшего разговора. Люди иногда приятно удивлялись, как так вышло, что она не слышала раньше ни одного анекдота.

— Ты бы его сейчас не узнала, Ри, гарантирую. Я столкнулся с ним несколько месяцев назад на свадьбе в Карэйсе. Вернее, не столкнулся — приятель сказал, что вон там старина Майлз Гэррод, и показал на него. Он полностью изменился. Вроде не особенно постарел и выглядел вполне прилично. Просто совсем другой человек.

Казалось бы, дав понять, что именно он задает тему разговора, Малькольм мог бы сообщить,

---

[28] Примечания: 28

«Ночь ошибок, или Унижение паче гордости» (1773) — фарс Оливера Голдсмита, английского прозаика, поэта и драматурга.

чем сейчас занимается Майлз Гэррод, но нет. Вернувшись к мечтательному тону и, судя по всему, перейдя ко второму пункту своей речи, он продолжил:

— Однако некоторые люди почти не меняются. Вот ты, Рианнон Уивер, такая же, как прежде. Все та же, что была в те времена, назовем это так, ладно?

— Глупости, я поправилась по крайней мере на…

— Нет-нет, ты почти не изменилась. Походка, взгляд, да вообще все! Когда я увидел тебя в тот первый вечер…

Она позволила Малькольму высказаться, но держалась настороже, следила, чтобы он не увел разговор на скользкую почву. По собственному опыту Рианнон знала, что подобные приступы откровенности предотвратить нельзя, можно только переждать.

— …последняя встреча с тобой восемь лет назад…

«Положим, больше, но он так уверенно произнес; впрочем, какая разница? Особенно сейчас», — подумала Рианнон.

— …всякий раз лишь на несколько минут…

Рианнон вспомнила несколько длинных вече-

ров, даже пару визитов на все выходные. В один из них она даже успела поболтать с Гвен о своей беременности. Старшая сестра Розмари родилась в пятьдесят девятом — значит, встреча была чуть раньше, но если Малькольм предпочитает свою версию, что ж, пусть.

— …и я впервые увидел тебя с тех времен. Раньше, когда я читал о людях, которые почувствовали, как время повернулось вспять, я думал, что это всего лишь слова, просто фантазия. Но все произошло именно так.

Малькольм покосился на нее со слегка безумным видом и сразу же отвел глаза.

— Я знал, что это случится. И не спрашивай откуда, — торопливо добавил он на всякий случай.

Надпись на дорожном указателе гласила: «Стагамбер 1, Питерстоу 2 S». В Питерстоу они с Малькольмом собирались пообедать. Сколько это минут? Пять? Минута с четвертью? Рианнон скрестила пальцы на левой руке. Конечно, ужасно, что она так думает, но пока ситуация не безнадежная. Конечно, Малькольм уже много чего наговорил, даже по-трезвому; видимо, осмелел из-за того, что ведет машину и не смотрит в глаза, но ничего серьезного он не сказал — может, все и обойдется.

Машина въехала на вершину холма; футах в ста внизу виднелась деревушка Стагамбер. Все в ней, от безграничной глади моря справа до густой зелени слева, было ровно таким же, как много лет назад.

— Конечно, я имел в виду не только то, что ты внешне такая же, — произнес Малькольм, уничтожив надежду, которая и без того едва теплилась. — Даже слепой бы это заметил. — Он замолчал, чтобы перевести дух. — Я хотел сказать, что ты не изменилась изнутри. Хотя изнутри мало кто меняется, как ты думаешь?

Рианнон немного подумала.

— Да, наверное, ты прав.

— Я знаю, что сильно изменился внешне. Стал дряхлым стариком. Нет, я не жалуюсь, просто констатирую факт.

Он сокрушенно покачал головой.

— Сейчас же прекрати! — с негодованием воскликнула Рианнон. — Никакой ты не дряхлый! Ты в прекрасной форме, отлично выглядишь и даже не полысел. Ты выглядишь… э-э… значительно моложе своих лет.

Комплименты Малькольм всегда принимал с нескрываемым удовольствием, и в этом отношении он нисколько не изменился. Впрочем, не

изменился он и в том, что по-прежнему давал понять, когда ждет похвалы и какой примерно, а потом от души радовался, услышав добрые слова в свой адрес.

— Ой, ну что ты, Ри, — повторил он несколько раз. — Но я хочу сказать, что внутренне я почти не изменился.

«Там-парарам-пам-пам изнутри», — думала она про себя, ожидая, когда последует «там-парарам-пам-пам снаружи», но на всякий случай скрестила пальцы. Малькольм по-прежнему гнул свою линию, немного настойчивее: «Неисправимый романтик… всегда ждал от жизни слишком многого… чуточку завидовал практичным людям, которые мирились с тем, что есть… победа надежды над жизненным опытом… неисправимый романтик… стараюсь во всем искать хорошее… так легче жить… никогда не хотел быть приземленным типом, который довольствуется синицей в руках… слишком стар, чтобы меняться», — закончил он твердо. Дело начало принимать скверный оборот, когда Малькольм признался, что с нетерпением ждал этой встречи и по-прежнему надеется на будущее. Впрочем, выражался он довольно туманно и вскоре замолчал. «Если повезет, то со вступлением закончено», —

подумала Рианнон.

Они въехали в Стагамбер и почти сразу же выехали, успев заметить лишь мешанину флагов, афиш и рекламных плакатов самых разных цветов: салатового, желтого, красного, черного и белого. Машина повернула налево вдоль края долины, и их взору предстал еще один дорожный указатель, из новых, темно-зеленый, с нарисованным вигвамом и тонкой белой надписью, довольно разборчивой вблизи. Согласно ей, до Питерстоу оставалось всего восемьсот метров, и если двигаться по стрелке, непременно туда доберешься.

Рианнон надеялась, что узнает это место, но ошиблась. В деревне обнаружилась лужайка с разбросанными по ней серо-белыми валунами, а еще — старинный питьевой фонтанчик в склоне горы, вернее, руины каменной кладки с креплением, где когда-то висела кружка на цепочке. Рядом была мемориальная доска с четырьмя или пятью фамилиями, и Рианнон поняла, что перед ней местный памятник жертвам войны. Кое-где за невысокими белыми воротами виднелись внушительные коттеджи из темного камня или кирпича, поодаль располагалось здание побольше, с мощными балками и черепичной крышей.

Вывеска гласила: «Герб Поуиса»[29] — и обещала лучший выбор старинных элей и сидров. Во дворе стояли машины, но у передней двери еще можно было припарковаться.

Малькольм потянул рычаг ручного тормоза и притормозил с эффектным скрежетом.

— Ну вот мы и добрались, — сказал он, обратив к Рианнон улыбающееся лицо; в уголках его глаз залегли морщинки.

Он вел себя так, словно вручил ей дорогой подарок, и только сам Малькольм, с его чувствительностью, мог этот подарок выбрать. Он сидел выпрямившись и выглядел таким душкой, что Рианнон захотелось дать ему подзатыльник.

— Чудесно, — ответила она.

Малькольм выбрался из своего кресла и поспешил на помощь Рианнон. Он двигался довольно быстро, но Рианнон его опередила. Она не любила, когда ей «помогали», если только не строила из себя матрону, что случалось довольно редко. Малькольм подбежал через секунду после того, как она обеими ногами встала на землю, но успел напомнить о сумочке, которую Рианнон уже собиралась взять. Они направились к пабу,

---

[29] Примечания: 29
Поуис — одно из средневековых королевств Уэльса.

и Малькольм подхватил ее под руку, будто опасался, что Рианнон упадет или врежется в стену. Рианнон почти вспомнила этот хозяйский жест: Малькольм держал ее так много лет назад, когда она раза два согласилась с ним встретиться. Вот и сегодня он не дал Рианнон войти в паб сразу: задержал ее перед входом и произнес:

— Здесь почти все как прежде.

— Да, похоже, мало что изменилось.

— Только крышу отремонтировали, сделали пристройку и забетонировали место, где был старый колодец. Еще, по-моему, в том углу была времянка, помнишь?

Рианнон не помнила, и потому медленно кивнула и что-то промямлила в ответ.

— И, конечно, столики. Но, в сущности, здесь все как раньше.

— М-м-м…

— Урны для мусора не очень красивые, зато практичные.

Окинув напоследок двор довольным взглядом, Малькольм попытался завести Рианнон в паб, но она быстро прошла вперед, вспомнив заодно, что давно не слышала от мужчин: «За тобой не угнаться!» Войдя внутрь, она огляделась с деланным интересом. Рианнон понятия не имела,

изменилось ли что-нибудь в зале. По крайней мере пока там было малолюдно и тихо. На некоторых столах она приметила невысокие медные перильца или поручни — видимо, чтобы посетители спьяну не смахивали на пол посуду… «Нет, чепуха, — подумала Рианнон, — десять к одному, что они с корабля, наверняка и Малькольм мне сейчас это скажет». Однако он ничего не сказал, просто заметил, что не знает, по-прежнему ли тут хорошо готовят. Рианнон подумала, что никогда не слышала такой наглой лжи.

Как выяснилось, готовили тут вполне прилично, но в случае Малькольма это оказался единственный плюс. Из всех знакомых Рианнон именно он был тем человеком, на которого не обращают внимания в баре, сажают за столик у кухонной двери, приносят первое блюдо, когда остальные посетители, включая тех, кто пришел позже, уже пьют кофе, и вдобавок обсчитывают. Тем не менее обед прошел нормально: Малькольм всего лишь уронил сливочное масло себе на галстук. В самом конце Рианнон, потягивая из рюмочки свой любимый зеленый шартрез, почти перестала волноваться. Некоторые моменты — вроде того как Малькольм обнаружил пятнышко на бокале и долго махал, чтобы посуду

заменили, или как он потребовал принести «нормальную» перечницу, а потом следил, пока ее не принесли, — снабдили Рианнон материалом для пересказа Розмари, но застольная беседа (говорил в основном Малькольм) была невыносимо скучной. Рианнон забыла все свои опасения, пока он рассказывал ей о людях, которых она не знала. Они даже поболтали об Уэльсе, а потом и об Англии, куда перебрались некоторые их общие друзья. При словах Малькольма о том, что не стоит говорить об упадке Уэльса, если не хочешь оказаться в меньшинстве, Рианнон сразу же вспомнила, как ему разбили нос в тревильском баре. Сейчас нос выглядел вполне нормально, хоть и не ближе ко рту, чем раньше.

Покончив наконец с Уэльсом, Малькольм объявил, что еще рано, без особой спешки заказал еще кофе и попросил Рианнон рассказать о себе. Она поведала ему об Алуне и девочках. О дочерях Рианнон говорила с осторожностью, в основном из-за того, что Гвен рассказывала об их с Малькольмом двух сыновьях, которым было уже за тридцать, вернее, из-за того, о чем Гвен умолчала. Может, Малькольму и было чем поделиться, но изливать душу он не стал, только слушал вежливо. Спустя несколько минут Рианнон поняла, что

взяла неверный курс.

— Еще рюмочку этой липкой штуковины? — предложил он, едва она замолчала.

— Нет, милый, спасибо.

— Судя по твоим словам, ты сейчас вполне довольна жизнью.

— О да, куда больше, чем в те времена.

— Правда?

— Забавно, в те годы я развлекалась не меньше остальных, а сейчас как вспомню, что чего-то делать уже не придется, так радуюсь, — заметила она. — Я имею в виду, что больше не нужно ходить на пляж, танцы или бегать по свиданиям.

Рианнон продолжала в том же духе, пока не заметила, что Малькольм почти не слушает, и хотя иногда кивает, не сводя с нее глаз, взгляд у него мечтательно-рассеянный.

Рианнон всегда считала, что мужчина, который ее не слушает, поступает разумно, к тому же теперь это было почти неопасно. Если в прошлом у поклонника были все шансы заметить излишек пудры или след от прыщика, сейчас эта вероятность практически свелась к нулю из-за ухудшившегося с возрастом зрения — конечно, если упомянутый поклонник не вооружался очками, что было бы по меньшей мере неспор-

тивно. Малькольм очки не надел, но внезапно до Рианнон дошло: он не слушает потому, что предпочитает глядеть на нее как на недоступное создание, о котором можно только мечтать. Эта мысль несколько выбила ее из колеи, и она замолчала.

Пока Малькольм подзывал одну официантку, показывая, что хочет расплатиться, другая положила счет на стол.

— Думаю, неплохо, — заметил Малькольм, минуты две высчитывая размер чаевых в уме, затем на бумажке и снова в уме.

— Замечательно! Великолепная еда!

Рианнон не осилила жаркое с подливкой, на которое рассчитывала (все-таки сама она готовила его совершенно иначе), отказалась от карри с говядиной из-за риса, не стала заказывать рагу из ягненка, опасаясь, что там попадутся семена помидоров, и остановила выбор на пироге с курятиной. Мясо было довольно мягким, а вот тесто — совершенно безвкусным, почти ватным, и к тому же чересчур жирным. Рианнон съела весь салат-латук и водяной кресс, а еще немного зеленого перца, который, после того как она выжала на него пол-лимона, уже почти не драл горло.

В чистеньком туалете Рианнон постаралась

успокоиться и сделала несколько глубоких вдохов — предстояло заняться вставными зубами. Она выпрямилась во весь рост, откинула назад волосы и приняла важный и высокомерный вид. Малькольм бы решил, что она излучает самоуверенность, но главной целью было обеспечить себе преимущество на случай, если кто-нибудь вломится в дверь и, увидев хорошо одетую пожилую женщину с вставными зубами в руках, смутится, или удивится, или выкажет какие-нибудь еще чувства. Все обошлось: маленький тюбик крема для фиксации зубных протезов благополучно исчез в сумочке задолго до того, как юное создание в джинсах проскользнуло в дверь и скрылось в туалетной кабинке. Рианнон вышла вполне довольная собой.

Солнце ушло на другую сторону паба, но было еще светло и довольно жарко. Малькольм стоял рядом с машиной, почти отвернувшись и слегка склонив голову набок, наверное, любовался видом, однако в его позе чувствовалась некая нарочитая небрежность, и Рианнон поняла, что́ ее ждет. Увидев, что она приближается, Малькольм занял позицию у пассажирской двери. Да, именно то, что она ожидала. Рассчитав момент, он распахнул дверь настежь, встал навытяжку,

задрав подбородок, и отсалютовал дрожащей рукой, словно сержант в старом фильме. У Рианнон вспыхнули щеки, она изобразила милостивую улыбку королевы-матери, махнула и торопливо села в машину. Считается, что подобные представления призваны продемонстрировать, насколько свободно люди чувствуют себя друг с другом, подумала она, а на самом деле они только подчеркивают неловкость, а порой — взаимную неприязнь. Ладно, по крайней мере у Малькольма хватило ума не задействовать свою твидовую кепку.

— Значит, можно с полной уверенностью предположить, что ты не испытываешь настоятельной потребности окунуться в море, — сказал он, когда машина тронулась с места.

— Несомненно.

— И все же, смею полагать, ты не против небольшого путешествия на пляж?

— О, конечно. Куда?

— Узнаешь в свое время.

Они вернулись к прибрежной дороге и вновь поехали на юг, в малообжитую часть острова, где были в основном фермы, леса да изредка встречались поместья с большим домом посреди парка. Они миновали одно такое поместье, окруженное

оградой с причудливыми кирпичными воротами, и начали появляться знакомые приметы: старинный дорожный указатель, сообщающий расстояние до Кармартена, Кардиффа и Брекнока, промелькнувший замок (рассказывали, будто среди его руин растет цветок, который можно найти только здесь и в Пиренеях), табличка Национального треста,[30] двухскатная крыша какого-то похожего на амбар строения с неровным треугольником оборванного выцветшего плаката, — и наконец неожиданный крутой поворот вниз, к Пул-Глен. Малькольм, разумеется, направлялся к Пул-Глен, единственной на побережье бухте с валлийским названием, может, и не самой красивой, но, по общему признанию, самой необычной. Рианнон часто приезжала сюда в молодости и помнила это место.

Первые несколько сотен ярдов узкая извилистая дорога спускалась вниз так резко, что право преимущественного проезда автоматически предоставлялось машинам, которые ехали вверх, — Малькольм дважды съезжал на обочину и останавливался. Во второй раз, на особенно крутом повороте, перед Рианнон открылся вид

[30] Примечания: 30

Организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест. Основана в 1895 г.

на простирающуюся перед отлогим морским берегом пустошь примерно в полмили шириной и бóльшую часть бухты: изогнутую гряду невысоких скал с южной стороны, длинную, почти прямую, полосу песчаного пляжа и совсем вдалеке — церковь на лесистом мысу. Дорога вела вдоль подножия утеса и через болота, некогда соленые, но уже много лет пресноводные, с зарослями камышей необыкновенно красивого бледно-оранжевого цвета. Дальше Малькольм и Рианнон повернули, проехали вдоль берега с разбросанными по нему убогими зеленоватыми растеньицами и въехали наконец на просторную, незаметную сверху автостоянку, которая вырастала перед автомобилистами неожиданно, когда они были уже совсем близко. В остальном она ничем не отличалась от других парковок: повсюду ели, пили и шумели люди.

Не теряя времени, Малькольм повел Рианнон вниз, к морю, в пустынный уголок пляжа, где валялись неприглядные обрывки водорослей, а песок перемежался скалистыми выступами. По стечению обстоятельств рядом оказалось другое место, там, где одной далекой ночью Рианнон с Дороти ловили на мелководье камбалу, вернее, старались не слишком мешать двум или трем

молодым людям, утверждавшим, что знают, как ее ловить. Тогда на берегу никого не было. Никого не было и сейчас, по крайней мере в этой части, ближе к мысу: негде купаться, негде посидеть, полежать или поиграть в мяч, и детям негде побегать. Не сводя с Рианнон глаз, Малькольм молча проводил ее по каменистому выступу к тропе, которая вела к замшелой церковной ограде.

За воротами было тихо, сюда доносился только шум волн. Малькольм с Рианнон стояли лицом к морю на узкой гранитной площадке меньше чем в сто ярдов длиной, справа раскинулась гладь Пул-Глен, слева тоже была бухта, маленькая и безымянная, даже не бухта, а бухточка, заваленная камнями и почти всегда пустая. В прошлом Рианнон видела там пару рыбаков, настоящих, в прорезиненных плащах и болотных сапогах, но сейчас можно было с уверенностью сказать, что туда давно никто не заглядывал.

Места на площадке едва хватало для самой церквушки, трех-четырех рядов могил и нескольких десятков старых деревьев, в основном платанов: высокие, с пышными кронами, несмотря на соленый воздух и неподходящее время года, они бросали на землю густую тень. В некотором смысле сюда тоже никто не захаживал, а сего-

дня сюда добрались Рианнон с Малькольмом, и недавно кто-то приходил — привести в порядок могилы, чтобы кладбище не выглядело слишком заброшенным, хотя почти все надгробия были разбиты или изъедены временем. Впрочем, некоторые имена и даты еще можно было прочесть: валлийские имена, английские, и ни одной даты позже тысяча девятьсот двадцатого года. Церковь стояла наглухо заколоченной, и заглянуть внутрь не представлялось возможности.

— Это по-прежнему церковь, — сообщил Малькольм после довольно продолжительного молчания. — То есть ее не секуляризировали.

— Не похоже, что она действует.

— Последнюю службу провели в пятьдесят девятом году. Половина людей на пляже тогда еще не родились или были маленькими и ничего об этом не помнят. — Он улыбнулся и доверительно сообщил: — Я узнавал. Может, надеются, что когда-нибудь она снова заработает.

— Кто надеется? О чем ты говоришь?

— Ну… я не знаю, — произнес он мягким голосом. — Сейчас сюда слишком далеко добираться. То есть если ехать на машине. Когда-то люди и пешком такое расстояние проходили без труда, даже в гору, но когда это было? Я читал, что неф

рассчитан на восемьдесят четыре человека.

— Малькольм, ты сам в это веришь?

— Трудно сказать. В известном смысле — да. Конечно, мне тяжело видеть, как все приходит в упадок. Когда-то я думал, что жизнь здесь будет продолжаться, как и повсюду в Британии, а теперь сомневаюсь.

— И с этим ничего не поделаешь. — Рианнон старалась говорить так же мягко. — Одно хорошо — вандалам сюда добраться тоже не просто.

— Да уж, и на том спасибо. Я люблю иногда здесь бывать. Помогает… нет, не могу, звучит слишком выспренне. В общем, это замечательное место. Тихое. Уединенное.

— Немного унылое. И ветреное.

— Мне ужасно жаль, Ри, ты совершенно…

— Нет-нет, все в порядке. — Она огляделась. — Здесь определенно есть своя атмосфера.

— Помнишь, как мы сюда приезжали? — спросил Малькольм с неожиданной настойчивостью.

— Конечно.

Рианнон хотела было добавить: «Много раз», — но Малькольм торопливо продолжил:

— Помнишь ужасную постройку, по-моему, бетонную, она еще стояла у самого конца дороги? Ее тоже снесли. Хм, оказывается, иногда это даже

к лучшему. Хотя поесть можно было только в этой забегаловке.

— Точно, и хозяйка мыла посуду так шумно, что заглушала разговоры, а ключ от туалета носила в кармане фартука.

— Помнишь, как мы там обедали?

— О да! — подтвердила она в том же приступе вдохновения, что и пару секунд назад.

— Мы тогда взяли все, что нам предложили — сосиски с жареным картофелем и готовый соус.

— Угу. Еще была мрачная кошка, которая смотрела на всех, кто ее гладил, как на чокнутых.

— А я про нее забыл. Ты тогда пила стаут «Макесон»,[31] помнишь? Твой любимый напиток в те времена.

— Да, сейчас его редко где встретишь.

— А потом мы с тобой пошли гулять.

Рианнон не знала, что на это ответить, и потому молча улыбнулась и мысленно скрестила пальцы. Малькольм отступил на шаг и продолжил с прежним жаром:

— Когда мы добрались сюда, то поняли, что ночью был шторм: повсюду валялись сломанные ветки, листья и прочий мусор, и море все еще

---

[31] Примечания: 31
Темное пиво.

волновалось. А мы дошли до самого края площадки, туда, где она нависала над водой — да, как раз здесь, помнишь? — довольно опасное место, но в молодости мы любили опасность. Сейчас уже почти весь край осыпался. И я сказал, что никогда не буду значить для тебя столько, сколько ты для меня, и прекрасно это понимаю, но не жалуюсь. А еще сказал, что хочу, чтобы ты запомнила — я никого не буду любить так, как тебя. И ты ответила, что запомнишь. И ты ведь помнишь, Рианнон, правда?

Еще секунду назад мешать его воспоминаниям о том дне было рано, теперь — уже поздно. Так или иначе, она все равно не знала, что сказать, и потому просто кивнула.

— Замечательно! — Его неловкость куда-то исчезла. — После твоих слов все кажется намного лучше! Спасибо, что не забыла меня, ведь твоя жизнь полна другими событиями.

Малькольм посмотрел на нее с нежной улыбкой и кивнул, показывая, что пора возвращаться. По небольшому склону они стали спускаться вниз, к церковным воротам, и Малькольм дружески обнял Рианнон за талию.

— Да, я на целый день одолжил машину у своего приятеля Дуга Джонсона. Я тогда брал ее в

первый раз и немного волновался. Надеюсь, это было не слишком заметно.

— Я ничего не заметила, — сказала Рианнон.

— Мы заехали заправиться, а у хмурого парня с бензоколонки не оказалось сдачи с пяти фунтов.

— Да, конечно. — В сложившихся обстоятельствах Рианнон подтвердила бы, что помнит высадку генерала Тейта у валлийского селения Фишгард в тысяча семьсот девяносто седьмом году.

— Едва мы проехали ярдов десять, как начался сильнейший ливень и мне пришлось остановиться — «дворники» плохо работали.

— Помню.

— Думаю, я даже смогу назвать точную дату. Австралийцы играли в Кардиффе и…

Внезапно он замер и уставился перед собой. Рианнон поняла — произошло что-то ужасное. Она беспомощно опустила взгляд на почерневший могильный камень и прочитала о некоем Томасе Годфри Причарде, который покинул земную юдоль семнадцатого июня тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года, оставив неутешных родных и близких. Когда Рианнон вновь подняла глаза, Малькольм пристально смотрел на нее.

— В том году Дуг Джонсон все лето был во

Франции, — сказал он. — Проходил учительскую практику. Он просто не мог одолжить машину ни мне, ни кому-нибудь еще. Должно быть, это случилось в какой-то другой день.

— М-м-м… — Лишь усилием воли Рианнон не отвела взгляд.

— Наверное, мы добрались до побережья автобусом. Ты сказала, что помнишь тот день, но это невозможно.

— Да.

— Ты забыла, да? Как мы обедали, и как поднялись к церквушке, и то, что я тебе сказал, — вообще все.

Сбежать было невозможно, уклониться от ответа — тоже. Неприкрытое разочарование Малькольма стало последней каплей в череде сегодняшних неловкостей. Она закрыла лицо руками, отвернулась и заплакала.

Малькольм тут же забыл о собственных чувствах.

— Что с тобой? Что случилось?

— Я такая глупая, совершенно безнадежная и никчемная! Всегда думаю только о себе и не замечаю других людей. Подумать только, не могу даже вспомнить замечательный день, когда мы встречались, а это ведь совсем не сложно!

Малькольм обнял ее, она уткнулась лбом в его плечо, по-прежнему закрывая лицо руками.

— Любая, у кого есть хоть капля мозгов, вспомнила бы, а я не могу. Очень хочу, но не получается.

— Не говори глупости. Ты же не думаешь, что я приму твои слова всерьез? Так мило, что ты расстраиваешься из-за подобной мелочи! Подумаешь, забыла, я сам плохо помню ту поездку, перепутал дни. Но ты же помнишь, что приезжала к Пул-Глен?

— М-м-м…

— Может, помнишь, как мы были здесь вместе? Хотя бы смутно?

— М-м-м… — Может быть, сейчас она даже не врала.

— А мои слова? Я…

Рианнон не смогла ответить утвердительно.

— Нет. — Она сокрушенно покачала головой. — Прости.

— Не извиняйся, милая Рианнон, не нужно. — Малькольм посмотрел поверх ее головы в сторону берега. — Ты так расстроилась из-за того, что все забыла, а для меня это почти то же самое, как если бы ты вспомнила.

Возникла некоторая натянутость, но по край-

ней мере все встало на свои места. Рианнон достала салфетки, расческу и начала приводить себя в порядок, а Малькольм пустился в рассказ о том, что эту церковь построили предположительно в двенадцатом веке и на южной стене алтаря и на парапете вокруг верхушки церковной башни сохранились рельефные изображения представителя славного рода Корси и его супруги. Как раз то, что Рианнон хотелось услышать, без всякой иронии. Увидев, что она готова ехать, Малькольм окинул бухту прощальным взглядом.

— Когда-то там стояли дома, до того как море поднялось, — сказал он. — Целая деревня.

Рианнон слышала, что когда-то море покрывало болота, а потом отступило. Должно быть, это произошло в другое время.

— Наверное.

— Говорят, что два раза в год во время отлива, когда вода спокойная, сквозь нее можно разглядеть улицы, даже дома. И церковь.

— Ты по-прежнему пишешь стихи?

— Ты помнишь! — Малькольм счастливо улыбнулся. — Да, конечно. И думаю продолжать. К счастью, у меня еще есть что поведать миру.

Прежде чем он успел сказать, что именно, Рианнон выпалила в приливе внезапного вдох-

новения, удивившего ее саму:

— Где-то здесь был очаровательный розовый сад с кирпичной оградой и перголами над тропинками. Он принадлежал какой-то богатой семье, но после обеда туда пускали всех желающих. Не знаю, открыт ли он сейчас.

— Ну-ка, ну-ка… Может, Мансел-Холл? За Суонсетом?

— В этот раз меня не поймаешь. Я не совсем…

— Да, я понял, что ты имеешь в виду, — Брин-Хаус, точно. Дом из местного камня, облицованный кирпичом. Здесь недалеко. Хочешь туда поехать?

— М-м-м… Помнишь, мы как-то ездили туда летом, день еще тогда был непогожий?

Тот непогожий день ей запомнился: холодный и пасмурный, хотя почти без дождя.

— Думаю, да, — вполне ожидаемо ответил Малькольм. — Помню. Давай сейчас съездим, посмотрим. Как знать, может, тот сад пробудит новые воспоминания.

— А вдруг его больше нет? С тех пор многое изменилось.

— Все равно поедем, хорошо?

Голос вновь звучал мечтательно, как будто Малькольм чувствовал, что нашел частично

предопределенный путь, — вернее, они вместе нашли. Поймав его взгляд, Рианнон поняла, что опасность еще не миновала, но решила: делать нечего, пусть говорит. Она взяла Малькольма за руку и не отпускала до самых ворот. За церковной оградой Рианнон вновь сжала его ладонь — в знак утешения, или извинения, или чего-то, что сошло бы за понимание, или просто как человек, который дает понять другу: что бы ни случилось, мы переживем это вместе. Малькольм ответил на пожатие, но молчал, пока они не миновали болота, а потом впервые в жизни заговорил о каких-то пустяках.

6 — Малькольм, Мюриэль, Питер, Гвен, Алун, Рианнон
1

— Отель «Библия и Корона», Таркин Джонс слушает.

Тарку было свойственно называть свое заведение именно так, хотя (вернее, потому что) оно не предоставляло гостям стол и ночлег и никто, кроме владельца, не воспринимал его как гостиницу. Все с готовностью соглашались, что это характеризует самого Таркина, но, как подчеркнул однажды Чарли, трудно сказать, с какой стороны. Гарт добавил, что это очень по-валлийски, и возражений не последовало.

В другое время Малькольм охотно поразмышлял бы на эти темы, особенно — на последнюю, но только не сегодня. С неестественной четкостью он представился полным именем.

— Кто? — рявкнула трубка.

Повторив свое имя еще отчетливее, Малькольм спросил, не здесь ли мистер Алун Уивер, и получил в ответ продолжительное молчание, которое нарушали доносящиеся издали женские возгласы

притворного удивления и резкий звук, похожий на сигнал судейского свистка. Малькольм терпеливо ждал. Он раза два глубоко вдохнул и сказал себе, что нисколько не сердится. Алун подошел через несколько минут и буркнул что-то невнятное, как человек, не ждущий хорошего от незапланированного телефонного звонка. Малькольм снова представился и спросил:

— Много там народу сегодня?

— Почти все разошлись. Вообще-то я был почти один. Обычно я здесь в это время не бываю.

Отвечая на незаданный вопрос, Малькольм признался:

— Рианнон упомянула, где ты.

— Неужели? Понятно. — Сейчас Алун говорил с простодушной благожелательностью человека (валлийца, как наверняка подчеркнул бы Питер), который готовится к маневру.

— Слушай, Алун, я тут подумал, может, заглянешь к нам по дороге домой, выпьем по стаканчику на ночь. Никакой грандиозной пьянки, так, ун бах.[32]

В трубке послышался сдержанный вздох.

— Э-э… очень мило, дружище, но уже поздно и,

---

[32] Примечания: 32
По маленькой *(валл.)*.

если ты не против…

— Вообще-то я сегодня один. Гвен в каком-то странном настроении; не могу понять, какая муха ее укусила. Очень на нее не похоже внезапно уйти из дома и хлопнуть дверью. Сказала, чтобы я ее не ждал, и ушла.

Малькольм неуверенно рассмеялся над женской непредсказуемостью.

— Ну, это полностью меняет дело. Конечно, я буду рад разделить твое одиночество. Минут через пять выезжаю.

От мысли, что можно будет посидеть и выпить с приятелем, Малькольм на минуту почувствовал себя лучше. Он взял стакан с разбавленным виски — отнюдь не ежевечерний его напиток — и пошел в гостиную. Там было полно дамской дребедени вроде чехлов для мебели и декоративных тарелочек, а сама комната при довольно умеренной длине выглядела такой непропорционально узкой, что некоторые гости принимали ее за дамский уголок для чаепитий в очень ограниченном кругу. На самом деле пойти было больше некуда: либо в упомянутую крошечную гостиную, либо в кабинет Малькольма, куда он сам заглядывал только в особых случаях.

Сегодня здесь ощущалось мужское вторже-

ние: его выдавал не столько проигрыватель, общий для обоих полов, сколько пластинки, принесенные из кабинета, где они хранились в белом сосновом шкафчике. Проигрыватель («Плейбокс», черный, с некогда золотым, а ныне потускневшим узором в китайском стиле) в середине шестидесятых считался очень современным. Пластинки были того же времени или чуть старше: запиленные долгоиграющие переиздания еще более древних записей на семьдесят восемь оборотов, сделанных в сороковые годы в стиле, который, по слухам, пользовался успехом лет за двадцать — тридцать до того. В основном исполнители выступали в группах с длинными названиями вроде «Док Петтит и его Сторивильский джаз-банд», хотя встречались и одиночки: обычно их звали как-нибудь вроде «Горбун Моз» или «Колченогий Рэд Лерой»; иногда им аккомпанировали на гармонике и варгане неназванные музыканты.

Малькольм собирался включить музыку, чтобы оживить в памяти прошлое, так сказать, продолжить с того места, на котором они с Рианнон остановились. О планах пришлось забыть, когда Гвен выдала ему все, что думает, и выскочила из дому; теперь же они казались вполне осуществи-

мыми. Но пока только казались — Малькольм решил, что вначале пойдет в туалет и проверит, как обстоят дела с кишечником. Утром ничего не получилось, и Малькольм весь день отгонял неприятные мысли, чтобы не испортить свидание с Рианнон. Левое яичко опять побаливало, но к этому он уже привык.

Малькольм отставил стакан, поднялся наверх, и — о чудо! — кишечник сработал. Завершая процесс, он думал, что ощущает себя по крайней мере двумя совершенно разными людьми, которые никогда не слушают друг друга: суетливым старикашкой паникером и замечательно хладнокровным мыслящим индивидуумом. Правда, настоящее раздвоение личности было бы куда лучше: его половинки могли бы периодически друг от друга отдыхать.

Вернувшись в гостиную, Малькольм включил проигрыватель и достал из конверта пластинку, которую записали Папа Буало и «Новоорлеанские грелки». Они смотрели со старой фотографии: пожилые негры в темных костюмах с белыми воротничками и галстуках выстроились в ряд, шесть-семь черных как сажа лиц, печальных и отстраненных, совершенно непохожих на те, что привычно мелькали на телевизионном

экране. Малькольм установил пластинку в держатель, спустя пару секунд она оказалась на вращающемся диске, и на нее опустился судорожно подергивающийся звукосниматель. Сквозь громкий шум и потрескивание донеслись звуки кекуока. Малькольм прибавил громкость.

Игла проигрывателя давно износилась, пластинка — тоже, но Малькольма это не волновало, как и то, что запись была плохой даже для своего времени: кларнет звучал плоско, а корнет дрожал в верхнем регистре. Мелодия захватила с первых аккордов; Малькольм, как всегда, вслушивался в каждую ноту, не оставляя себе времени на раздумья. Возбуждение не давало ему сесть — он стоял перед проигрывателем и переминался с ноги на ногу в такт музыке: вот он подыграл на невидимом банджо, вот изобразил глиссандо на тромбоне, а вот отбил пару ударов турецкими тарелками. Под самый финал композиции, которая для непосвященных заканчивалась слишком неожиданно, он устал и запыхался, но вновь ожил, когда зазвучало «Танцуя с барбекю».

К этому времени Малькольм уже поймал кайф, как сам бы он выразился в старые добрые времена. Он слышал, что «барбекю» имеет отношение к стряпне под открытым небом, но почему-то даже

не сомневался — в песне у этого слова совсем другое значение, и речь, несомненно, о горячей красотке. Когда такая проходит мимо, про нее говорят с удивлением и восторгом: «Вот это, я понимаю, барбекю!» Малькольм никогда не танцевал с подобными женщинами, да и сейчас не притворялся, будто танцует, просто переступал с пятки на носок в тесном пространстве гостиной.

Звонок в дверь застал Малькольма врасплох, прервав на полушаге. Только убедившись, что шторы плотно задернуты, он немного успокоился. Вот бы соседи порадовались, увидев, как старик отплясывает сам по себе словно ненормальный! Малькольм одернул пиджак, вытер глаза, расправил плечи и отправился в прихожую. Снаружи доносились чьи-то голоса.

Он открыл дверь, и в дом ввалились двое, видимо, совершенно уверенные, что их ждут. Одним оказался Гарт Памфри, другого, чуть повыше и, возможно, помоложе, Малькольм сразу не узнал. Второй гость был загорелым, с густой шевелюрой аккуратно подстриженных и причесанных белых волос. Сочетание темного и светлого делало его похожим на фотографический негатив или просто на пожилого любителя крикета; так или иначе, спокойный взгляд больших карих глаз

заставлял забыть о негативе. Услышав доносящуюся из гостиной музыку, мужчина повернул голову.

— Не закрывай дверь, — сказал Гарт. — Питер сейчас будет.

— Да? Хорошо.

— Малькольм, ты же помнишь Перси?

Конечно, Малькольм вспомнил: Перси Морган, застройщик, муж Дороти. Время от времени Малькольм видел, как Перси затаскивает ее в машину после вечеринки; изредка они встречались в «Библии» — последний раз около года назад. В кои-то веки манера Гарта всем обо всем напоминать пришлась кстати, не то что в те разы, когда он представлял Чарли Алуну, Алуна — Малькольму, Малькольма — Таркину Джонсу, и так далее, словно подразумевая, что все они в старческом маразме.

В неловком молчании они ждали, пока Питер доковыляет по двери, вздыхая и недовольно бормоча, после чего вся компания переместилась в гостиную. «Грелки» играли во всю мощь — они как раз начали исполнять «Разгульный блюз». Малькольму пришлось убавить звук и лишь потом заняться напитками. Он разливал виски и прикидывал, хватит ли початой бутылки «Джон-

ни Уокер» на четверых. Или на пятерых.

— Алун тоже придет? — спросил он Питера.

— Понятия не имею. Слушай, ты не мог бы сделать потише эту муру?

— Тебе же нравилась старая новоорлеанская музыка — Джелли Ролл Мортон, Джордж…

— Возможно, теперь не нравится. Так что прошу тебя.

Перси Морган, который разглядывал пластинки, поднял голову, увидев, что Малькольм направляется к нему.

— У тебя есть Бэйси или Эллингтон? Или Джил Эванс? Спасибо, — поблагодарил он за виски с водой. — Как я понимаю, бессмысленно спрашивать про Колтрейна, Кёрка или кого-нибудь вроде них.

— Абсолютно бессмысленно, приятель, — ответил Малькольм с ноткой враждебности в голосе. — Мои записи Бэйси заканчиваются тридцать девятым годом, а Эллингтона — примерно тридцать четвертым. И у меня нет никакого Джила Эванса. Кажется, я припоминаю баритона с похожим именем, который выступал с Доном Редманом, хотя, судя по всему, ты говорил не о нем.

Малькольм хотел было уменьшить звук, но Перси Морган помешал ему, жестом велев при-

слушаться к соло на кларнете.

— Ты же не будешь утверждать, что это открытие в мелодике, правда? — спросил Перси, когда закончился припев.

— Нет, я бы вообще не стал ничего утверждать. Только то, что это чертовски замечательно.

— Он просто сыграл несколько восходященисходящих диатонических арпеджио, добавив хроматические ноты.

Перси говорил без тени упрека или недовольства. Он словно смирился с тем, что исполнение такое, какое оно есть, и другого не предвидится.

— Вот здесь? — В этот раз Малькольм ухитрился убавить звук. — Наверное, ты прав, не буду отрицать.

— Малькольм, сделай громче! — искренне возмутился Гарт. — Мне нравятся старые диксилендовские хиты. Классная музыка, правда? — Ритмичным цыканьем сквозь зубы он изобразил нечто вроде барабанной дроби. — Кто это играет?

Малькольм передал ему конверт от пластинки.

— О да, Папа… Да. У тебя есть пластинки Гленна Миллера?

— Боюсь, что нет.

— А что-нибудь Арти Шоу?

— Нет.

Малькольм злился, видя, как спокойный вечер, который он планировал провести за выпивкой и разговором по душам со старым приятелем, превращается в групповое обсуждение джаза, причем без ведома и желания самого хозяина. Нет, он бы не обиделся, если бы к его коллекции грампластинок отнеслись должным образом: с почтительным молчанием, изредка прерываемым вопросами об исполнителях или одним-двумя — не слишком частыми! — восторженными возгласами. Малькольм вдруг понял, что рассчитывал на подобное развитие событий с той минуты, как эта троица завалилась к нему в гости, и даже еще раньше — пока ждал Алуна. Кстати, куда он подевался?

Алун вместе с Чарли возник на пороге через пару минут, буркнул что-то невразумительное, то ли извиняясь, то ли в знак приветствия, и вручил хозяину дома бутылку виски «Блэк лейбл» — совсем как в старые добрые времена, только в ту пору это была фляга темного эля.

— Надеюсь, ты не против, что я привел ребят, — сказал Алун. — Старина Тарк уже закрывал лавочку, а они вроде бы хотят выпить еще по

одной.

— Понятно. Нет, конечно, все в порядке.

Чарли вошел в дом с неподдельным достоинством.

— Он сам послал их вперед. Это называется авангардом или группой прикрытия.

— Извини, — смешался Малькольм. — Я не…

— О, знакомые старые звуки! — воскликнул Алун, торопливо подходя к проигрывателю. — Я помню эту вещь! По-моему, это Луи, вместе с… с Джонни Доддсом! Кстати, как она называлась? «Через канаву», да?

— Вообще-то «Креольский тромбон Ори».

— Точно! Была еще на старой парлофоновской[33] пластинке в семьдесят восемь оборотов.

— Правильно, — согласился Малькольм, уже с улыбкой.

Алун начал увлеченно рыться в куче пластинок. Перси Морган просматривал названия каждой третьей или четвертой, но без особой надежды. Малькольм пошел за стаканами. Чарли повернулся к Питеру и довольно кивнул, словно они не виделись несколько недель.

— Выше нос, — произнес Чарли. — Воспрянь и

---

[33] Примечания: 33

«Парлофон рекордз» — британская студия звукозаписи.

наслаждайся музыкой.

— Боюсь, у меня не хватит сил воспрянуть до такой степени, чтобы наслаждаться этой музыкой.

— Чем она хуже всего остального?

— Ничем особенным. Понимаешь, музыка для меня как шахматы, иностранные монеты или, скажем, народные сказки. То, чем я увлекался в прошлом, когда меня интересовало практически все.

— Я бы вообще не пошел в «Библию», если бы «Глендоуэр» был открыт.

— Там меняют плиту. Ты сам мне сказал.

— Где эта чертова выпивка? — Чарли окинул комнату ищущим взглядом. — И где этот чертов Гарт? Я думал, он уже здесь.

— Так он и был здесь. Когда вы пришли, он поднимался наверх, по всей видимости, в туалет.

— У Гарта есть одна замечательная черта, — сказал Чарли, обращаясь заодно и к Перси, оставившему наконец пластинки в покое, а потом повторил еще раз, когда увидел Малькольма с обещанными напитками. — Слушайте меня внимательно. Когда бы вы ни увидели… э-э… что? — Он нахмурился, переводя взгляд с лица на лицо. — Да, когда видишь Гарта, то испытываешь восхитительное чувство безопасности.

Успокаиваешься. Потому как точно знаешь, что поблизости нет Ангарад. Можно не волноваться. Да? Куда меньше радости доставляет встреча с Ангарад… когда ты понимаешь, что не натолкнешься на Гарта. Вот.

Питер резко отвернулся, но остальные двое явно поняли намек: все знали, что супруги Памфри никуда не ходят вместе. Этот факт довольно часто служил поводом для шутливых домыслов о дядеманьяке или двухголовом сыне, нуждающемся в постоянном присмотре. Как бы то ни было, Чарли ступил на проторенную тропу.

— Знаете, я тут на днях думал об этой парочке, — продолжил он. — Если бы дело происходило в детективе, то их было бы не двое, а кто-то один. Понимаете, что я имею в виду? В реальности существовал бы только один из них. Оказалось бы, что кто-то из супругов убил другого много лет назад и теперь вынужден все время играть его роль. Вернее, иногда. Они же примерно одного роста?

— Почему только иногда? — спросил Малькольм, бросив взгляд на Перси, который медленно покачал белоснежной головой.

— Что? Господи, да потому, что в остальное время оставшийся в живых супруг везде появляется как он сам! Или сама — если это Ангарад.

— По-моему, я не налил Алуну выпить, — сказал Малькольм и отошел.

Алун как раз вытащил пластинку из конверта и рассматривал надпись, но не мог прочитать без очков.

— А, *диолх ин ваур,*[34] приятель. Никак не могу разглядеть: это оригинал или переделка…

— Можно попросить тебя на два слова?

— Хоть на целую историю, сэр.[35] — Алун вздохнул. — То есть давай, я слушаю.

— Спасибо, Алун. Я хотел спросить… Понимаешь, тут Гвен кое-что сказала, до сих пор в себя не приду…

2

— Лично я стараюсь воспринимать все как шутку, — сказала Мюриэль. — И почти всегда это удается, если как следует стиснуть зубы. Спокойно, девочка, говорю я себе, когда чувствую прилив адреналина, ты видела такое и раньше, и ничего, пережила без единой царапины. Ну, в общем, пе-

---

[34] Примечания: 34
Большое спасибо *(валл.)*.

[35] Примечания: 35
У. Шекспир. Гамлет.

режила. Скажи медленно и спокойно: ты сейчас в Уэльсе, стране песен, улыбок и обмана. Таффи был валлийцем, Таффи был вором, к тому же этот самый Таффи придерживается старых традиций, да еще, черт подери, как придерживается!

Последние два десятка слов Мюриэль произнесла с акцентом, который напоминал скорее какой-нибудь западноафриканский, вроде ганского или игбо.

— Я считала, что выражение «пересчитать ложки» всего лишь фразеологический оборот, пока не переехала сюда, — добавила она.

Смутно поняв, что выступление закончено и что она уже слышала нечто подобное, Дороти Морган подняла голову. Сама Дороти утратила инициативу в разговоре минуты две назад. Удивительно, но она вдруг не нашлась, что сказать о Новой Зеландии, новой родине одного из их с Перси сыновей, целой стране, совершенно незнакомой никому, с кем Дороти когда-либо сталкивалась здесь или в других местах, и рассказами о которой могла, словно заклинанием или взмахом волшебной палочки, повергнуть в молчание многолюдные сборища. Свой шанс заговорить про беседу Перси с секретарем Совета графства или про новейшие исследования в обла-

сти ДНК, о которых недавно читала в журнальной статье, она тоже упустила. Не то чтобы Дороти по-настоящему прислушивалась к словам Мюриэль, просто повторяющийся звук чужого голоса отвлекал ее, мешал дойти до обычной кондиции.

То, от чего Дороти оторвала взгляд, было стильным скандинавским столом из нескольких сортов дерева в прекрасно оборудованной кухне Софи. На самом столе валялись объедки, окурки и прочий мусор, скопившийся за двенадцать часов, пока присутствующие пили вино, курили и ели (а точнее, почти не ели) всевозможное печенье, бутерброды, нарезанный сыр и паштетики. Только Мюриэль и Дороти еще держались и продолжали застолье: Шан Смит уснула где-то на втором этаже, а Софи еще раньше ушла в гостиную смотреть телевизор. Впрочем, сейчас она звонила по телефону, во второй или третий раз пытаясь найти столь необходимого Перси.

— По-моему, я тебе рассказывала об одном контрактном рабочем, с которым я столкнулась в Монмауте, — твердо произнесла Мюриэль. — Он двадцать лет провел в Уэльсе, так сказать, в гуще событий, прокладывал какие-то там трубы валлийским кланам. Конечно, на родине — то есть в Англии — йоркширцы, как правило, не слишком

хорошего мнения о жителях Дербишира, но когда ты за границей, выбирать не приходится. Так или иначе, мы прекрасно поладили. Как выяснилось, он хорошо осведомлен о том, что движет обычным валлийцем. Очень занимательно, скажу я тебе! Однажды — не знаю, как это получилось, наверное, из уважения к местным верованиям, — так вот: однажды он слышал, как один местный проповедовал по-валлийски. Для тебя бы это наверняка значило многое…

Тут Мюриэль отважилась сделать паузу, уверенная, что точно рассчитала время, за которое Дороти может прийти в себя, и продолжила:

— …но для него это было все равно что на индейском. Тем не менее мой приятель заметил, что в проповеди часто звучит слово, похожее на английское *«truth»*. В смысле «истина», «честность». То есть абракадабра — и внезапно *«truth»*, а потом опять абракадабра. Потом он спросил, и оказалось, что тот действительно использовал английское слово. Мой знакомый поинтересовался, почему не валлийское. И знаешь, что ему ответили? — В голосе Мюриэль вновь зазвучал западноафриканский акцент. — В валлийском языке нет слова, которое обладало бы той же коннотацией и *силой,* что английское. Уже смеш-

но, но это еще не все. Есть валлийское слово *«truth»*,[36] которое пишется точно так же, но переводится как «ложь». Или «тарабарщина». Да ты сама знаешь. Вот тут-то и зарыта собака. Я все хочу заглянуть в валлийско-английский словарь и проверить, так ли это. Должен же быть где-нибудь такой словарь. Главное — узнать где.

Софи, которая зашла на кухню, услышала только последнюю часть выступления. При виде приятельницы Мюриэль обрадовалась: она любила вещать на публику, однако предпочитала разговоры в нормальной компании, где можно без опаски предоставить слово другому человеку. Еще было бы неплохо, подумала Мюриэль, если бы Дороти слушала повнимательнее, особенно последнюю историю. Впрочем, хоть что-то она услышала: звуковые волны доносили этот рассказ до ее барабанных перепонок раз двадцать раньше — значит, есть шанс, что он проник в мозг, минуя сознание. Вообще-то разговаривать с Дороти, вернее, в ее присутствии, довольно сомнительное удовольствие: чувствуешь себя тем типом, которого в какой-то жуткой стране бросили в тюрьму вместе с сумасшедшим убий-

---

[36] Примечания: 36
Пустословие *(валл.)*.

цей-арабом, которого можно было успокоить одним способом — смотреть не отрываясь в глаза. Стоит отвести взгляд, не говоря уже о том, чтобы задремать, — и пиши пропало. Мюриэль закурила сигарету в один прием, что редко удавалось при общении с Дороти — обычно приходилось действовать поэтапно, как будто прикуриваешь и одновременно ведешь машину.

— Нашла Перси?

— Пока нет. Странно, не похоже на него. Да, я только что разговаривала с Гвен, она звонила из итальянского ресторанчика на Хэтчери-роуд.

— «У Марио», я знаю. И что она сказала?

— Судя по ее словам, она очень расстроена, — сказала Софи, которая поделилась бы информацией, даже если бы Мюриэль не спросила. — Малькольм закатил ей скандал.

— Неужели? Не похоже на галантного Малькольма. Честно говоря, не представляю, что он может с кем-нибудь поругаться, даже с уличным торговцем.

Софи немного помолчала и продолжила:

— Она поинтересовалась, можно ли ей прийти, и…

— Что ты ответила?

— Почему бы и нет? Чем больше людей, тем

веселее. — Софи посмотрела на Дороти. — Верно?

— Это точно! Не могу не согласиться.

— Наверное, хочет рассказать о замечательном катании на машине.

Они уже обсудили свидание Малькольма с Рианнон раньше.

— Вполне возможно. Должна сказать, наша Рианнон не теряется. Вряд ли она толком отошла от пьянки с моим благоверным.

На этот раз молчание длилось чуть дольше.

— Знаешь, Мюриэль, я всегда удивляюсь, что вы с Питером полностью сходитесь во взглядах на Уэльс. Просто фантастика!

— Как сказать… На самом деле мы не так единодушны, как ты думаешь. Можно долго соглашаться друг с другом по какому-нибудь вопросу, а потом в один прекрасный день из-за него же погрызться. Проще простого.

Мюриэль взяла едва начатую бутылку «корво бьянко», слегка задев неоткрытую жестянку «лавербреда»[37] (сделанного в Девоншире), и щедро наполнила свой стакан. Софи от вина отказалась.

— Конечно, мои выпады не более чем шутка.

---

[37] Примечания: 37

Блюдо из жареных красных водорослей; традиционный валлийский деликатес.

Небольшая шалость в дружеской компании, — произнесла Мюриэль и усмехнулась, словно спрашивая: «Где же твое чувство юмора?» Она всегда так отвечала, когда ее собеседник валлиец обижался, что его назвали *лжецом*, жуликом, тупицей, задирой, лицемером, подхалимом, снобом, насильником над собственными сестрами и что там еще приходило ей в голову. — Да, мне еще ждать и ждать официального приглашения в «Антиваллийское братство» Питера Томаса, и не только из-за того, что туда принимают только мужчин, тем более что, насколько я знаю, председатель готов снять это ограничение. Нет, потребуется…

— Мюриэль, есть еще одна причина, по которой ты не подходишь, — перебила ее Софи с лучезарной улыбкой. — Туда могут вступить только урожденные валлийцы. Не может быть, чтобы Питер тебе не сказал. Помню, он как-то распространялся на эту тему после рождественского ужина у Дороти. И его требования звучали весьма категорично. Он сказал, что половина неваллийской крови — уже слишком много.

Услышав свое имя, Дороти второй раз за десять минут подняла голову — сработал рефлекс. Оживленный разговор затих, и этот факт каким-то

образом тоже проник в ее нервную систему. Взгляд за очками в черной оправе сфокусировался. С величавой неторопливостью Дороти набрала в легкие воздуха. Остальные двое судорожно придумывали, как заткнуть ей рот, но это было все равно что заводить мотоцикл на пути атакующего слона.

— Вы, конечно, знаете, что Рождество в Новой Зеландии отмечают точно так же, как здесь, — начала Дороти, демонстрируя замечательное чувство последовательности. — Жареная индейка, пудинг с изюмом и сладкие пирожки посреди антиподальной зимы. — Она произнесла предпоследнее слово правильно, впрочем, как и все остальные. Пока Дороти могла ворочать языком, она говорила связно и отчетливо. — Я имею в виду лета. Представьте себе жареную индейку и горячие сладкие пирожки в июле. У Говарда и Анжелы есть друзья в Уонгануи, это на Северном острове…

— Пожалуй, я поищу Перси, — сказала Софи.

3

— Я просто хочу, чтобы мне объяснили, — сказал Малькольм. — Хотя бы намекнули, в чем

дело.

— Ты самое ничтожное существо из всех, что только создавал Господь, — начал перечислять Алун. — Уму непостижимо, как можно выдержать тридцать три минуты брака с тобой, не говоря уже о тридцати трех годах. Ты не имеешь ни малейшего понятия, как доставить удовольствие женщине. — Похоже, Алун тщательно подбирал слова. — Ты не только не умеешь организовать семейный быт, но и невыносимо скучен как спутник жизни и никуда не годишься в постели. Правильно?

— В общих чертах. Да, я еще и отгородился.

— Что?

— Отгородился от нормальных людей и существую в своем жалком мирке дилетантской валлийскости, Средневековья и поэзии.

Малькольм осушил стакан.

— Поэзии? Тебе должно быть стыдно, такой большой мальчик! А еще какие у тебя недостатки?

— Больше не помню. И, как я уже говорил, хочу знать, в чем причина. Прежде мы не ругались и отношений не выясняли. Очень странно. Даже анахронично — она уже лет сто не разговаривала со мной в таком тоне.

— Хм. — Алун поджал губы, поморгал и уставился на стену, словно размышляя над некими чисто теоретическими предположениями. — А она никого не упоминала? Э-э… может, говорила о ком-то, кто мог бы…

— Нет. Я бы запомнил.

— Понятно. — На какой-то миг на лице Алуна мелькнуло чувство явного облегчения. — Тебя, должно быть, это немного успокоило.

Малькольм со вздохом кивнул. У него болела шея, и он несколько раздернул плечами.

— Меня другое беспокоит: я все пытаюсь понять, какая связь между скандалом и тем, как она налетела на тебя. Кстати, мне очень жаль, что это случилось.

— На меня?

— Вчера вечером в «Гольф-клубе». — Малькольм тоже моргнул.

— Да? О да, я думал: когда же мы заговорим о вчерашнем? Да уж, выдала она мне по первое число! А что она тебе рассказала?

— Ну, мне пришлось чуть ли не силой из нее вытягивать, но я не мог этого так оставить.

— Да, ты прав, конечно. И что же…

— Сказала, что устала, немного перебрала, была не в настроении, а еще — откровенно говоря,

Алун, то есть я хочу сказать, что сейчас говорю откровенно, — она на тебя разозлилась… вернее, не разозлилась, а обиделась. Из-за какого-то лингвистического вопроса, который, должен признаться, я не совсем…

— О, я понял! Она выросла в Кейпл-Мерерид, где говорят по-валлийски, а я — нет. Откровенность за откровенность, Малькольм: Гвен считает, что я фальшивка, и даже еще хуже: впариваю Уэльс англичанам. Конечно, я ее раздражаю. Нет-нет, не надо… Не спорь, тем более мы сейчас не об этом. А что касается нашего разговора…

Алун наклонился к приятелю и произнес выразительно, но тихо:

— Не принимай все, что она сказала, всерьез. Однако ты прав: у вашего сегодняшнего скандала есть подоплека. Так, виски в гостиной. — Последнюю фразу он произнес специально, когда они с Малькольмом зашли на кухню, чтобы продолжить разговор там. — Хочешь, я еще налью? Давай, тебе сейчас полезно.

— Думаешь? Хорошо, только немного. Спасибо.

Алун встал и положил руку ему на плечо.

— Все нормально, дружище. Я тебе сейчас объясню. Знаю, тебе тяжело, но все будет хорошо.

Оставшись один, Малькольм вдруг почувство-

вал, что немного пьян — состояние, которого он не испытывал уже лет тридцать, почти столько, сколько они с Гвен женаты, и до тех пор пока в его жизни вновь не появился Алун. Малькольм по-прежнему ничего не понимал, но уже не терялся в догадках по поводу Гвен, а мысли о Рианнон отодвинул на задний план. Он никак не связывал обеих женщин и не думал, что́ каждая из них значит в его жизни. Все-таки хорошо, что Алун пришел его выслушать и, кажется, поможет во всем разобраться. Тем не менее в глубине души Малькольм ощущал какую-то тревогу, которая исчезала, когда он начинал искать ее причину, и возвращалась, стоило ему остановиться.

Из гостиной доносился приглушенный шум голосов, музыка звучала тихо, потом совсем замолкла, раза два Малькольм услышал смех Гарта. Раздался голос Алуна, он явно что-то рассказывал, затем — взрыв хохота. Нет, Алун бы не стал проезжаться на его счет, глупо даже думать об этом, решил Малькольм. Тут вошел сам Алун с двумя стаканами виски. Как всегда, он двигался легко и быстро.

С серьезным выражением лица, полный решимости помочь, Алун придвинул стул к столу, с которого Малькольм недавно убрал почти все

объедки, оставленные Гвен после ужина (а также обеда, завтрака и перекусов). Сам Малькольм сидел выпрямившись и расправив плечи.

— Отлично, — произнес Алун командным голосом. — Есть только одно слово — ревность. Обычная старомодная ревность. А еще — зависть, которая ничем не лучше. Я недавно читал, что она еще опаснее для брака, чем ревность. У какого-то валлийского писателя, не помню у кого. Так вот, в твоей жизни случилось нечто хорошее, романтичное, а именно — Рианнон. А с бедняжкой Гвен ничего подобного не произошло, — продолжил он, строго глядя на Малькольма. — У тебя было ностальгическое свидание, ты вернулся счастливый и довольный, вот она тебя и наказала. Все просто. Не сердись не нее. С женщинами всегда так. Что-то вроде рефлекса.

— Да не было такого! Я же не дурак! Сказал Гвен, что все прошло довольно мило, но еда была так себе, и погода не задалась, ну, все в таком духе.

Алун вполне предсказуемо начал качать головой еще до того, как Малькольм закончил.

— Послушай, если ты просто вернешься домой целым и невредимым, они будут считать, что ты счастлив и свидание удалось. Все женщины одинаковы… О Господи!

— Ты говоришь, что она хотела задеть меня побольнее.

— Совершенно верно.

— Но я ведь не хотел ее обидеть.

Алун издал громкий стон, словно показывая, что объяснения здесь бессильны.

— Она…

— Она забудет, что тебе наговорила, к завтрашнему утру.

— А я не забуду.

— Забудешь. Может, не завтра, со временем, но чем скорее, тем лучше. Повторяй за мной — нет, не в буквальном смысле, просто запомни. Гвен не думала всего того, что сказала. Вместо того чтобы кричать и визжать, она наговорила тебе обидных слов. Она рассердилась и обиделась — справедливо или нет, не важно. И ты должен это стерпеть. Таков порядок.

— Ну, тебе виднее. — Малькольм тяжело вздохнул. — Ладно, я постараюсь. Кстати, как это связано с тем, что она наговорила тебе?

— М-м-м… — Алун как раз отхлебнул из стакана, потому поднял вверх палец и не опускал, пока не проглотил виски. — Почти то же самое, только в другом направлении. Я имею в виду Гвен увидела, как Рианнон разговаривает с тобой, и рассер-

дилась. Наверняка ей захотелось разделаться с Рианнон, однако действовать напрямую она не могла — они ведь приятельницы и все такое, вот она и отыгралась на мне, чтобы уязвить Рианнон. Вот и все. Ревность… и зависть. В этом случае скорее зависть — одна женщина завидует другой, примерно того же возраста. Ясно как белый день. Такое случается сплошь и рядом.

Из гостиной вновь донесся смех Гарта — правда, еле слышно.

— Слишком хитро, на мой взгляд, — заметил Малькольм.

— Ничего хитрого. Когда ты…

— Извини, я имел в виду — нечестно.

— Хорошо, тогда ничего нечестного. Как только ты избавишься от пагубного и устойчивого заблуждения, будто женщины должны думать, что говорят, и говорить то, что думают, исключая те случаи, когда откровенно лгут, все будет в порядке. Нечестно, хитро, надо же! Да куда уж проще и откровеннее! — Голос Алуна смягчился. — Знаю, Гвен во многом отличается от других, но кое в чем она такая же, как все женщины, и это именно тот случай. Понятно?

— Да, — кивнул Малькольм после едва заметного замешательства. — Конечно, ты прав. Просто

надо немного привыкнуть. Спасибо, Алун.

— Всегда пожалуйста. Даже не заговаривай с ней о скандале. Веди себя так, словно ничего не произошло. И будь с ней поласковее — ну, как тебе подскажет твой опыт и здравый смысл. Да, еще, — продолжил Алун, пока они вставали из-за стола. — Что ты сделал с Рианнон, пока вы были на Корси, старое ты чудовище? Она ног под собой не чуяла от радости, когда вернулась.

— О нет, — смутился Малькольм, отворачиваясь.

— Честно. Выглядела лет на двадцать моложе. Так что осторожнее, приятель, понял? Я слежу за тобой. Ого!

Последний возглас относился ко времени — Алун взглянул на часы.

— Пока я не ушел: хорошо бы снова послушать старую музыку, — продолжил он. — Давай как-нибудь устроим вечер вдвоем, без этих филистеров и поклонников Орнетта Коулмана[38] вроде Питера. Да, еще хотел сказать, что один тогдашний исполнитель мне особенно нравился, трубач с французским именем, по-моему, Мэтт, Нэт…

---

[38] Примечания: 38

Коулман, Орнетт (р. 1930) — американский джазовый альт- и тенор-саксофонист, трубач, композитор, один из самых известных джазовых новаторов, пионеров фри-джаза.

— Нэтти Доминик, великий человек. Да, у меня есть несколько его записей. Удивительно, что ты его помнишь.

— Можно послушать пару вещиц до того, как я уйду. По-моему, он выступал в основном с Джорджем Льюисом, так?

— Думаю, больше с Доддсом.

Последними репликами они обменивались, выходя из кухни в гостиную, поэтому Малькольм, естественно, не заметил, как во взгляде Алуна промелькнуло выражение неимоверного облегчения, благодарность высшим силам, непристойная насмешка и так далее. «Плейбокс» молчал, но огонек, показывающий, что проигрыватель включен, светился рубиновым светом. Гарт рассказывал остальным о каком-то случае из своей жизни, но при виде Алуна и Малькольма сразу остановился, из чего стало ясно, что он говорил ради самого разговора и в кои-то веки это понимал. Питер поджал губы, всем своим видом выражая недовольство, правда, непонятно, по какому поводу. Чарли уставился на пустой экран телевизора, словно надеясь, что тот внезапно включится. Перси слегка облокотился на столик с проигрывателем, и было заметно, что он держится наособицу — ни в коем случае не враждебно,

просто не принадлежит к этой компании и как будто ждет, что вот-вот объявят его рейс. Никто не пил — прилив бодрости, который привел их сюда, похоже, иссяк.

— Давайте послушаем еще одну пластинку, — предложил Алун. — И, может, выпьем по маленькой на дорожку?

— Вот ты и пей, — сказал Перси. — Или слушай. Или и то и другое. Спасибо за гостеприимство, Малькольм. Надеюсь, теперь можно уйти? Питер, ты вроде на машине…

Гарт поднялся на ноги и бодро выдохнул.

— Я пойду пешком, — сообщил он. — Подышу свежим воздухом…

— Хорошо, значит, остается один Чарли, я его подвезу. Мне все равно туда — нужно забрать Дот.

— Ты имеешь в виду из нашего дома? — спросил Чарли, живо поворачиваясь к Перси. — А откуда ты знаешь, что она там?

— Утром Дороти пошла к Софи на кофе и пару бокалов вина.

— Нет, откуда ты знаешь, что она еще там? Ты звонил Софи?

— Она пошла к Софи на кофе, — повторил Перси чуть громче тем же спокойным голосом, словно

констатируя очевидное.

— Но ты же ей не звонил. — Судя по всему, Чарли желал более подробных объяснений.

— Чарли, заткнись, — вмешался Алун.

— Послушайте, чем быстрее мы уйдем, тем скорее ляжем спать, — заметил Перси.

Они ушли очень быстро, все сразу, включая Алуна, хотя уж он-то мог бы воспользоваться выпавшей на его долю возможностью и спокойно прослушать пару пластинок. Однако Алун тоже поспешил к выходу вместе с другими, бормоча, что завтра нужно рано вставать. Малькольм остался один, почти уверенный, что Алун правильно объяснил поведение Гвен. У него слегка кружилась голова, он налил себе еще стакан сильно разбавленного виски и поставил последнюю пластинку, но слушал ее уже не на ногах, а сидя на неудобном маленьком стуле.

Выбор пал на запись, которая когда-то была ранее не издававшимся ремиксом «Губер данс» (с кларнетным соло Нэтти Доминика). Малькольм убавил звук, опасаясь ответных действий, немедленных или позднее, со стороны соседа — любителя регги и по совместительству мясника. Когда композиция подошла к концу, Малькольм решил прослушать еще пару пластинок и заснул.

Как ни старался он думать о Рианнон, больше всего ему хотелось, чтобы Гвен пришла домой.

4

— Я спросила у Анжелиной подруги, что это, — вещала Дороти, — и она сказала, что это блюдо маори — ну, знаете, тех людей, которые первыми приплыли туда на лодках. Очень цивилизованный народ. У них столько разных вещей! Например…

Ее муж, который сидел за дальним концом стола в кухне Софи, посмотрел на часы.

— Дорогая, две минуты, — предупредил он.

— А что случится через две минуты? — спросил Питер. — Я сгораю от любопытства.

Честно говоря, ему было неловко просто сидеть молча. Присутствие Питера, как все понимали без слов, обусловливал заведенный порядок, согласно которому он должен повсюду следовать за женой — на случай если та вдруг решит поехать домой или куда-нибудь еще. Мюриэль сохраняла за собой право брать такси, когда пожелает, но никогда не предупреждала об этом Питера — ей не нравилось чувствовать себя связанной. Сегодня ему повезло: Мюриэль находилась там, куда

ушла раньше, хотя пока он ее не видел.

— Увидишь, если не уйдешь, — услужливо ответил Перси.

— Похоже, что не уйду. Завершение разговора с Гвен может занять всю ночь.

— Что? А, вот чем занята Мюриэль!

— А ты как думаешь?

— Никак я не думаю, Питер. У меня были здесь дела, я и сейчас занят, но ненадолго. Да, в отличие от некоторых, мне повезло с женой — такую покладистую еще поискать надо.

Питер не нашелся с ответом. Он много лет сталкивался с Перси, не замечая в нем ничего особенного, и сейчас тоже не разглядел в его лице и позе и намека на иронию. Конечно, Перси — настоящий валлиец, подумал Питер. Пока он неторопливо размышлял над словами Перси, дверь медленно открылась. В кухню вошел Чарли и остановился у порога, обеспечив себе быстрое отступление.

— Я иду спать, — объявил он.

— Хорошо, — сказал Питер.

Остальные промолчали. Софи, которая сидела рядом с Дороти в своем обычном качестве официальной слушательницы, обернулась и, перекрывая поток информации о финансиро-

вании медицинской службы в Новой Зеландии, сказала:

— Шан в маленькой комнате.

— Что она там забыла? — поинтересовался Чарли слегка сварливо — он был не в духе уже довольно долго, с тех самых пор как они с приятелями зашли в гости к Малькольму.

— Поднялась туда, чтобы поспать.

— А дома этого нельзя было сделать?

— Шан больше незачем возвращаться домой, у нее ничего не осталось. Ты же понимаешь.

— Понимаю, пока она ничего от меня не требует.

— Просто оставь ее в покое, — сказала Софи.

Разговор между супругами несколько помешал Дороти, но вскоре поток ее красноречия набрал прежнюю силу. С нарочито любезной улыбкой Софи повернулась к приятельнице, Чарли прошел на середину кухни.

— Алун в потрясающей форме, — заметил он.

Перси окинул его ясным взглядом и промолчал. Питер что-то пробормотал.

— Оказался на высоте. В подобных случаях раскрываются его лучшие качества — я имею в виду как он убедил старину Малькольма, будто все его тревоги по поводу… э-э… личной жизни совер-

шенно беспочвенны! Хотел бы я знать, что они сказали друг другу. А ты? — продолжал Чарли.

— Я думаю, ты торопишься с выводами, — заметил Питер, косясь на Перси.

— Возможно. Сначала его зовут к телефону, а потом он вдруг предлагает навестить старину Малькольма, известного полуночника и гуляку. Хм. Чувствую, не к добру все это.

Пока Чарли произносил последнюю фразу, Перси снова взглянул на часы, не спеша подошел к жене и встал за ее спиной.

— Они даже сохранили свою кухню, — говорила Дороти. — Анжелина подруга как-то приготовила для нас маорийское блюдо. Там сырое…

По-прежнему неторопливо Перси чуть наклонился вперед, подхватил ее под мышки и потянул вверх — резко, но без особых усилий. Дороти встала с легкостью гвоздя, поддетого гвоздодером.

— Ну, пошли, милая, — приговаривал Перси, ведя жену к выходу.

Софи поднялась и последовала за ними. Через некоторое время из прихожей донесся голос Перси: «Вот и все, плевое дело». Хлопнула передняя дверь.

— Впечатляющее зрелище, — признал Чарли.

— Никогда раньше не видел.

— Да, впечатляет. Иногда Дороти идет своим ходом, не дожидаясь, пока ее вытащат из-за стола. Зависит от кондиции.

— Да, должно быть, так оно и есть в конечном итоге.

— Я, наверное, лягу спать, — сказал Чарли Софи, когда та вернулась в комнату.

— Конечно, милый. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, конечно. Превосходно.

— Я ненадолго. Шан наверху, если что.

— Не волнуйся. — Чарли чмокнул жену в щеку и, на миг оживившись, посмотрел на Питера: — Увидимся. Я сейчас немного перебрал.

Едва он ушел, а Питер задумался о том, что теперь делать, как на кухню вошла Мюриэль, и сразу за ней — Гвен, которую он почти не видел с тех пор, как заехал к Норрисам. Обе женщины держали пустые бокалы и на какой-то миг показались Питеру ужасно похожими друг на дружку: довольно коротконогие, они двигались легко и плавно, опустив плечи и подняв голову. Обе одинаково покрутили острыми носами в поисках вина, но все стоявшие на виду бутылки были пустыми. Не говоря ни слова, Софи достала литровую бутыль рислинга из картонной короб-

ки рядом с огромным, размером с караульную будку, холодильником. Желая помочь, Мюриэль, окутанная сигаретным дымом, деловито сняла со штопора забытую пробку. Гвен вооружилась фруктовым ножом и атаковала фольгу вокруг горлышка новой бутылки. Все молчали, пока вино не разлили по стаканам.

— Ушла наша Дороти, — произнесла наконец Мюриэль. — Давно пора было, скажу я вам.

— Стук захлопнувшейся двери прозвучал для нас музыкой, — добавила Гвен.

Мюриэль устроилась на своем прежнем месте.

— Юный Перси не очень-то и спешил на выручку, правда?

— Наверное, решил часок отдохнуть, — предположил Питер, который все еще находился под впечатлением четких и решительных действий Перси, и более того: завидовал его непробиваемой невозмутимости. — Вполне разумно, на мой взгляд.

Три женщины молча посмотрели на него: Софи взглянула мельком, торопясь к двери, Гвен смотрела чуть дольше, а Мюриэль не сводила с него глаз до тех пор, пока не поставила бокал на стол.

— Питер, дружище, у тебя тоже есть возможность немного отдохнуть, — сказала она. — Мы

с моей подругой Гвен собираемся поболтать по душам, и вряд ли ты сможешь внести ценный вклад в нашу беседу, так что поезжай домой, хорошо? Чего тебе здесь околачиваться?

Она улыбнулась, вернее, дернула уголками рта и приподняла брови.

Питер предполагал, что его попросят подождать, пока Мюриэль выпьет последний бокал, потом — еще один, на дорожку. В таком случае, как бы радостно Питер ни улыбался всем подряд, у нее был бы повод объявить, что он своей раздражительностью испортил ей приятный вечер. Или что он силком вытащил ее из гостей, где она хорошо проводила время. Естественно, Питер был не готов, что его выставят из дома Софи.

— Э-э… ничего, — промямлил он. — Я могу…

— Нет-нет, не буду тебя задерживать! — Мюриэль шаловливо рассмеялась. — Судя по твоему виду, старина, тебе не помешает лечь спать пораньше! Конечно, сейчас не так уж и рано, но тут каждая минутка дорога.

После слабых протестов Питера выпроводили из кухни. Гвен прощально шевельнула пальцами, жеманно хихикнув, и он почувствовал мимолетный прилив жалости к Малькольму. В гостевом туалете Питер вновь подумал, что, если

бы в семье была вторая машина, которую они — вернее, Мюриэль! — вполне могут себе позволить, подобные ситуации не возникали бы. Хотя это всего лишь капля в море. Все равно случались бы вечера вроде сегодняшнего, когда Мюриэль надо забирать, потому что она слишком много выпила или собирается выпить. Ну, тогда бы она ему и звонила или… Господи, о чем он думает? Как будто она согласится ограничить свою свободу и отказаться от возможности его третировать! Должно быть, он забылся. Размечтался, как бывало и раньше.

В прихожей Питер едва не налетел на Софи с бирюзовым шарфом на голове, удивился и от неожиданности спросил:

— Ты куда-то уходишь?

Он вдруг вспомнил, что минуты две назад слышал телефонный звонок.

— Да. А что? — Софи всегда разговаривала довольно резко, и требовалось совсем немного, чтобы ее голос зазвучал по-настоящему сердито.

— Полагаю, с Чарли все будет в порядке?

— А что?

— Ну…

Питер выразительно мотнул головой, словно напоминая Софи, что на правах старого друга

знает о нервных срывах у ее мужа.

— Думаю, ему ничего не грозит, в доме еще три человека.

— Да, конечно.

— Можешь тоже остаться, раз уж так за него волнуешься.

Он вновь покачал головой, на сей раз отрицательно, втайне подозревая, что она его дразнит.

— Знаешь, мне тоже иногда нужно отдохнуть.

Прежде чем Питер успел ответить, Софи ушла на кухню.

5

Входная дверь хлопнула во второй раз. Гвен и Мюриэль подняли головы.

— Питер в каком-то странном настроении, — сообщила Софи.

— Думаю, выпивка не пошла ему впрок, — сказала Мюриэль. — Ему вообще нельзя пить.

— Как мило, что он вступился за Перси, — заметила Гвен. — Сразу видно, что у него есть чувство сострадания!

— Казалось бы, он-то должен понимать, что другим тоже нужна передышка! — проворчала Софи и торопливо продолжила: — Я на полчаса

забегу к Рианнон, хорошо? Вы же еще посидите?

Она добавила, что еда в холодильнике, хотя закусок на столе гостьям хватило бы часа на два, даже если бы они жевали без перерыва.

— Если хотите, оставайтесь на ночь, кровать…

Ее перебила Мюриэль, сказав, что вызовет такси. Вмешалась Гвен и объявила, что сама отвезет Мюриэль домой. Они препирались до самого ухода Софи, но все же успели поблагодарить ее за гостеприимство и передать привет Рианнон. Убедившись, что они остались вдвоем, Гвен повернулась к Мюриэль, сосредоточенно нахмурив брови:

— Так, что мы говорили… Ага, берешь банку — только хорошей торговой марки! — смешиваешь со столовой ложкой йогурта…

— …добавляешь немного порезанной петрушки…

— …и все спрашивают, есть ли там цикорий и не сельдерей ли ты туда положила… И хотят узнать рецепт, интересуются, обжаривала ли ты овощи на сливочном масле, и так далее. Я обычно отвечаю, что готовлю по-старинному, это единственно правильный способ.

Мюриэль рассмеялась куда веселее, чем обычно смеются при обсуждении кулинарных методов.

— Точно, и им нечем крыть. Конечно, когда дело доходит до куриного бульона, шотландской похлебки или супа вообще, нет ничего лучше бульонных кубиков и капельки спиртного, точно тебе говорю. Банка супа из бычьих хвостов, бульонный кубик, ложка виски — и все. Проще простого. И не только просто, — добавила она с вызовом. — Гораздо вкуснее.

— Когда я оглядываюсь на прошлое, — Гвен положила подбородок на руку с зажженной сигаретой и принялась разглядывать свежее винное пятно на скатерти, — то вспоминаю всю эту возню с кастрюлями. Я вечно что-нибудь готовила — в дело шли даже малюсенькие обрезки мяса — и еще убеждала себя, что цыплячий остов в десять раз лучше самого цыпленка… Ты не поверишь, Мюриэль, но было время, когда я брала у мясника кости, якобы для собаки, и варила их с говяжьими хрящами. И ради чего? Зачем?

Мюриэль сочувственно кивнула. Обычно они с Гвен не шли дальше взаимной вежливости, даже когда Мюриэль не считала Гвен пронырой, а та, в свою очередь, не думала о Мюриэль как о странной и громогласной особе, однако ночные посиделки объединяют людей, особенно тех, кто дольше всех продержался за выпивкой. Впрочем,

сегодня эта причина была не единственной.

Гвен немного помолчала, затем как бы случайно заметила:

— Все равно никто не замечает, я уж не говорю о том, чтобы ценить…

— Не смеши меня.

— Я говорю, что они даже не замечают.

— Конечно. Надо ведь хотеть знать, а они не хотят. Свое драгоценное внимание уделяют другим вещам.

— Ненавижу, как…

— Чего ты хочешь? Чтобы они удосужились взглянуть, что творится в их собственном доме и на ком все держится? Да никогда в жизни. К чему им это? Они ведь победили.

На этой стадии уже не оставалось сомнений в том, что «они», о которых сейчас говорили, не имеют ничего общего с теми, кто спрашивал у Гвен, какие овощи она положила в готовку. Впрочем, темы, которая интересовала обеих больше всего, женщины пока не коснулись, выжидали. Не торопили время, как говаривают в Южном Уэльсе в подобных случаях.

Гвен не выдержала первой.

— Конечно, она еще очень даже ничего. Не красавица, да я никогда и не считала ее красивой,

но эффектная.

Она не назвала имя не из-за приписываемой валлийцам уклончивости, а потому, что мысли о Рианнон постоянно крутились в голове.

Судя по тому, как быстро Мюриэль подхватила разговор, она думала о том же.

— Еще бы, небось потратила целое состояние на косметические салоны, массажи, санатории и бог знает что еще. И дома палец о палец не ударит. Всегда так было.

— Верно, но гладкую кожу из баночки с кремом не добудешь, и манеру держаться тоже — это врожденное. А что касается…

— Да она тарелку за собой не помоет!

— Если говорить о том, как она общается с людьми, — тут я со многими не соглашусь. В разговоре…

— Жеманничать в ее-то возрасте!

— Не спорю, с ней можно просто поболтать, она очень приятная собеседница, но все это на уровне обычного трепа. Сплошная банальщина. Конечно, я не прошу, чтобы за кофе обсуждали Витгенштейна,[39] ни в коем случае, и она, нужно отдать ей должное, мила и дружелюбна, только

---

[39] Примечания: 39

Витгенштейн, Людвиг Йозеф Иоганн (1889–1951) — австро-английский философ, один из самых ярких мыслителей XX в.

потом себя спрашиваешь: а что же она сказала? Собственно, от нее не ждешь блистательного…

Выслушав это пространное выступление, Мюриэль наконец поняла, что Гвен имеет в виду.

— Честно говоря, я всегда считала ее занудой.

— Ну…

— Слушай, разве она… разве ты не была… вы не были…

— Где я не была?

— Как же называлось то заведение у дороги… ты должна знать… по-моему, политехнический институт, да?

— Университет, — с некоторой холодностью поправила Гвен.

— Да, точно. Вы вроде с ней вместе там учились, лет сто назад?

— Вообще-то да, учились. Давным-давно, как ты говоришь.

Гвен попыталась вспомнить, где училась сама Мюриэль. Если бы в университете или другом приличном месте, то наверняка бы уже этим козырнула. Скорее всего в педагогическом колледже или в таком же непритязательном образовательном учреждении — там всегда были одни завистницы. До нее никак не доходило, куда клонит Мюриэль.

— Вряд ли это кому-нибудь интересно, — добавила она.

— Извини, я просто хотела узнать, как она училась.

— Да?

Пока длилось короткое молчание, Мюриэль пару раз рыгнула, а Гвен вспомнила, что ее собеседница училась в художественной школе, которая предположительно и несла ответственность — по крайней мере отчасти — за вкус Мюриэль в выборе картин. Гвен почувствовала себя увереннее и продолжила:

— Раз уж ты спросила… э-э… довольно интересно. Она посещала все лекции, что вполне разумно, если ты не уверена в своих способностях, писала все эссе — прилежная девочка! — и наверняка бы получила диплом, пусть и без отличия, если бы не…

— Ясно. А что она изучала?

— Она занималась… — довольно уверенно начала Гвен, но дальше пришлось импровизировать, — биологией, насколько я помню, и дополнительно — ботаникой, а может, наоборот. Вроде бы на первом курсе она изучала английский.

— Не слишком-то впечатляющая карьера, как

я понимаю.

— Училась она добросовестно, но ничем не интересовалась. Выполняла обязательные задания, и все, хотя других возможностей всегда хватало. Она никогда не участвовала в… э-э… полуночных спорах. А ведь в университете это чуть ли не главное.

Мюриэль небрежно махнула рукой, словно отказываясь признать значимость данной стороны жизни.

— Зато, смею заметить, преподаватели в ней души не чаяли.

— Если ты имеешь в виду, что там было…

— Нет-нет, ничего предосудительного, я не о том. Девушке не нужно заходить слишком далеко, чтобы понравиться преподавателю. Вполне достаточно приятных манер.

— Ну… — начала Гвен и замолчала.

Ей почему-то остро захотелось вступиться за Рианнон. Может, из-за неприятных глубоких морщин на верхней губе Мюриэль? Гвен разглядела их примерно полминуты назад, как раз тогда, когда обнаружила, что волнение супружеской измены уже почти выветрилось под влиянием спиртного и болтовни. Впрочем, это отнюдь не означало, что она хочет вернуться домой. И,

конечно, Гвен подспудно осознавала: она еще не скоро смирится с тем, что получилось (да и то еле-еле) у них с Алуном. Конечно, она сама во всем виновата: не усвоила урок в молодости, слишком быстро напилась в тот день и вообще рискнула связаться с подонком. В прошлом Гвен так и не определила для себя, как относиться к Алуну: презирать его или считать очаровательным негодяем? Что ж, по крайней мере благодаря событиям памятного дня — того самого, когда открыли памятник Бридану у церкви Святого Догмайла, — проблема разрешилась сама собой. Ладно, ни к чему вспоминать об этом снова и снова.

Судя по всему, Мюриэль тоже решила взять паузу. Склонившись над столом, она спичкой рисовала узоры на пепле в объемистой пепельнице из синего стекла и тихо присвистывала сквозь зубы, вероятно, подыскивала новую тему для беседы — как вскоре выяснилось, безрезультатно.

— Им не важно, умная ты или дура, или ни то ни другое, — сказала она. — Им плевать, что ты думаешь, говоришь и какая ты на самом деле.

— Они ничего не замечают. — Гвен решила, что может поддержать разговор.

— Поначалу думаешь, что им интересно. Во

всяком случае, я так считала. «Любимая, скажи, о чем ты думаешь, нет-нет, продолжай, я хочу знать». А потом, когда начинаешь рассказывать… Я долго не замечала, как на тебя смотрят пустыми глазами. Оказывается, они слушают только из вежливости. Можешь нести любую чушь, им все равно. Совсем как в одной из стран соцлагеря, о которой я недавно читала, по-моему, в Венгрии. Никто тебя там не услышит, пока не выйдешь на площадь. Или в Польше. А потом они удивляются, когда ты начинаешь орать и швырять в них что ни попадя! Вот смешно, только что пришло в голову: это как меньшинства понимают, что законным путем ничего не добьешься, и начинают взрывать электростанции. Конечно, я не призываю ничего взрывать, но, видит Бог, я понимаю, что людей на это толкает.

— И еще они не сердятся в ответ. Тут с ума сходишь от злости, а они совершенно спокойны, словно хотят показать, что ты ведешь себя по-детски глупо, а вот они — взрослые и рассудительные.

— Не забывай, что когда ты, скажем, опаздываешь — это одно, а вот когда они — это совсем другое. Ты злишься, когда они поздно возвращаются; нет чтобы спросить, какое важное дело их

задержало. И это после того, как ты полночи не смыкала глаз!

— Точно! А еще они идут в клуб с таким видом, словно их туда силком тащат! — с удовольствием подхватила Гвен. — Будто бы мы не догадываемся!

— Ума не приложу, зачем мы вообще с ними разговариваем?

— Я тоже никак не пойму.

— Козлы, — подытожила Мюриэль, — а те, что притворяются нормальными, хуже всех.

— Согласна. Хотя иногда думаю, что мы с ними слишком суровы.

— Так им и надо, мерзавцам.

На кухне было очень тихо. Даже в восьмидесятых годах в Южном Уэльсе вели размеренный образ жизни — рано уходили на работу (если таковая имелась), рано возвращались домой, рано встречались в пабе, рано ложились спать, и это придавало ночным посиделкам дополнительную привлекательность. Со словами: «Давай еще по одному, на дорожку», — Мюриэль наполнила бокалы. Гвен охотно согласилась, жестом показав, когда ей хватит, — она всегда так делала, когда наливали. Вдруг на Мюриэль снизошло вдохновение, она закурила и с жаром начала новую тему.

— Может, у нас и не очень правильная жизнь, — сказала она тоном строгого судьи и демонстративно махнула рукой, — но все же намного лучше того, что выпало на долю моей родительницы, особенно под старость. Ни машин, ни вечеринок, ни телевизора. В те времена у стариков только и было что кресло, клюка и кот.

— Да ладно тебе, — ответила Гвен так резко, что Мюриэль слегка вздрогнула. — Я как-то видела твою мать, и, насколько помню, она ждала, что за ней заедут на машине и отвезут играть в бридж. Причем в руках у нее был джин с тоником. Клюка и кот, скажешь тоже!

Если Мюриэль почувствовала неловкость и перегруппировалась, то ничем этого не выдала.

— Хорошо, ей повезло. Тысячам других женщин — нет. Видишь ли, я говорю о довоенном времени. Совершенно другой мир. Другое отношение. — Мюриэль говорила быстрее и сосредоточеннее, чем раньше, как будто решила высказать наболевшее, и, видимо, уже давно. — Например, к супружеской жизни. Сейчас принято думать, что те поколения не обсуждали подобные темы. Вероятно, так оно и было, они действительно не углублялись в подробности, но можно говорить о чем-то до посинения и в конечном итоге не

узнать ничего нового. Не приблизиться к пониманию, — произнесла Мюриэль с нажимом и торопливо продолжила: — Моя мать часто говорила о неприятной стороне замужества. Вернее, не говорила, просто упоминала, называя ее именно так. А теперь представь, как над тобой будут потешаться в наши дни, если скажешь что-нибудь подобное. Все будут. Только мне интересно, сколько женщин не согласятся с тобой совершенно искренне.

Мюриэль замолчала, хотя явно не из-за того, что ей было нечего сказать. Гвен бросила на нее ободряющий взгляд и приготовилась внимательно слушать, готовая при первой же возможности пересказать этот разговор Риаммон: не только из внутренних побуждений, но и в качестве компенсации за свое предательство. Кроме того, любая достоверная информация об отношениях этой супружеской четы будет по достоинству оценена другими женами.

По-прежнему торопливо, Мюриэль продолжила с того места, на котором остановилась:

— И все потому, что у них нет времени привыкнуть. Принято считать, что это наладится само собой; думаю, у многих так и происходит, но не у всех. А говорить с ними бесполезно — они ничего

не замечают, а если замечают, то думают, это женские капризы, или способ самоутвердиться, или что она мстит за какую-то провинность. В общем, все заканчивается либо ссорой, либо надеждой на то, что следующий раз будет лучше, но, как ни смешно, ничего не меняется. А потом… потом оказывается, что уже слишком поздно. Знаешь, как бывает: разговариваешь с кем-нибудь и не можешь вспомнить имя этого человека, и продолжаешь разговор в надежде, что вспомнишь или он сам представится. Ну и тогда уже ничего не исправишь. А вот некоторым везет: у них после двадцатилетнего перерыва все хорошо. Шан говорила мне, что до сих пор общается со своим бывшим, хотя он перебрался в Торонто черт знает сколько лет назад.

Гвен по-прежнему молчала. С большой неохотой она решила, что не будет пересказывать Рианнон откровения Мюриэль, разве что сделает один-два намека, уклонившись от дальнейших расспросов под предлогом амнезии. Кстати, вполне вероятно, что утром она и вправду ничего не вспомнит, так что и до одного-двух намеков дело не дойдет. Вероятно, Мюриэль рассчитывала на нечто подобное и на следующий день снова замкнется в себе. А ее последние две фразы

явно из серии полубредовых замечаний под утро, когда уже сил нет бодрствовать. Об этом можно и рассказать.

— Вызови мне, пожалуйста, такси, — попросила Мюриэль, когда молчание затянулось на целую минуту. Она говорила намного сдержаннее, чем раньше. — Телефон у меня в сумочке, она где-то здесь.

«Вот мы и вернулись на круги своя», — подумала Гвен, поднимая сумку, но решила, что больше не будет сердиться на Мюриэль за ее громкий голос и прибабахи, если, конечно, вспомнит почему.

6

— А не от Бэбс ли, от крошки, подхватил мандавошек почтенный отец Малдон? Нет, он встречался не с нею, а с миссис Розенбом…

Алун напевал тихим голосом, но не из обычной предосторожности — в машине никого больше не было, — просто не хотел торжествовать чересчур вульгарно. Покинув жилище Малькольма несколько неудовлетворенным, он случайно — или почти случайно — оказался неподалеку от дома старой знакомой. До приема в «Гольф-

клубе» они не виделись лет двадцать, а на самом приеме Алун едва улучил минуту, чтобы сделать ей комплимент и выразить соболезнования по поводу кончины Гриффа. В свое время Грифф был процветающим врачом, который щедро выписывал антидепрессанты, когда они только появились, и владельцем внушительной виллы из красного кирпича на Бофой-роуд. У Алуна хватило времени спросить, где приятельница живет сейчас; она ответила, что там же: Грифф, умница, обо всем позаботился. Сворачивая на дорогу, Алун решил для себя, что если в доме горит свет, то он остановится и посигналит или позвонит в дверь, так, на всякий случай. И свет горел, да и случай тоже представился.

Конечно, Алун отдавал себе отчет, что безрассудно ступать на этот опасный путь почти сразу после предыдущей неудачи, но только до тех пор, пока его не пригласили на пару минут зайти. Сейчас, по дороге домой, ему казалось, что он взмывает ввысь на собственном маленьком самолете, хотя до этого чуть не разбился. Конечно, его поступок не стал менее безрассудным, но тут уж ничего не поделаешь.

В двадцать шесть лет, когда Алун заметил, что совсем не повзрослел и остался таким же

бесшабашным, как в тринадцать, он с большим облегчением прочитал газетную статью, в которой популярный психолог сообщал, что период взросления у представителей сильного пола иногда затягивается и может длиться до двадцати пяти или даже тридцати лет. Это утверждение успокаивало Алуна лет десять, до особо рискованного даже по его собственным меркам похода на сторону. Затем Алун утешился мыслью, что он такой, какой есть, и ничего тут не поделаешь.

Подъехав к своему дому, Алун заметил свет в гостиной и ощутил легкую досаду, смешанную с неприятным предчувствием. Досадовал Алун в основном из-за того, что, несмотря на все его усилия дать женщинам возможность отойти ко сну пораньше, придется бог знает что выслушать и только потом лечь после тяжелого дня. Предчувствие было более туманным.

Оставаясь одна, Рианнон обычно ложилась не позже одиннадцати, кроме экстренных случаев — например, когда ей сообщали хорошую новость или, что более вероятно, плохую. Алун подумал, что если дело не в этом, то, возможно, с ней сейчас Розмари — она уже должна была вернуться со свидания с Уильямом Томасом, который, надо понимать, крутился здесь с самого утра. Алун живо

представил себе, как чертова девчонка насторожилась, услышав шум его машины, и села рядом с матерью, словно глава комиссии по расследованию его недавних проступков и поведения в целом. Даже если Розмари там одна, перспектива не слишком заманчивая. Конечно, существовали и другие возможности, но они не заслуживали особого внимания: Гвен с расширенным изданием своих обид? Малькольм с одной, зато более конкретной? Полицию можно исключить, если только не произошла ошибка. Да, в пятидесятом году полицейские сильно рассердились из-за инцидента, который произошел в Гарристоне с участием женщины-сержанта на стажировке и патрульной машины, но вряд ли это можно считать убедительным предлогом полуночного визита к приличному белому гражданину.

Подъехав ближе, Алун заметил припаркованный автомобиль, который вроде бы где-то видел, причем совсем недавно. По идее человек с его образом жизни должен распознавать модели машины с первого взгляда, однако у него не получалось. Подойдя к входной двери, он расслабил мышцы шеи и убрал из взгляда осмысленность, решив притвориться пьяным. Впрочем, тут же вспомнил, что Рианнон не обманешь. Надо бы

перехватить инициативу, вот только как…

Пружинистой походкой Алун вошел в гостиную и увидел Рианнон в махровом халате поверх ночной рубашки и Софи в повседневной одежде; Гвен в комнате не было. Никто из них не улыбался и не разговаривал. Алун не раздумывая поцеловал по очереди обеих женщин, затем, когда мозг вновь заработал, шагнул назад и с вопросительным выражением лица весело кивнул Софи.

Та сразу все поняла.

— Я рассказывала Рианнон, что у меня была Дороти, а потом пришла Мюриэль. Может, до сих пор там сидит. Похоже, сегодня одна из ночей, когда у нее особенно скверное настроение. Она прямо-таки лютует. Ты еще не видела ее такой, Ри. Гвен тоже заглянула, и я оставила ее с Мюриэль. А сама под шумок сбежала, — закончила Софи, заговорщически подмигнув.

— И я тебя не виню, — тепло произнес Алун.

Умница Софи, подумал он с искренней признательностью, никогда не скажет лишнего. Вроде бы умом не блещет, но, когда надо, схватывает на лету: чего стоит мимолетное упоминание о Гвен!

— Розмари уже легла спать? — спросил он, меняя тему.

— Только что, — ответила Рианнон. — Удив-

ляюсь, что ты не столкнулся с юным Уильямом, когда подъезжал к дому.

— Значит, он привез ее, и все?

— Да.

— Понятно.

Вряд ли Алун смог бы объяснить, что подразумевал последний вопрос. Что бы он ни подразумевал — удивление, обреченность, возмущение, скуку, разочарование, отеческое беспокойство, по-мужски солидарное одобрение, — Алун не имел морального права задавать его жене и Софи, да и вообще кому-либо. Он вдруг понял это, пока стоял и слушал, что ему говорили.

— Если такая ненормальная погода продержится чуть дольше, почему бы нам не съездить на пару дней в Бирдартир? Старина Дай из книжного все еще сдает свой коттедж на скалах. Софи, ты ведь останавливалась в том доме?

— О, так меня тоже приглашают?

— Конечно, там есть две приличные спальни, а Чарли вполне может оставить у руля Виктора. Только не на следующей неделе, у меня съемки. Дай бывает в тех местах лишь по выходным. Я сегодня его не застал…

Было бы чудом, если бы застал — сегодня Алун и близко не подъезжал к книжному магазину,

не звонил, да и вообще не думал о Дае до тех пор, пока не произнес его имя несколько секунд назад, хотя в остальном не соврал. Как бы то ни было, благодаря своему дару убеждения, который основывался не столько на грубом нажиме, сколько на способности сделать любое предложение привлекательным, Алун вскоре заручился согласием Софи, и Чарли автоматически включили в список участников. Присутствие Рианнон подразумевалось с самого начала.

— Ладно, пойду я спать, — сообщил наконец Алун. — А вы сидите, не стоит расходиться из-за меня.

— Даже не думай, что тебе удастся так легко отделаться, уас,[40] — сказала Рианнон.

«В руки Твои, Господи, предаю дух свой», — мысленно шепнул Алун. Он часто оповещал о своих планах, о том, куда собирается, но никогда не говорил, где был, да и Рианнон не спрашивала до того, как… если только…

— Погуляй с Нелл, потом устрой ее в корзинке на кухне. И не возвращайтесь, пока она не сделает все свои дела.

Нелл, уставшая от дневных тягот, при появ-

---

[40] Примечания: 40
Парень *(валл.)*.

лении Алуна только слабо вильнула хвостом. Теперь, услышав свое имя, она неуклюже попыталась сесть с шумным зевком, довольно впечатляющим для животного любого размера. Алун вывел ее на улицу, как просили, не забыв, однако, подчеркнуть, что делает это исключительно из благородства, а вообще-то щенок не его забота. Нелл ему нравилась, но еще не хватало, чтобы домочадцы решили, будто он станет выгуливать ее каждый день. Иначе не успеешь оглянуться, как придется отовсюду спешить домой: подавать чертовой псине чай!

7

Едва за Алуном закрылась дверь, обе женщины дружно выдохнули, но то не был вздох облегчения. Софи села на пол, откинула голову назад, удобно устроив ее на подлокотнике кресла, и сказала, что ей пора идти. Рианнон, которая сидела на диване, поджав ноги, предложила еще кофе, добавив, что приготовит его за минуту, и устроилась поудобнее. Они расположились в более-менее обжитом углу гостиной, откуда почти не было видно голых половиц и наполовину отделанных стен.

Софи пропустила слова о кофе мимо ушей.

— Знаешь, Ри, тебе нужно чаще выбираться в люди, — заметила она.

— Ой нет! Так здорово сидеть дома, особенно после стольких лет, когда ходить никуда не хотелось, а нужно было!

— Ты должна научиться водить машину.

— И ты туда же! — Рианнон резко выпрямилась. — Да умею я, умею, и не хуже других, если только не забыла. Полтора года развозила заказы из химчистки, когда у нас было туго с деньгами. Дело не в том, что я не умею водить машину, а в том, что меня к ней не подпустят. У нас только один автомобиль. Алун говорит, что мы не можем позволить себе второй; по крайней мере наверняка бы так сказал, если бы я еще раз подняла этот вопрос. Он сам покупает все, чего нет в магазинах по соседству, а когда мне нужно, я могу заказать такси. Гораздо дешевле, чем содержать две машины. И опять же проблемы с парковкой… Это бы он тоже сказал. Спроси его, если хочешь.

— Странно, Алун никогда не был скупердяем. Я имею в виду…

Софи огляделась, но ничего вокруг не свидетельствовало о расточительности, разве что большая картина Кидда Томаса над камином. Под

авторской подписью стояла дата — 1981 год. Полотно изображало вид на паб «Драконья голова» со стороны моря и выглядело почти прилично.

— Да нет, он не жадный, с этим все в порядке, — заверила Рианнон. — Дело не в деньгах. Суть в том, что, когда Алун на машине, никто не знает, где он. А у меня машины нет, и все знают, где я, только это никому не интересно. Взять хотя бы сегодняшний вечер.

— Хм. А где сегодня был Алун?

— Понятия не имею, а ты?

— Надеюсь, с кем-нибудь здравомыслящим.

— Ох, я тоже на это надеюсь. — Рианнон немного помолчала, затем спросила: — Кстати, как там Гвен?

— Вроде бы приходит в себя. Конечно, еще злится, но все будет хорошо, лишь бы он сам не полез на рожон.

— Если бы только он… как бы это сказать… меньше разбрасывался.

— Очень тебя понимаю, — согласилась Софи. — Особенно сейчас, когда вы перебрались сюда. Здесь не Лондон.

— Вот именно. И вообще, с другой стороны, тоже по-дурацки выходит. Кое о чем мы теперь говорить не можем. Конечно, я имею в виду не

важные вопросы, в основном мелочи, но ведь они накапливаются. Кто присутствовал, и как выглядел, и что говорил… В общем, стало труднее.

— М-м-м… Ри, как ты думаешь, с ним все в порядке?

— Что ты хочешь сказать? — встревожилась Рианнон.

— Нет, ничего, просто он словно с цепи сорвался. Казалось бы, должен понимать, что нельзя ни с того ни с сего закрутить с Гвен и рассчитывать, что все обойдется, особенно после того…

— Ни с того ни с сего закрутить с Гвен снова, но все равно я не…

— О, а я и не знала, что они…

— Да. Удивительно, я всегда считала, что она ему не очень нравится. Честно говоря, мне даже интересно, кто из них все начал, и сейчас тоже. Конечно, в прошлом Гвен мирилась с тем, что она лишь одна из его многочисленных пассий. Тогда в ее жизни были и другие интересы.

— Например, Малькольм, — сказала Софи.

— Ага.

Они снова замолчали. Софи, обхватив руками колени, в несвойственной ей задумчивости разглядывала толстый ворсистый ковер. Рианнон закурила, как всегда, поднеся зажигалку слишком

близко к сигарете. В первые минуты приезд Софи ее удивил. Вскоре стало ясно, что дело в Алуне: Софи спросила, освоился ли он здесь после Лондона, но умолчала о своих соображениях — недавние эскапады Алуна не изменят ее особую роль в его жизни. По разным причинам Рианнон тоже на это надеялась, однако в Уэльсе не принято говорить о подобных вещах напрямую. Поэтому почти без задней мысли она осведомилась, как дела у Чарли, хотя и с меньшим интересом, чем когда спрашивала о Гвен.

— Практически не просыхает, — сказала Софи, не поднимая взгляда от ковра.

— Да, я подумала…

— Я и не представляла, сколько он пьет, пока однажды вечером он не пришел домой трезвый. Это было откровение, скажу я тебе.

— И наверняка не слишком приятное.

— Не знаю, что случилось в тот день, и вряд ли узнаю, но ночь была кошмарной. Заставил сидеть с ним, уснул в два, в четыре проснулся и полез на меня. Дышал так, будто рекорд ставит. До сих пор не объяснил, что с ним было. Я и так и этак пытала — молчит! На следующий день он, по словам Виктора, был пьян в стельку уже к шести часам.

— Если он хочет, чтобы ты с ним сидела, то должен рассказать.

— Не говорит! Только то, что ему хуже, когда он один, и от темноты. Я устала его спрашивать, надоело. Он должен рассказать, что происходит, хотя бы в общих словах! Страшно неприятно, когда мужчина ничего не говорит. Он что пьяный, что в отключке — никакой разницы. В смысле для меня. Хороший он, Чарли, или я к нему просто привыкла.

Рианнон неторопливо докурила сигарету.

— Похоже, вам двоим не помешает небольшая передышка. Вы же поедете в Бирдартир? Мы с тобой хоть поболтаем как следует. И Алун будет рад. Он все время жалуется, что вы толком не видитесь.

Софи вскинула голову:

— Ой, правда? Не может быть!

— Да, постоянно спрашивает, где Софи, чем она сейчас занимается…

— Неужели?

— Ему тоже будет полезно проветриться. Вот уж кто молчать не будет. Его, наоборот, поди останови!

7 — Алун
1

В девятом часу утра во вторник Алун открыл багажник машины, которую обычно называл «семейным автомобилем» или даже «нашим семейным автомобилем», но только когда поблизости не было Рианнон. Уиверы собирались в Бирдартир. Чарли и Софи должны были подъехать туда на следующий день к обеду, и все четверо планировали вернуться поздно вечером в пятницу.

Накануне Алун позвонил Келлан-Дэвисам, чтобы сообщить о грядущем путешествии. Так как в это время Гвен ждали на кофе у Шан Смит, а Малькольм наверняка уже ушел в «Библию», попытка была заранее обречена на провал, но позволяла считать, что Алун не сумел дозвониться. Питеру велели приезжать, когда захочет, даже без предупреждения, и тот, немного поворчав по поводу дурацкой валлийской манеры приглашать гостей, буркнул, что, может, и выберется. Тарка Джонса, который вначале категорически отказывался брать на себя ответственность, уговорили

записать номер соседей по фамилии Гомер (у Дая в коттедже телефона отродясь не было).

Алун не стал откидывать крышку багажника по-мальчишески резко, как обязательно сделал бы, будь рядом хоть один зритель, не важно кто — безработный выпускник школы или высокопоставленный чиновник с телевидения. Первым делом в багажник отправилась картонная коробка с выпивкой: шотландское виски двенадцатилетней выдержки, дорогая питьевая вода, чтобы его разбавлять, джин, тоник, бутылка редкого «Линье-Аквавита» из Осло, не такой редкий «Бейлис» (якобы для Рианнон, а на самом деле для всех), по бутылке «Асти Спуманте» и малаги (только для Рианнон), четыре большие бутылки крепкого светлого пива, завернутые в мокрую газетную бумагу (для самого Алуна), остатки кофейного ликера и прочая дрянь, которую он не решился выбросить. Рядом лег ящик с маринованным филе сельди, копчеными устрицами, икрой пинагора и другими деликатесами, которыми принято закусывать аквавит. Сверху Алун аккуратно пристроил плоский бумажный пакет с новым кашемировым свитером и две спортивные рубашки в нераспечатанных упаковках.

Любые путешествия, включая поездки на похороны, наполняли Алуна радостным предвкушением, и не только потому, что никогда не знаешь, с чем столкнешься, скажем, в каком-нибудь Блайнай-Фестиниоге. С возрастом ему все больше нравилось открывать новое, как бы жестоко он ни обходился со старым. Впрочем, нынешняя экспедиция ничего такого не сулила: в его тайной записной книжке не было ни одного адреса в Бирдартире или окрестностях. Сейчас Алун радовался, просто предвкушая поездку в автомобиле: он не уставал напоминать лондонским друзьям, что в тридцатых годах в Южном Уэльсе это было событием. Быстро и весело уложив первую часть поклажи, он покончил со второй, не такой приятной: постельным бельем и подушками, собранными Рианнон после того, как она позвонила Даю в магазин. Оставшиеся вещи Алун запихивал в машину гораздо медленнее.

Первой он положил пишущую машинку: не электрическую из кабинета, великолепный образец японской офисной техники, а портативную итальянскую (Алун под настроение называл ее акустической моделью). Затем последовала еще одна картонная коробка, далеко не такая элегантная, как та, что с напитками. В этой лежали книги

и бумаги. Среди книг был «Краткий оксфордский словарь английского языка», потрепанный «Тезаурус» Роже, «Y Geiriadur Mawr» — «Большой валлийско-английский и англо-валлийский словарь», «Церкви Корси» преподобного Тидфила Мередита — компиляция, примечательная своим golygydd ymgynghorol,[41] работа по кельтской мифологии Сефтона-Уильямса и полное собрание стихотворений Бридана. Последнюю книгу Алун почти всегда возил с собой из лицемерного пиетета — притворялся, будто не может без нее обойтись. Брать ее в эту поездку было в лучшем случае бесполезно, ну разве только для того, чтобы шокировать Чарли, Софи и, возможно, Питера. Остальное содержимое коробки состояло из бумаги для пишущей машинки, сорока шести страниц романа, о котором знала только Рианнон, и нескольких листков с заметками.

Алун собирался поработать с рукописью, но никому об этом не говорил, хотя думал уже давно. Он настрочил сорок шесть страниц за шесть дней весной, когда тот урод с Би-би-си чуть ли не в последнюю минуту отменил радиопередачу о валлийском нонконформистском сознании, кото-

---

[41] Примечания: 41
Редактором-консультантом *(валл.)*.

рую Алуну предстояло подготовить и записать; с тех пор роман не продвинулся ни на йоту. Теперь, под гнетом возложенного на себя добровольного обязательства провести некоторое время вдали от мира, и не придумав благовидного предлога улизнуть, Алун решил продолжить мучительный труд над книгой. Первые страницы (возможно, с небольшими переделками) должны были стать началом единственного по-настоящему серьезного произведения в прозе, какое он написал со школьных времен. В более оптимистичном настроении Алун заменял «единственное настоящее» на «самое»: самое серьезное произведение в прозе и так далее. Как бы то ни было, он понимал: практически все зависит от того, что удастся сделать из этих сорока шести страниц за два-три часа.

В общем, неудивительно, что Алун убирал вместилище своих творческих планов в багажник с особой аккуратностью. Тем не менее он испытывал странное чувство, не имеющее ничего общего с литературными замыслами, разве только совсем немного похожее на волнение, которое испытываешь перед тем, как шагнуть в неизвестность.

— Я всегда был истребителем, — пробормотал

Алун с вызовом и добавил, понизив голос: — Вернее, легким бомбардировщиком среднего радиуса действия, предназначенным для ночных операций и разведки на малых высотах. Спасибо.

Осталась пара пустяков: отвести чертова щенка к дочери уборщицы, отменить доставку газет и запихать в машину чемоданы и разную мелочь. Последними туда отправились тяжелые непромокаемые плащи и резиновые сапоги — незаменимые вещи в сельских районах Уэльса в любое время года. Пока день был ясным, хотя и не солнечным, но в отдельных районах прогноз погоды обещал проливные дожди. Рианнон, как обычно, вышла из дому к самому отъезду. На ней было цветастое платье и, надо полагать, туфли. Когда автомобиль тронулся с места, она привычно сжала руку мужа.

Дорога на Корси были практически свободной, словно все посетители испарились из-за внезапной перемены во вкусах или ядерной катастрофы. По пустынным улицам Бирдартира не ходили туристы. В магазине «Книги Бридана», оплоте алчности и недобросовестной конкуренции, по туманным отзывам Дая, не было ни одного покупателя, и на повороте к церкви Святого Каттуга, под сенью которой поэт нашел последний

приют, не стояли автобусы из Европы. Некоторое движение наблюдалось на подступах к «Гербу Бридана»; впрочем, ближе к полудню туда всегда стекался народ еще со времен, когда паб носил имя «Белая роза». После того как порт перестал принимать морские суда, а металлопрокатный завод и песчаный карьер закрылись, в Бирдартире стали заметны признаки безработицы. Сейчас тоже не видно было признаков, что город превратился в промышленную зону и безработица куда-то исчезла.

Алун повернул у «Закусочной Бридана» и выехал на бывшую грунтовую дорогу, недавно засыпанную щебнем для удобства туристов. Она проходила над прибрежной зоной и самой большой и глубокой частью бухты. Вот-вот должен был начаться отлив, и море лежало спокойное, коричневато-серое, слегка тронутое зеленым и желтым. Говорили, что Бридан любил наблюдать, как садится здесь солнце. Он и впрямь мог смотреть на закат из своего коттеджа, первого в ряду домов, обращенных к воде; другой вопрос, часто ли он действительно наслаждался зрелищем, даже когда просыхал. После серьезного ремонта, призванного скрыть следы его разрушительного пребывания в коттедже, здание переоборудовали

в музей и сувенирный магазин, большей частью в магазин, а дом по соседству — в кофейню и кафетерий, где не продавали спиртное: запрет в данных обстоятельствах вполне извинительный. Когда Уиверы проезжали мимо, из дверей кафетерия вышла старуха в яркой куртке, явно американка, и с трудом заковыляла прочь.

Они доехали до последнего коттеджа; далее лежал треугольный пустырь, усеянный мусором, совсем старым и посвежее. Здесь начиналась засыпанная шлаком дорожка, возле которой стоял столб с табличкой «Тропа Бридана». (Хотя местные жители сильно сомневались, что нога поэта когда-либо ступала на путь, в конце которого не было ни паба, ни другого заведения, где можно разжиться выпивкой.) Как было договорено, Рианнон пошла дальше пешком, а Алун развернул машину и ехал задним ходом ярдов восемьдесят, пока тропа не стала слишком узкой. Там он остановился и какое-то время невнимательно следил, как Рианнон вытаскивает из багажника вещи. Затем вернулся на пустырь, припарковал машину на грязной и крутой боковой дорожке и поспешил к Рианнон.

— Наверняка есть более легкий способ сюда добраться, — сказал он, таща коробку с выпивкой и

догоняя жену, — но я ничего не могу придумать.

— Зато я могу. Ты вылезаешь из машины, выгружаешь багаж, сам относишь его в дом и раскладываешь все по местам.

— Удивительно, как люди вспоминают что-то из прошлого. Пока мы не выехали, я бы не смог сказать, где находится этот коттедж, а потом даже не задумывался, куда ехать.

— А я прекрасно помнила, где он. Очень странно.

— Положи вещи, я за ними вернусь. Не хочешь? Ну ладно, тогда страдай. Что у нас на обед?

— Пирог со свининой и фасоль в томатном соусе.

— Ты взяла горчицу?

— Да, а еще испанский лук и маринованные огурчики.

— Умница ты моя.

Они дошли до коттеджа, может, и не самого красивого и не самого лучшего в этом районе Бирдартира, но точно и не самого сырого или вонючего. В доме было две комнаты внизу и две на втором этаже, причем в одной из спален второго этажа отгородили небольшой закуток, оборудовав там уборную, явно рассчитанную на очень тощих постояльцев. Рианнон прошлась по

всем комнатам, открывая окна.

— Сразу можно догадаться, кто из нас вырос в городе, — сказал Алун. — Одно слово — и я пробью для тебя дыру в стене кухни.

— Лучше выброси это в мусорный ящик, — ответила Рианнон, вручая ему поднос с застарелыми остатками еды. — Интересно, сколько они пролежали?

— Эй, кое-что здесь вполне можно есть! Как насчет этой банки с…

— Ешь на здоровье.

Заглянув к Гомерам и выяснив, что за последние два часа не поступило ни одного предложения с щедрым гонораром, Алун расчистил место для пишущей машинки на небольшом столе у окна гостиной, для чего пришлось потревожить уйму необычайно уродливых фарфоровых собачек и других созданий. Статуэтки отличались нелепой, расплывчатой формой, словно в процессе производства кто-то, возможно под влиянием Мюриэль Томас, окатил их струей из огнемета. Краска на уродцах почти облезла. Алун запихал их подальше в шкаф, сказав себе, что не подряжался любоваться на свору чересчур оригинальных фарфоровых собачек.

Оттягивая минуту, когда придется начать ра-

боту, Алун пробежался взглядом по книгам Дая и почти сразу увидел, что ни одна не достойна того, чтобы взять себе. Зато было множество изданий Бридана, включая точно такой же сборник стихов, как у Алуна. И зачем он его только привез? Подобно многим обитателям центральных районов Южного Уэльса в возрасте от тридцати и старше, Дай тоже имел счастье общаться с Бриданом. На стене в рамке висела увеличенная копия очень темного снимка, запечатлевшего их вместе; оригинал фотографии украшал его магазин. Дай часто говорил, что Бридан раза два помогал ему во время школьных каникул, — Даю нравилось думать, что он дал бедствующему поэту возможность подзаработать. На самом деле что-то вроде приятельства с Бриданом возникло гораздо позже, когда тот заходил в магазин по дороге на станцию, чтобы стянуть пару новых книг, а потом отнести их в лавку подержанных вещей на Флит-стрит. Алун покачал головой. «Великий писатель, но удручающе ничтожное существо в других отношениях» — так порой он думал и часто говорил, если в компании не было валлийцев.

Уже отводя взгляд от книжных полок, Алун заметил обложку, которую сразу узнал: под нею

были «Цветы Бридана», сборник стихов, отобранных Алуном Уивером. Небольшое чудо в лице пробивного литагента, доверчивого издателя, удачно подоспевшей годовщины смерти Бридана и выхода исторического обзора в журнале «Таймс» превратило продукт трехнедельной работы в весьма приличный и долговременный доход: пять тысяч экземпляров в твердом переплете только в Соединенных Штатах. «Уэльс Бридана» тоже пока расходится. Вспоминая те сделки, Алун всякий раз думал, что умеет зарабатывать деньги лучше, чем продвигаться вперед: ему не хватает упорства, и, как настоящий кельт, он слишком любит плотские удовольствия. А последние несколько недель его больше занимало, получится ли быть голосом Уэльса в самом Уэльсе. Что ж, возможно, его и вправду лучше слышали в Англии, где конкуренция не такая жесткая. Алун никак не мог забыть «теплый» прием, оказанный ему на станции «Кембридж-стрит» в день возвращения на родину. Ладно, сейчас у него есть возможность все изменить.

Он сидел за столом и глядел в окно на морской берег, когда вошла Рианнон, одетая в… ну, Алун был почти уверен, что она переоделась.

— Извини, ты…

— Нет, просто строю воздушные замки. Интересно, почему это считается дурным? Воздушные замки — красиво! И к тому же бесплатно.

— Хочу прогуляться по городу. Целую вечность здесь не была.

— Хорошо, увидимся позже.

— Ну и как тебе Ингрид?

— Ингрид?

— Ингрид Дженкинс, или как там ее. Дочь Нормы.

— Кто такая… ах да, уборщица, ее дочь! Понятно.

— М-м, так что ты о ней думаешь?

— Даже не знаю. По-моему, вполне приятная, я и видел-то ее всего минуту. Почему я вообще должен о ней что-то думать?

— Нет, ничего. Просто сможет ли она как следует присматривать за Нелли, как ты считаешь?

— Господи, так ты о щенке? Думаю, да. То есть я хочу сказать, что на вид там довольно прилично. Чисто. В общем, я…

— Хорошо. — Голос Рианнон дрогнул. — Я ведь не могла взять щенка с собой, правда?

Алун решил, что теперь ясно, ради чего затевался весь разговор.

— Нет-нет, — сказал он, нахмурившись от од-

ной мысли о собаке. — Даже не обсуждается.

— Пока они такие маленькие, их на минуту одних не оставишь. Мне бы пришлось все время ее выводить или сидеть с ней дома. Или ты бы с ней гулял.

— Вот обрадовала! Нет, конечно. Если бы ты ее привезла, то сама бы не отдохнула.

— Угу. Ты собираешься поработать над своими записями?

— Да, просмотрю.

Он всегда держал ее в курсе своих литературных планов, хотя бы примерно. Что же касалось радиопередач и неожиданных поездок, которые могли бы потребоваться для работы, то о них он предпочитал не рассказывать.

— Удачи, милый. Вернусь где-то через час.

Рианнон ушла. Точно, ей хотелось услышать, что она была права, оставив собачонку дома. Совершенно нормально и понятно. Алун потянулся к толстому конверту на столе, но замер с тяжелым вздохом. Перед разговором о собаке был еще один момент, чушь какая-то. Что-то про Ингрид. Да он почти и не разглядел эту особу — ну женщина лет сорока, небольшого росточка, бледная, вот и все. И речи не может быть…

Он издал сдавленный крик, потом, вспомнив,

что в доме никого больше нет, громко выругался. Его взгляд упал на ящик с книгами, который стоял на полу, на потертую мягкую зеленую обложку «Тезауруса».

— Какая нелепость! — озвучил Алун свои мысли. — Вздор, чепуха, глупости, чушь, бред. *Фулбри!*[42] Расскажи это своей бабушке. *Credat Judaeus Apella.*[43]

Если Рианнон затеяла разговор, чтобы выяснить, нравится ли ему Ингрид, если она действительно думает, что он может завести интрижку с дочерью уборщицы, то у нее явно не в порядке с мозгами. Разве что Рианнон стала догадываться о его похождениях, а значит, даже если подозрение беспочвенно в этом случае, сглупил где-то он. Неужели придется со всем покончить, и не из-за того, что он не хочет или не может?

На ум пришло сразу несколько неприятных мыслей. Самой отчетливой была одна: любой здравомыслящий человек решил бы, что он с жиру бесится, бегая на сторону от Рианнон. Но ему никогда не хватало здравого смысла… И

---

[42] Примечания: 42

Чепуха! *(валл.)*

[43] Примечания: 43

«Пусть этому верит иудей Апелла» (лат.). Фраза из «Сатир» Квинта Горация Флакка, означающая «Пусть верит кто угодно, только не я».

тысячу раз все сходило с рук. Алун надеялся, что неподготовленный ответ на вопрос об Ингрид свидетельствует о его невиновности. В противном случае ему нечего сказать в свою защиту. Он схватил конверт почти с жадностью.

Прежде чем Алун осмелился вытащить рукопись, его манера поведения резко изменилась, став нарочито небрежной и ленивой. Он склонил голову набок, поднял брови, прищурился и опустил уголки рта, затем со снисходительной усмешкой отогнул клапан конверта и скользнул взглядом по странице, делая вид, будто вот-вот уснет от скуки. Прочитав несколько строк, он дернулся, словно пробуждаясь от сна, и сделал наконец то, о чем мечтал еще минуту назад: вскочил со стула, торопливо глотнул виски и вернулся на место, не забыв долить стакан. Сев за стол, Алун сгорбил плечи, уставился на залив и начал рассуждать.

Конечно, первая пара предложений напоминает вступительные фразы десятков рассказов и романов, написанных валлийцами в первой половине века. В этом-то и вся соль — подчеркнуть преемственность, отказаться от малейших намеков на модернизм и показать, что жизнь в местных поселках во время всеобщего упадка

никуда не делась, а, наоборот, приобрела новый ироничный смысл. Замысел, несомненно, достойный, но вот удалось ли его воплотить, хотя бы отчасти? Может быть. Подобно Сократу, спокойно и весело выпившему цикуту — Алун помнил, что где-то об этом читал! — он поставил пишущую машинку на стол и начал с самого начала.

Первые пять минут Алун работал сосредоточенно и напряженно, как будто обезвреживал взрывное устройство, затем немного успокоился. Время от времени он морщился и что-то исправлял, кривился, словно от боли, или таращил в недоумении глаза, но несколько раз кивнул и даже невесело рассмеялся. Через час вернулась Рианнон и застала его за пишущей машинкой, из которой торчал лист бумаги с четырьмя строчками наверху. Когда Алун поднял голову, жена спросила:

— Ну, как дела?

Алун свирепо нахмурился и поднял руки со скрещенными пальцами.

— Есть смутное предположение, — признался он театральным шепотом, — что не весь текст совершенно безнадежен.

— Замечательно!

— Нет-нет, ничего подобного, пока только пред-

положение. Нужно еще работать и работать. Я тут подумал, что нужно поднажать, пока есть желание, иначе все заброшу и начну заниматься какой-нибудь ерундой. О нет, девушка, соблюдай дистанцию! — воскликнул он, заметив, что Рианнон собирается его обнять. — Попозже, если до этого вообще дойдет.

— Все равно хорошо, правда? — Она замерла у подножия лестницы. — Слушай, тут такое дело…

— Что еще? — спросил он брюзгливо. Рианнон состроила плаксивую гримасу.

— Дороти звонила, когда ты отводил Нелли к Ингрид… приглашала нас сегодня в гости… и я не смогла придумать, почему мы не придем… а потом она спросила, можно ли им с Перси заехать завтра вечером… и я не смогла ей отказать… прости…

Заполняя все паузы крепкими ругательствами или негодующими воплями, Алун дождался, когда Рианнон закончит, и спросил:

— Кто еще будет? Шан, или Гарт, или старина Оуэн Томас, или эта дура Эйрвен Сперлинг, или… Потому как если…

— Я ничего не могла сделать, прости.

— Конечно, глупышка! — сказал Алун, обнимая жену. — Нужна танковая дивизия с авиацион-

ной поддержкой, чтобы отпугнуть эту старую кошелку. Ничего, справимся. Повезло еще, что утром удалось поработать. А теперь выпей, джин и тоник уже на подходе. Давай, мин,[44] ты на отдыхе.

Прошло несколько минут, пока Алун заканчивал абзац, а Рианнон накрывала к обеду. Они поели и хорошо выпили (особенно Алун), потом Рианнон заявила, что скучает по щенку почти так же сильно, как когда-то по девочкам, и ушла отдыхать. Покопавшись на книжных полках, Алун нашел сборник рассказов о жизни Кардиганшира в тридцатые годы, написанных неким валлийцем, чье имя он едва вспомнил, — как раз то, что надо, особенно сейчас! — и роман Алистера Макалпайна в мягкой обложке о налете на штаб-квартиру гестапо в Голландии. По последней книге сняли художественный фильм, и к тому времени, когда Алун задремал в потрепанном кресле у крошечного камина, полковник (Ричард Бартон) и командир авиационного крыла (Тревор Говард) уже сверяли часы, чтобы нанести удар. Проснувшись, Алун тут же снова заснул, а когда пробудился еще раз, отнес Рианнон чаш-

---

[44] Примечания: 44
Детка *(валл.)*.

ку чаю. Написал строчек десять диалога, пока жена бездельничала, затем они отправились на прогулку.

Земля и море были унылого мышиного цвета и выглядели удручающе обыкновенно; лишь на небе виднелись желтые и синевато-серые просветы, которые в свое время, возможно, служили какой-нибудь приметой для местных жителей. Уиверы прошли по «Тропе Бридана» до самого конца, туда, где она исчезала среди неухоженных кустов и длинной бледной травы, спустились по крутой каменистой тропинке на берег и вернулись назад по приливной полосе. В одном месте кипела работа: берег разравнивали — видимо, для будущего строительства. Полдюжины птиц — цапли, а может, кулики-сороки — бродили вдоль кромки воды; Бридан наверняка знал их название, или сказал бы, что знает. Несколько небольших парусных лодок лениво качались на волнах. В углу гавани Алун с Рианнон поднялись по отлогой лестнице и вышли на Хай-стрит, где повсюду в глаза бросалось слово «Бирдартир» — на магазинах, учреждениях, плакатах, открытках. Там, где улица сужалась, напротив бывшей булочной, стоял паб; он не изменился со времени их последнего приезда, разве стал чуть поновее

с виду. Вывеска, темно-синяя с блестящими золотыми буквами, гласила: «Отель Уайта».

Тем не менее внутри все выглядело гораздо новее и совсем не таким, как прежде. Алун мог бы даже поклясться, что никогда здесь не бывал, если бы не привык к переменам, и теперь он утешился вполне терпимой музыкой, довольно заурядной, но легкой и мелодичной. На подоконнике, рядом с развесистым растением в горшке, находился некий объект. Алун понятия не имел, как он называется: нечто вроде видеоэкрана, на котором разноцветные мерцающие потоки пролетали сквозь пятна и полосы более спокойной подсветки. Напрашивалось предположение, что этот феномен каким-то таинственным и ужасным способом связан с музыкой. Алун решил, что обязательно опишет его, чтобы добавить в папку с материалами «В поисках Уэльса», но вначале усадил Рианнон на некое подобие средневековой церковной скамьи у противоположной стены, а сам подошел к бару. Заказав белое вино для жены, он действительно получил стакан белого вина, а не взгляд, исполненный мрачного торжества, как здесь было когда-то принято; более того, его спросили, какой сорт виски он предпочитает, а раньше приходилось довольствоваться тем, что

наливали.

Вернувшись к Рианнон, Алун обнаружил, что какой-то пожилой тип устроился перед ней на высоком табурете и ведет себя так, словно всю жизнь был ближайшим другом семьи. Анфас он выглядел совсем старым, хотя был старше Алуна от силы лет на пять. Типичный крепкий и самоуверенный валлиец — такие с незапамятных времен возделывают окрестные земли и рыбачат в здешних водах, — а заодно и типичный болван, которому Алун с удовольствием брызнул бы в глаз струей газированной воды в те дни, когда сифоны еще были в ходу. На седовласой голове возвышалась белая шляпа, хотя было непонятно, откуда она взялась и что означает.

Алун подсел к Рианнон и пару минут обсуждал с ней паб и посетителей, пока не убедился, что тип в шляпе не доводится ей родственником, которого она не удосужилась представить. Алун подумал, что не позволит себя отвлечь, достал блокнот на пружине и стал описывать устройство, мигающее всполохами яркого света.

Если придурок в белой шляпе и упустил что-либо из происходящего, то не слишком много. Он заговорил густым басом, весьма похожим на голос владельца танцевального зала, где Алун

бывал в молодости.

— Так вы, значит, писатель?

— Да, — ответил Алун после того, как Рианнон ткнула его под ребра.

— Понятно. Приехали сюда к Бридану?

— Что? Нет, не совсем.

— Многие приезжают к Бридану. Он был известным поэтом, жил когда-то в Бирдартире. Часто приходил в этот паб с американцами. Говорил, что здесь как в клубе.

— Знаю, — ответил Алун.

С каждым днем ему все чаще повторяли общеизвестные факты, да еще и менторским тоном. Алун подумал, что, похоже, ему вскоре ничего не останется, как выслушивать эту дребедень.

— Бридан был валлийцем, но писал… его поэзия… на английском языке.

— Конечно, на самом деле…

— Но он был валлийцем до мозга костей. И не думайте, что можно понять Бридана, — гудел старый болван, раскачиваясь на табурете и благодушно улыбаясь, хотя было ясно, что он обращается к Алуну, а не ко всем в общем, — да, нельзя понять Бридана, не будучи валлийцем.

— К вашему сведению, я сам валлиец. Родился и вырос меньше чем в двадцати милях отсюда.

— Вот я и говорю: нельзя понять Бридана, не будучи валлийцем. Только валлийцы его понимают, верно? Ценят по достоинству. Да, высоко ценят.

— Но…

Под предостерегающим взглядом Рианнон Алун не нашелся что сказать. Вообще-то ему много чего пришло на ум, только вот к дискуссии это никакого отношения не имело.

— Писатель, говорите? Для газеты пишете?

— Нет. Да. Бывает.

Старый дурак, видимо, счел ответ вполне исчерпывающим или по крайней мере достойным обдумывания. Он даже ткнул пальцем в сторону Алуна, когда в паб торопливо зашел молодой человек с короткими, почти бесцветными волосами. У него было широкое лицо с насморочными глазами и носом. Взглянув на Алуна с Рианнон, он виновато дернул головой.

— Опаздываешь, дед, — громко сказал парень. — Пора пить чай. Идем, Уинстон Черчилль. — И, понизив голос, добавил: — Надеюсь, он не слишком вам надоел.

Алуну не оставалось ничего, как в ущерб чувству справедливости сказать, что они очень приятно побеседовали.

— Правда? — Юнец пристально посмотрел на него и широко улыбнулся. — Эй, да я вас знаю! Видел по телевизору! Как же называлась передача: «Валлийское что-то там» или «Валлийский взгляд на вещи»? Скажите, а этот, как его, Блетин Эдвардс, ваш друг?

— Нет, мы с ним даже…

— Ну, я, конечно, не специалист, но, в отличие от вас, он вообще никуда. Просто небо и земля, — заявил юный придурок с уверенностью, которой мог бы позавидовать его престарелый родственник. — Никакого сравнения!

— Вы очень любезны.

— Да ладно, приятно было познакомиться. Удачи, и спасибо за то, что вытерпели моего старикана.

— Как мило! — обратился Алун к жене, когда они чуть позже выходили из паба. — Совсем не похоже на жизнь.

Она стиснула его руку:

— Молодец, что не стал связываться с этим старым пердуном.

Настроение Алуна мало-помалу улучшилось, и остаток вечера он был вполне доволен жизнью. Как и следовало ожидать, более всего этому способствовала предварительная оценка (семь из

десяти), которую Алун дал уже существующим страницам «Возвращения домой», — последние несколько часов он склонялся к тому, чтобы назвать свой опус именно так, в пику новомодным тенденциям. Приподнятое настроение даже подвигло его заняться любовью с Рианнон, когда они добрались до неожиданно уютной маленькой кровати.

Несколько минут они лежали с включенным светом, удовлетворенно вздыхая и постанывая, как всегда после близости вот уже тридцать четыре года. В ночнике что-то тихо потрескивало, но слабый звук не заглушал шум прибоя, который раздавался довольно близко, — прилив вновь почти достиг верхней точки.

— Славный был денек, — сказал Алун. — Я уже забыл, как здесь хорошо.

— Я рада, что у тебя пошла работа.

Он шикнул на жену и скорчил недовольную мину, но не так убедительно, как раньше.

— Им не удалось испоганить это место полностью.

— Тебе, должно быть, здорово полегчало, ну или хотя бы отчасти. Надеюсь, это-то можно сказать?

— Что? Да, но утром нужно будет еще раз взглянуть.

— Думаю, тебе стоит пару дней никуда не ездить и просто отдохнуть.

— Да, было бы неплохо…

— Мне кажется, ты немного осунулся, совсем чуть-чуть. Тебя ничего не беспокоит?

— Нет. — Он не собирался говорить о Гвен, особенно сейчас, когда у них уйма времени и разговор явно затянется. Лучше найти несколько минут перед приездом съемочной группы. — Нет, все в порядке. Разве что задумался: интересно, долго ли еще здесь будут подавать виски точно по моему вкусу?

— Ну и хорошо.

Судя по голосу, слова мужа ее не успокоили. Немного помолчав, Алун спросил:

— Когда они завтра приезжают?

— Около двенадцати. Похоже, Чарли не хочет начинать пить с самого утра.

— Понятно. Ладно, надо бы поспать, раз уж я решил хоть что-то успеть до их приезда.

Мысль о телесъемках вдруг напомнила еще об одном незаконченном деле: он не выяснил, кто такой Блетин Эдвардс, который, по словам юного олуха из паба, куда хуже Алуна, хотя плохо, что их вообще сравнивают. Имя показалось знакомым, а все остальное выскочило из памяти. Вот

ведь напасть — посреди ночи думать о каком-то жалком выскочке!.. Так ничего и не вспомнив, Алун заснул.

2

Утром Алун встал рано и сходил за газетами. На обратном пути он остановился посмотреть на гавань в свете бледного солнца, несколько раз глубоко вдохнул и подумал, что если промышленное загрязнение когда-то здесь и ощущалось, то теперь от него не осталось и следа. На ум Алуну стали приходить другие мысли, в основном о быстротечности времени, возрасте и дальше в том же духе, и он решил, что пора домой, подкрепиться. Обильный завтрак с повышенным содержанием жира состоял из двух вареных яиц на поджаренном хлебе и жареной картошки с беконом и помидорами. За едой Алун увлеченно разгадывал кроссворд в «Таймс».

— Га-ди-на, — бормотал он, вписывая слово. — Не подходит… А, вот! Га-дю-ка!

Чуть позже Алун сел за машинку и написал еще полстраницы диалога, правда, довольно небрежно — так, наброски. Сосредоточиться на работе не удавалось: он прекрасно себя чув-

ствовал, море блестело под яркими солнечными лучами, и должны были вот-вот приехать Софи и Чарли. Несколько раз Алун вскакивал из-за стола, уверенный, что слышит их голоса. Когда гости наконец прибыли, он выбежал им навстречу с приветственными возгласами, отобрал чемоданы и проводил в дом. Те, кто хорошо знал Алуна, говорили, что убедительнее всего он демонстрирует свои чувства, когда на самом деле рад встрече, — так и хочется ему поверить.

Алун, подобно другим восторженным хозяевам, имел собственное представление о том, как нужно принимать гостей. Норрисов усадили в гостиной, подали кофе и выпивку, восхитились их подношением — свежей кумжей, приобретенной сегодня утром на Хэтчери-роуд, и солодовым виски крепостью пятьдесят семь градусов с острова Айла. Потом женщины удалились на кухню. Алун налил Чарли еще и спросил:

— Слушай, ты не мог бы кое-что для меня сделать?

— Сразу предупреждаю: я девушка приличная, на извращения не соглашусь.

— Нет, тут…

Алун заготовил речь заранее, но слова застревали в горле.

— Понимаешь, я тут начал писать роман, по-настоящему серьезный, не какую-нибудь дешевку на потребу публики. Выходит вроде неплохо, но мне самому судить трудно. Если бы ты просмотрел первые страницы, быстренько, особо не вчитываясь, просто чтобы…

— Чтобы сказать, чушь это или нет.

— Точно.

— Ну…

Чарли отвел глаза. Алуну показалось, что приятель выглядит помятым, хотя ни синяков, ни царапин видно не было — словно его долго колотили дубинками, обернутыми чем-то мягким.

— Если мне будет позволено выразить честное…

— А я, черт возьми, и не напрашиваюсь на комплименты! Конечно, ты должен сказать то, что думаешь. Чарли, пожалуйста. Давай, старина, соглашайся: кроме тебя, помочь некому.

— Лишь бы ты… Ну хорошо. Где рукопись?

— Вот, только пока не смотри. Через несколько минут я провожу наших дам в деревню, где мерзостные лавки и гнусные ларьки отвращают взор убожеством предлагаемого товара. Однако он совершенно бесполезен и продается. Что еще нужно женскому сердцу? В общем, встретимся в

«Отеле Уайта» примерно через полчаса или сорок пять минут. Если у тебя закончится вода, то в кране ее полно.

Алун, одетый, помимо всего прочего, в новый кашемировый свитер, выполнил почти все обещанное, но, перед тем как отправиться в паб, заглянул в «Книги Бридана». Вреда от этого не будет, решил он, а сидеть в пабе одному — радости мало.

Едва Алун вошел в магазин, как его узнали и бросились пожимать руку. Все покупатели хотели получить автограф, откуда-то неожиданно появился экземпляр его старой книги «С точки зрения кельта», и Алун непринужденно подписал томик. Из задних комнат посмотреть на Алуна Уивера вышла старуха в переднике с надписью «Уэльс, Бирдартир, "Книги Бридана"» (больше никакой связи с книготорговлей в ее облике не угадывалось). Он покинул магазин с книгой о бунтах «дочерей Ревекки»,[45] за которую с него не взяли денег, и подумал, что все его тревоги совершенно беспочвенны.

Паб постепенно заполнялся посетителями.

---

[45] Примечания: 45

Восстания в Южном и Среднем Уэльсе, которые подняли местные фермеры и сельскохозяйственные рабочие в ответ на несправедливое налогообложение.

Алун сел туда, где они с Рианнон сидели накануне, и оглянулся в тщетной попытке найти вчерашнего олуха в белой шляпе. В теперешнем своем состоянии он с удовольствием дал бы ему отповедь — одной левой, как какой-нибудь «черный пояс». Алун уже начал думать, что напрасно оставил приятеля наедине с бутылкой виски, когда в зал вошел Чарли собственной персоной. За последний час его лицо как будто слегка разгладилось, несомненно, благодаря успешной борьбе с похмельем. Выражение оставалось непроницаемым.

— Давай начинай! — коротко сказал Алун, когда они взяли выпивку и устроились за столом. — Не тяни.

— Ты хотел, чтобы я честно высказал свое мнение…

Алун опустил взгляд.

— Собственно, уже все ясно. Сколько страниц ты осилил?

— Двадцать страниц я прочел внимательно, остальные только просмотрел. — Чарли говорил с непривычной нерешительностью. — Должен сказать, что это всего лишь мое личное…

— Не нужно лишних слов.

— Извини. Ладно. Я понял, что ты пытаешься

сделать; думаю, замысел действительно стоящий, и… возможно, ты сделал все, что мог… Я не уверен, что его вообще можно осуществить, по крайней мере в восьмидесятые… не знаю. Но у тебя не получилось, во всяком случае, не получилось в том отрывке, который я прочитал.

— Так в чем хрень?

— Во всем. В тоне повествования, в подходе к писательству в целом. Я бы сказал, что это похоже на Бридана, вернее, не на самого Бридана, а манеру письма и мышления в общем, которая сосредоточена исключительно на писателе и уводит в сторону от основной темы. Не обязательно это быть Уэльсу, только все равно все на него сворачивают, и почему-то ни у кого не получается искренне. Уверен, ты честно старался отобразить то, что думаешь, и не играл на публику, но что вышло, то вышло.

Алун по-прежнему не поднимал глаз.

— Значит, все в помойку?

— Увы. Извини.

— Ты хочешь сказать, я уже не могу отличить хрень от не-хрени?

— Нет. Я хочу сказать, что если ты собираешься создать серьезное произведение о родных местах и о своих соотечественниках, то нужен совер-

шенно другой подход: будто бы ты не прочел ни одной книги. Ну, может, не совсем так…

Прежде чем Чарли произнес следующее слово, Алун почувствовал, что близок к обмороку; правда, раньше он никогда не терял сознание и теперь не мог сказать с уверенностью, действительно ли ему совсем плохо. Дурнота прошла через несколько секунд, во время которых с трудом удавалось удержать внезапно потяжелевшую голову — еще одно незнакомое ощущение. Вдобавок Алун внезапно вспомнил, кто такой Блетин Эдвардс: он появлялся на валлийском телевидении в конце шестичасового выпуска новостей и пару минут натужно острил по поводу пикантных происшествий, случившихся в Уэльсе за минувшие сутки. В очередь с Эдвардсом работал другой тип, у того деликатности и остроумия было еще меньше. Звали его вроде Говард Хауэлл, он был лет на тридцать моложе Алуна Уивера и не такой представительный на вид, а вот поди же ты — их перепутали. Спасибо *ин фаур!*[46] Мысли путались, но все же Алун с удивлением заметил, что Чарли не притронулся к выпивке.

— В общем, ту дребедень, что я накалякал, при-

---

[46] Примечания: 46
Большое *(валл.)*.

дется выбросить, а потом начать работу заново, вот и все, — тихо произнес Алун, стараясь говорить убедительно. — Согласен, можно насквозь пропитаться духом Уэльса, даже не отдавая себе в том отчета.

Чарли выпил.

— Извини, Алун, — снова сказал он.

— Да ладно, о чем речь! Ты только что спас меня от нескольких месяцев бесполезной работы. Думаешь, я бы предпочел, чтобы мою писанину одобрили, даже если она полное дерьмо? Если ты еще сомневаешься, то нет, нет и нет! Ладно, теперь, когда мы с этим разобрались, можно заняться серьезными делами. Давай еще по одной.

— Для выпивки нужно освободить место…

Оставшись один, Алун немного расслабился и решил больше не удерживать голову, если вдруг ей приспичит поникнуть. Мысли прояснились, однако в остальном дела обстояли хуже, и Алун сидел, убеждая себя успокоиться, раздышаться и, набравшись смелости, признать: попытка оказалась неудачной, о чем он и сам догадывался. Даже хорошо, что ему сказали об этом без обиняков.

Вскоре вернулся Чарли с двумя большими порциями виски.

— Сортир совсем не изменился. Моча по-преж-

нему не стекает, как положено, а болтается в толчке. Я вроде как слышал, что Перси и Дороти тоже приедут?

Алун хотел было ответить, но не смог, как ни старался: слова застряли в горле. Он беззвучно открыл и закрыл рот, моргнул и уставился на Чарли.

— Что случилось? Тебе плохо?

Прижав ладонь к груди, Алун отчаянно закивал и несколько раз сглотнул. Попробовал вытолкнуть слова вместе с дыханием — безуспешно. Хотя голова держалась ровно, а мысли были ясными и четкими, Алун немного испугался. Через мгновение он обнаружил, что вновь говорит легко и свободно:

— Отвечая на твой вопрос, Чарли: да, Перси и Дороти действительно приедут ближе к вечеру. Черт подери, что это было? Уф! Как-то слишком неожиданно!

— Принести тебе что-нибудь?

— Все уже здесь. — Алун схватил стакан и сделал большой глоток. Ему показалось, что он впервые видит и слышит, что происходит вокруг в пабе, к этому времени уже переполненном и шумном от громких голосов и взрывов смеха. — Ладно, как бы это ни называлось, повторения

нам не надо, так ведь? Хотя средство для подавления Уивера могло бы снискать популярность в определенных районах Нижнего Гламоргана и окрестностей…

— Ты побледнел.

— Неудивительно, учитывая, что редкая и смертельно опасная *Dorothea omniloquens ferox*[47] с минуты на минуту атакует нашу мирную и счастливую компанию. Вот ей бы пара приступов молчания точно не помешала бы! Помнишь, что говорили о Маколее[48] и его манере вести разговор?

Чарли по-прежнему смотрел на него с тревогой и раскаянием. Алун постарался успокоить приятеля. К тому времени, когда это удалось, он почти убедил себя, что после выходных возьмется за «Возвращение домой» с новыми силами. Сохранит название и уже отпечатанные страницы, там наверняка можно что-нибудь найти… Алун неплохо выпил в пабе с Чарли, затем они вернулись в коттедж, добавили еще по паре бокалов и

---

[47] Примечания: 47

Дороти, всех жестоко забалтывающая *(лат.)*.

[48] Примечания: 48

Маколей, Томас Бабингтон (1800–1859) — английский историк. Сохранилось высказывание, что слушавшие Маколея не имели надобности (а обычно и времени) вдумываться в его слова, чтобы понять их смысл.

пообедали маринованной рыбой с корнишонами и рубленым луком. Еду запили щедрыми порциями аквавита и светлого пива, отполировав «Бейлисом». Ликер они в порядке смелого эксперимента разбавили виски.

После обеда наступил естественный перерыв. Женщины отправились на прогулку, и Рианнон ворчала, что все-таки зря не взяла щенка. Чарли с трудом поднялся по ступенькам — грохот от его перемещений был слышен по всему дому, а может, и еще дальше — и лег спать на кровати в задней комнате. Алун задремал в кресле, как вчера после обеда, и ему приснилась Маргарет Тэтчер, которая говорила, что без него ее жизнь пуста и одинока. Вздрогнув, Алун проснулся и увидел, что какой-то бородатый тип беззвучно двигает губами (громкость предварительно выключили) и яростно рисует карикатуры на маленьком, размером с почтовую открытку, экране телевизора «Сони», который Уиверы привезли с собой.

Меньше чем через минуту вернулись с прогулки женщины, румяные и бодрые, полные решимости во что бы то ни стало выпить чаю. Алун сидел и слушал, как они смеются и переговариваются, хлопают дверцами шкафчиков

и бренчат посудой. В какой-то момент Софи выскочила из кухни и взбежала по скрипучей деревянной лестнице наверх, отвечая Рианнон через плечо. На Алуна она и не взглянула, словно он был незнакомцем, живущим с ней в одном отеле. На обратном пути, когда она торопилась вниз с пачкой печенья в руках, произошло то же самое. Алун знал, что Софи не хочет его обидеть или явить оскорбительный контраст с типично мужской бездеятельностью, просто ее поведение очередной раз подтвердило старую истину: женщины навеселе половину жизни, причем без всякого алкоголя. Дети старше двух лет навеселе все время, когда не спят. Мужчины — педики, конечно, не в счет! — после двадцати пяти никогда не бывают навеселе, даже если пьяны в стельку. «Скорее наоборот», — подумал Алун, услышав над головой тяжелые шаги.

Чарли вошел в комнату и молча уставился на Алуна с мольбой и упреком, словно залитый кровью воин, который в одиночку сражался с врагами. На самом деле никакой крови на нем не наблюдалось и выглядел Чарли вполне прилично, насколько это для него возможно. Алун вспомнил, что сегодня приятель и выпивал сравнительно мало: в пабе не просил то и дело

налить еще, а в самом конце подолгу — минут по десять! — сидел над пустым стаканом. Было ясно, что, если так пойдет и дальше, он не свалится с ног до поздней ночи. Алун предположил, что Чарли держится ради него, Алуна. Как трогательно!

Женщины принесли чай, а к нему — тосты с анчоусами и валлийские оладьи с изюмом. Печенье не подали — видимо, Софи с Рианнон съели его на кухне. Едва со стола убрали, его, словно в ночном кошмаре, пришлось накрывать снова — Дороти и Перси привезли большой бумажный пакет сконов,[49] клубничный джем, девонширские сливки и шоколадные эклеры. Дороти обрадовалась встрече с Уиверами и Норрисами, как военнопленный — воссоединению с близкими. После обмена приветствиями выяснилось, что для пяти часов вечера она непривычно трезва и, следовательно, продержится на ногах дольше обычного. С другой стороны, это означало, что Дороти не так быстро станет совершенно невыносимой, а возможно, даже отключится, не достигнув этого состояния.

Человек, незнакомый с Уэльсом и валлийцами, вряд ли мог бы представить Дороти вечернюю по

---

[49] Примечания: 49
Пшеничные или ячменные лепешки из недрожжевого теста.

Дороти теперешней. Со стола убрали во второй раз, из кухни принесли бутылку белого испанского вина. Слегка нахмурившись, будто бы не понимая, что происходит, Дороти следила, как Рианнон вытаскивает пробку и наливает вино в три бокала. После небольшого раздумья она осторожно взяла бутылку, уставилась сквозь очки на этикетку и внимательно ее изучила. Затем вслед за подругами бережно подняла бокал, выпила, и ее лицо приняло заинтересованное и довольное выражение: так вот оно какое, вино!

Алун наблюдал за ней с профессиональной неприязнью. Конечно, он сам порой переигрывал, но только в шутку или из мальчишеского озорства, а старушка Дот на полном серьезе старалась произвести впечатление. Впрочем, вряд ли — в таком-то возрасте, да еще в компании, где ее знают как облупленную! Скорее всего она просто продолжает вести себя как в те далекие годы, когда только начинала карьеру алкоголички и могла притворяться, будто напилась по неопытности. Что-то вроде устоявшегося ритуала.

— А давайте пойдем отдадим дань уважения гробнице Бридана, — предложила Софи.

— Когда я ее видел в последний раз, там была просто могила, — заметил Чарли. — Хотя с тех

пор его вполне могли перенести в мавзолей. Или в кромлех,[50] учитывая, что Бридан считал себя кельтом.

— Можно и пойти, я не против, — согласился Алун.

Перси повернулся к Дороти:

— А ты как думаешь, милая?

— Прекрасная мысль. Я не была на его могиле лет двадцать. Сейчас вот допью и пойдем.

— По-моему, кладбище при церкви закрывают в шесть, — сказала Рианнон.

Ее тон не оставлял никаких сомнений — Софи предложила пройтись не случайно. Алуну захотелось узнать, чья это была идея, ее или Рианнон. Впрочем, какая разница — главное, Дороти поймали на крючок, и ей придется обойтись без выпивки, пока они будут навещать могилу, если не дольше. Софи с Рианнон наверняка уже подыскали несколько открытых допоздна магазинов, и относительно трезвая Дороти не сможет устоять перед соблазном туда зайти. (Мужчины подождут в пабе.) Немного везения при умелом руководстве — и Дороти расстанется с бутылкой часа на два. А вот после…

---

[50] Примечания: 50

Один из видов мегалитических построек времени неолита и бронзового века.

Все встали и потянулись к выходу, говоря о том, что хорошо бы еще и прогуляться, раз уж собрались, и что идти всего-то несколько минут, а кое-кто успел обменяться знаками. Чарли интересовало, какое отношение к злокозненному плану имеет Алун, и тот попытался показать, что никакого. Перси, в свою очередь, молча наблюдал, как Дороти одним махом опрокинула бокал. Софи с Рианнон допивать не стали. Рианнон бросила на Алуна заговорщический взгляд, одновременно давая понять, что прятать от Дороти вино совершенно бессмысленно. Алун сразу представил, с каким удивленно-счастливым видом Дороти взирала бы на обнаруженную в холодильнике бутылку или с какой неловкой поспешностью вручила бы хозяйке странный, в форме бутылки, пакет, якобы едва не забытый дома.

Бросая вызов местному климату, летнее солнце заливало ярким светом пологий склон, где располагалось живописное церковное кладбище, открытое в это время года до семи вечера. Бридан был похоронен почти в самом конце ряда довольно новых могил в юго-восточном углу. Его могила ничем не отличалась от соседних: надгробие, поросший травой холмик с каменным бордюром вокруг, свежие цветы в стеклянных вазах.

Надгробная надпись была на редкость скупой: даты жизни и строка из Священного Писания. Казалось, здесь давно не ступала нога человека, словно кто-то пустил слух, что на кладбище смотреть особо нечего.

Все немножко постояли, изображая сдержанное благоговение. Одна Дороти выглядела как героиня фильма, скорбящая у могилы. Алун склонил голову, чувствуя на себе пристальный взгляд Чарли, и честно попытался думать о Бридане, которого несколько раз видел, а однажды провел в его обществе почти целый вечер. Алун неоднократно сравнивал характер поэта с луковицей: снимаешь слой за слоем, сталкиваясь попеременно то с отъявленным подонком, то с вполне приличным человеком, пока не доберешься до сердцевины. Вся загвоздка в том, что сейчас он уже не помнил и, конечно, не смог бы сказать навскидку, кто из двоих остался в самом конце. Та же проблема была и с творчеством Бридана: никак не разберешь, что это — талантливое шарлатанство или безнадежно ущербная работа гения. А может, оно вообще не стоит обсуждения?

Решив подать пример, Дороти стремительно повернулась и в сопровождении Рианнон и Софи

зашагала к воротам. Сбоку от них возвышалась небольшая насыпь, или Бриданов холм, который раньше именовался довольно безвкусно — бугор Бридана; впрочем, оба названия использовались редко и, как правило, в печатных изданиях. Молва гласила, что поэт приходил на холм, садился на корточки и долгими часами глядел на бухту. Эта выдумка могла бы сойти за правду, не будь вокруг множества куда более удобных мест для наблюдения. Впрочем, легенду подтверждала строфа одного из последних стихотворений, так что Бриданов холм прочно обосновался в научных трудах и в путеводителях.

Перси благодушно махнул в сторону насыпи:

— Хорошо здесь, правда?

— Кому-то пришлось побороться, чтобы это место не превратили в туристическую достопримечательность, — заметил Алун и торопливо добавил: — За что ему почет и уважение.

— Конечно. Я сейчас вспомнил, ты же учился в школе с Бриданом, так?

— Ну, тысяча людей могла бы…

— Да, но между вами есть личная связь. Должно быть, ты чувствуешь особенную близость, когда читаешь его стихи. Я хочу сказать, что ты ведь тоже поэт. Тут есть чему радоваться. Разве ты

не осознаешь, что понимаешь Бридана лучше других? Что ты постиг его душу?

— Не знаю, возможно, — пробормотал Алун, старательно отводя взгляд от Чарли, который шел рядом с Перси. На него Алуну тоже смотреть не хотелось.

— Ради Бога, не говори так пренебрежительно! — Перси изобразил такую мрачную торжественность, что Алун с трудом поборол искушение перебросить его через высокую живую изгородь. — Это чудесная привилегия, а не твоя личная заслуга.

— Понятно.

— Давай посмотрим правде в глаза: ты — творческий наследник Бридана. И дело не в очевидном сходстве. Ты же наверняка понимаешь, что вы с ним одной породы, что у вас общие корни?

— В крови каждого валлийца, несомненно, есть то, что объединяет его с…

Алан чуть было не запаниковал, услышав, как голос неумолимо приобретает натренированную интонацию, и умолк. Перси не стал настаивать на продолжении.

— Ладно, все будет как будет, — сказал он, видимо, решив, что пора заняться делами житейскими. — Увидимся позже, в пабе. Пока.

— Чертов мудак! — сказал Алун, когда они с Чарли смотрели, как высокий седовласый Перси спешит вниз по холму вдогонку за женщинами. — Он ведь издевался, да?

— Понятия не имею.

— Кстати, почему он такой загорелый? Ну да, он строитель, но это же не значит, что он день-деньской торчит на стройке. И вряд ли стройка где-нибудь в Марокко, иначе Дороти тоже бы туда поехала, а уж об этом-то мы бы наверняка узнали. Тут явно не обошлось без кварцевой лампы! Но вот почему? Ради всего святого, други мои, почему? — закончил Алун в проповедническом стиле.

Чарли с сомнением покачал головой. Четверка впереди уже добралась до торговой улицы, Перси шел с краю. Наверняка для того, чтобы удержать Дороти, захоти она заглянуть в винный магазин, подумал Алун. С этой целью Перси и присоединился к женщинам. К тому же он намного сильнее и в прекрасной физической форме, так что успеет перехватить жену, если та вдруг рванет через дорогу. Однако Алун сдержался и не стал выкладывать свои соображения Чарли, который произнес:

— Заметь, последние слова попали в точку,

хотел он того или нет.

— Но…

— Не знаю, что ты сейчас думаешь о творчестве Бридана. Более того, я уверен, ты будешь с негодованием отрицать, что следуешь по его стопам. Тем не менее твоя новая работа ужасна именно из-за его влияния. Я не говорю, что ты не смог бы испортить ее самостоятельно, но ты меня понял.

Алун промолчал.

— В пабе я не стал говорить слишком резко, но если ты хочешь, чтобы твое «Закрытие», или «Возвращение», или как там оно называется, получилось хоть сколько-нибудь приличным, то должен очистить текст от Бридана. Чтобы ни одно слово о нем не напоминало. Как бы ты к нему ни относился, нужно писать так, словно ненавидишь его и презираешь. Ты хотел услышать честное мнение, ну вот я тебе все сказал.

Алун ничего не ответил — они с Чарли как раз поравнялись с остальными. Те остановились поглазеть на витрину магазина канцелярских товаров; Перси рассматривал ее с особым интересом. В магазине продавались не только письменные принадлежности, но и фотографии местных достопримечательностей (включая сами-знаете-чей коттедж), безделушки для ка-

минных полок, кружки, пепельницы, шарфы и кухонные полотенца с символикой Уэльса в целом или Бирдартира в частности.

— В чем дело? — осведомился Алун, увидев, что все молчат. — Хотите что-нибудь купить?

— Мы думали, ты захочешь, — ответила Дороти с простодушной улыбкой.

— Да? За каким чертом я бы сунулся в эту мерзкую лавчонку?

— Ну мало ли. — Она перешла на шутливый тон. — Вдруг тебе нужно красивое полотенце — вытирать посуду, когда помоешь?

В другое время Алун, возможно, решил бы, что Дороти пытается его поддразнить, посмеяться над местным дурачком — может, неуклюже, но беззлобно, — и ответил бы в том же духе, однако сейчас он промолчал, заметив выжидающий взгляд Перси. Рианнон наверняка мечтала о горячей ванне и отдыхе; Софи просто топталась на месте, и Чарли, конечно, тоже. Алун решительно двинулся вперед, но Дороти преградила ему путь.

— Или бумага для пишущей машинки. Я заметила, ты вновь начал стучать по клавишам.

От злости у него прорезался голос.

— Тебе пора выпить! — почти прорычал Алун,

едва успев добавить: — Всем пора. Ради Бога, пошли уже! Давайте скорее! — Он повернулся к Перси: — А если ты хотел спросить, не собираюсь ли я заглянуть в коттедж моего великого предшественника, чтобы пообщаться с его тенью, то советую отказаться от этой затеи.

Все засмеялись — скорее вежливо, чем искренне. Алун получил незаметный, но довольно ощутимый толчок в спину от Рианнон — за то, что рассердился. У паба Перси сказал, что немного пройдется с дамами, а затем присоединится к Алуну и Чарли.

— После того как благополучно проводит Дороти домой, — заметил Алун, поставив на стол первые два бокала с выпивкой. — Вернее, в Даев коттедж.

— Где достаточно спиртного, чтобы удержать на плаву линкор, — сказал Чарли. — Или как минимум легкий крейсер.

— Знаешь, не я придумал этот культурный поход.

— Ничего страшного. Никто не умер.

— Я понял, за что меня все кусали. За то, что я вытащил их из дома.

Чарли посмотрел на приятеля:

— Не говори чепухи.

3

Большая часть вечера прошла относительно спокойно. Когда стали обсуждать ужин, все подумали (хоть и не озвучили), что Дороти могла бы поменьше выступать на людях, вслух же решили, что Рианнон ни в коем случае не должна готовить и потому никакой кумжи. Дороти, чувствуя недоговоренность — или просто по бестактности, — предложила взять что-нибудь навынос. Алун возразил, что еда в любом случае будет отвратительной, зато в ресторане по этому поводу можно хотя бы устроить скандал. Аргумент, при всей своей сомнительности, возымел действие. Расположившись вшестером в просторном лимузине Перси, где пахло необычно, но приятно — как на фабрике, выпускающей лекарство от кашля, — они покатили в сумерках мимо «Закусочной Бридана» и вверх по холму.

В ресторане, который они выбрали, проходил торжественный обед, с тостами и речами, однако перебираться в другое место было уже поздно. Дороти выглядела подавленной, говорила мало, и Алун подумал, что с ней обошлись слишком строго. Пусть теперь вздохнет свободно, особого вреда

не будет. Еда оказалась так себе, но не настолько, чтобы устроить скандал. И Алун, и Чарли хотели заплатить за всех, в итоге Перси успел взять счет первым. Почти всю обратную дорогу спорили, как называлось заведение, где они только что были. Впрочем, не все — сперва Рианнон, а потом и Софи с Чарли то ли задремали, то ли погрузились в молчание. Перси почти не вступал в разговор: он сосредоточенно гнал машину на сумасшедшей скорости. Даже когда Алун заявил, что валлийская кухня — просто испорченная английская, желающих возразить не нашлось.

В пабе Дороти завела обычную шарманку, но о чем она говорила — о льготах по уплате подоходного налога в Новой Зеландии или образовании будущего времени в разговорном русском языке, — никто не запомнил, да и не пытался. Так или иначе, она живо наверстала упущенное и уже через несколько минут стала совершенно невыносимой. Перси поднял жену на ноги, Софи ему помогала. Вдвоем они повели Дороти к двери, с трудом пробираясь мимо заторможенных фермеров.

— Отрадное зрелище, — заметил Чарли. — Чувствую себя прямо-таки аристократом.

— Пойду помогу, иначе Софи никогда не вер-

нется, — сказал Алун. — Тем более там будет на что посмотреть.

— Ты серьезно?

— На мой взгляд — чрезвычайно увлекательное представление. Кто-то…

— О вкусах не спорят.

— Увидимся через несколько минут.

Алун полагал, что Дороти быстренько загрузят в лимузин и увезут в город. Перси, видимо, тоже на это рассчитывал — и зря. Сперва Дороти объявила, что должна забрать из коттеджа забытый кардиган. Ее вроде бы отговорили. Тогда она сказала, что никуда не поедет, пока не попрощается с хозяйкой. В конце концов Дороти повела всех троих к коттеджу, спотыкаясь на темной «Тропе Бридана» и возмущенно отмахиваясь от помощи.

В пустой гостиной горел свет, наверху было темно: Рианнон легла спать. Дороти, которую всю дорогу предупреждали, что так и будет, почему-то нисколько не расстроилась. С озабоченным видом она прошествовала на кухню, вернулась с бутылкой рислинга, поискала взглядом штопор и снова вышла.

— Вы возвращайтесь в паб, — предложил Перси. — Дальше я сам. Право, не стоило себя

утруждать.

— Уверен, что справишься?

— Да, еще пара бокалов — и она угомонится. Я же говорю, проще некуда.

— Пожалуй, я тоже выпью, — сказал Алун. Ничего особенно интересного не предвиделось, но на всякий случай он решил задержаться. — Пить скотч в пабе хорошо, если не привык к чему-нибудь получше.

— На здоровье.

Перси прошел вдоль полок. Через минуту он удовлетворенно крякнул и выпрямился, держа книжку в мягкой обложке, на которой Алун прочел: «Сотри кровь с моих рук», затем плюхнулся в потертое кресло и еще раз довольно вздохнул. Когда Дороти вошла в гостиную и со смиренным молчанием вручила ему бутылку и штопор, он положил раскрытую книгу на ручку кресла и вытащил пробку, не переставая читать. Через некоторое время Дороти уже сидела у стола на случайно оказавшемся здесь стуле из кухонного гарнитура, не выпуская из рук стакана с вином. Ее молчание стало благостным, почти медитативным.

Налюбовавшись картиной, Софи повернулась к Алуну:

— Нам нужно в паб, к Чарли. Ты знаешь, о чем я.

— Сейчас пойдем. — Ему самому хотелось поскорее уйти. — Э-э… ты уверен, что справишься?

— Конечно, спасибо. — Перси перевернул страницу и поднял голову. — Славный вечерок. До встречи. — Многозначительно помолчав, он негромко обратился к Алуну: — Да, кстати…

— Что еще? — процедил Алун сквозь зубы.

— Не забудь, что я сказал тебе о Бридане. И о том, что ты его наследник.

— Не забуду.

— На том и стой, понял? Спокойной ночи вам обоим.

Как только они с Софи отошли на несколько шагов от коттеджа, Алун прошипел с тихим бешенством:

— Ну и сволочь этот Перси! Тупоголовый придурок! Мерзавец, скотина!

— В чем дело? Что он такое сказал?

— Ты же слышала! Еще он раньше сказал… Ладно, проехали. Он мерзавец, и все.

— Что он сказал раньше?

— Ради Бога, хватит! Не хочу сейчас это обсуждать! — прорычал Алун, сердито ускоряя шаг.

— Что Перси сказал о Бридане?

— Не важно. Нечего там обсуждать, правда.

Софи рывком остановила его.

— А со мной вообще обсуждать нечего! С кем угодно, только не со мной! — выпалила она со злобой. — Ты считаешь меня дурой, Уивер, правда? И всегда считал. Тебе даже лень притворяться! Ты ведь как молочник на развозе, а я — просто остановка на твоем чертовом пути! Очередная удовлетворенная покупательница! Что ж, приятель, спасибо тебе большое!

— Тише…

— А я-то думала, что значу для тебя больше других! Вот дурища!

— Ты прекрасно знаешь, что…

— Да тебе лишний раз взглянуть на меня лень!

Конечно, старушка Софи показывала характер не впервые. Необычной была только последняя фраза (или предпоследняя) и слезы. После небольшой борьбы она все же дала Алуну себя обнять.

— Ах ты, маленькая глупышка, — пробормотал он с нежностью.

Между «Тропой Бридана» и краем скалы, неподалеку от того места, где они сейчас стояли, находилась весьма удобная, заросшая травой, ложбинка. Алун прекрасно ее помнил, только совсем забыл, было ли у него время познакомить с

этим уютным местечком Софи. Придется действовать очень осторожно, чтобы словно невзначай подвести ее туда, решил он. Впрочем, не следует опережать события.

— Как насчет чмоки-чмоки?

— Не сюсюкай.

— Смотри, какая травка уютная.

— Нет.

Дело уже приняло интересный оборот, когда парочка услышала звук падения или удара, явно смягченный расстоянием, но все же вполне различимый за плеском волн. Шум донесся со стороны коттеджей ярдах в семидесяти — восьмидесяти от того места, где замерли в тени Алун и Софи. На втором этаже одного из домов — в Даевом коттедже, естественно! — вспыхнул свет. Быстро взглянув на Софи, Алун бросился туда.

— Нам нужно в паб…

— Потом, все потом! — перебил ее Алун. — Пошли скорее, мало ли что там могло случиться!

Софи чуточку замешкалась, но последовала за ним. Обратный путь к коттеджу они проделали совсем быстро. Сразу стало ясно, что произошло: Дороти вышла из туалета и свалилась с лестницы, а вдобавок перевернула стул, на котором стояли два пустых чемодана. Падение ее скорее

взбодрило, хотя она охотно согласилась, что бокал вина сейчас не помешает.

Когда выяснилось, что помощь не требуется, Софи сказала Алуну:

— Надо вернуться к Чарли. Он, наверное, никак не поймет, куда мы делись.

Алун посмотрел на часы.

— Знаешь, если подумать, то идти туда уже незачем, придем почти к закрытию. Ну, может, минут пятнадцать у нас еще будет, не больше.

— Во сколько паб закрывается? — поинтересовался Перси, не спросив, однако, почему Алун с Софи оказались в пределах слышимости, когда Дороти скатилась по ступенькам. — Разве в деревне пабы закрываются не раньше обычного?

— Значит, Чарли уже идет сюда.

— Он не любит темноту, — заметила Софи. — А здесь, на подходе к дому, очень темно.

— Ну, если он испугается, то всегда может позвонить, не так ли? — Алун говорил с веселым недоумением. — Не понимаю, чего…

— Сюда он не позвонит, только соседям, — вмешалась Рианнон. В махровом халате и вязаных тапочках, она присутствовала при разговоре с самого начала. — К тому же он не знает их номер.

— Господи, да тут идти всего ничего и людей

полно…

Дороти тоже все слышала и даже, кажется, отчасти поняла.

— Я пойду с вами. — Она наполнила бокал и осушила его одним махом. — Хочу глотнуть свежего воздуха. В жару здесь душновато, правда?

— А что там за соседи? — спросил Перси, бросив тоскливый взгляд на свою книгу. — Если это неподалеку, я могу сходить туда и позвонить в паб.

Рианнон объяснила, и он вышел вслед за Дороти и Софи.

— Как же мне не нравится этот тип! — сказал Алун. — Язва первостатейная! В общем, нам нужно было увести ее из пивной, а она не пожелала садиться в машину, все твердила, что никуда не поедет, пока не попрощается с тобой, вот мы и привели ее сюда. Только мы с Софи вышли, чтобы вернуться в паб, как раздался грохот и у тебя загорелся свет, ну мы и поспешили назад.

Жалкий лепет, подумал Алун, и ему стало не по себе: вдруг все объяснения, которые он придумывал, когда хотел что-нибудь скрыть, звучали так же нелепо? Весело пробормотав, что еще один стаканчик его не убьет, он налил себе виски, хотя пить не хотелось. Рианнон примостилась на стуле, где недавно сидела Дороти, и задумчиво

вертела в руках маленький, совершенно неуместный предмет вроде саше с шампунем.

— Почему ты передумал? — спросила она.

— Ты о чем?

— Почему ты решил не возвращаться за Чарли?

— О, я просто не обратил внимания на то, что уже поздно. Все как-то перепуталось. Погоди, я сейчас сбегаю отолью.

Наверху в туалете Алун поразмышлял о вещах, о которых не стоило говорить вслух, хотя многие давно перестали быть тайной. Его так и подмывало сбежать вслед за Дороти и Софи под предлогом заботы о Чарли, но тогда Рианнон решила бы, что он уклоняется от разговора. Алун мысленно чертыхнулся и мощно зевнул, едва не вывихнув челюсть. Затем вытер глаза туалетной бумагой и спустился вниз.

Алун знал, что из-за картонных стен Рианнон высморкаться не сумела бы неслышно, а уж тем более перейти из комнаты в комнату, и все равно неприятно удивился, застав ее в гостиной. Решив сменить тему, он сел рядом с пишущей машинкой.

— Удивительно, что Дороти поняла, о чем идет речь, в ее-то состоянии! Только в ресторане она…

— Должно быть, слышала раньше, что Чарли боится темноты. Впрочем, как все его старые друзья, включая тебя.

— Почему именно меня?

— Ты единственный, кому на все наплевать. Даже Перси кинулся звонить, а он ведь почти не знаком с Чарли.

— Честно говоря, не понимаю, из-за чего шум. До самой автостоянки улица хорошо освещена, а оттуда идти всего ярдов двести, если не меньше.

— Вполне достаточно, если тебе страшно. Вспомни себя в детстве.

— Вообще-то он давно вырос. Лично у меня создалось впечатление, что старина Чарли чертовски хорошо устроился. Все с ним носятся как ненормальные, а он и доволен.

— Может быть. — Рианнон сунула пакетик в карман халата. — Ты показывал ему свой новый текст?

— Да, он считает, что над ним еще работать и работать, как я тебе и говорил, помнишь?

— Ясно, — сказала Рианнон. — Ладно, заварюка я чаю.

— Замечательно, я тоже не откажусь.

Алун подумал, что выпить все-таки нужно, и схватил стакан с виски, но тут с улицы донесся

шум голосов. Поначалу он решил, что разговаривают посторонние, затем услышал Софи, а чуть позже — Дороти; оба голоса звучали странно и незнакомо. Был еще и третий, он подвывал пронзительно и жалобно, то затихая, то усиливаясь. Вдруг Алун осознал, что это Чарли, и вскочил. Рианнон выбежала из кухни, открыла входную дверь и встала на крыльце. Алун замер в ожидании.

Чарли был того землистого цвета, который у багроволицых людей означает мертвенную бледность. Плотно зажмурившись, он обеими руками прижимал ко рту грязный носовой платок в безуспешной попытке заглушить вопли. Софи с Дороти усадили Чарли в кресло, наперебой утешая, а Рианнон опустилась рядом на колени и гладила его по лысой голове. Когда он немного успокоился, Софи сбегала наверх, принесла коробочку с таблетками и дала одну Чарли. Алун стоял в стороне, всем своим видом показывая, что готов оказать любую помощь в пределах разумного. Дороти, чьи слова утешения превзошли все остальные по разнообразию, явно переживала лучшие минуты жизни, наслаждаясь собственной ответственностью и умением посочувствовать. Во всяком случае, так показа-

лось Алуну. Интересно, многое ли она вспомнит на следующее утро? Однако сильнее всего была мысль, что в загадочном состоянии Чарли виноват он сам, Алун.

Время от времени Чарли убирал платок, со стоном выдавливал одно-два слова и вновь закрывал рот. Он повторял, что сожалеет, дважды сказал: «Я думал, что справлюсь», и еще попросил позвать Виктора. Эта просьба совпала с возвращением Перси, который сообщил, что телефон в пабе не отвечает. Не успел он разобраться в происходящем, как Софи отправила его обратно, снабдив инструкцией, как позвонить в «Глендоуэр».

Следующие полчаса не происходило ничего важного или необычного. Перси вернулся и объявил, что Виктор уже едет. Два или три раза Чарли немного успокаивался и затихал, затем припадок возобновлялся. Дороти задремала на полу у кресла, свесив голову на грудь. Софи рассказывала, что они нашли Чарли у ограды автостоянки — он сидел там скорчившись и, судя по всему, не мог двинуться с места. Рианнон, стараясь не глядеть на мужа, раздала всем чай. Алун просто стоял и смотрел.

Приехал Виктор в черной куртке, черных брюках и такого же цвета рубчатом свитере с вы-

соким горлом; тщательно выбритое лицо ничего не выражало. Не глядя по сторонам, он подошел к Чарли, крепко обнял брата и не отпускал целую минуту. Затем выпрямился и выпроводил из комнаты всех, кроме Софи, попутно достав из кармана кожаный или пластиковый футляр размером с очечник.

На кухне, где почти в мгновение ока очутилась изгнанная компания, Перси сказал Дороти, что сейчас они будут только мешать и не лучше ли потихоньку отправиться домой. После того как Дороти выслушала и отклонила это предложение, Перси без тени недовольства извлек откуда-то «Сотри кровь с моих рук» и устроился под люстрой. Рианнон наконец мельком глянула на мужа. Этот взгляд сказал ему то, что он и без того знал, и все равно у Алуна перехватило дыхание. Было ясно, что Рианнон уже не изменит своего мнения, как бы он ни старался ее переубедить. Она сложила чашки в раковину и тихо вышла из дома, оставив дверь приоткрытой: может, звала мужа за собой, а скорее просто потому, что имела обыкновение не закрывать двери. Алун счел за лучшее пойти за ней. Сказать ему было нечего, однако рано или поздно говорить придется.

Ветра не было, и Алуну показалось, что темпе-

ратура в доме и на улице совершенно одинаковая. Из-за холма вышла луна, высветив клочки двора, на которые не падала тень от невысоких деревьев и чахлых кустов, где могла укрыться Рианнон. Он сделал несколько нерешительных шагов по садовой тропинке среди зарослей сорняков к низенькому заборчику, за которым склон холма так круто уходил вверх, что никому не пришло бы в голову начать подъем без достаточно уважительной причины. Вокруг не было ни шороха. Тяжело ступая, Алун брел по узкой дорожке вокруг дома, когда услышал рокот особенно большой волны, разбившейся внизу о берег, и одновременно заметил, что Чарли затих, — по крайней мере его голос не доносился ни сквозь стену, ни через переднюю дверь. Алун дошел до места, откуда просматривалась вся «Тропа Бридана», — по-прежнему никого. Немного помешкав, он осторожно поднял щеколду и вошел в дом.

Виктор и Софи тихо переговаривались, но сразу же замолчали и вопросительно поглядели на Алуна. Чарли сидел между ними, раскинувшись в неуклюжей позе, и спал.

— Можно войти? — спросил Алун.

Виктор молча кивнул.

— Похоже, успокоился, да? — Алун подошел к

Чарли, но не слишком близко. — Что… что вы с ним сделали?

— Ларгактил, — ясным голосом произнес Виктор, не отводя от Алуна ясных глаз. — Мощный транквилизатор. Вводится внутримышечно.

— Вот как?

— Да. Научиться колоть проще простого, пары минут хватит. Мы с Чарли договорились, что лекарство будет у меня. Очень разумно с его стороны. Он боялся, что по пьяни сам попытается сделать себе укол.

У Алуна достало ума не спрашивать, почему лекарство не доверили Софи.

— Что с ним такое?

— Он не сумасшедший, если это вас интересует. Кратковременная деперсонализация.[51] Приступ паники, вызванный невозможностью получить немедленную помощь. Представляю, как это страшно. Впрочем, и представлять не надо, правда?

— С ним все будет в порядке?

Неожиданно Виктор встал.

— Да, спасибо. Что еще вы хотите узнать?

---

[51] Примечания: 51

Состояние, сопровождающееся изменением или потерей чувства собственного «я». Длительная деперсонализация весьма мучительна и часто приводит к суицидам.

— Я чувствую ответственность.

— Конечно, — ласково сказал Виктор. — Вы ведь слышали, что Чарли боится оставаться один в темноте.

— Вы меня спрашиваете? Да, без особых подробностей.

«Педик, — судорожно подумал Алун. — Чертов гомик. Говномес».

— Я имею в виду, что не знаю подробностей, — добавил он вслух. «Педрила».

— Но кое-что вам известно, насколько я…

Виктор едва заметно кивнул в сторону Софи, ничем не выдав, что знает о ее связи с Алуном.

Алун понял, что от него ждут объяснений, и продолжил:

— Да, кое-что я слышал. Вполне достаточно, чтобы догадаться: Чарли будет чертовски хреново, если я оставлю его ночью одного. Ему, видите ли, не понравилась моя новая работа, заявил, что все содрано у Бридана, вот я и разозлился. «Да что он о себе воображает!» — подумал я. Захотел с ним поквитаться…

Он умолк, увидев, что никто не обращает на него внимания.

Виктор повернул голову и сказал с преувеличенной вежливостью:

— Да-да, конечно, ценю вашу откровенность. А теперь предлагаю заняться делом.

В первую очередь он сердечно поблагодарил Дороти и Перси за помощь и выставил их за дверь — довольно непривычный для Морганов способ уходить из гостей, как подумали бы некоторые. Затем сказал Софи, что она поведет машину Норрисов, а он сам поедет на заднем сиденье вместе с Чарли (тот во время всего разговора неподвижно сидел в кресле). Позже кто-нибудь перегонит его машину домой. У входной двери — Рианнон уже вернулась — Виктор сухо обратился к Алуну:

— Мистер Уивер, если помните, мы познакомились в ресторане, который принадлежит мне и моему брату. Боюсь, тогдашний обед был не слишком изысканным, но я искренне надеялся, что смогу предложить более достойное угощение. К сожалению, сейчас возникло много проблем с поставками и персоналом, к тому же, как вы, наверное, слышали, новая печь до сих пор работает с неполадками. В общем, я бы не советовал вам посещать наше заведение до особого уведомления. Мы просто не в состоянии предложить то, к чему вы привыкли в Лондоне. Думаю, вы меня

понимаете. *Нос да*.[52]

— Я скотина, — сказал Алун минутой позже. — Не надо говорить, что сейчас это уже не имеет значения; я хочу, чтобы ты знала — я все понимаю.

— Мне все равно, — ответила Рианнон. — Кстати, ты не мог бы лечь в комнате для гостей, раз уж она свободна? В спальне слишком узкая кровать, а я хочу выспаться.

Еще через минуту Алун подошел к столу, где возле пишущей машинки по-прежнему лежали его бумаги, вытащил из конверта «Возвращение домой», идиотски стараясь, чтобы жест не выглядел показушным, и приготовился разорвать всю стопку. Вдруг он подумал, что было бы неплохо подарить пару страниц какому-нибудь прижимистому ублюдку-издателю — пусть опубликует в студенческом журнале либо выставит на благотворительном аукционе, да и вообще, чем черт не шутит. Пощадив плоды собственного труда, Алун счел, что нет необходимости приступать к следующему пункту плана — уничтожению фотографии Дая с Бриданом. В конце концов, это всего лишь копия. Не стал он и запихивать свой

---

[52] Примечания: 52
Спокойной ночи *(валл.)*.

экземпляр «Полного собрания стихотворений» на полку между другими книгами, чтобы никогда его больше не видеть. Наверняка сборник пригодится, когда нужно будет написать очередную статью, подготовить беседу, да мало ли что, лишь бы имело отношение к великому поэту. Конечно, можно остановиться в любую минуту, было бы желание. Но Алун знал, что не остановится никогда.

8 — Чарли
1

— Лично я считаю, что все упирается в одно, — сказал Гарт. — Розовый джин. Спасибо, Арнольд. О чем это я?.. Ах да: валлиец ли он или нет? Проще простого.

— При всем уважении к тебе, Гарт, я не соглашусь, что это просто, — возразил Малькольм. — Можно быть валлийцем и одновременно порочить страну, и потому я с горечью вынужден признать: именно так делает Алун. Он…

— Извините, что вмешиваюсь, — перебил его коренастый мужчина с густыми усами, похожий на турка или даже ассирийца, — тип внешности, порой встречающийся среди валлийцев. Инженер-сметчик из городка Ньюкасл-Эмлин, он был приятелем старого Арнольда Сперлинга. — Вы, случайно, не преподавали английский язык в средней школе Святой Елизаветы? Много лет назад?

— Нет, — ответил Малькольм резко, как будто его слишком часто принимали за школьного учителя — Никогда.

— Простите, если ошибся, — сказал гость, нимало, впрочем, не убежденный.

Малькольм стоически продолжил:

— Одно дело написать в шутливом стиле газетную статью об айстедводе,[53] и совсем другое — выставить в смешном свете его участников. Я так считаю.

— Совершенно согласен, — кивнул Гарт.

— А когда вышла эта статья? — поинтересовался приятель Арнольда Сперлинга.

— Недели две назад. В одной из…

— Я лично считаю, что айстедвод — прекрасный повод для старых друзей встретиться и обменяться новостями. — Гость в поисках поддержки обвел собравшихся блестящими темными глазами. — Сам я туда уже лет сто не ездил, но когда-то бывал регулярно и, помнится, все время натыкался на людей, которых не видел по крайней мере с прошлого года. Постоянно. Или вы о международном айстедводе?

— Нет, — сказал Малькольм еще резче и в то же время чуточку растерянно.

— Тони Бейнбридж, — представился гость и,

---

[53] Примечания: 53

Ежегодный фестиваль валлийских бардов — певцов, музыкантов и поэтов, организуемый в Уэльсе с целью поддержания и развития национальных литературных и музыкальных традиций.

не вставая, протянул руку. — Мы вроде еще не знакомились.

Малькольм назвал свое имя без особой спешки, особенно после того как его переспросили во второй раз.

— А-а, — протянул Тони Бейнбридж, сощурив глаза, и хмыкнул.

Он почти вынудил Малькольма заткнуться, к чему Чарли, сидевший по другую сторону от Гарта, был наполовину готов. Есть у Малькольма одна беда, думал Чарли, впрочем, не у него одного: сам внимательно следит за разговором и ждет этого от других, не делая скидки на то, что они могли заскучать, сойти с ума, оглохнуть, поглупеть или напиться, не поставив его в известность. Вот и сейчас Малькольм недоуменно переводил взгляд со стакана Тони на свой. И это после шестидесяти с лишним лет жизни в Уэльсе, да и вообще на свете!

Прежде чем молчание успело затянуться, к столу подошел Арнольд Сперлинг, держа поднос с шестью порциями выпивки. Шестой стакан предназначался для Питера, который до сих пор не произнес ни слова, хотя при упоминании об айстедводе пару раз фыркнул. Паб открылся совсем недавно, но из-за низких туч и проливного

дождя казалось, что вот-вот стемнеет. И не важно, что по календарю лето еще не закончилось — у местной погоды всегда были свои соображения на сей счет.

Чарли самому не хотелось разговаривать. Вернувшись из Бирдартира две недели назад, он лишь второй раз вышел из дома без сопровождения. Большую часть этого времени под домом подразумевался «Глендоуэр», диван-кровать в находящейся там же квартирке и присутствие Виктора. Чарли почти ничего не помнил о событиях того вечера, но твердо знал, что в нужный момент Софи рядом не оказалось. Впрочем, он понимал, что сглупил, решив обойтись без ее помощи, и теперь не держал на жену зла. Тем не менее должно было пройти какое-то время, прежде чем он сможет ей доверять. Иногда Чарли задавался вопросом, сколько придется ждать.

— Я слышал, — сказал Гарт, понизив голос, но довольно отчетливо, — в Бирдартире тебя слегка прихватило.

— Всего лишь приступ головокружения. Как говорит Дьюи, ничего страшного.

Дьюи несколько раз повторил, что случай Чарли отнюдь не уникален и особо бояться нечего.

— Посоветовал расслабиться и отдохнуть, —

добавил Чарли, желая объяснить, почему в последнее время не появляется на людях.

— Он тебе что-нибудь выписал?

Хороший вопрос; интересно, какая хворь должна приключиться с человеком, прежде чем Дьюи сочтет нужным прописать лекарство? Не он, а некий друг Виктора однажды снабдил Чарли ларгактилом и шприцами. Да, это тебе не Грифф, который каждую зиму щедро потчевал детей Нижнего Гламоргана опиумной настойкой, чтобы не кашляли.

Но старина Грифф принадлежал к исчезнувшей ныне породе врачей, которые считали, что их работа — лечить.

Гарт прервал эти размышления в духе Питера, спросив:

— А что он сказал насчет твоего избыточного веса?

— Дьюи? Ничего. Я читал…

— Полагаю, ты сам занялся этой проблемой, так ведь?

— Что?

— Твои приступы головокружения — не что иное, как звоночки. Природа тебя предупреждает: больше нельзя продолжать в том же духе. Ты знаешь, что всего полстоуна лишнего веса значи-

тельно укорачивает продолжительность жизни? Семь фунтов! Мой метаболизм… мне повезло… твой метаболизм… тебе не повезло… бедняга Роджер Эндрюс… жир… сахар… соль…

Многие находили нравоучения Гарта нудными, только не Чарли, который считал их лишь малой частью огромного полотна. Жизнь состоит из скуки — во всяком случае, пока в ней все идет по-твоему. Сейчас Чарли слушал вполуха, чувствовал себя уютно и, позволив виски делать свое дело, перебирал в мыслях следующие несколько часов, которые должны были пройти в полной безопасности. Еще стаканчик-другой здесь, потом спокойное путешествие до «Глендоуэра» в сопровождении Питера, затем Виктор отвезет его домой. Там с ним будет Софи. Питер, видимо, тоже решил, что пусть события идут своим чередом, раз нет явных признаков ухудшения. Гарт углубился в подробности своей биографии, остальные говорили об Уэльсе.

Они неторопливо беседовали, пока не пришел Алун. Насколько Чарли помнил — вернее, как намекнул ему Виктор, — тем вечером в Бирдартире Алун повел себя не лучшим образом. Ну, с другой стороны, никто в здравом уме не положился бы на Уивера в серьезном деле. Может, до туалета он

доведет, но не дальше.

Алун мельком взглянул на незнакомца, затем посмотрел на него еще раз, уже пристально. С тихим ужасом Чарли заметил, что Тони Бейнбридж улыбается так широко, что его усы почти расплющились между носом и губами, а глаза полузакрыты.

— Привет, Алун! — поздоровался он с величественной самоуверенностью, задрав подбородок.

После трехсекундной паузы Алун с аффектацией, достойной провинциальных подмостков, изобразил целую гамму чувств: недоверчивое любопытство, которое чуть было не перешло в страх, смутное узнавание и, наконец, радостное благоволение, закончившееся крепким рукопожатием.

— А ты кто такой? — спросил Алун, однако было ясно, что он вспомнил Тони; еще чуть-чуть — и, может, даже назовет его имя. — Сколько лет прошло, тридцать?

— Что ты, меньше. Скорее пятнадцать.

— Понятно. Так где ты теперь обретаешься?

Тони Бейнбридж рассказал, где живет, и много всего в придачу, затем выслушал рассказ Алуна. Остальные молчали, лишь ерзали на стульях, стараясь не шуметь, словно присутствовали при

звукозаписи.

— Помнится, у тебя было две дочери, да?

— Точно. — Алун вежливо кивнул. — Одна замужем, другая — в Оксфорде.

— Надо же, в Оксфорде! Да, время бежит, не остановишь.

— Боюсь, я не совсем…

— Значит, у тебя дочь в Оксфорде. А я так и не обзавелся детьми. Алун, ты что пьешь?

— Нет, сейчас за мой счет.

Дверь открылась, в комнату вошел Таркин Джонс. На нем была толстая вязаная кофта, которую, как все знали, он никогда не снимает, в руках — развернутый лист бумаги с отпечатанным текстом, явно какой-то официальный документ. Тарк положил его на стол, вокруг которого сидели приятели, и бумажка оказалась прямо перед Питером. Никто не проронил ни слова, пока владелец паба переводил обвиняющий взгляд с одного лица на другое.

— Вот… вот до какой низости докатилась наша демократия! — произнес он с горечью, драматически выделяя слова. — Вы хоть представляете, какую мерзость мне только что доставила почта ее величества?

Конечно, никто не представлял. Гарт незаметно

подмигнул Тони Бейнбриджу, давая понять, что от него не ждут ответа на вопрос.

— Водное управление Нижнего Гламоргана, — продолжил Тарк все так же медленно, — желает в течение двадцати восьми дней, начиная с даты на почтовом штемпеле, получить сведения о том, сколько комнат заведения оборудовано водопроводом, какие устройства используются и примерное количество галлонов потребляемой воды в день. Для устройств, находящихся вне здания, смотреть на обороте листа. Примерное. Здесь я с радостью усматриваю каплю здравого смысла и человеческого понимания. Типы из этой конторы вполне могли бы потребовать информацию в числах до трех десятичных знаков. Но нет, они не настаивают. Приблизительные данные их вполне устроят. С точностью до джилла.[54]

Его выступление, казалось, полностью деморализовало всех слушателей, включая Алуна. Они молча следили за тем, как Тарк вращает глазами и склоняется над столом.

— Власть, вот в чем причина! — сообщил владелец паба громким шепотом, напоминающим рычание пумы. — Какой-нибудь мелкий чину-

---

[54] Примечания: 54
Мера объема жидкостей; равна четверти пинты, или 142 мл.

ша отлично проводит время, сочиняя все эти бумажки, разбрасывает их по району и пытается нагнать страху на жителей. И, спрашивается, как мне поступить? Что делать?

Алун развернулся к Тарку.

— Что делать? Если вы на самом деле не знаете, то Бог в помощь. Но я скажу, чего не надо делать, — по крайней мере в следующий раз будете знать. Не надо ходить с таким видом, будто вас собираются отправить в газовую камеру, и не докучайте нам получасовыми мюзик-холльными монологами, вместо того чтобы, как все нормальные владельцы питейных заведений, брюзжать о ценах на спиртное. Ясно?

Речь Алуна не только разозлила Тарка, но и ошеломила. Дрожащей рукой он схватил бумажку, начал задавать Алуну вопросы: как он смеет, что он имеет в виду, да знает ли он, с кем разговаривает, и все в том же духе. Похоже, Тарка не интересовали ответы и он — редкий случай! — действительно не знал, что делать. В конце концов Тарк пришел в себя. Во время своего дальнейшего выступления и всего, что последовало за ним, он упрямо, почти маниакально, держал руку с вытянутым средним пальцем на уровне глаз.

— Я не обязан терпеть всякое дерьмо, — произ-

нес Тарк с вернувшейся твердостью. — Тем более от второсортного псевдо-Бридана!

Позже Чарли не раз спрашивал себя, понимал ли Тарк в полной мере смысл своей реплики. Ухмылка Алуна не померкла от оскорбления.

— К вопросу о том, знаю ли я, с кем разговариваю. Не просто с жалким болваном, а с одним из тех идиотов, что губят Уэльс. Превращают его в балаган, место, где полно порея, лавербреда, церквей и замечательных старичков, которые разговаривают на собственном, весьма своеобразном, языке. Туристы иногда…

— Тарк, он тебя дразнит, — вмешался Гарт. — Не обращай внимания. Это шутка.

Тарк оставил его слова без внимания.

— Вон! — произнес он и указал пальцем на дверь, чтобы доказать серьезность своих намерений. — Все вон, и немедленно! Убирайтесь прочь!

— Ради Бога, Тарк, успокойся. Не знаю, что на него нашло. Лучше выпей.

— Вся ваша кодла! Начиная с вас, сквайр Уивер. Это касается и вас, профессор дешевый, чистоплюй и тупица Келлан-Дэвис. И тебя, крошка Гарт, давай пошевеливайся! И вы тоже, парочка пьянчуг! — Это довольно несправедливое опреде-

ление относилось к Питеру и Чарли. — Ты тоже, Сперлинг, и вы, мистер, не знаю вашего имени. Извините, вы здесь ни при чем, сэр, но буду признателен, если вы тоже уйдете. Будьте любезны.

Гарт сделал последнюю попытку:

— Мы просто…

— Вон! Если через две минуты не уйдете, я пришлю своих ребяток, они вам покажут. И заберите свое клубное барахло, слышите! Только попробуйте что-нибудь оставить, все спалю! Я столько лет мечтал от вас избавиться, наконец-то свершилось! Ладно, я тут подумал: утром заберете свой мусор, если решите, что он того стоит. А пока двигайте отсюда! Две минуты, ясно?

Под его хмурым взглядом приятели вышли шеренгой и столпились в коридоре под унылыми старыми фотографиями, среди рваных пакетов из-под одежды или обуви. Там языки развязались.

— Весьма недостойное поведение, — сказал Малькольм. — Алун, я тебя имею в виду. Непростительное! Уж ты-то должен был знать!

— Извините, терпеть не могу позерство, — оправдывался Алун.

— Зато с другим прекрасно миришься, — заметил Питер. — Спасибо, что оставил нас без паба.

— Я поговорю завтра с Тарком, — вызвался Гарт.

— Мы пошли, — решительно объявил Арнольд Сперлинг, и они с Тони Бейнбриджем удалились; после их еще долго не видели в окрестностях «Библии». Из бара донесся взрыв смеха, и Чарли заметил, что у раздаточного окошка стоит Дорис и разглядывает их компанию сквозь поднятые очки.

— Ужасно, когда образованный человек опускается до словесной перепалки! — продолжал возмущаться Малькольм.

— Я же извинился!

— Ах да, конечно, тогда все в порядке, — проворчал Питер.

— Знаете что? — вмешался Гарт. — Расходиться еще рано, нам всем не мешало бы выпить и, как говорится, взять паузу на размышления. Может, пойдем ко мне? Здесь совсем рядом. Ангарад уехала навестить мать, — добавил он. — Ей девяносто один год.

Последовала пауза, словно все размышляли об Ангарад, а быть может, о ее матери. Наконец Алун сказал с ноткой вызова в голосе:

— Отлично. Почему бы и нет? Я бы с удовольствием выпил. Спасибо, Гарт.

— А ты, Питер? — спросил Чарли. — Если только ты не…

— Согласен. Действительно, почему бы и нет?

— Мне нужно домой, — произнес Малькольм.

— Да ладно тебе! — повернулся к нему Гарт. — Ты же еще не бывал во владениях Памфри?

— Эй вы, старые зануды! — раздался сзади грозный голос Тарка, гулко отражаясь от стен. — Убирайтесь, да поскорее! Не злите меня!

Не оглядываясь, они поспешили в дождливую и ветреную мглу, которую лишь немного рассеивал свет от магазинов и домов да отблески на асфальте. Чарли представил, как тяжелые тела втискиваются в машины, внезапно загораются фары, откуда-то доносится громкое ворчание, стук захлопывающихся дверей и рев стартеров. Похоже, годы повернули вспять. Увы, нет, все осталось как прежде. Питер рядом шумно вздохнул и включил передачу.

— Чарли, все в порядке?

— Радуюсь жизни.

— Ох, ну ни хрена себе!

— Вот именно.

Оба замолчали. Мысли Чарли потекли в другом направлении. Он представил себе прибежище древних богов. Нет, не так: неведомые силы

угрожают первозданной твердыне древних, и ее страж, великан Тарк (бас), трогательно просит у патриархов совета *(«Ach, was muss ich?»*[55]*)*. В ответ самый прославленный из древних, Алун (баритон), надменно выговаривает Тарку за бесцеремонность (*«Vergessen nun Sie!»*[56]*).* Бурное объяснение между этими двумя, которое тщетно пытается успокоить юродивый, Гарт (фальцет), предваряет элегическую картину скорби и поражения. В кульминационном… В ритуалистическом монологе выдающейся красоты и силы *(«Heraus Sie alles sofortig!»*[57]*)* Тарк прибегает к сохранившемуся с незапамятных времен праву изгнать патриархов, велит им покинуть обитель, с радостью следит за их уходом и требует, чтобы они забрали свои многовековые реликвии. Действие заканчивается хором древних, который…

— Проснись, приехали.

Дом семейства Памфри, который Чарли никогда не видел раньше, стоял мрачный и темный. Скользкая мокрая листва устилала плитки садо-

---

[55] Примечания: 55
Что я должен? *(нем.)*

[56] Примечания: 56
Не забывайтесь! *(нем.)*

[57] Примечания: 57
Все вон отсюда! *(нем.)*

вой дорожки, и Чарли едва не упал, споткнувшись о разросшиеся плети роз или какого-то другого растения. Двое приятелей с трудом поднялись по шести закругленным каменным ступеням на крыльцо викторианского особняка, выстроенного в готическом стиле. Смутно поблескивали витражные стекла. Чарли несколько раз топнул по выложенному кафелем полу.

— Это точно его дом? — спросил он. — И где же тогда Гарт?

— Наверное, едет с Малькольмом. Даже он не решится идти пешком в такую погоду. Я имею в виду Гарта.

— А, ну, значит, нам повезло. К полуночи доберутся. Что, нет? Думаешь, Гарт не знает дорогу? Хорошо хоть ты помнишь. И все-таки он живет здесь, я чувствую. Мы еще не переступили порог, а у меня уже мурашки по коже. Как в доме мертвецов.

Питер запахнул поплотнее плащ.

— А вот и они. И Алун тоже. Кстати, как ты думаешь, он чокнулся?

— Нет, просто сыт по горло, потому что… Расскажу позже.

Сразу же по прибытии Гарт зажег лампу над крыльцом, затем еще две в прихожей. Обе были

довольно маломощные: тусклый свет не добавлял веселья мрачной комнате с тяжелой старинной мебелью и не давал возможности разглядеть вставленные в паспарту гравюры по стенам. Чарли заметил подставку с отслужившими свой век зонтами и тросточками. Когда все зашли внутрь, Гарт выключил свет на крыльце, включил на лестнице, ведущей на второй этаж, чтобы показать, где находится туалет, снова выключил и провел приятелей в заднюю часть дома.

В холодном помещении, видимо, давно не топили. Гарт включил маленький переносной электрокамин. Вскоре запахло жженой пылью; по мере того как металл нагревался, из прибора все чаще доносилось громкое пощелкивание. В комнате наличествовал диван и несколько больших кресел, теоретически пригодных для сидения, но выглядели они не слишком соблазнительно. Компания столпилась у серванта из неполированного черного дерева — там стояли бутылки и стаканы.

Это зрелище немедленно привлекло внимание Чарли и почти сразу вызвало недоброе предчувствие: на горлышках всех бутылок со спиртным — он заметил портвейн, херес, а также джин, виски, бренди и водку — были дозаторы, вроде тех,

что используют в пабах. Впрочем, он повеселел, подумав, что Ангарад не первая и не последняя жена, которая пытается ограничить мужа в выпивке, каким бы жестоким ни выглядел ее метод. Кассового аппарата тоже не наблюдалось, и когда очередь дошла до Чарли, Гарт незамедлительно налил ему двойную порцию виски. Воду наливали из наполовину пустой пластиковой бутылки, покрытой изнутри пузырьками воздуха бог знает сколько времени.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище, — произнес Гарт, когда все выпили. Никто не сказал, как у него уютно, и он продолжил: — Одно печально: вы бы ко мне так и не зашли, не будь скандала в «Библии». Кстати, думаю, не стоит особо расстраиваться. Завтра утром я туда загляну, выясню, как обстоят дела.

Неизвестно, удалось ли ему ободрить присутствующих, однако приятели, видимо, смирились с поведением Алуна — по крайней мере никто больше не возмущался в открытую. Через несколько минут Чарли бросил взгляд на Питера, и они вместе отошли к большому роялю, который по всем признакам находился *in situ*[58] со дня

[58] Примечания: 58
На этом месте *(лат.)*.

смерти Брамса. Фотографии самых разных размеров стояли на крышке инструмента и висели за ним на стене.

— Господи, ну и сборище! — пробормотал Чарли, переходя от снимка бородача в мундире с высоким воротничком к другому изображению. — Вряд ли это родители Гарта и Ангарад или их дяди и тети: снимали очень давно.

— Может, они фотографировались еще молодыми.

— Нет, не похоже… Взгляни вон на ту старую перечницу. Как ты думаешь, это ведь перья страуса? Когда их носили? Даже не во время Бурской войны, скорее в период войн с зулусами, в тысяча восемьсот восьмидесятых, да?

— Ну…

— Знаешь, мне кажется, все эти фотографии не имеют никакого отношения к Памфри. Скорее всего шли вместе с домом, как ковры и шторы. И с мебелью, судя по ее виду. Тут есть еще что-то… Ничего не чувствуешь?

— Ты о чем, Чарли?

— Такое впечатление, что здесь никто не живет. Нигде нет личных вещей. Конечно, вполне возможно, что эту комнату держат специально для гостей. В конце концов, не такой уж и старо-

модный обычай в здешних краях. Хотя больше напоминает историю с одним моим знакомым, Лайонелом Уильямсом, может, ты даже его знаешь. Однажды в Кинвер-Хилле он пригласил меня после паба к себе, выпить по стаканчику на ночь, так вот у него дома было совсем как здесь. Очень похоже. Я было подумал, что это семейное жилище, но, как выяснилось, его жена развелась с ним пятнадцать лет назад, а он продолжает жить в ее доме, квартирантом. И обстановка там была точно такая же. Представляешь? Как ты думаешь, может, Гарт и вправду здесь… э-э… жилец у Ангарад?

— Вряд ли, — довольно резко ответил Питер. — Глупость какая!

— Что? Да, конечно. Собственно, я не всерьез и спрашивал. Но, знаешь, тогда у Лайонела мне было не по себе. Очень гнетущая атмосфера.

Чарли закончил разглядывать фотографии на рояле и со стаканом в руке подошел к стене, где висело около дюжины снимков. В другом углу, рядом с сервантом, Алуну удалось выжать довольно сдержанную улыбку у Малькольма и визгливый смешок у Гарта. Чарли решил, что готовность развлекать Гарта — признак великого смирения. Или исключительного тщеславия, кто

знает. Как бы то ни было, он радовался, что Алун с ним и все остальные тоже. Для Чарли не существовало комнаты, где он согласился бы остаться один, хотя та в Бирдартире, где он читал работу Алуна, была неплохой и даже подарила ему обманчивую самоуверенность. Да, здесь ничего такого не случится. Он велел себе успокоиться и лишь мельком бросил взгляд на цветной снимок заката или рассвета в пустыне, укомплектованный верблюдами, пальмами и пирамидой. Чарли готов был поспорить на тысячу фунтов, что видел точно такой же на квартире в приморском Портказуле, где жил лет пятьдесят назад.

Возле следующего фото Чарли замер и уставился на него во все глаза.

— Господи, а это кто? В былые дни я и сам погулял бы с такой красоткой! Видать, упрямица, взгляни на ее рот! Уж она-то наверняка поступала по-своему. Всегда. Кто бы это мог быть?

Вдруг он заметил, что Питер опустился на соседний диван и смотрит в пол.

— Это Ангарад. Я никогда не думал… Мне и в голову не приходило…

— Что?

— Такой она была до болезни.

Чарли сел рядом с Питером и поставил ста-

кан на маленький восьмиугольный столик, предположительно восточного происхождения. Седалище тотчас же почувствовало неприятный холод или сырость от диванных подушек, обтянутых кожей или синтетическим материалом.

— Что с тобой?

— Так мне и надо, зря я сюда пришел. Ангарад была еще красивее, чем на фото, особенно когда я увидел ее впервые. Я оставил Рианнон из-за нее, а не ради Мюриэль… Мюриэль появилась позже. Я не хотел бросать Рианнон…

Лицо Питера побагровело, он схватился за грудь и шумно втянул воздух, как будто собирался заплакать.

— Принести тебе что-нибудь? — спросил Чарли.

— Просто посиди так, чтобы они меня не увидели. Спасибо. — Питер торопливо достал маленький цилиндрик и вытряхнул из него белую таблетку. — Побудь со мной еще немного, и все пройдет.

Питер положил таблетку под язык и теперь сидел неподвижно, с закрытыми глазами. Его тело подрагивало, а один раз лицо исказила гримаса, и он дернулся так сильно, что Чарли испугался — не умирает ли. Сам Чарли тоже молчал, не

убирал руку, на случай если Питер захочет за нее подержаться, и прислушивался к разговору остальных, чтобы вовремя заметить паузу или всплеск интереса к ним с Питером. Правда, он не знал, что в этом случае делать. Электрический камин негромко гудел. Действительно, вскоре к Питеру вернулся нормальный цвет лица, дыхание стало ровнее. Еще через минуту он открыл глаза, слабо улыбнулся, не разжимая губ — как всегда в последнее время, не хотел показывать зубы, — и глотнул из своего стакана. Питер пил виски с водой — с недавних пор он отдавал предпочтение этому пойлу вместо старого доброго джина (по его словам, джин нагонял на него тоску) и низкокалорийного тоника (в котором треклятых калорий все равно было не так уж мало).

— Уф, похоже, отпустило. На чем я остановился?

— Что? Ну, мы говорили об Ангарад. Ты уверен, что хочешь…

— Да. Мне гораздо лучше. Спасибо, что сидишь со мной, Чарли. Ангарад захотела… пожалуйста, Чарли, позволь мне рассказать! Так вот, Ангарад потребовала, чтобы я бросил Рианнон, если хочу встречаться с ней. Как ты справедливо заметил,

она умела настоять на своем. Конечно, такая девушка… ты, наверное, меня поймешь. И поймешь еще лучше, если учтешь, что все парни — эгоистичные мерзавцы, которые млеют, когда красотки обращают на них внимание. А вскоре Ангарад еще раз настояла на своем, только теперь она сказала, что мы не должны больше встречаться. Другой мужчина… в общем…

Он замолчал и уставился на пустой стакан.

— Принести еще? — спросил Чарли.

— Нет, Чарли, не уходи. Можно я допью твое виски?

— Хорошо, только не считай это прецедентом, ясно?

— Спасибо. Конечно, мне надо было вернуться к Рианнон, хотя бы попробовать, но я не мог смотреть ей в глаза. А еще трусил из-за работы, к сожалению, это легко понять. В общем, все банально, а потом я встретил Мюриэль. Не поверишь, она была подругой Ангарад. Это случилось задолго до того, как она заболела. Рак матки. В двадцать девять лет. Врачи хорошо поработали, все ей там удалили. Тотальная гистерэктомия — так, по-моему, это называется. Полностью разрушает гормональную систему. После операции я не видел Ангарад лет пять, а когда мы встрети-

лись, она выглядела почти так же, как сейчас.

Питер немного помолчал и продолжил:

— В те дни о раке матки знали чертовски мало. Я не говорю, что сейчас известно намного больше, но тогда считали: причина в половой распущенности — так это называлось. Думали, что она как минимум способствует возникновению болезни. Конечно, даже в то время я понимал: глупо брать всю ответственность на себя — и все равно думал, что моя доля вины тоже там есть; моя и еще одного-двух парней. Именно так. Всякий нормальный человек выкинул бы эту чушь из головы, если он не полный кретин, выросший среди чертовой кучи методистов, кальвинистов и пресвитериан. Ладно, Чарли, спасибо, что выслушал. Вряд ли ты знал об этом раньше.

— Да, кое-чего я не слышал. Всем было интересно, но о многом никто не догадывался.

— Говорят, что в Уэльсе невозможно сохранить тайну. Оказывается, можно, если она достаточно грязная. Все знают, какие у других длинные языки. Ну и ханжество тоже.

— Но ведь Мюриэль знала?

Питер рассмеялся:

— О да! Теперь я просто поверить не могу, что вообще на ней женился. Или что Мюриэль согла-

силась за меня выйти. Конечно, ей очень хотелось замуж. Она была не то чтобы девственница, но вроде того. Возможно, даже искренне считала, что не против быть третьей после Ангарад и Рианнон. Если так, пелена спала с ее глаз…

— …стремительно.

— И необратимо. Ладно, поделился с тобой, сразу на душе легче стало. Сколько это еще будет длиться — другой вопрос. О Господи, ну и зануда же я — ною, ною, ною… Пора вновь наполнить стаканы.

Наконец-то они встали с дивана, и Чарли спросил:

— А Рианнон знает?

— Думаю, да. Ну, может, не все, что я тебе рассказал. Мы с ней это не обсуждали.

— Само собой, понимаю.

Чарли не ждал, что все услышанное сразу уложится у него в голове. Есть предел тому, что старый дурак может усвоить за один вечер. С таким надо сживаться мало-помалу. Который час, Чарли понятия не имел, но чувствовал, что пора двигаться дальше. Еще по одной, и можно предложить Питеру перебраться в «Глендоуэр». От включенного электрокамина в комнате почти не потеплело, зато появился тяжелый запах

сырости, смешанный с вонью застоявшейся в цветочных вазах воды. Если Гарт не живет в этом доме, то где же тогда он обитает? Или он и вправду квартирант?

Питер и Чарли подошли к компании, когда Гарт спрашивал:

— Так, за чей счет пьем сейчас?

Словно по уговору, Алун и Чарли, а затем и Чарли с Питером переглянулись. Как обычно, честь озвучить то, что все думают, но не хотят говорить, досталась Малькольму.

— Извини, Гарт, я тебя не совсем понял. Что значит «за чей счет»? Мы же не в пабе.

— Конечно, дружище, конечно! — воскликнул Гарт, кладя руку Малькольму на плечо. — Просто с нынешними ценами мы не в состоянии позволить себе неограниченное гостеприимство. Хотели бы, но, увы, не можем. Кто платит?

Он обвел присутствующих вопросительным взглядом.

— Ну хорошо; раз так, я начну. — Алун по-прежнему выглядел ошарашенным.

— Вот и отлично! Двойной скотч, да? — Гарт дважды наклонил бутылку, остальные завороженно следили за ним. — Держи. Воду или содовую наливай сам.

— Хочешь сказать, что за это денег не берешь? Благодетель ты наш!

Гарт молча кивнул, устремив взгляд на карманный калькулятор.

— Не забудь добавить стоимость первой выпивки.

При этих словах Гарт отодвинул калькулятор, хотя не слишком далеко.

— Весьма неуместное замечание, Алун, — скорбно произнес он. — И ничем не обоснованное. В тот раз я налил вам в знак гостеприимства. Боже правый, неужто ты принимаешь меня за скрягу?

От неожиданности Алун поперхнулся первым глотком виски. Яростно кашляя, он со стуком поставил стакан, качнулся, сделал шаг и упал грудью поперек дивана, раскинув ноги на тонком ковре. Чарли подумал, что так точно изображать обморок от возмущения или гнева — уже перебор. Даже для Алуна. Тем не менее он наклонился над диваном. Питер последовал его примеру.

Алун шумно хватал ртом воздух и хрипел. Широко открытые глаза уставились в одну точку, однако не на Чарли или Питера, и не на Гарта, когда тот тоже склонился над ним. Тихо, но довольно отчетливо Алун произнес несколько бессвязных слов, потом у него дернулся рот, веки

опустились, и он затих навсегда.

— Похоже, все, — заметил Гарт.

— Что — все? — растерянно спросил Чарли.

— Похоже, умер. — Гарт, впрочем, ослабил галстук Алуна и расстегнул ворот его рубашки. — Да, боюсь, он преставился.

Спустя несколько мгновений Питер спросил, где телефон, и, узнав, отправился в прихожую. Малькольм шел за ним по пятам. Чарли помог Гарту уложить Алуна на диван в более или менее естественной позе. Не было никаких сомнений в том, что Уивер мертв.

Не прошло и минуты, как Питер вернулся.

— Уже едут. Малькольм пытается найти Рианнон. Так вот. Ну что ж…

Он неуверенно топтался в дверях.

— Выпей чего-нибудь. — Гарт как сел на подлокотник рядом с Алуном, так и не вставал. — И Чарли налей. Бесплатно. Вот вам и ирония судьбы. Давайте угощайтесь.

— Что с ним случилось? Кто-нибудь знает, что это было? — Чарли бросил взгляд на тело Алуна, от которого инстинктивно отошел за дальний угол серванта. — Было. О Господи!

— Сердце. Или инсульт. Хотя вряд ли сердце — мне показалось, что он не испытывал особой

боли. Конечно, все произошло в считанные секунды, но от сердца так не умирают. Обычно.

Чарли вдруг захотелось, чтобы Алун сказал: «Полагаю, ты имеешь в виду баранов и прочую скотину? Обычно». Он посмотрел на пустой стакан и налил себе тройную порцию. Кажется, вторую подряд.

— Ты не в курсе, у него в последнее время случались какие-нибудь приступы? — спросил Гарт. — Головные боли или…

Было что-то такое пару недель назад, но Чарли никак не мог вспомнить, что именно. Он мотнул головой. Пришел Малькольм и сказал, что не смог найти Рианнон. Еще он вызвался поехать с машиной «скорой помощи» в больницу и уже оттуда позвонить Рианнон, если, конечно, остальные не против. Больше никто ничего не предложил — приехала «скорая». Медики отказались подтвердить смерть Алуна, но и не сказали, что он жив. Они торопливо уложили тело на носилки и вынесли из дома. Малькольм поспешил за ними.

— Подумать только, всего десять минут назад он стоял здесь живой, совсем как мы с вами! — пробормотал Гарт. — Свежий ветер в Уэльсе затих навсегда.

Чарли кивнул. Он испытывал страстное же-

лание покинуть этот дом, прихватив с собой Питера, но уйти сразу было бы невежливо. Питер, видимо, чувствовал то же самое. Пришлось остаться, и они вновь подошли к серванту.

— Да, Алун любил выпить, — продолжил Гарт. — Уж тут-то не ошибешься. И наливать любил.

— Что?

— Постоянно наливал. Спиртное. Всегда предлагал выпить за его счет. Символично, что перед самой смертью он заказал всем выпить. Его последние слова. Ему бы понравилось.

«На самом деле перед смертью он возмутился тем, что ты берешь деньги за выпивку в собственном, как ты говоришь, доме. Это и были его последние слова, которые наверняка бы понравились ему еще больше», — ехидно подумал Чарли, но чуть смягчился, увидев, что Гарт вновь наполняет стаканы. Хотя, с другой стороны, надо иметь наглость, чтобы потребовать деньги сейчас, после того как Алун не смог раскошелиться.

— Как ты думаешь, может, ему стало плохо из-за ссоры с Тарком?

— Вряд ли. — Гарт поскреб пальцем подбородок. — Такое случается только в кино. Нет, он сам допрыгался. Во всей этой печальной истории

утешает одно: никто бы ничего не сделал. Ни он, ни кто-либо еще.

— О, замечательно! — вмешался Питер, который до сих пор хранил молчание. — Это, несомненно, смягчает удар. Можно даже сказать, нет худа без добра!

Он выждал, пока в комнате вновь воцарится атмосфера серьезности, — видимо, в надежде, что на прощание от него не потребуют выступить с речью.

— Ладно, мы пошли, если ты не против. Спасибо за выпивку.

Гарт звучно вздохнул и сжал обе руки Питера в своих ладонях. С ужасающей отчетливостью Чарли вдруг понял, что сейчас он призовет почтить память великого валлийца, однако прежде чем Гарт успел сказать хоть слово, за дверью комнаты раздался негромкий звук, даже не звук, а скорее вибрация. Гарт обернулся, отпустив руки Питера, и сверил свои наручные часы с настенными, которые Чарли раньше не заметил: они вполне могли бы украшать бильярдную в замке Дракулы. Трое приятелей замерли, словно в ожидании взрыва. Дверь открылась, и вошла Ангарад.

Чарли едва сдержался, чтобы не застонать от ужаса и безнадежности. На Ангарад было темное

бесформенное одеяние с высоким воротником и длинными рукавами, а сверху — плащ, который она очень медленно расстегнула, сняла и перекинула через плечо. В первый миг Чарли показалось, что он узнал девушку с фотографии, во второй — что она еще состарилась с их последней встречи. Ни его, ни Питера Ангарад не удостоила взглядом.

— Что-то ты рано, милая, — сказал Гарт, улыбаясь жене.

Ангарад ответила звонким голосом, который так не соответствовал ее внешности и мог бы принадлежать женщине в два раза моложе.

— Оставаться там дольше не имело смысла — она все равно меня не узнала. Если помнишь, все к этому шло. Я несколько раз повторила, кто я такая и как меня зовут, сказала, что я ее дочь… она слушала, да так ничего и не поняла. Ни слова. Ну, я и поехала домой. Та женщина, миссис Джеффриз, прекрасно за ней ухаживает. Я хотела посмотреть передачу «Самые знаменитые сады Англии», но ее лучше смотреть в цвете, а у матери телевизор черно-белый. Да я бы и сосредоточиться толком не смогла.

Ангарад тоже взглянула на часы и добавила:

— Я тебе звонила, но было занято.

— Да, понимаешь…

— Вижу, у нас тут вечеринка.

— Не совсем. — В голосе Гарта не было ни намека на злорадство или враждебность. — Алун Уивер свалился мертвым прямо на том месте, где ты сейчас стоишь. Наверное, когда ты звонила, Питер набирал «Скорую». Ну, собственно, и все.

— Понятно. — Ангарад приняла возражение к сведению и продолжила: — Значит, поминки.

— Вроде того.

Чарли пожалел, что рядом нет Малькольма: вот бы кто подробно объяснил, почему происходящее нельзя назвать поминками в полном смысле слова. Он молча наблюдал, как Ангарад, закончив снимать верхнюю одежду, натянула манжеты на испещренные коричневыми пятнышками руки и бросила взгляд на сервант — возможно, в поисках денег, которые Гарт должен был взять у своих клиентов.

— Ладно, пойду наверх. — И она, пожевав губами, направилась к двери.

— А у меня как обычно, — подмигнул ей Гарт с легким поклоном.

Что «как обычно»? Пятимильная пробежка? Диплом бакалавра искусств с отличием, выданный университетом Аберистуита? Курица с жареной

картошкой? Чарли решил не дожидаться разгадки и, увидев, что путь свободен, вывел Питера через прихожую на крыльцо. Дождь закончился, однако с деревьев и с карнизов по-прежнему капало. Небо почти прояснилось, стало намного светлее, чем когда они только подъехали к дому Гарта.

— Чарли, — произнес Питер, пока они с Чарли стояли на верхней ступеньке. — Я просто…

— Знаю. Слушай, я слишком пьян, чтобы вести машину, и ты тоже. На углу, где мы поворачивали, есть паб. Каким бы он ни был убогим, там наверняка продают выпивку. Пока ты займешься большущим стаканом виски, я мобилизую Виктора. Затем сандвичи и еще бутылочка в квартире рядом с «Глендоуэром», твою машину туда подгонят. Как тебе план, майор?

— О… хорошо. Я хочу сказать: в довершение всего…

— Конечно. Расскажешь позже. У ворот налево, потом ярдов восемьдесят до угла. Не больше.

9 — Питер
1

— Это Уильям, — сообщил Питер. — Он еще не оделся. Говорит, чтобы мы ехали сами, встретимся в церкви.

— Тоже мне новость. — Мюриэль примеряла перед зеркалом шляпку и двигала ее туда-сюда. — По-моему, я не доставала эту штуковину из шкафа с того дня, как Уильям окончил университет. — Она медленно повернулась, изучая свое отражение. — Как тебе?

Питер подумал, что большинство людей, увидев их с Мюриэль, задастся вопросом: какой злой рок соединил еще вполне привлекательную женщину, довольно стройную и ухоженную, с таким обрюзгшим и помятым старым недотепой? Конкретно по поводу шляпки он думал, что из-за едва различимой морщинки на тулье она выглядит так, словно на ней сидели. Впрочем, это сообщать было не обязательно. Питер сосредоточился.

— Хорошо, — произнес он, расширив глаза и несколько раз кивнув. — Очень хорошо!

— О, вот еще одна. Я ее вообще ни разу не на-

девала.

Бледно-розовый головной убор напоминал приземистый торт, украшенный накрахмаленной марлей или сеткой. Не найдя нужных слов, Питер кивнул медленно и оценивающе.

— Какая лучше?

Секунду он, как обычно, пытался угадать требуемый ответ, затем в голову пришла мысль, что, возможно, вопреки всей истории их отношений, Мюриэль сейчас и впрямь хочет узнать его мнение. Не помогло. Стараясь не ухмыляться при мысли о собственном коварстве, Питер произнес:

— Полагаю, некоторые женщины будут в шляпах, не так ли? Вообще-то я думал, что этот обычай несколько устарел, даже для свадеб. Конечно, я не слишком…

— В Англии уже давно не носят шляпки. В Лондоне их вообще не увидишь.

— Ну тогда…

— Да, но мы же не в Англии.

— Уверен, что все пройдет замечательно. Никто не будет против.

— Я не хочу оскорблять чувства аборигенок, попирая наследственные табу.

Давным-давно, во времена Суэцкого кризиса,

он находил эту реплику забавной, особенно кода услышал в первый раз.

— Думаю, ты зря беспокоишься.

К его сожалению, Мюриэль сняла шляпку в виде торта и положила на туалетный стол.

— А как я выгляжу без шляпы? Давай говори.

— Хорошо, — спокойно ответил Питер. — Ты выглядишь хорошо.

Да, сдается, она с самого начала не хотела надевать шляпу.

— Отлично. Значит, решено. Кстати, пора выходить.

— У нас еще есть немного времени.

— Это тот самый случай, когда нельзя опаздывать.

Питер немного удивился, услышав такое от Мюриэль, но не подал виду и сдержанно произнес:

— Ладно, я пошел за машиной. Спускайся, когда будешь готова.

Почти сбежав по ступенькам, он убедился, что главное сейчас — взять себя в руки. Если продолжать в том же духе и пуститься во все тяжкие, изображая мужа, который искренне хочет, чтобы его супруга выглядела лучшим образом, то как бы потом не пожалеть. Некоторое время назад, когда Уильям объявил, что женится на Розмари

Уивер, Питер словно родился заново. При одной мысли об их помолвке ему казалось, что он читает официальную реляцию о сокрушительном разгроме невезения в своей жизни.

Внизу, двигаясь с удивительной для человека с его весом и возрастом скоростью, Питер залез на поддельный чиппендейловский стул рядом с телефоном, повернулся и раскатисто пернул в огромное, нарисованное смесью краски и грязи зелено-лиловое лицо сбоку от лестницы. Слезая, он с радостью заметил на кухонном шкафу бутылку виски «Феймос Граус». То, что нужно. Питер сделал маленький глоток, затем еще один маленький глоток, даже не пытаясь себя уговаривать, что сегодня лучше воздержаться. Чарли утверждал, что шотландские горцы каждый божий день опрокидывают по стаканчику виски с утра пораньше. По крайней мере так Чарли говорил, заливая в себя примерно столько же, чтобы вытерпеть двадцатиминутное автомобильное путешествие на пьянку в Сент-Хиларис.

Стояло солнечное мартовское утро из тех, что в здешних краях вспоминаются чаще, чем бывают на самом деле. Воздух над побережьем был тих и спокоен. В такие дни лондонские садовники (и не только они), вспоминая родной Уэльс, говорят,

что там все растет быстрее: нарциссы, рододендроны, азалии, даже липкие почки на каштановых деревьях набухают на две-три недели раньше, чем в столичных парках и скверах. Солнце еще не поднялось высоко, и тени были длинными, а свет — ясным, но не ярким, как будто летним вечером. К маю от этой мягкости не останется и следа. Кумгуирт нежно мерцал в лучах солнца, и Питер подумал, что жить здесь не так уж и паршиво. Он размышлял об этом целых несколько секунд, пока заходил в гараж.

— Как я выгляжу? — спросил он у Мюриэль, когда та спустилась вниз.

— Вполне уместно для данного случая.

— Вообще-то я имел в виду пятна от крема или шоколада. Предпринимать что-либо существенное уже поздно.

— Нет, все чисто. Можно подтянуть галстук.

Затягивая узел галстука, Питер взглянул на жену и сказал:

— Да, без шляпы гораздо лучше.

Они сели в машину и поехали к городу. Питер думал о том, как они с Мюриэль обменивались репликами сегодня утром: в прихожей и еще раньше в спальне. Последние несколько недель они разговаривали довольно часто, с напускной

нормальностью, словно супруги-англичане в соцстране, которые из страха, что их подслушают, сговорились быть скучными. Но за показухой явно что-то скрывалось. Когда Мюриэль спрашивала его о шляпках, то почти не глядела в его сторону, и он тоже на нее не смотрел. Сам Питер получал искреннее удовольствие от некоторых моментов всего этого фарса, однако в удовольствии проглядывало что-то истерическое. Надо быть осторожнее, решил он.

— Им повезло с погодой, — заметила Мюриэль. — Дождей до завтра не обещают.

— Тепло, можно сидеть на улице.

И так всю дорогу, разговоры ни о чем, подумал Питер. И тут до него дошло: репетиция. Подготовка к статусу свекра и свекрови, превращение в скромных, добропорядочных и совершенно заурядных мужа и жену, которые всю жизнь ссорились, а под старость поладили. Конечно, было бы опасно в нужный момент просто притвориться примерными родителями жениха; требовалось нечто более серьезное. Если сравнивать с супружеской парой англичан в Восточной Европе, это был период перед заброской. На мысленном телеэкране в мозгу Питера возник человек из внешней разведки, по-модному отчужденный, но

с горящими глазами, который требовал, чтобы они с Мюриэль думали, чувствовали, видели сны как Дарби и Джоан.[59] И впрямь, эта новая манера разговора стала заметной, когда Уильям сообщил, что они с Розмари хотят пожениться.

— Надо же, кажется, что все случилось неожиданно, — сказала Мюриэль.

— В известном смысле — да.

— Удивительно, что мы даже ничего не обсуждали.

— Тут и обсуждать-то особенно нечего.

— А теперь уже слишком поздно, к какому бы решению мы ни пришли.

Питер понял, что для нее сегодняшний день значительно важнее всех предыдущих, тем не менее не удержался и, забыв о своем намерении быть осторожней, спросил:

— Откуда такая уверенность? Согласись, что мы еще в Уэльсе!

— О чем это ты?

— В Кайраисе жило одно семейство, Ингойд-Томас, по-моему, родственники отцова двоюродного брата. Так вот, у них была дочь по имени Глэдис, года на два старше меня. И она подцепила аме-

---

[59] Примечания: 59

Старая любящая супружеская пара в одноименной балладе Г. Вудфолла (1735).

риканца, уж не знаю, как это у нее получилось в те годы — примерно в тридцать седьмом. Дело дошло до того, что они решили пожениться, и все уже было готово к свадьбе. Я тебе не рассказывал эту историю, нет? В общем, накануне бракосочетания Глэдис позвонила моим родителям, и они тотчас сели на поезд и помчались в Кайраис. Тогда с этим было просто. Жаль, что я не поехал. Им пришлось употребить все свое влияние, чтобы мать Глэдис не сорвала свадьбу.

— У них получилось?

— Да, как ни удивительно, эти двое поддержали прогрессивную…

— И что бы старуха сделала? Как бы она сорвала свадьбу?

— Согласен, даже в Кайраисе в тридцать седьмом году никто не мог бы запретить дочери выйти замуж, но с матери Глэдис сталось бы устроить большие неприятности вместо маленьких. Самое интересное — причина, из-за которой она была против американца. Он был американцем.

— Я не глухая.

— Нет, я имею в виду, что это и есть причина. Во всяком случае, по старушкиным словам. Конечно, не слишком серьезное обвинение, но тот тип был до смешного настоящим американцем. Его

звали Ральф Фостер. Странно, всегда запоминаешь ерунду, которая тебя не касается. Профессор физики в Йельском университете. Видит Бог, в Кайраисе и в восемьдесят седьмом году делать нечего, что уж тут говорить про тридцать седьмой. Ральф был таким настоящим американцем, что помер от волнения на бейсбольном матче через несколько лет после свадьбы. Правда, Глэдис к тому времени уже устроилась в Штатах.

Сказав, что она внимательно слушает, Мюриэль перегнулась через спинку своего кресла, с трудом дотянулась до полки за задним сиденьем и взяла бело-голубую упаковку с бумажными салфетками. Затем медленно повернулась вперед и, поерзав, приняла прежнюю позу, как только Питер закончил рассказывать о смерти американца на бейсбольном матче.

— Я слушаю, — повторила она.

— Это все.

— Все? — Мюриэль опустила козырек над лобовым стеклом со своей стороны и уставилась в продолговатое зеркальце, одновременно пытаясь вытащить салфетку. — И что здесь интересного?

— Ну, просто сценка из валлийской жизни. Я думал, они тебе нравятся. Подпись: «В Уэльсе ничего не знаешь заранее».

— То есть ты имеешь в виду, что если бы я могла, то попыталась бы помешать Уильяму жениться на этой как-там-ее Розмари. Если бы мне хоть что-то пришло в голову. Иначе в чем смысл твоего рассказа?

— Нет-нет, что ты! Конечно, ты рада, что Уильям женится, и я тоже! Тем не менее Розмари родилась в Лондоне, а ты, как я заметил, к старости стала почти совсем валлийкой. Честно говоря, я даже удивился, когда ты сказала, что нельзя опаздывать. Прозвучало очень по-валлийски, нарочно так не скажешь. В церкви нужно быть вовремя.

Сидя рядом с ним, Мюриэль внезапно широко открыла рот и оскалила зубы — возможно, в невысказанном ответе, но скорее чтобы удобнее было промокнуть выступающие части лица салфеткой, которую все же ухитрилась достать. Она так и не сказала ни слова.

— Э-э… и все же какой линии ты придерживалась бы, если бы мы обсуждали брак Уильяма раньше?

— Не знаю, — ответила Мюриэль, продолжая смотреться в зеркало. — И вообще, глупо спорить об этом сейчас.

Не глупее, чем пять минут назад, подумал Пи-

тер. Конечно, он не ждал от Мюриэль признания, что от одной мысли о свадьбе единственного сына с дочерью бывшей любовницы своего мужа ей хочется его убить. Питер вдруг понял, что задал вопрос под влиянием опасной эйфории. Полегче, сказал он себе. Ради Бога, полегче.

Убрав невидимую соринку с губ, Мюриэль отложила салфетку и произнесла:

— Что-то в последние месяцы ты стал дерзким. Я бы сказала, больно прытким.

В ее голосе послышалось сдержанное одобрение, словно Питер выказал признаки начитанности или любви к животным.

Посмертное надругательство над телом, месть за то, что он радуется вещам, которые ей неприятны.

— Да, наверное, у меня чересчур приподнятое настроение — так приятно видеть Уильяма счастливым!

— Дело не только в Уильяме. Все началось гораздо раньше, еще до Рождества.

— Неужели? Ну, не знаю, в чем причина, — сказал Питер, даже не пытаясь ничего объяснить.

Если Мюриэль и догадывалась о причине, то предпочла не называть ее вслух. Они молча проехали по старому мосту, уже отремонтирован-

ному, мимо плавилен без крыш, вокзала, вверх по Стрэнду, мимо Музея изобразительных искусств Тревора Кнудсена, магазина «Маркс и Спенсер», «Глендоуэра», Королевского фонда Уэльса, площадок для крикета и регби, университета, обогнули больницу и повернули к Холланду.

— Питер, — сказала Мюриэль, когда они были в двух минутах от церкви, — я продаю дом.

— Что?

— Теперь уже точно. Уильям устроил свою жизнь — значит, мне больше незачем торчать здесь, в Уэльсе. Да, я собираюсь вернуться в Мидлсборо; если захочешь поехать со мной, тебе там тоже найдется место. Возможно, ты предпочтешь остаться здесь, обойтись, так сказать, собственными силами и не переезжать в солнечный Йоркшир, или Кливленд, или как он сейчас называется. Думаю, и это можно устроить. В общем, решай сам.

Вот тебе и показной семейный уют. Мюриэль говорила в деловой манере, может, чуть суше обычного. Питер подумал, что, если бы Уильям и шафер ехали с ними, как планировалось, это бы ничего не изменило, Мюриэль нашла бы способ сообщить ему новость перед самой церковью. До нее уже было рукой подать. Ко входу тянулись

ранние гости. Питер увидел Оуэна Томаса с семьей: они выходили из машины.

— Говорить больше не о чем, — продолжила Мюриэль. — Люди здесь разные, и хорошие, и плохие, а один-два мне даже нравятся, да только в этих краях я всегда буду чужой, и потому хочу что-нибудь изменить, пока не поздно. Я уезжаю. Дом выставлю на продажу в понедельник с утра. И все. Ясно? Никаких просьб, уговоров, отсрочек, компромиссов или каких-либо еще вариантов. Решение окончательное. Возможно, я опять заблуждаюсь и ты сам мечтаешь от него избавиться, но если я права, позволь дать тебе совет: начинай привыкать к этой мысли прямо сейчас. На твоем месте я бы повернула налево и припарковалась на стоянке у Холланд-Корт.

— Повернула бы…

— Сейчас она должна быть свободна.

Так оно и оказалось, но Мюриэль едва успела занять место матери жениха рядом с Питером, прежде чем их окружило семейство старины Тюдора Уиттинхема, включавшее, помимо его самого, жену, сына, дочь, зятя и двух внуков. Еще он прихватил замужнюю сестру с племянницей, решив, что ничего страшного, раз уж они гостят у него. Люди все прибывали, шли к церкви, толпи-

лись вокруг нее на широкой асфальтированной дорожке. Некоторые — вроде Перси и Дороти, Малькольма и Гвен, старины Бона Мобри с его страдающей артритом подружкой, нескольких типов, которых Питер смутно помнил по университету, работе и гольф-клубу, юнцов, точно или предположительно имеющих отношение к Уильяму, — приходили и уходили. Другие — Гарт, Шан Смит, Арнольд Сперлинг с женой, задавакой Эйрвен Сперлинг, и еще две незнакомые Питеру супружеские пары, мрачно одетые, молчаливые и наводящие тоску, — стояли рядом. Никого из родственников Питера и Мюриэль видно не было. Родня Мюриэль жила в Англии и, судя по всему, там и осталась; со своими двумя еще живыми братьями Питер отношений не поддерживал.

Суровый распорядитель, который всем своим видом показывал, что веселью здесь не место, проводил Питера и Мюриэль внутрь. Уже в последний момент Питер увидел у церковных ворот Рианнон и помахал ей рукой, но она, похоже, не заметила. Заминка вызвала недовольство распорядителя, и он нетерпеливо дернул головой, едва не уронив блестящий, напоминающий форму для пудинга, парик. Вообще этот тип держался так, словно пришел на похороны. Его поведение

вполне соответствовало настрою большей части прихожан, которые уныло глядели на родителей жениха в тайной надежде увидеть, как они икнут или споткнутся. Тем не менее Питер с Мюриэль благополучно дошли до переднего ряда скамей и присоединились к чете Норрис.

Насколько Питер помнил, раньше ему в этой церкви бывать не доводилось. Сквозь прозрачное стекло, которым заменили выбитые части витражей, проникало достаточно света, от чего все внутри выглядело ярким, чистым и совсем новым. Светлые деревянные детали показались Питеру знакомыми, имеющими отношение лично к нему, и он вдруг понял, что они напомнили ему мебель так называемого скандинавского стиля, который был в моде, когда они с Мюриэль поженились.

Появившиеся таким окольным путем мысли о тех днях и всем остальном, что за ними последовало, включая сегодняшний день, решительно не желали уходить. Собственно, это были даже не мысли, а смесь воспоминаний и чувств. В воспоминаниях, сильных, но туманных и будто смазанных, перед мысленным взором Питера представали Ангарад и Рианнон, а еще — Мюриэль и множество полузабытых лиц и мест,

которые он не смог бы назвать. Среди чувств преобладали два: раскаяние и жалость к себе. Оба чувства были хорошо знакомы Питеру, но он так и не научился с ними справляться. Сейчас, во время торжественной церемонии, ему не удалось взять себя в руки и в полной мере порадоваться свадьбе сына, о чем он мечтал с того самого дня, как узнал о намерениях Уильяма. Все действо обрывочно проходило перед глазами и сразу же отправлялось в прошлое, чтобы смешаться с остальными воспоминаниями. Как обычно в последние годы.

Большую часть службы Питер провел в состоянии, по многим существенным параметрам близком к скуке. Тем не менее, хотя главное почти не воспринималось, он сумел подметить немало занятных мелочей. Например, пение прихожан (хора не было, потому что кто-то уехал в отпуск, а у кого-то нашлись дела поважнее) звучало довольно убого, так как некоторые только открывали рот, а другие сильно фальшивили. В общем, все представление заслуживало доброго слова лишь потому, что, случись англичанам присутствовать на службе, они бы поняли: валлийцы вживую поют гораздо хуже, чем по телевизору. Возможно, Питер даже высказал бы это вслух, но

не стал себя утруждать. Чарли заметно выделялся из общего безобразия: он благозвучно, попадая в тон, спел гимны и неплохо справился с псалмом, куда более трудным для исполнения. Питер вдруг вспомнил, как много лет назад Чарли сбегал на репетиции хора то ли в Гарристоне, то ли в Эманьюэле, обещая, что обязательно вернется к половине десятого — выпить искупительную кружку пива.

Служба проходила очень помпезно — несколько священников, вышитые белые облачения, молитвы нараспев, — и Питер даже обрадовался, представляя, насколько это раздражает прихожан старой кальвинистской закалки, как вдруг заметил, что один из участников действа, которого он принял за женственного юношу, на самом деле женщина, молодая и довольно привлекательная. Вот черт! А он-то думал, что весь смысл валлийских традиций в том, чтобы не напороться на что-нибудь этакое. На него навалилась страшная усталость, желание скорее со всем покончить; правда, это чувство довольно скоро ушло. В самом конце, когда священник благословлял молодых, Питер увидел слезу на щеке жены и обнаружил, что она пытается найти его ладонь. Сочтя этот жест частью спектакля, он

тем не менее взял Мюриэль за руку и принял благожелательный вид — на случай если она вдруг обернется. Но Мюриэль так и не обернулась.

2

Зазвучал марш Мендельсона: в церкви нашелся органист (вернее, органистка!), который не взял выходной. Проходя мимо родителей, Уильям посмотрел на них. Ни один мускул не дрогнул на его лице, тем не менее сын ухитрился изобразить бесшабашно-виноватое признание собственной капитуляции. Питеру вдруг стало интересно: что Уильям думает о том, что думает мать о его женитьбе и о его жене? Рианнон улыбалась вполне дружелюбно, но не более того. Пора было уходить. Некоторые гости еще не встали со скамей и по-прежнему глазели на Питера. Вид у них был такой, словно они вообще не поняли, что тут произошло и зачем.

— Ну что ж, думаю, мы поженили юную парочку с большим вкусом, — сказал Чарли. — Не знаю, как ты, и не осмелюсь делать предположения, а я бы что-нибудь выпил.

Его слова или то, как он их произнес, несколько удивили Питера. Он пристально посмотрел на

друга и ответил:

— Да, я тоже.

Чарли коротко ухмыльнулся:

— Ужасно, да? Это все чертово новое снотворное, которое дал Дьюи. Утверждает, что совершенно потрясающее, не оказывает побочного действия на весь организм, то есть не тормозит его работу. Правда, сегодня мы обойдемся без снотворного. Слушай, если хочешь потом сбежать, можно опрокинуть по стаканчику в «Глендоуэре». Я-то там точно буду. Но с одним условием — не приводи с собой Гарта. В этот счастливый день… в день, когда типично валлийские чувства семьи и товарищества выражены наиболее ярко… наши мысли обращаются… к тому, чтобы вздернуть Гарта Памфри, члена Королевского колледжа ветеринарных хирургов, у входа в «Библию». О Господи, а вот и он!

— Кто-то должен все это сказать.

— Не обязательно. Хотя, погоди, наверное, должен. По ходу жизни много чего приходится говорить, верно?

— Меж тем у юного Гарта есть одно неоспоримое достоинство, как ты сам однажды отметил. Когда он рядом, точно знаешь, что не наткнешься на Ангарад.

— Я это говорил? Надеюсь, не всерьез. Прости, Питер.

— Глупости, ты был совершенно прав. Попал в самую точку. Особенно по отношению к сегодняшнему дню.

— Согласен. — На крыльце произошла небольшая заминка, и Чарли уставился себе под ноги. — Она была бы…

Он замолчал.

— Как мертвец на пиру? Да. Опять-таки точно подмечено. Знаешь, так странно…

— Что именно? Думаю, я могу…

— Впервые с того вечера у Гарта я…

— Потом поговорим. Но…

Толпа подхватила их и вынесла из церкви на залитый солнцем двор, где было полно людей: одни стояли на месте, другие куда-то спешили. Разговор пришлось прекратить. Подошли Софи и Дороти. Софи молчала и отводила глаза (кажется, заплаканные). На Дороти было какое-то нелепое светло-зеленое одеяние, явно самодельное, а в руках она держала кожаную сумку, в которую легко бы поместилась детская крикетная бита и щитки. Чарли толкнул Питера за выступ каменной стены и сдавленно охнул, ударившись лодыжкой о скребок для обуви.

— Э… я бы хотел, чтобы ты передал кое-что Рианнон, если у тебя будет возможность поговорить с ней наедине.

— Хорошо, — сказал Питер, уверенный, что знает, о чем пойдет речь. Его мысли по-прежнему вертелись вокруг событий в доме Гарта.

— Как тебе известно, свадебный банкет устраиваем мы с Виктором. Так вот, по некоторым причинам мы хотим выписать счет без всяких скидок, но в следующем месяце Рианнон получит возврат почтовым переводом, хорошо?

— О, замечательно! — кивнул Питер, мысленно расхохотавшись над несостоятельностью своей догадки. — Просто потрясающе!

— Виктор, то есть мы… мы подумали, что будет лучше, если ты ей об этом скажешь. Конечно, если тебе не трудно.

— Не премину.

— Отлично. Увидимся на банкете.

Чарли поправил лацканы пиджака и отошел.

Пока Питер стоял один, у него было время рассеянно понаблюдать за гостями. Они бродили по газону и дорожкам туда-сюда: кто-то кого-то искал, кто-то собирался домой. Уильяма обступили друзья, Розмари — подруги. Молодых родителей дети тащили в разные стороны. Пары постарше

выглядели в основном одинаково: безучастный пожилой муж и бодрая пожилая жена в очках и шляпке (да-да, шляпке, и свадьба здесь ни при чем, просто часть форменной одежды). Одиночки растерянно озирались, плохо понимая, что они здесь делают. Рианнон в сером платье с белым воротничком и очень толстый неулыбчивый брат Алуна (он приехал из Лондона, чтобы быть посаженым отцом) стоял у ворот. Рядом толпились тетушки и кузины из Брекончшира, сама Рианнон говорила, запинаясь, в микрофон, который держал приземистый человек в белом плаще, а вокруг них бегал фотограф. Питер мирно созерцал происходящее, пока не услышал знакомый голос:

— А теперь скажи, когда должен появиться малыш?

Гарт говорил в своей всегдашней манере, однако сейчас он куда больше обычного смахивал на валлийского комика.

— Никакого малыша не ожидается. По крайней мере я ни о чем таком не слышал, — ответил Питер, искренне сожалея, что не умеет с легкостью Чарли входить в образ.

— Неужели? Очень шикарно.

— Тогда уж стильно, — поправил Тюдор Уит-

тинхем, который стоял рядом.

Каким-то образом он ухитрился потерять всех сопровождающих и теперь зорко смотрел по сторонам, не желая, чтобы его нашли. На поджаром теле, идеально приспособленном для игры в сквош, не было ни капли жира. Поджарость распространялась на всю фигуру, включая голову, — по общему мнению, череп такого размера просто не мог вместить достаточное количество мозгов. Уиттинхем учился классом старше Питера, и в школе его звали Тюдор Столбоголовый.

— Шикарно, стильно — какая разница? — ответил Гарт, затем, понизив голос, обратился к Питеру уже совсем другим тоном: — Вчера вечером Тарк сказал, что сегодня надеется увидеть тебя в пабе, если найдешь время пропустить стаканчик. Ты ведь туда почти не заглядывал с тех пор, как бедняга Алун отдал концы, верно?

Он скорбно закатил глаза:

— Да, я там давно не бывал.

— Так вот, мы скучаем по тебе, Питер. А Тарк — особенно, я знаю. Он до сих пор ужасно переживает из-за того вечера, когда вытолкал нас в шею. Нет, он не винит себя в том, что случилось позже, мне удалось его убедить. Он больше горюет из-за того, что разругался с Алуном, когда тот был в

пабе в последний раз. Как ты считаешь, Тюдор?

— Несомненно.

— Тарк, конечно, не имел в виду, что мы на самом деле должны забрать из паба все наши вещи. Просто вспылил. Он сам почти что признался, когда я забежал к нему на другой день. Возможно, я вам рассказывал.

— Прекрасная была служба, а молодые просто светились от счастья! Надеюсь, они будут счастливы. — Тюдор обращался к Питеру, но явно укорял Гарта за то, что тот пропустил обязательные поздравления отцу жениха.

— О да, разумеется! — Гарт дал понять, что они с Питером обходятся без лишних слов. — Да, старина Тарк действительно уважал беднягу Алуна. Думаю, все его уважали. Заметьте, у каждого были поводы на него обижаться. Но если брать в целом, Алун был одним из лучших людей на свете.

Кто-то должен был это сказать, подумал Питер.

— Полагаю, да.

Тюдор бросил на него озадаченно-недоверчивый взгляд.

— По правде говоря, — продолжил Гарт, — не все его уважали. Взять ту статейку в «Уэстерн мейл», так называемый хвалебный отзыв. Отвратительная статья. Я бы сказал, пасквиль. Самый

настоящий пасквиль. В обзоре «Таймс» об Алуне тоже недавно упоминали, видели? Сейчас, погодите минутку. — Он потянулся было к нагрудному карману, но на полпути его рука замерла. — Ох, я уже убрал вырезку в папку. В общем… его можно было бы назвать последователем Бридана, если бы это звание не подразумевало определенной силы и жизненной… чего-то там. Очень гадко написано. Я сниму копию и перешлю вам.

Тюдор решительно произнес:

— Уильям и Розмари едут в свадебное путешествие?

Питер с удовольствием бы ответил, однако в эту самую минуту его утащили фотографироваться. «Надеюсь, Тюдор успел сполна насладиться свободой от семьи», — подумал он.

Участников процесса выстроили на солнцепеке у церковной стены. Питер хотел встать рядом с Мюриэль, но всем велели по-родственному обняться, и он передумал. С кем обниматься — с неулыбчивым братом Алуна, который неулыбчиво кивнул, или с Мюриэль? Она, впрочем, улыбалась, правда, по счастью, недолго. Питер не хотел копаться в их взаимоотношениях. Можно было сказать только одно: ни он, ни кто-либо еще уже ничего бы не исправил. Не так давно кто-то

говорил ему почти то же самое, вот только кто и о чем?

Фотографов (их одежда и прически демонстрировали полнейшее неуважение к торжественным событиям вроде свадьбы) было четверо — трое мужчин и девушка. Несколько минут они тщетно собирали вместе шестерых главных героев, затем велели им разойтись, потом поставили кого-то вперед, отогнав остальных небрежным взмахом руки. Питер подумал, что благодаря научному прогрессу они сделали раз в десять больше снимков, чем считалось нужным в прежние времена, и, судя по всему, собирались снять еще столько же. Им так проще, догадался он. Да и вообще, забавно помыкать группкой незнакомцев на законном основании. Он тоже бы не отказался, будь у него такая возможность.

Постепенно пришли к выводу, что нет необходимости продолжать фотосъемку, и она прекратилась сама собой, без обмена репликами. Вскоре всех пригласили в дом Уиверов, до которого от церкви было ярдов двести. Опершись на руку Уильяма и обнимая за талию Розмари, Мюриэль продефилировала мимо и повела парочку к воротам сквозь полукружье расступившихся гостей. Видно было, что она готовилась к маневру

заранее. Питера оттерли в сторону, и он оказался во втором ряду — между братом Алуна, которого звали Дунканом (во всяком случае, так сказали Питеру во время очень короткой встречи накануне вечером), и его неожиданно возникшей женой в традиционной шляпке и очках; ко всему этому великолепию прилагались ярко-красные губы и очень длинные зубы.

За воротами стояла Рианнон с какой-то тетей или кузиной, а Питер застрял рядом с ее деверем и невесткой — как выяснилось, надолго. Он всегда считал себя хладнокровным человеком и не помнил, чтобы когда-либо в таких обстоятельствах начинал разговор первым. Тем не менее после четырех минут в полном молчании он не выдержал и спросил женщину, планируют ли они с… э-э… Дунканом остаться на какое-то время или хотят вернуться в Лондон уже вечером.

Она с жадностью повернулась к Питеру:

— Мы должны вернуться вечером, обязательно. — Произношение выдавало в ней уроженку английского захолустья. — Потребовалась уйма времени, чтобы вытащить его хотя бы на одну ночь.

— Я полагаю, дела? — Питер смутно помнил, что Дункан имел отношение к какой-то финансо-

вой компании или строительному обществу.

— Шутите! Все дела в прошлом, уже года четыре, — сказала женщина с мрачным удовольствием. — Нет, просто его вообще никуда не вытянешь. Вот сейчас, мистер Томас, он всех пропускает, чтобы потом можно было тихонько войти в дом и ни с кем не разговаривать.

— Ах вот оно что! — пробормотал Питер, покосившись на Дункана, который ритмично пыхтел и покачивался с пятки на носок.

— Это он задумался. Он не любит, когда с ним заговаривают, потому что от него ждут ответа. Отсюда такой недружелюбный вид. Я предлагала ему носить слуховой аппарат: все знают, что общаться с человеком со слуховым аппаратом себе дороже, — но он не хочет. Мол, только внимание привлекать. — Женщина одернула затканный золотой нитью манжет. — Господи, как же долго! — Она повернулась к мужу и произнесла громко, артикулируя каждый звук: — Папочка, надо бы поспешить. Иначе нас потеряют. Ну, давай же, старина! Вот так!

Одновременно она отчаянно жестикулировала, показывая перед собой. Дункан кивнул и двинулся с места. Втроем они прошли через дорогу к переулку, который вел к дому Уиверов.

— Не знаю, зачем я до сих пор ему кричу. Наверное, привычка. Видите ли, он ничегошеньки не слышит — нервы отмерли с обеих сторон. Если не ошибаюсь, вирус — так мне сказали. Да. Рианнон, наверное, вам сообщила? — Жена Дункана даже не попыталась произнести «Рианнон» на валлийский манер, хотя наверняка не раз его слышала. — Я имею в виду упоминала.

«Почти наверняка», — подумал Питер.

— Да, — произнес он вслух.

— И сам Дункан ничего не хочет делать, если понимаете, о чем я. Не желает учиться языку знаков или читать по губам — говорит, смысла нет. А по телевизору передачи идут с субтитрами. Покушать, правда, он любит, посмотрите на…

Она на секунду замолчала, впервые за все время, потом продолжила:

— Знаете, я чувствую себя такой свиньей, что притащила его сюда, в незнакомую компанию, но я бы чокнулась, если бы хоть изредка не выходила в люди.

— Конечно, вам нужны передышки, — с трудом выдавил Питер. — Это вполне разумно и правильно.

Перед воротами дома Рианнон снова произошла заминка. Жена остановила Дункана,

положив руку ему на плечо.

— Послушайте моего совета, мистер Томас, постарайтесь не оглохнуть, — сказала она. — Было очень приятно с вами пообщаться. Ваш Уильям — очень приятный молодой человек. А теперь идите развлекайтесь. Мы сейчас тоже придем.

Дункан, чуть улыбнувшись, кивнул на прощание и в знак благодарности за то, что с ним не разговаривали.

Войдя в дом, Питер сразу же натолкнулся на Гвен: нагнув голову, словно собираясь броситься в атаку, она слушала величественного старого болвана в не соответствующем случаю зеленом костюме — должно быть, кузена Малькольма. Питер представил, как бы она хмурила брови и злорадствовала, перескажи он ей разговор с женой Дункана. Он огляделся в поисках Чарли и, не обнаружив приятеля, подошел к бару — столу на козлах, застеленному белоснежной скатертью и заставленному бутылками. Как ни удивительно, во многих были безалкогольные напитки — к счастью, не во всех. Румяный женоподобный юнец из коктейль-бара в «Глендоуэре» наливал всем жаждущим и, как выяснилось, прекрасно справлялся с работой. У стены, на складном металлическом стуле, сгорбился молодой че-

ловек совершенно другого типа — бледный, с расстегнутым воротничком. «Хорошее начало дня», — подумал Питер.

Он задержался всего на несколько минут, однако за это время большая часть гостей уже нашла себе место. Десятки людей бродили по саду, громко радуясь теплому дню и опрокидывая стакан за стаканом с такой скоростью, что было ясно — если они продолжат в том же духе, то вскоре попадают в цветочные бордюры. Питер наблюдал за происходящим из-за стеклянной двери и вдруг заметил Мюриэль. Ее лица он не видел, но узнал жену по наклону головы и тяжелой походке. В компании друзей Уильяма, у которых на двоих было не меньше тринадцати фунтов роста, она прогуливалась по краю лужайки и обернулась, чтобы осуждающе поглядеть на клумбу. Какое-то время она изучала зелень, словно не веря, что дела действительно так плохи, потом якобы сконфуженно отвела взгляд. Все это было Питеру настолько знакомо, что он мысленно застонал от отвращения. Мюриэль его не видела, и он почувствовал, что все-таки хорошо подловить эту старую стерву, пусть даже на мелочи. Словно хлебнул чего-нибудь горячительного.

Он отвернулся, чтобы заново наполнить ста-

кан, который таинственным образом опустел, и увидел неподалеку Рианнон. Она стояла еще ближе, чем Мюриэль, в кружке женщин и мужчин, поглощенных шумным разговором. Питер разглядел Софи, Шан и еще пару знакомых лиц. Остальных он не знал. Кто бы это мог быть? «А как ты думаешь, старый дурак? — сказал он себе. — Конечно, ее друзья!» Кто же еще? Но почему ему потребовалось время, чтобы это понять? Потому что он забыл, а может, никогда и не понимал, как мало люди значат в жизни других людей и как немного они знают друг о друге, даже если встречаются каждый день. После смерти Алуна и вплоть до сегодняшнего утра он часто думал о Рианнон и ее жизни, задавался вопросом, как Рианнон может водить компанию с Софи, Шан, Гвен, Дороти и, прости Господи, Мюриэль — сам Питер с давних пор считал, что они не годятся ей в подруги. А ведь есть еще и дочери, и лондонские приятели. Сейчас он, кажется, понял, хотя и далеко не все. Питер мог бы сказать, что о любви он тоже забыл, но справедливости ради пришлось признать: было в его жизни несколько недель, когда другой человек многое для него значил, и уж тогда-то он знал о Рианнон почти все.

В баре, где главенствовал Виктор, толпились

люди, и Питеру пришлось немного подождать. За это время он увидел, как человек с усами подталкивает локтем соседа, тоже с усами, но совершенно другой формы, и рассказывает о себе, похоже, забыв упомянуть, что он из тех добродушных стариканов, которым достаточно приветливо кивнуть, и они от тебя не отвяжутся. Очередь Питера еще не подошла, когда Виктор торжественно протянул ему из-за чьего-то плеча большой стакан разбавленного виски; его жест словно говорил, что все связанные с Алуном обиды остались в прошлом, и «да, кстати, не забудь передать Рианнон». Бледный юноша куда-то исчез, а на его месте вскоре оказался другой молодой человек в лице жениха.

— Пап, ты где прятался?

— Нигде. Просто я такой большой, что меня не замечают.

— Пойдем, познакомлю с ребятами.

Ребята оказались совсем рядом, в пяти шагах от выпивки, и Питер позже признал, что неплохо с ними пообщался. Его тронуло и удивило ненавязчивое внимание Уильяма, который дал отцу почувствовать, что знакомит его со всеми своими друзьями, но позаботился о том, чтобы рядом были самые словоохотливые и надежные — для

поддержания разговора. Через некоторое время они остались вдвоем.

— Она чудесная. Или ты знаешь? Она сказала, что почти не видела никого из вас в последнее время, то есть до сегодняшнего дня, — произнес Уильям без опаски, что их подслушают: вокруг было очень шумно.

— Да, такие, как она, встречаются редко.

— Точно. Говорят, что замечательно, когда поначалу не знаешь человека и не можешь с ним поладить, а потом узнаешь его поближе, и вот вы уже друг без друга жить не можете. Слышал?

— Да, доводилось такое слышать.

— Может, конечно, это и правда, но лично мне кажется полной чушью. В любом случае у нас с Розмари все было по-другому. Никаких раздоров или недомолвок. Господи, я только что понял, что это любовь с первого взгляда! Разве не смешно?

— Нет, — ответил Питер.

Последовало молчание, за время которого Уильям сделал большой глоток шампанского, вместо того чтобы упомянуть родительский брак.

— В общем, она замечательная девушка. Если хочешь с ней поговорить, то советую поторопиться. Мы намерены сразу после торжественных

речей сбежать. А то застрянем среди этих поддатых скотов.

— Конечно.

— Думаю, я сам немного пьян. Слушай, мы обязательно тебя навестим, как только вернемся. Честно. Прости, что я ничего не сделал, хотя обещал. Как раз перед встречей с Розмари, помнишь?

— Так это было в тот день?

— Из-за этого я и забыл про свое обещание. Я имею в виду после встречи с Розмари.

— Да, мне знакомо подобное чувство.

— Пап, как ты? Мы с тобой почти не виделись последнее время.

— Нормально. Помнишь, я тебе говорил о боли в сердце? Тьфу-тьфу, сейчас уже лучше.

— Ты же был там тогда… Ну, в общем, когда он умер?

— Был. Наверное, стыдно такое говорить, но я как-то быстро пришел в себя после его смерти.

— Должно быть, она тебя сильно потрясла. Я имею в виду когда это случилось.

— Да, ужасная история.

Уильям с военной точностью подставил бокал под струю шампанского из бутылки, которой обносили гостей.

— По крайней мере мне не придется с ним мучиться.

— А с ним особо и не мучились. Во всяком случае, те, кто не состоял с ним в браке.

— Все-таки Алун был мерзавцем, да? Конечно, я его почти не знал.

— Наверное. Чем дольше я живу, тем труднее называть человека мерзавцем. Гиммлер — несомненно. Эйхман — тоже. Конечно, он был не слишком хорошим другом. Я об Алуне. Чертов валлиец — этим все сказано.

— Ты действительно хорошо себя чувствуешь? Ничего не случилось? — спросил Уильям и пристально посмотрел на отца.

Питер не отвел взгляд.

— Ничего серьезного, честно. Да, ты прав, нужно найти твою жену, еще есть время. Поговорить, пока вы не уехали.

— В последний раз, когда я ее видел, она разговаривала в саду с моей тещей. О Господи!

Они перешли в столовую, где предлагалось обильное угощение: холодная ветчина, пирог с телятиной и ветчиной, разнообразные сосиски и колбасы. Кое-где виднелись миски со скучным на вид салатом и более подходящее к случаю ассорти из маринованного лука трех цветов,

маринованных грецких орехов, маринованных огурчиков двух размеров, кубиков маринованной свеклы, четырех видов чатни, трех сортов горчицы и шести — соусов в бутылочках. Одним словом, еда в лучших валлийских традициях, разве что консервированных фруктов не было. В резерве ждали груды сандвичей и бесчисленные сыры, а открытые бутылки с красным или белым вином, которое шло у Виктора по специальной цене, стояли в пределах досягаемости почти на всех горизонтальных поверхностях. Оба сорта вина пользовались большой популярностью после нескольких бокалов шампанского и четырех-пяти порций джина с тоником, особенно с колбасой, пикулями, чесночным хлебом, зеленым луком и водяным крессом. Виктор лично раздавал тарелки и столовые приборы и пытался призвать к порядку шумную толпу, которая начала подтягиваться к закускам.

Протолкавшись сквозь поток голодных гостей, Питер вышел в сад. Там почти никого не оставалось, лишь последние несколько человек спешили к стеклянной двери. Розмари была одна, но Питер, бросив на нее извиняющийся взгляд, подошел к Рианнон.

— Можно тебя? Меня просили кое-что пере-

дать.

— Надеюсь, ничего ужасного?

— Нет, что ты. Я просто хочу поговорить.

Они отошли в сторону, и Рианнон повернулась к Питеру со все еще смущенной улыбкой.

— Чарли просил передать, что они выпишут счет без скидок, но потом ты получишь по почте возмещение.

Она немного помолчала.

— А в чем причина?

— Понятия не имею. Думаю, что-то связанное с бухгалтерией. Какая-нибудь махинация.

— Ясно. Но это ведь не все?

— Нет, есть еще кое-что, от Алуна. Все в порядке, ничего ужасного, обещаю.

Рианнон стояла очень тихо, и Питер продолжил:

— Перед самой смертью, за несколько секунд до нее, Алун сказал всего два слова, но очень отчетливо. Он сказал: «Малышка моя». Чарли, должно быть, тоже слышал, только, по-моему, ничего не понял. Алун думал о тебе, он с тобой разговаривал. — Питер хотел взять Рианнон за руку, но постеснялся. — Он передал, что любит тебя.

— Может быть, — ответила Рианнон. — Наверное. Он называл меня…

Ее рот и подбородок дернулись, до боли ярко напомнив Питеру, какой она была в юности. Затем Рианнон подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— И это тоже еще не все, да?

— Мне больше нечего сказать об Алуне, но если ты не против…

— Погоди немного. Стой здесь.

Питер смотрел, как Рианнон стремительно пересекла лужайку и подошла к стеклянной двери, где стояла Розмари и еще какая-то молодая женщина. Спустя какое-то время он вдруг понял, что может показаться излишне любопытным, и торопливо отвернулся. Его взгляд упал на треугольник травы, еще влажный от росы, — солнечные лучи обошли этот клочок стороной. За ним, на заборе между участками, сидела растрепанная коричневатая бабочка и слабо шевелила крылышками в пятне солнечного света. Вдали, на сколько хватал глаз, раскинулся лес в пятнах молодой листвы.

Вернулась Рианнон и, глядя поверх плеча Питера, сказала монотонно и невыразительно:

— Спасибо тебе, Питер. Давай больше не будем об этом, ладно? Я еще не могу говорить об Алуне. Но все равно спасибо, что рассказал.

Она вновь замолчала, Питер вдруг понял, что не знает, с чего начать.

— Ты ведь останешься здесь, да? Или…

— Да, ненадолго задержусь. Наверное, нужно будет подыскать дом поменьше, где-нибудь неподалеку. Розмари с Уильямом собираются переехать в Лондон, но я…

— Неужели? Когда? Он ничего мне не сказал.

— Возможно, он пока ничего не знает. Осенью. Это все из-за адвокатуры Розмари.

Выражение ее лица подсказало Питеру, что лучше воздержаться от расспросов.

— Ясно. Может, имеет смысл тебе тоже перебраться в Лондон? Ты ведь столько лет там жила.

— Только не теперь, когда я вернулась сюда. Я хочу здесь остаться. Ты, конечно, думаешь, что это звучит глупо — я слышала, как ты говоришь об ужасном…

— Может, звучит и глупо, но это не так. Словами не объяснишь.

— Да, если человек не валлиец — объяснять бесполезно, все равно не поймет.

— И с валлийцами тоже говорить не стоит. Особенно с ними. Уэльс — это такая тема, которую лучше не поднимать, если, конечно, не хочешь натолкнуться на мошенничество, самообман и

сентиментальную чушь.

— Но можно думать об Уэльсе, тогда это правильно и хорошо, — с надеждой произнесла Рианнон.

— Да. Только думать и не говорить вслух.

— Угу. Значит, ты считаешь, что я правильно поступаю. На моем месте ты бы тоже остался.

Питер смутился. Рианнон смотрела своим особым взглядом, любящим, заботливым и одновременно встревоженным; так она смотрела, когда слушала его последнюю жалкую ложь о том, что у них все хорошо и она по-прежнему для него единственная. За спиной Рианнон он увидел Розмари — она явно по чьей-то просьбе направилась к одной из шляпоносных дам, которая вышла из дома, держа на уровне груди тарелку с едой. Внезапно Питера охватило беспокойство: как скоро некая особа без шляпы обнаружит, что на банкете нет ни его, ни Рианнон, и отправится на поиски, чтобы все изгадить? Он торопливо заговорил:

— Я, собственно, вот о чем… Мюриэль сказала, что теперь, раз Уильям женился, она может уехать из Уэльса, как давно хотела — или захотела только сейчас, не знаю, — и вернуться в Йоркшир. Она говорила об этом, когда еще не

знала, что Уильям переезжает в Лондон, иначе бы обязательно упомянула. И мне тоже придется ехать в Йоркшир. Как и ты, я не хочу никуда ехать, ведь я прожил здесь всю свою жизнь. И дело не только в этом, как ты только что сказала. Но у меня нет выбора. Дом и все остальное принадлежит Мюриэль, а у меня нет ни гроша за душой. Одна пенсия, которой едва хватает на хлеб. Понимаю, звучит не слишком возвышенно, однако трудно испытывать возвышенные чувства, когда ты в стесненных обстоятельствах и тебе под семьдесят.

— Ты ведь там не выдержишь, — с откровенной тревогой произнесла Рианнон.

— Придется. Не так уж все и плохо. Живы будем, не помрем.

— Все так говорят и никто не думает.

— Да, не хочется выглядеть нюней.

Рианнон нетерпеливо тряхнула головой, возвращаясь к теме разговора.

— Она не решится. Это слишком серьезный шаг в ее возрасте.

— Нет. Она уже дату назвала. — Питер говорил категорично, выделяя каждое слово. — Как ни ужасно, я должен уехать.

— Нет! Я-то верила, что мы снова начнем об-

щаться. Ты обещал, что позвонишь, но так и не позвонил.

— Я хотел, но не смог. Мне было стыдно.

— Я надеялась, что ты все-таки отважишься, особенно после того, как наши дети решили пожениться. Я так надеялась…

— После всего того, что я наделал? После того, как обошелся с тобой?

— Да. Мне было тяжело потерять тебя, а все остальное не имело значения, особенно когда прошло время. Разве я не говорила тебе об этом на приеме в «Гольф-клубе»? Ты, должно быть, не слушал. Господи, а может, я и впрямь ничего тебе не сказала. Ладно, я просто думаю, что ты всегда будешь… Не могу. Когда-то это было так легко, а теперь… Как будто говоришь об Уэльсе.

Медленно, давая Рианнон возможность отступить, и осторожно, чтобы никто не заметил, Питер протянул руку, и Рианнон взяла ее. Бросив украдкой взгляд, он увидел, что Рианнон пытается посмотреть ему в глаза. Да, она изменилась. Куда делся прямой уверенный взор?

— Давай я попробую. Может, ты так не считаешь, и было время, когда я сам об этом забыл, только я всегда тебя любил и до сих пор люблю, — сказал он с нежностью. — Прости, наверное, это

кажется смешным, ведь я такой толстый и мерзкий и характер у меня далеко не сахар…

— Позвони мне. Обязательно позвони! — Наполовину отвернувшись, она добавила: — Прости, я не могу больше разговаривать.

— Мне так много нужно тебе сказать.

Он вновь смотрел, как Рианнон уходит — не быстрее, чем раньше, и, уж конечно, не бегом. Она всегда отличалась от других женщин тем, что бегала только за автобусом, ну или в похожих ситуациях; нет, она была не из тех, кто выставляет чувства напоказ. Когда она подошла к дочери, та отпустила глуповатого вида собаку, которую держала за ошейник. Псина неуклюже прыгнула на Рианнон, едва не перекувырнулась и потрусила за ней в дом.

Держась на расстоянии, Питер последовал за ними, чувствуя себя, как никогда, пьяным. К тому времени как он вошел в столовую, гости смели почти все угощение, но еще оставались резервы. Питер отдал должное сандвичам, особенно с сыром и пикулями и с помидорами и яйцом, а щедрая порция красного вина помогла им отправиться в желудок, благополучно минуя зубы. Он мысленно дал себе слово, что больше не будет недооценивать Виктора, и громко произнес:

— Отличные сандвичи! Особенно с яйцом и пикулями.

— Похоже, я их еще не пробовал, — отозвался Гарт.

Едва Питер принялся за кекс и портвейн, как прошел слух, что через пять минут начнут произносить речи. Тотчас, как и положено, гости со старческими мочевыми пузырями или те, кто еще хоть немного соображал, устремились к туалетам. Мгновенно возникла очередь. В небольшой толпе у дверей туалета рядом с кухней Питер увидел Перси Моргана.

— Какой счастливый случай! — сказал Питер.

— Да, я только что об этом подумал, — слегка удивленно ответил Перси, отметив про себя, что от Питера нечасто такое услышишь. — Тебе повезло с невесткой. Я ее немного знаю, встречал вместе с ее матерью. Серьезная девушка. По правде говоря, совсем не похожа на отца. Терпеть не могу типов, которые треплются о валлийском наследии и всем таком. Не знаю, Питер, согласишься ли ты со мной, но, на мой взгляд, всегда неловко, когда кто-нибудь перегибает палку.

— Полностью с тобой согласен, я только что говорил…

— Конечно, я послушаю речи, а потом поеду

домой… Напоминает о прошлом, правда?

— Ты о чем?

— Об очереди, чтобы отлить. Сразу вспоминаешь вечеринки после регби. Во всяком случае, я вспоминаю. Она бросила пить через неделю после разговора с Дьюи.

Пауза между двумя последними предложениями была почти незаметной, и Питер подумал, что, наверное, отключился на пару секунд.

— О да! — сказал он, выдавив ободряющую улыбку.

— Печень, — продолжил Перси. — Если бы она еще пару месяцев продолжала в том же духе… — Он провел ребром ладони по горлу и издал громкий хрип. — Конечно, хорошо, что она бросила, только вот я оказался не при делах. Раньше я был типом, у которого невыносимая жена, а он великолепно с ней справляется, а теперь мне что делать, когда ее снова можно выносить?

— Понимаю. Ладно, пойду попытаю счастья наверху.

Наверху очереди в туалет дожидались Шан Смит, Дункан Уивер и еще один человек. Питер был почти уверен, что знает его, — возможно, сам и пригласил. Поразмыслив, Питер решил, что стоит рискнуть и подняться еще выше, на

последний этаж. Здесь коридор проходил через все здание, и Питер поднялся как раз вовремя, чтобы заметить, как полуголая светловолосая женщина с парочкой перекинутых через руку предметов одежды метнулась в дальнем конце и исчезла. Хлопнула дверь и щелкнул замок. Еще через мгновение открылась вторая дверь, из-за которой выглянуло лицо старины Бона Мобри. Он посмотрел на Питера и после секундного замешательства, вызванного обоюдным удивлением, скрылся в комнате. В общем и целом, Питер почувствовал, что надо спуститься вниз.

Внизу ничего не изменилось, разве что Шан перебралась к окну на лестничной площадке и стояла, перегнувшись через подоконник: видимо, дышала свежим воздухом. Впрочем, когда Питер подошел поближе и услышал звуки, которые она издавала, у него возникло несколько другое предположение. Дункан Уивер тоже смотрел на нее, правда, невнимательно — благодаря глухоте ему не пришлось менять первоначальную версию о глотке свежего воздуха. Второй раз за день Питер услышал громкий треск выпущенных газов — не утерпел Дункан, если только удивление и сердитый взгляд второго мужчины, который яростно затряс дверную ручку, не были превос-

ходной актерской игрой. Питер мельком подумал о странностях мира, где не слышны звуки.

Рядом с кухней по-прежнему была очередь, хотя теперь в ней стояли другие люди, и Питер вдруг вспомнил, что есть еще один маленький туалет у входной двери. По дороге туда он успел увидеть, как старый Арнольд Сперлинг вместе с шафером довольно энергично выставляют из дома Тони Бейнбриджа с левантийскими усами. Тот шепотом ругался и по-старомодному грозил кулаком, а потом исчез из виду.

Прозвучали речи. Попойка продолжалась, пока не закончилось спиртное. Ничего не осталось, даже вина. Виктор следил за тем, чтобы всю посуду, столовые приборы и прочее собрали, уложили в картонные коробки и отнесли в небольшой грязно-белый фургон. Питер стоял в компании гостей, но вдруг все исчезли, оставив его наедине с Розмари — Розмари Томас, как уже обращались к ней несколько раз, в том числе и он.

— Полагаю, вы будете общаться с мамой, — сказала она. Мочки ушей у нее были чуть полнее, чем у Рианнон.

— Да? То есть, конечно, буду, но откуда вы знаете?

— Она мне сказала. — Розмари посмотрела ему

в глаза и произнесла не совсем серьезно, хотя довольно впечатляюще: — Только ведите себя прилично, хорошо?

— Что вы имеете в виду?

— Не безобразничайте.

— Что? Разве я смогу?

— Приятель Алуна всегда найдет способ. Взять хотя бы сегодняшнее сборище. Вообще-то я имею в виду нечто более серьезное. Не разочаруйте ее. Если вы ее обидите, я вас убью, а Уильям поможет, ясно?.. О, Питер, думаю, вы не знакомы с Катрионой Семпл, она тоже изучает право в Оксфорде. Катриона, познакомься, это мой свекор.

10 — Малькольм

— Ну и как она там?

Гвен перевернула исписанный аккуратным почерком листок.

— О, замечательно, судя по письму. Приемы каждый вечер, полный дом гостей, выходные за городом… Городом? Каким еще городом?

— Вообще-то там довольно большой город, примерно как наш. У нее наверняка куча знакомых, и не удивлюсь, если среди них есть и состоятельные люди, даже в этот период упадка.

— Насколько я слышала, Мюриэль никогда не поддерживала с ними отношений. Ладно, давай дальше. Театр? О каком театре она пишет? В Мидлсборо? Вряд ли там есть что-либо достойное цивилизованных людей. Бега? В тех краях имеется ипподром?

— Понятия не имею, извини. — Малькольм, улыбаясь, развел руками. — Не моя епархия.

— Да-да, конечно, я просто подумала, может, ты знаешь. Наверное, она имеет в виду собачьи бега.

— Приятно слышать, что она вроде бы неплохо устроилась.

— Да, гордость у нее, видать, немереная, раз она из кожи вон лезет, чтобы произвести впечатление.

— Боюсь, я тебя не совсем понимаю.

— Если хочешь знать мое мнение, она слишком многословна. Оказалось, что новая жизнь не такая уж и веселая штука, что неудивительно, в той-то дыре! Но она сдохнет, а не признается, что сделала ошибку. Примерно так.

— Вполне вероятно. Что она пишет про Питера?

— Ничего особенного. Уверена, что поступила правильно, когда порвала с ним, она уже об этом писала, и если ты увидишь Питера, скажи этому ленивому поганцу, чтобы черкнул ей пару строк. Очень натянуто.

— Должно быть, она все же скучает.

— Ради Бога, ничего она не скучает, просто ей нужен муж как символ общественного положения. И еще Мюриэль не нравится, что он не уехал с ней, ведь официально они не в разводе. Некоторые женщины не любят расставаться со своим имуществом, даже если оно им не нужно.

— Удивительно, как ты смотришь на вещи. Я бы никогда не смог проникнуть так глубоко в ее мотивы. — Малькольм не заметил быстрый

взгляд, который бросила на него Гвен, и неуверенно продолжил: — Тем не менее ты думаешь, она сюда не вернется?

Гвен сдержанно вздохнула.

— Скорее Питер переедет к ней, чем она признает свою ошибку. Не возражаешь, если я первая пойду в ванную?

— Давай.

Оставшись один, Малькольм налил себе последнюю чашку чаю и закурил ежедневную сигарету. Откладывая в сторону «Уэстерн мейл», чтобы прочитать ее позже, он заметил раздел, озаглавленный «Валлийские новости», — меньше чем на четверть полосы. И это в ежедневной газете столицы Уэльса! Вопиющая несправедливость! Однако благородное негодование нелегко сохранять долго, особенно если тебе куда интереснее читать о полицейском скандале в Южном Лондоне и о перспективах английских крикетистов в Австралии.

Как обычно, сегодняшний разговор с женой за завтраком напомнил Малькольму застольные беседы в доме номер 221Б на Бейкер-стрит. Там тоже один герой регулярно давал благожелательные и подробные объяснения человеческих поступков, а второй демонстрировал наивность,

невежество, простодушие и неискушенность в светских вопросах. Но там второго героя терпели как любимого ученика и время от времени удостаивали подбадривающими репликами вроде «Отлично!» и «Браво, Ватсон!». К тому же нигде не отмечено, что половина сказанного Холмсом выделялась звуковым эквивалентом курсива, жирного шрифта или кавычек. Давно ли Гвен начала использовать этот прием? Или ей больше нравится разговаривать в стиле «Это именно так, и ты должен был это заметить»?

Малькольм взял письмо Мюриэль. Твердый крупный почерк, раньше он его не видел. Малькольму вдруг смутно и мимолетно захотелось, чтобы Мюриэль добилась большего, чем сейчас. В письме она пренебрегла традиционным обменом вопросами о здоровье и прочими условностями и сразу погрузилась *in medias res*,[60] дав подробное, хотя и не слишком понятное описание чьего-то визита к кому-то и где-то. Факты шли чуть дальше, и среди них Малькольм заметил то, о чем не упомянула Гвен: Мюриэль вместе с двумя подругами и дочерью одной из них собирается открыть в пригородном торговом центре кофейню. Рас-

---

[60] Примечания: 60
В суть дела *(лат.)*.

сказ о планах вовсе не выглядел мужественной попыткой скрыть тоску и одиночество, что бы там ни говорил чертов Шерлок.

Малькольм убрал со стола, загрузил и включил посудомоечную машину. С недавних пор ровное гудение перемежалось отрывистым тарахтением, и каждые несколько секунд машина резко вздрагивала. Поскольку больше никто ничего не ремонтировал, проще всего было оставить все как есть и ждать, когда агрегат сломается окончательно. С «Уэстерн мейл» в руках Малькольм прошествовал в туалет. Небольшая заминка, но никаких по-настоящему серьезных проблем, все в порядке, насколько он мог судить. Нет, не так. Все хорошо. Однажды Малькольм поймал себя на мысли о том, что на вопрос о самочувствии отвечает: «Все хорошо, насколько я могу судить», — хотя подразумевает: «Все хорошо», — и стал себя останавливать. Впрочем, кому это интересно?

Гвен почти закончила утренний туалет и, брызнув на затемненные стекла очков антистатиком, протерла их специальной салфеткой. Малькольм подумал, что в движении руки жены кажутся толстоватыми.

— Я возьму машину? Ты вроде собираешься в

«Библию»?

— Вполне возможно.

— Если увидишь Питера, можешь передать ему слова Мюриэль.

— Что? Ах да. Вообще-то он уже две недели как не показывался.

— Все-таки интересно… — Гвен села на пуфик лицом к мужу и посмотрела сквозь очки на свет. — Он когда-нибудь говорил, что платит за кров и стол? Делает, так сказать, вклад в хозяйство?

— Нет. Никто не спрашивал, даже Гарт. Считается, что Питер ненадолго остановился у Рианнон.

— Ничего себе ненадолго — три месяца! Удивительно. И это в Уэльсе! Под одной крышей с беззащитной женщиной — в Уэльсе! К тому же вдовой. Можно подумать, на дворе двадцатый век.

— Счастья им обоим — вот и все, что я могу сказать.

— Неужели? Я скажу то же самое. И представителям младшего поколения пожелаю счастья. Хотя, думается мне, юноша мог бы с тем же успехом работать в Лондоне. Да где угодно, лишь бы выбраться из этой дыры.

— Ну, не знаю, — нахмурился Малькольм. —

По-моему, место, где двое полюбили друг друга, не такое уж и плохое.

— И кого ты имеешь в виду?

— Ну… Уильяма и Розмари.

— Ах, ну да, конечно. Малькольм, милый, я только… я имела в виду, что, наверное, Уильям так считает — дыра, из которой надо выбраться. А мне и здесь хорошо, спасибо.

Она улыбнулась.

— Прости, — сказал Малькольм. Он забыл добавить звуковые кавычки, когда мысленно прокручивал запись со специальными голосовыми эффектами Гвен.

Она встала и обмахнула щеткой свой торс, обтянутый клетчатой тканью.

— Ладно, передавай привет Чарли.

— Передам, если он придет. Его тоже давно не было.

— Я очень тревожусь за Чарли, правда. В тот вечер у Дороти ты ничего не заметил, а я подумала, что он выглядит ужасно. Ужасно!

«Еще одна из особенностей Гвен — она не только понимает все лучше тебя в общем, но еще и лучше понимает твоих друзей, то есть людей, которых ты знаешь сто лет!» — подумал Малькольм. Эта мысль не раз приходила ему в голову.

— Чарли сказал мне, что вот уже год, как он плохо спит. Может, еще дольше.

— Ясно. Ладно, я побежала. Нужно высказать этой выскочке Эйрвен парочку замечаний насчет выставки альтернативной валлийской культуры в художественном центре Давида ап Гуилима.[61] — Удивительно, какое богатство звуковых выразительных средств требовалось Гвен для одной фразы. — А потом выпьем кофе и, может, по стаканчику лимонада у Шан. Пока!

Малькольм пошел ванную и наскоро почистил зубы. Теперь на это уходило еще меньше времени и сил — он сломал один из нижних зубов, с дуплом, когда откусил кусок ветчины на свадьбе весной. За бритьем Малькольм размышлял о том, что Гвен не вспоминала Алуна с самой его смерти. Поначалу Малькольм решил, что жена потрясена кончиной Уивера, однако время шло, а она все молчала. Вот уже несколько месяцев он подумывал, что мог бы подпустить косвенный намек, да только не видел в этом большого смысла.

Малькольм не знал, какое наказание или самонаказание Гвен налагала своим молчанием, но если она думала, что он подозревает ее в интриж-

---

[61] Примечания: 61

Давид ап Гуилим (ок. 1325 — ок. 1380) — один из величайших поэтов, писавших на валлийском языке.

ке с Алуном, и хотела устранить всякие сомнения, то ей это удалось. Тем не менее он не терял надежды: в один прекрасный день Гвен случайно упомянет имя Алуна, и не менее случайно речь зайдет об измене; тогда он и скажет, что это не имеет никакого значения. Однако он не очень-то верил в такую развязку. Вообще странно, как вето на одну-единственную тему способно вызвать запрет на многое другое.

Выйдя из ванной, Малькольм принес пластинки с джазовыми записями из гостиной, где они лежали бог знает сколько времени, и сложил в белый шкафчик у себя в кабинете. Прежде чем усесться за стол, выглянул в окно. Клочки неба, которые он разглядел за нагромождением крыш, были затянуты тучами, собирался дождь. Настоящая валлийская осень.

До выхода из дома оставался еще целый час, и Малькольм принялся за перевод длинной поэмы «Любимая Елена» Кинделу Маура ап Мадог Уладайдда, вернее, адаптацию; он не только внес некоторые изменения, но и придал главной героине облик Рианнон. Малькольм был рад, что она нашла любовь с Питером, ведь сам он ничего предложить ей не мог. Зато Рианнон подарила ему многое. Эта поэма — его поэма! — должна

была стать драгоценной данью единственной женщине, которая о нем плакала.